Министерство образования и науки РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (44)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2016

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 4 (44). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2016. – 232 с.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:
Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Ю.И. Александров – д.психол.н., проф. (Институт психологии РАН);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия);
Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); Е.Н. Волкова – д.психол.н., проф. (НГПУ им. К.Минина); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия);
М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); А.В. Мудрик – д.пед.н., проф. (МПГУ);
В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ);
Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); М.А. Родионов – д.пед.н., проф. (ПГУ);
З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва);
О.В. Трофимов – д.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2016

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 4 (44)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2016

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 4 (44). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2016. – 232 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.;
Yu.I. Alexandrov – D.Sc. (Psychology), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.;
H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.;
E.N. Volkova – D.Sc. (Psychology), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.;
L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.;
A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS;
Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .;
M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof .;
A.V. Mudrik – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.;
L.M. Popov – D.Sc. (Psychology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.;
M.A. Rodionov – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.;
G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics);
O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.;
S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Гаврилов А.И., Яшин С.Н. Предпринимательские инновации в системе обеспечения продовольственной безопасности регионов России 9
Головин В.А. Методические подходы к количественной оценке региональных экономических кластеров 17
Иванова Р.П. Корреляционный анализ процессов инновационной деятельности в легкой промышленности 27
Ильина Л.А., Смирнова С.Б. Оценка отдачи от получения дополнительного профессионального образования и приобретения новых компетенций для молодых специалистов 35
Перова В.И., Незнакомцева О.Ю. Исследование динамики социально-экономического развития регионов Российской Федерации 44
Пономарев А.А. Проблемы импортирования институтов на примере автомобильной промышленности России 52
Сироткина Н.Г., Щепара А.В. Организация закупочной деятельности в вузе 59
Яшина Н.И., Коробова Ю.С., Захарова Ю.В. Методика мониторинга инновационного потенциала промышленного региона 68

Социологические науки

Балабанова Е.С. О профессиональной культуре российского социолога 75
Зборовский Г.Е. Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе как объект социологического исследования 86
Осадчая Г.И. Теоретико-методологические основы социологического измерения динамики образа жизни россиян в условиях формирования новой евразийской социальной реальности 93
Мальцев К.Г., Зайцева Е.А. К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «социального порядка» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта). Часть 2: Децизионизм К. Шмитта 103
Попова С.В., Попов М.Е. Проблема формирования общероссийской национальной идентичности на Северном Кавказе 115
Прилуцкий А.М. «Сталинский миф» в религиозном и пararелигиозном дискурсах: проблема модальностей 121
Амбарова П.А. Родятся дети, и жизнь повторится сначала… Пожилое родительство как стратегия «преодоления возраста» 127
Гафизова Н.Б., Панкратова Е.В., Смирнова И.Н. Социальное самочувствие мужчин и женщин малого города (на материалах Ивановской области) 135
Запорожец О.Н. Цифровое подземелье: политики и практики пользования Интернетом в метрополитене 148
Зернов Д.В. Особенности вхождения молодежи в алкогольную среду 158
Митрофанова С.Ю. (Раз)очарование «участвующей» перспективой социологии детства: участвующий подход в исследовании детства и его критическое осмысление 167
Рябоконь М.В. Модели поведения абитуриентов при выборе вуза 177

Педагогические науки

Гусева Н.К., Никонов А.Ю. Особенности организации дистанционного обучения специалистов с использованием кейс-технологий (на примере работы кафедры медицинской экспертизы Нижегородской государственной медицинской академии) 186
Котельникова М.В. Об оптимизации содержания дисциплины «Линейная алгебра» для бакалавров-экономистов на основании анализа учебных программ ведущих российских вузов 192
Михайлова В.В. Использование интерактивных технологий в преподавании как средство формирования социальной адаптивности студентов старших курсов высших учебных заведений 199

Нестерова Л.Ю., Напалков С.В. Развитие клипового мышления у студентов в системе высшего образования посредством опорных граф-схем 207
Швец И.М., Мальцева А.А. Междисциплинарность: от межпредметности к инкультурации..... 216
Шкурко Ю.С. Реализация исследовательских проектов в небольших группах как технология обучения социологии..... 224

Авторы..... 230

CONTENTS

Economic sciences

Gavrilov A.I., Yashin S.N. Entrepreneurial innovation in the system for ensuring food security of Russian regions 9
Golovin V.A. Methodological approaches to quantitative evaluation of regional economic clusters 17
Ivanova R.P. Correlation analysis of innovation processes in light industry 27
Ilyina L.A., Smirnova S.B. Evaluation of the impact of getting additional professional education and new skills for young professionals....35
Perova V.I., Neznakomtseva O.Yu. Research into the dynamics of social and economic development of the Russian Federation regions....44
Ponomarev A.A. Problems of importing of institutions as exemplified by the Russian automotive industry 52
Sirotkina N.G., Shchepara A.V. Organization of procurement in higher education institutions 59
Yashina N.I., Korobova Yu.S., Zakharova Yu.V. Methodology for monitoring the innovation potential of an industrial region 68

Sociological sciences

Balabanova E.S. On the professional culture of Russian sociologists 75
Zborovsky G.E. Nonlinear dynamics of educational communities in a metropolis as an object of sociological research....86
Osadchaya G.I. Theoretical and methodological foundations for sociological measurement of the dynamics of Russians' way of life in the emerging new Eurasian social reality....93
Maltsev K.G., Zaitseva E.A. About the status and interpretation of decision in «social order» ontologies (M. Weber's transcendentalism and C. Schmitt's decisionism). Part 2: C. Schmitt's decisionism....103
Popova S.V., Popov M.E. The problem of formation of Russian national identity in the North Caucasus....115
Prilutskii A.M. The Stalin myth in the religious and para-religious discourse: the problem of modalities 121
Ambarova P.A. Children will be born, and life will happen again ... Mature parenthood as a strategy of «overcoming age» 127
Gafizova N.B., Pankratova E.V., Smirnova I.N. Social well-being of men and women in a small town (based on the materials of the Ivanovo region) 135
Zaporozhets O.N. Using the internet in the subway: policies and practices of the digital underground....148
Zernov D.V. Some peculiarities of young people's introduction to alcoholic environment....158
Mitrofanova S.Yu. The charm and disappointment of the «participatory» prospective sociology of childhood: the participatory approach in the studies of childhood and its critical evaluation 167
Ryabokon M.V. Behavior models of entrants when choosing the university....177

Pedagogical sciences

Guseva N.K., Nikonova A.Yu. Some peculiarities of organizing distance learning with the use of case-based technologies (on the example of the Department of Medical Examination of the Nizhni Novgorod State Medical Academy)....186
Kotelnikova M.V. About optimizing the content of the discipline «Linear Algebra» for Bachelors program students of economics based on the analysis of curricula of leading Russian universities 192
Mikhaylova V.V. Using interactive technologies for teaching senior-year students in higher educational institutions 199

Nesterova L.Yu., Napalkov S.V. Development of clip thinking in students in the system of higher education by means of supportive graph schemes 207
Shvets I.M., Maltseva A.A. Interdisciplinarity: from interrelation between subjects to inculturation 216
Shkurko Yu.S. Research project implementation in small groups as a method of teaching sociology to non-sociologists.....224

Authors.....230

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 33:316.422

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ

© 2016 г.

А.И. Гаврилов, С.Н. Яшин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

gai53@list.ru

Статья поступила в редакцию 06.09.2016
Статья принята к публикации 08.11.2016

Исследуется внедрение новых подходов в деятельности властных структур государственного и муниципального уровня при реализации организационных инноваций в решении вопросов интенсификации развития производства и продовольственной безопасности. Проведен комплексный анализ ситуации на продовольственных рынках страны, которые показывают устойчивые тенденции расширения их зависимости от импорта продовольствия на территории ряда округов центра России в целом. Даются организационные решения реализации инновационных технологий в обеспечении продовольственной безопасности регионов страны, основанные на активном использовании природно-климатической ренты и имеющегося потенциала территорий.

Ключевые слова: продовольственная безопасность регионов; инновации в социально-экономическом управлении; предпринимательские инновации в региональном и муниципальном менеджменте; природно-климатическая рента; продовольственная корзина; социальные обязательства властных структур.

Современные социально-экономические условия требуют нового переосмысления роли государственного и муниципального менеджмента в обеспечении качественных показателей снабжения продовольствием населения регионов и муниципалитетов.

Анализ продовольственного обеспечения регионов страны показывает устойчивые тенденции зависимости продовольственных рынков от импорта ресурсов на территории ряда округов России. При этом все большую долю в ассортименте и номенклатуре продукции занимают овощи, ранние клубнеплоды, бахчевые культуры и зелень, которые на текущий момент поставляются торговыми сетями в основном путем закупок по импорту. При этом наблюдается зачастую совершенно безответственное отношение местных властей к решению данной задачи за счет местных ресурсов.

К началу текущего года доля импорта составляет 68–75% среднегодовой продовольственной корзины овощной продукции владимирцев, нижегородцев, костромичей, жителей Татарстана, Башкортостана, Мордовии, Чувашии и Марий Эл. В производстве и поставке ранней овощной продукции импорт составляет 90–95%.

В нашей стране до сих пор не рассматриваются возможности реализации инновационных технологий организации производства, к примеру конвейерно-вахтового производства овощной продукции на основе интенсивного использования природно-климатической ренты.

Данные подходы широко используются лишь передовыми регионами страны и странами Запада. Эти интенсивные технологии позволяют вести многоцикличное использование основной почвообрабатывающей и специализированной посевной, пропашной техники и трудовых ресурсов, что дает снижение организационных затрат и накладных расходов на производство продукции в несколько раз и позволяет вести жесткую ценовую конкуренцию по всей номенклатуре ввозимой из-за рубежа овощной продукции, зелени и бахчевых культур.

В целом, производство и потребление овощей в мире постоянно увеличивается. Прирост мирового производства относительно предыдущего года составил: в 2007 г. – 3.5%, в 2008 г. – 2.0 % и в 2012 г. – 1.0 %. В 2012 г. производство и потребление овощной продукции составило 941148.9 тыс. т, что на 9298.4 тыс. т больше, чем в 2008 г. По данным ООН, в 2013 г. в мире было произведено более 900 млн тонн овощей и бахчевых культур, в среднем по 100 кг на каждого жителя нашей планеты.

Мировым лидером производства овощей на протяжении многих лет остается Китай. В 2013 году его доля в мировом производстве составляла 48.8% (459558.2 тыс. т). Среднедушевое

потребление в этой стране составляет 170 кг овощей и 100 кг арбузов. На втором месте – Индия – 9.6% (90757), за ней следуют США – 4.0% (37813.5). Доля России составляет 1.0%, а ряд крупных областей страны даже не входит в четвертую десятку регионов по собственному производству витаминной продукции (рис. 1).

По оценкам экспертов, отечественные производители обеспечивают собственные потребности населения лишь на 35%. 65% овощей и фруктов завозится из-за рубежа.

Современные медицинские нормы потребления овощей составляют 120–130 кг на одного человека в год. Почти вдвое превосходит этот уровень Италия – 230 кг/чел. В России потребление овощной продукции в три раза меньше, чем в этой средиземноморской стране, и на 50 кг/чел. меньше рекомендуемых норм (рис. 2) [1].

Начиная с 2009 г. в большинстве хозяйств регионов центра России наблюдается снижение производства. В целом, потребности регионов центра России закрываются местным товаропроизводителем пока на 30–40%, а ранняя овощеводческая продукция почти полностью обеспечивается за счет экспортеров.

Данное обстоятельство диктует все большую продовольственную зависимость регионов страны и критическое расширение присутствия на рынке импортной продукции из стран дальнего зарубежья. Основными поставщиками ранней овощной, плодово-ягодной и фруктовой группы становятся Африка, Турция и Израиль, использующие климатическую ренту и передовые технологии интенсивного выращивания ранней продукции с использованием солнцезащитных сооружений закрытого грунта, гидропоники, капельного полива и т.д.

В последние годы все больше закрепляются на внутреннем региональном рынке производители стран СНГ (Казахстан, Беларусь) и бывшие страны-сателлиты (Молдова, Венгрия, Польша и др.).

Особый спрос на поставки свежей овощной продукции, раннего картофеля и зелени возникает в период с марта – апреля по июль включительно. В эти месяцы повышенным спросом пользуется свежевыращенная витаминная продукция с коротким сроком реализации на потребительском рынке, где важна конвейерная поставка потребителю выращенного урожая.

Острота сложившейся ситуации заключается во все большей потере продовольственной безопасности регионов центра страны и Поволжья, что требует разработки особой концепции повышения продовольственной безопасности территорий округов России.

Для решения задачи стабильного и устойчивого круглогодичного обеспечения жителей этих зон продовольствием, и в частности овощной продукцией, нам представляется важным предложить сегодня совершенно новую концепцию реализации инновационной организационной программы по возрождению отечественного производственного конвейера высококачественной овощной продукции в стране.

Сегодня нами предлагается ряд перспективных организационных инноваций, принципиально по-новому решающих вопросы стабилизации продовольственного обеспечения населения страны за счет активизации использования внутренних ресурсов, имеющихся потенциалов регионов и возможностей эффективного использования природно-климатической ренты, которая сегодня эксплуатируется и используется криминальными структурами или выходцами из других государств и бывших союзных республик.

Суть предлагаемой организационной инновации в АПК заключается в создании «зеленого» конвейера по производству и реализации ранней овощной продукции в регионах России, так как зональное созревание почв под возделывание ранних овощей растянуто во времени с марта по июль. С февраля по октябрь выращивание тепличного рассадно-посадочного материала и ранней овощной продукции по энергозатратам делает неконкурентоспособной всю отрасль тепличного овощеводства в средней полосе России. Поэтому мы предлагаем реализовать концепцию конвейерного производства овощной продукции на основе вахтовых технологий использования ресурсов. Для этого требуется создание межрегиональной овощной корпорации, которая, используя передовые технологии и организационные методики производства и реализации овощной продукции, будет полностью круглогодично обеспечивать потребности жителей городов и районов центра России.

Предлагаемая организационная форма межрегионального сотрудничества, основанная на применении конвейерно-вахтовых технологий производства и реализации ранней овощной продукции, позволяет высокоэффективно использовать природно-климатические особенности Астраханской, Ставропольской, Краснодарской, Волгоградской, Нижегородской, Владимирской сельскохозяйственных зон, а также республик Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Чувашии и Мордовии, Московской области и других регионов страны как для выращивания ранних овощей, так и всесезонного обеспечения ими населения регионов центральной зоны Поволжья и Урала, для совместного высокорентабельного производства. При этом гарантируется качество свежевыращенной экологически чистой и зрелой высоковитаминной продукции.

Основным фактором конкурентоспособности производимых овощей будут их экологические, качественные и ценовые (до 10.0% от ныне действующих розничных цен) параметры.

Развитие конвейерного производства овощной продукции на основе вахтовых технологий использования ресурсов обеспечит производство до миллиона тонн ранних овощей для жителей Владимирской, Нижегородской, Костромской областей, Татарстана, Башкортостана, Мордовии, Чувашии и Марий Эл на сумму около 30 млрд руб., что внесет существенный вклад в продовольственный баланс указанных регионов, городов и поселков и обеспечит полностью продовольственную безопасность страны в целом.

Расчеты показывают, что цикличное и круглогодичное использование высокопроизводительной и дорогостоящей специализированной техники под возделывание овощной продукции в сочетании с мобильными высокопрофессионально подготовленными коллективами МКФ (механизированных комплексных формирований) только на снижении организационных, материальных издержек, накладных расходов и удельных затрат на производство и реализацию овощной продукции на порядок сокращает себестоимость и ценовой барьер на весь ассортимент овощной продукции в розничной торговой сети.

При этом решается ряд организационно-экономических задач по экономии энергоресурсов за счет отказа от отопления теплиц. Решаются задачи занятости населения и создания большого числа (по нашим оценкам, по всему комплексу производства, переработки, транспортировки, хранения – около миллиона) рабочих мест при формировании и функционировании межрегиональной корпорации и специализированной торговой сети, включая активизацию использования сети и инфраструктуры Роспотребкооперации.

Анализ показывает, что реализация предлагаемых нами инновационных организационных решений даст мощную поддержку правительству Астраханской области (по эффективному использованию богарных и заливных земель).

По регионам центральной зоны страны за счет организации регионального заказа и гарантированной поддержки в сбыте продукции, софинансирования строительства овощных хранилищ и логистических комплексов, решающих оперативные и стратегические задачи путем выделения площадок под развитие специализированных мест торговли и баз хранения продукции на случай ЧС, могут быть решены основные вопросы обеспечения продовольственной безопасности страны.

Таким образом, рынок овощной продукции России не насыщен и наиболее вероятно, что его емкость будет расти в дальнейшем по мере перетекания инвестиций в аграрный сектор и повышения уровня благосостояния населения.

Эксперты отмечают наметившуюся тенденцию изменения структуры потребления: сокращение относительной доли картофеля в потребительской корзине россиян за счет роста доли потребления овощей.

Росту объемов производства овощей препятствуют объективные трудности. В отличие от европейских стран овощеводство России из-за специфики климатических условий большей части территории страны находится в пороговом секторе сроков вегетации большинства овощных культур и зонах рискованного земледелия. Даже благополучная на фоне остальных регионов Кубань проблематична для получения гарантированных урожаев овощной продукции. Неравномерное распределение и недостаточное количество осадков в вегетационный период приводит к низким урожаям на богарных землях.

Экономические трудности страны в последнее десятилетие сказались на количестве и качестве мелиоративных площадей. Прекращение или резкое снижение уровня финансирования эксплуатационных ремонтно-восстановительных работ на оросительных системах привело к интенсивному выводу из оборота орошаемых площадей. На порядок уменьшилось количество дождеваль-

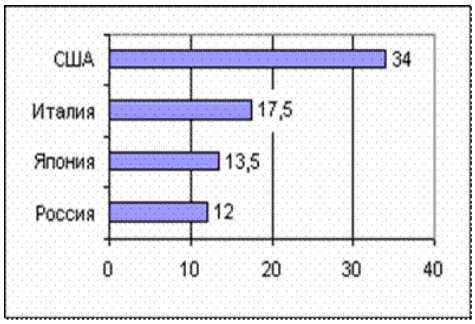


Рис.1. Годовое производство овощей, млн тонн

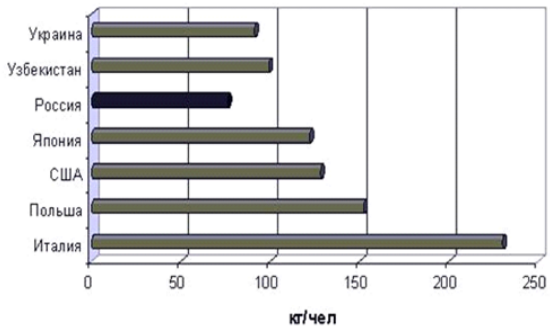


Рис. 2. Среднедушевое годовое потребление овощей

ных машин, выведены из строя десятки тысяч насосных станций.

Тенденции сокращения производства овощной продукции напрямую связаны с производством дождевальной техники, сокращением площадей орошаемых угодий и снижением валового сбора овощных культур в России. За последние 13 лет падение производства и урожайности составило почти 10 раз.

Экономический аспект проблемы заключается в том, что восстановление оросительных систем экономически непосильно и невыгодно отдельным хозяйствам при существующих ставках и условиях государственной поддержки и кредитования. Да и не под силу пока сельхозпроизводителям содержать магистральные оросительные сети без бюджетной поддержки.

Авторами в проведенной научной работе обосновывается положение, что в сложившихся условиях наиболее вероятное позитивное приращение в овощеводстве связано с дальневосточным освоением земель и развитием орошаемых площадей. Эту проблему можно решать, в основном, за счет *частных или смешанных инвестиций агрохолдингов, корпораций или государственно-частных партнерств*, что может обеспечить стартовое финансирование закупок техники, оборудования, семенного и посадочного материала для организации интенсивного овощного производства. При цене импортных автоматизированных систем механического орошения 600 долл./га, например фронтальных дождевальных машин Valley, осуществляющих водозабор из открытых каналов, на ввод 2000 гектаров орошаемых земель потребуется около 2.2 млн долларов США, что по силам далеко не каждому крупному региональному СПК или фермерскому хозяйству. Решение задач такого масштаба в современных условиях лежит на пути развития межрегионального сотрудничества и интеграции усилий власти, бизнеса и государства.

Биологические особенности овощных культур и природные условия их выращивания требуют рационального размещения производства. Томат, лук, сладкий перец, баклажан – теплолюбивые культуры и вызревают на юге. Лучшие зоны для выращивания капусты, моркови, столовой свеклы – Астраханская и другие южные области. Хотя хозяйства и население выращивают разнообразные овощи по всей территории России, но урожайность и качество получаемой продукции при этом различны.

Урожайность томата в южных регионах страны достигает 110 т/га, тогда как в среднем по России в сельскохозяйственных предприятиях она меньше в 4 раза; лука – 94 т/га, при средней по России – 20 т/га. Это порождает проблемы высоких удельных затрат на производство и реализацию продукции, низкий уровень рентабельности производства овощей в центральных регионах России.

Объективность существующей проблемы подтверждается опережающим ростом цен на овощную продукцию в последние три года и ростом импорта овощей и консервов из них. По данным Государственного таможенного комитета, в 2010 году было ввезено более 350 тыс. тонн овощных консервов (не включая соусы, пасты и соки), а в 2011 году – уже на 22% больше.

Указанное обстоятельство, наряду с вялой динамикой развития растениеводства и животноводства, выступает серьезным фактором угрозы продовольственной безопасности страны в целом.

Сложившаяся ситуация диктует необходимость незамедлительного принятия комплексных мер по внедрению и развитию инновационных технологий и организационных методик производства овощной продукции в стране на основе корпоративной ответственности власти, бизнеса и государства, которые заключаются в расширении межрегионального экономического сотрудничества с целью удовлетворения потребностей населения в овощах.

Нижегородская область является промышленным регионом, имеющим достаточно диверсифицированную экономическую инфраструктуру и 3.5 млн населения, рассредоточенного по 49 районам.

Ежедневное потребление овощной продукции в зависимости от сезонности ее возделывания колеблется от 500 до 900 тонн.

Городское население Нижнего Новгорода (1 млн 350 тыс. чел.), с учетом самозаготовок и дачного производства, потребляет в среднем до 300 000 тонн овощной продукции в год в зависимости от сезонного колебания рациона ее потребителей.

Потенциальная емкость рынка Нижегородского региона оценивается в 400–600 тыс. тонн только для розничной торговли, а с учетом сезонных заготовок – до 900 тыс. тонн овощей, корнеплодов, лука, бахчевых, салатов и капусты.

Нижегородская область представлена несколькими производственными структурами, обеспечивающими потребности населения в овощной продукции. Присутствующие на рынке производители овощей (СПК «Ждановский», СПК Богородского и Кстовского районов) ежегодно снижают производство продукции в связи со снижением рентабельности овощеводства и значительным ростом затрат на приобретение энергоресурсов.

В последние годы во всех хозяйствах региона производится не более 8603.4 тыс. центнеров

картофеля, 438.8 тыс. центнеров моркови, 630.8 тыс. центнеров капусты. В 2010 г. было произведено соответственно – 4225.3 тыс., 367.4 тыс. и 564.2 тыс. центнеров, что сопровождается ежегодным снижением уровня к предыдущим годам (по производству картофеля в 2 раза, моркови – на 16%, капусты – на 18%).

В целом потребности региона и Нижнего Новгорода закрываются местным товаропроизводителем пока на 30–40%, а ранняя овощеводческая продукция почти полностью обеспечивается за счет продукции западных экспортеров.

Авторами доказано, что в данных условиях конкурирующим организационным решением проблемы продовольственной безопасности ряда регионов должно выступать расширение межрегиональных корпоративных связей и сотрудничества при выращивании овощной продукции в условиях корпоративного использования финансовых, организационных, трудовых и земельных ресурсов для реализации конвейерного метода производства и реализации овощной продукции с применением вахтовых технологий.

Предлагаемый авторами новый метод создания межрегиональной корпорации по производству и реализации ранней овощной продукции сможет обеспечить до 95% потребности регионального рынка.

Экономическое содержание предлагаемого конвейерно-вахтового метода выращивания овощной продукции заключается в создании межрегиональной корпорации, концентрирующей и активно использующей климатические зональные возможности и имеющиеся ресурсы регионов: Астраханской, Курской, Орловской, Тамбовской, Нижегородской и Пензенской областей, Краснодарского и Ставропольского краёв, Мордовии и Чувашии.

Регионы группируются по климатическим зонам проведения полевых и уборочных работ в соответствии с агротехническими сроками и условиями их проведения:

– зона № 1: Астраханская область, Краснодарский и Ставропольский края;

– зона № 2: Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская области;

– зона № 3: Чувашия, Мордовия, Пензенская и Нижегородская области.

Зонирование территорий и выделение земель в зонах осуществляется под подекадную организацию проведения основных работ по подготовке почвы и проведению посевных и посадочных мероприятий.

После проведения основных работ тяжелая почвообрабатывающая и посевная/посадочная техника и основной персонал перевозятся в другие зоны для производства сельскохозяйственных работ, тем самым организуется конвейерно-вахтовый способ проведения посевных и уборочных работ с возможностью межзонального временного маневра использования техники и ресурсов. При этом обеспечивается и конвейер производство – реализация сельскохозяйственной продукции на прилавки магазинов регионов Поволжья и Центрального федерального округа.

Планируемые к производству овощные культуры: лук-репка, картофель, морковь, капуста белокочанная и китайская, бахчевые, тыква.

При производстве данных культур используется в основном капельное орошение.

Капельное орошение имеет универсальное применение, в частности, там, где другие способы полива использовать невозможно или неэффективно. По наблюдениям специалистов компании A.I.K. ltd., прибавка урожая при капельном орошении по сравнению с дождеванием достигает на овощных культурах 50–80% и более, при этом отмечается созревание овощей на 5–10 дней раньше обычного срока.

Следовательно, капельное орошение определяет свою специфическую технологию (агротехнику) выращивания овощей.

В первый год реализации проекта в семи регионах страны: Астраханская обл., Республика Крым, Краснодарский край, Ставрополье, Ростовская обл., Воронежская обл., Нижегородская обл. – планируется засеять 2400 га площади, во второй год – 8100 га, в третий – 12100 га.

Реализация данной задачи потребует приобретения сельскохозяйственного оборудования: в первый год на сумму 1742576 евро, во второй год – 516792 евро, на третий год – 944361 евро, которое, в основном, будет задействовано в производстве сельскохозяйственных культур в трех зонах.

Инвестиционный проект потребует привлечения заемного капитала в виде долгосрочного кредита на сумму 6300 тыс. евро на 3 года под 9 процентов годовых с отсрочкой выплаты основной суммы долга на один год.

Собственный капитал для реализации проекта привлекается в сумме 700 тыс. евро.

Применение конвейерно-вахтового метода использования техники, оборудования, специалистов и профессиональных трудовых ресурсов позволяет осуществлять работы по производству овощей и раннего картофеля с подекадным разрывом во времени (10–12 дней) по регионам Волго-Донского бассейна, что дает возможность для многоразового цикличного высокоэффективного использования основных средств с целью возделывания основных культур по типу межрегионального конвейера. А

Таблица

Расчет показателей эффективности реализации проекта

Показатели	1-й год реализации проекта	2-й год реализации проекта	3-й год реализации проекта
Рентабельность продаж, %	73.0	72.1	76.5
Рентабельность инвестиций в капитальные и текущие затраты, %	168.4	202.9	128.4
Срок окупаемости	7.2 мес.		
Порог рентабельности, евро	5162528.3	11666355.8	18924458.0
Запас финансовой прочности, евро	15112471.7	43433644.2	76975542

транспортные автомобильные возможности волго-донских перевозок тяжелой техники дают основание для обеспечения вахтовых технологий использования техники и ресурсов, для циклического воспроизводства продукции.

Этот подход позволяет сократить организационные и операционные затраты, накладные и удельные расходы на производство продукции за счет круглогодичного цикличного использования сельскохозяйственной техники, оборудования и ресурсов, что, в конечном счете, дает широкий маневр ценовой конъюнктуры на продукцию, повышает конкурентоспособность продукции по качеству.

В целом, организация конвейерно-вахтового метода дает высокий экономический эффект: низкую себестоимость продукции, высокую рентабельность производства, короткий срок окупаемости инвестиций (см. табл.).

Организационные преимущества использования конвейерно-вахтового способа производства овощной продукции, корнеплодов и бахчевых культур заключаются в практически круглогодичном многоцикличном использовании специальной почвообрабатывающей, посевной и посадочной техники основного машинно-тракторного парка, других средств и трудовых ресурсов, что дает основание для значительного повышения производительности труда в сельскохозяйственном производстве, снижения числа привлеченных сезонных рабочих.

Применение системы реализации продукции «поле – авторефрижератор – торговая сеть» или «поле – логистический комплекс – торговая сеть» позволяет обеспечить тотальную конкуренцию по цене и качеству продукции западному производителю и импортеру-поставщику овощной или альтернативной продукции.

Предлагаемая организационная форма межрегионального сотрудничества, основанная на применении конвейерно-вахтовых технологий производства и реализации ранней овощной продукции, позволяет высокоэффективно использовать природно-климатические особенности Астраханской, Ставропольской, Краснодарской и других сельскохозяйственных зон для высокорентабельного производства ранних овощей и обеспечения ими населения регионов центральной зоны.

Выращивание бахчевых культур и ранних клубнеплодов позволяет обеспечить интенсивное использование земельного фонда ряда областей России, освоить в каждом регионе до трех тысяч га запущенных земель, повысить занятость населения регионов на производстве и реализации продуктов питания, увеличить отчисления в бюджет.

Для Нижегородского региона развитие конвейерного производства овощной продукции на основе вахтовых технологий использования ресурсов обеспечит производство до 400 000 тонн ранних овощей на сумму около 5.0 млрд руб., что внесет существенный вклад в продовольственный баланс города и области и обеспечит полностью продовольственную безопасность региона в целом.

Решение ряда стратегических задач по обеспечению населения продуктами питания лежит на пути активного регионального участия в формировании складских логистических комплексов с современной базой подготовки продукции к реализации и хранению, созданию стратегических запасов и резервов продовольствия, овощной консервированной продукции на случай ЧС.

Основными перевозчиками произведенной корпорацией продукции являются транспортные организации речного флота, автомобильного крупнотоннажного рефрижераторного спецавтотранспорта.

Современные возможности скоростных грузоперевозок обеспечивают суточную транспортную доступность поставок продукции от Астрахани до центральных регионов России, что почти полностью удовлетворяет потребности населения в овощах.

При этом перевалочными пунктами бахчевой продукции могут служить портовые хозяйства ряда регионов Поволжья.

Высокую рентабельность грузоперевозок и поставок продукции «точно в срок» системы КАНБАН будут обеспечивать складские кустовые межрегиональные базы временного размещения продукции при региональных логистических центрах.

В этой связи считаем целесообразным и предлагаем в качестве одной из магистральных программ решения продовольственной безопасности страны разработать целевую федеральную программу развития продовольственного обеспечения населения страны с использованием низкозатратных инновационных технологий конвейерного производства овощной продукции на основе вахтовых технологий использования ресурсов.

Для реализации данной программы у авторов данной статьи имеются технико-экономические расчеты, согласованные с учеными-аграрниками и отраслевыми экономистами. Разработан целевой бизнес-план. Разработана вся пооперационная документация по самой концепции и ее финансово-экономическое обоснование.

Считаем, что предлагаемые авторские организационные инновации представляют собой реальный проект для решения вопроса снижения порога продовольственной безопасности и ухода от продовольственной зависимости от западной и азиатской поставляемой нам и нафаршированной ГМО и нитратами продукции АПК.

Важно привлечь к решению поставленных проблем чиновников, бизнесменов, прикладников – ученых специалистов и сетевиков. Важно, что для реализации предлагаемой нами научной концепции обеспечения продовольственной безопасности не нужны бюджетные ассигнования, нужны лишь политическая воля, межправительственная поддержка и межрегиональные согласительные и контрактные процедуры.

Список литературы

1. Гаврилов А.И., Ким О.Ч., Жигалова Н.Е. Методология организации конвейерно-вахтовых технологий в АПК: Монография. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2011. 380 с.

2. Гаврилов А.И., Ким О.Ч., Сергеев В.Ф. Инновационные организационно-экономические технологии развития сельскохозяйственного производства: Монография. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2011. 340 с.

3. Яшин С.Н., Яшина Н.И. Некоторые аспекты анализа бюджетного потенциала муниципальных образований // Финансы и кредит. 2003. № 5 (119). С. 35–44.

4. Ким О.Ч. Практическое применение конвейерно-вахтовых технологий в АПК Поволжья: Монография. Н. Новгород: Пламя, 2013. 180 с.

5. Боробов В.Н. Финансово-промышленные группы в аграрном секторе экономики // Российское предпринимательство. 2000. № 10 (10). С. 93–101.

6. Пыткина С.А., Красильникова Л.Е. Управление конкурентными процессами в агропромышленном комплексе региона // Российское предпринимательство. 2014. № 21 (267). С. 118–125.

7. Ушачёв И.Г. Развитие агропромышленного комплекса России // Аграрный вестник Урала. 2008. № 1. С. 7–8.

8. Болотова О.И. Агроэкологическое обоснование применения росторегулирующих веществ при выращивании овощных культур в условиях Саратовской области. Саратов, 2010. 177 с.

9. Баландин Д.А., Заглядова М.Х. Сохранение сельскохозяйственных угодий как фактор устойчивого развития АПК // Российское предпринимательство. 2013. № 9 (231). С. 85–90.

10. Холодов П.П. Развитие сельского хозяйства и продовольственная безопасность в России // Российское предпринимательство. 2012. № 16 (214). С. 61–67.

11. Клюкач В.А., Логинов Д.А. Маркетинг в агропромышленном комплексе. М.: Колос, 2010. С. 34–36.

12. Экономика отраслей АПК / Под ред. И.А. Минакова. М.: Колос, 2004.

13. Нагаева Я.Э., Гонцова О.В. Стратегические направления развития АПК в России // Экономические исследования. 2011. № 6.

14. Полевой Д.И. Развитие рынка овощной продукции: на материалах Московской области. М., 2013. 164 с.

15. Грибова Т.Н. Создание трансгенных линий белокочанной капусты с новыми агротехническими свойствами. М., 2006. 102 с.

16. Асаул А.Н., Мамедов Ш.М., Рыбнов Е.И., Чепаченко Н.В. Формирование конкурентного преимущества субъектов предпринимательства в строительстве: Учебное пособие. Институт проблем экономического возрождения, 2014. 240 с.

17. Ускова Т.В. Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы. Изд. ИСЭРТ РАН, 2013. 135 с.

18. Попов А.А., Яхъяев М.Я. Агропромышленный комплекс России. Проблемы и решения. Изд-во «Экономика», 2003. 408 с.

ENTREPRENEURIAL INNOVATION IN THE SYSTEM FOR ENSURING FOOD SECURITY OF RUSSIAN REGIONS

A.I. Gavrilov, S.N. Yashin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The purpose of this study is to introduce some new approaches to the work of public authorities at the state and municipal level in the implementation of organizational innovation while addressing the issues of intensification of food production and food security. A comprehensive analysis was performed of the situation in the country's food markets, which show a steady trend to increase their dependence on food imports to several districts in central Russia. Some organizational measures for implementing innovative technologies to ensure food security of the regions are proposed. These measures involve extensive use of the climate rent and enhanced utilization of the territories' existing potential.

Keywords: food security of the regions, innovations in socio-economic governance, entrepreneurial innovation in regional and municipal management, nature and climate rent, food basket, social obligations of public authorities.

УДК 332.132

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ

© 2016 г.

В.А. Головин

Межрегиональный открытый социальный институт, Йошкар-Ола

vicgolovin@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.06.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Проведен краткий анализ определений экономического кластера, а также принципиальных подходов к изучению данного феномена. Исследованы основные методические подходы к количественной оценке региональных экономических кластеров, представленные в отечественной и зарубежной литературе. Дана авторская оценка преимуществ и недостатков каждого из предложенных показателей. В связи с этим предложена адаптация изученной методики с целью качественной оценки интенсивности и эффективности процессов кластеризации с применением коэффициентного и графического методов анализа. Приведены результаты анализа процессов кластеризации в экономике Республики Марий Эл, проведенного на основе изученных методик с применением предложенного коэффициента интенсивности локализации и основанной на нем графической модели положения видов экономической деятельности.

Ключевые слова: экономический кластер, методика количественной оценки кластеров, коэффициент локализации, пространственный коэффициент вариации, пространственный индекс Херфиндаля, коэффициент интенсивности локализации, Республика Марий Эл.

Феномен экономических кластеров получил широкое распространение в современной экономической науке и хозяйственной практике. Такое распространение не могло не привести к многообразию подходов к определению самого понятия «кластер». Изучение этих определений, проведенное в работах [1–3], и подробнейший анализ теоретических подходов в работе [4] в целом сводятся к наличию двух основных критериев выделения кластеров:

1) географический – принадлежность предприятий, входящих в кластер, одному географическому региону (промышленному району и т.д.), что отражает географическое размещение промышленных мощностей (локализацию предприятий);

2) отраслевой – концентрация деятельности предприятий кластера в рамках группы смежных отраслей, включая обеспечивающие и инфраструктурные отрасли, что приводит к росту их конкурентоспособности.

Очевидно, что включение двух этих критериев в определение экономического кластера приводит к необходимости их учета в процессе идентификации кластерных образований в реальной экономике.

В современной науке разработано большое количество методических подходов к идентификации кластеров, что вызывает потребность в их подробном изучении и классификации с позиций значимости для определения кластера и оценке степени кластеризации экономики.

В целом, следуя методологии экономического анализа, следует разделить все методики анализа на количественные и качественные. Очевидно, что качественный анализ является первичным и определяющим по отношению к количественному. Именно он позволяет выявить и определить причинно-следственные связи, чего не позволяет количественный анализ. Однако, учитывая огромный объем информации и отраслевой статистики, следует понимать, что количественный анализ позволяет выявить основные отрасли (регионы, предприятия, комплексы), потенциально являющиеся кластерными образованиями.

Х. Макграт в своей работе «Промышленные кластеры в местной и региональной экономике» выделяет несколько принципиальных подходов к идентификации кластеров, также обращая внимание на то, что традиционно методология идентификации экономических кластеров базируется именно на количественном анализе. В этой работе делается упор на то, что качественное построение количественной методики может позволить создать целостный подход к анализу кластеров.

Далее Макграт, ссылаясь на работы Р. Брауна [5] и А. Лагендийка [6], выделяет два основных пути анализа: «анализ сверху вниз» (top down approach) и «анализ снизу вверх» (bottom up approach) [3, p. 70]. Первый из них, по ее мнению, имеет основное значение при планиро-

вании экономической политики, будучи при этом основан в больше степени на статистических подходах – кластерном и факторном анализе. Большим минусом этого подхода, по мнению исследователя, является довольно высокая степень субъективности, поскольку список кластеров, подвергаемых анализу, формируется без учета микроэкономических исследований.

Второй путь, основываясь на микроанализе (анализе отдельных предприятий), в первую очередь фокусируется на специфике взаимодействия и кооперации отдельно взятых предприятий региона. Это позволяет более полно изучить взаимозависимость предприятий-участников кластера, что, по классическому «портеровскому» подходу, и является основной характерной чертой кластерных образований.

В связи с тем, что развитие экономических кластеров связано с действием целого ряда факторов, которые зачастую достаточно трудно описать формализованными (количественными) методами, приоритетное значение в подавляющем большинстве случаев имеют именно качественные методы оценки кластерных образований. Иногда такие исследования подкрепляются количественными данными, но такие случаи довольно редки [7]. В то же время необходимо отметить, что современная статистическая база, в том числе и российская, позволяет широко применять на практике систему количественных методов анализа и идентификации экономических кластеров. Формирование такой системы методов и показателей оценки призвано обеспечить выявление важных эмпирических закономерностей становления и функционирования кластеров в региональной экономике, которые невозможно однозначно идентифицировать с помощью существующих качественных подходов, получивших широкое распространение на макроэкономическом уровне анализа.

Многие исследователи в качестве отправной точки количественного исследования кластеров указывают необходимость изучения пространственного распределения некой измеримой величины X_{ir}, относящейся к отрасли i и региону (географической единице) r. Ч. Карлссон указывает, что в качестве изучаемого показателя может выступать количество новых предприятий, количество занятых, а также добавленная стоимость, что встречается гораздо реже [8, p. 55]. Х. Макграт, рассматривая эту методику и ссылаясь на работы Д. Джейкобсона и Б. Адрессо-О'Каллахана, утверждает, что в качестве величины X можно использовать количество занятых или оборот (выручку) предприятий [3, p. 74]. В рамках данного исследования мы будем придерживаться мнения Х. Макграт о применимости в основном только двух показателей для анализа и идентификации экономических кластеров.

Карлссон далее приводит несложную методику оперирования данной величиной с целью определения основных отраслей и/или регионов, обладающих потенциальными кластерами. Простейший вариант обработки этого показателя – сравнение регионального его значения со средним значением по стране $\overline{X}_{ir}$, которое рассчитывается достаточно просто:

$$\overline{X}_{ir} = \frac{X_{iR}}{N},$$

где X_{iR} – значение рассматриваемого показателя по национальной экономике в целом; N – количество регионов страны.

Также в качестве элементарного показателя предлагается расчет доли, занимаемой изучаемым регионом в данной отрасли (виде деятельности) в целом по стране:

$$AX_{ir} = \frac{X_{ir}}{X_{iR}}.$$

Данные показатели, несмотря на их методическую последовательность и простоту в расчете, не могут служить базой для реальной оценки степени кластеризации. Причиной является зависимость значений этих коэффициентов от других характеристик рассматриваемого региона, в частности плотности населения или общего уровня занятости.

Карлссон предлагает далее использовать метод взвешивания с целью приведения изучаемых величин в сопоставимый вид. Если в качестве основного показателя используется численность занятых, то для целей взвешивания предлагается использовать численность населения изучаемого региона P_r либо общую численность занятых (общий оборот организаций) в экономике региона X_{Ir} [8, p. 56]:

$$PX_{ir} = \frac{X_{ir}}{P_r} \text{ или } \quad PX_{ir} = \frac{X_{ir}}{X_{Ir}}.$$

Перечисленные выше показатели и коэффициенты имеют отношение в первую очередь к выделению первого (географического, регионального) параметра в определении кластера. Очевидно, что недостатком данной методики является одностороннее рассмотрение кластера, практически без учета отраслевых особенностей экономики страны.

Однако работа Ч. Карлссона интересна также и тем, что в ее рамках предлагаются статистические методы исследования неравномерности распределения той или иной отрасли в масштабах национальной экономики. Для этих це-

лей предлагается использовать два взаимосвязанных показателя:

1) пространственный коэффициент вариации *SCV*:

$$SCV_i = \frac{\sigma_{ir}}{\overline{X}_{ir}},\ SCV_i \geq 0,$$

где σ_{ir} – среднеквадратическое отклонение величины X_{ir} по экономике; $\overline{X}_{ir}$ – среднее значение рассматриваемого показателя по регионам страны;

2) пространственный индекс Херфиндаля:

$$SH_i = \sum_{r=1}^{N} AX_{ir}^2,\ \frac{1}{N} \leq SH_i \leq 1,$$

где AX_{ir} – доля региона *r* в отрасли *i* в стране в целом.

Оценка этих показателей отличается невысокой степенью сложности: если предприятия и производство отрасли распределены равномерно по территории страны, то пространственный коэффициент вариации равен (стремится к) нулю, а пространственный индекс Херфиндаля равен (стремится к) средней доле данной промышленности по регионам страны.

Данная статистическая методика представляет определенный практический интерес с точки зрения учета второго (отраслевого) параметра определения кластера, то есть выявления отраслей, потенциально содержащих кластерные образования. Одновременно с этим ее несомненным недостатком является высокая трудоемкость анализа больших объемов статистических данных и отсутствие конкретных данных по регионам страны.

Попытка объединить оба ключевых параметра кластера находит свое отражение в широком распространении в научной литературе коэффициента (индекса) локализации [2, 3, 7, 9 и др.], связывающего в себе несколько показателей:

$$LQ_{ir} = \frac{X_{ir}/X_{iR}}{X_{Ir}/X_{IR}},$$

где X_{ir} – исследуемый параметр (количество занятых или оборот) отрасли *i* в регионе *r*; X_{iR} – исследуемый параметр для отрасли *i* по стране в целом; X_{Ir} – исследуемый параметр по всей экономике для региона *r*; X_{IR} – исследуемый параметр по всей экономике страны в целом.

Серьезным преимуществом данной методики является относительная доступность статистических данных для расчета, а также простота интерпретации полученных результатов. Значение LQ_{ir} более 1 свидетельствует о специализации региона *r* на данной отрасли экономики *i*, или, если быть более точным, о повышенной локализации данной отрасли на территории региона по сравнению со среднестрановым уровнем. Соответственно, делается вывод о том, что значения индекса локализации более 1 свидетельствуют о вероятном существовании кластера данной отрасли на рассматриваемой территории.

Несмотря на все преимущества, индекс локализации, по нашему мнению, имеет один существенный недостаток: он рассматривает только лишь одну сторону процесса концентрации и кластеризации – количественную. При этом с учетом активного применения современных высокопроизводительных технологий и глобального процесса замещения труда капиталом во многих отраслях экономики невозможно ограничивать изучение локализации только лишь численностью занятых (или оборотом предприятий). Нивелировать этот недостаток в рамках исследования качественной стороны локализации возможно путем объединения двух коэффициентов локализации – на основе численности занятых и на основе оборота предприятий. Через соотношение этих коэффициентов возможно получить коэффициент интенсивности (производительности) кластера (location intensity quotient), а также построить матричную модель, позволяющую определить потенциальные направления развития. Предложим коэффициент интенсивности в виде соотношения коэффициентов локализации по обороту и занятости:

$$LIQ_{ir} = \frac{LQ_{ir}^V}{LQ_{ir}^E},$$

где LIQ_{ir} – коэффициент интенсивности локализации (location intensity quotient) отрасли *i* в регионе *r*; LQ_{ir}^V – коэффициент (индекс) локализации отрасли *i* в регионе *r*, исчисленный по обороту; LQ_{ir}^E – коэффициент (индекс) локализации отрасли *i* в регионе *r*, исчисленный по количеству занятых.

Преобразовав формулу указанного коэффициента интенсивности с учетом методики расчета коэффициентов локализации, можно получить следующее:

$$LIQ_{ir} = \frac{V_{ir}/V_{iR}}{V_{Ir}/V_{IR}} \cdot \frac{E_{ir}/E_{iR}}{E_{Ir}/E_{IR}} = \frac{V_{ir}/E_{ir}}{V_{Ir}/E_{Ir}} \cdot \frac{V_{iR}/E_{iR}}{V_{IR}/E_{IR}} = \frac{P_{ir}}{P_{Ir}} \cdot \frac{P_{iR}}{P_{IR}} = \frac{P_{ir}/P_{iR}}{P_{Ir}/P_{IR}} = \frac{P_{ir}}{P_{Ir}} \cdot \frac{P_{IR}}{P_{iR}},$$

где V_{ir}, E_{ir} – соответственно, оборот предприятий и численность занятых по отрасли *i* в регионе *r*; V_{iR}, E_{iR} – соответственно, оборот предприятий и численность занятых по отрасли *i* в экономике страны; V_{Ir}, E_{Ir} – соответственно, оборот предприятий и численность занятых по всем отраслям в регионе *r*; V_{IR}, E_{IR} – соответст-

венно, оборот предприятий и численность занятых по всем отраслям в экономике страны; P_{ir}, P_{iR} – производительность труда (выручка на одного работника) по отрасли i в регионе r и по стране в целом соответственно; P_{Ir}, P_{IR} – производительность труда (выручка на одного работника) по всем отраслям в регионе r и по стране в целом соответственно.

Таким образом, после несложных математических преобразований получаем жестко детерминированную факторную модель, отражающую влияние производительности труда на процессы кластеризации. Можно также заметить, что предлагаемый коэффициент представляет собой не что иное, как модификацию коэффициента локализации, исчисленную по производительности труда, то есть по относительному показателю эффективности вместо стандартных абсолютных показателей эффекта или ресурсов. Это, по мнению автора, может позволить в комбинации с другими показателями выделить важные тенденции и факторы развития региона. Применительно к полученной факторной модели необходимо отметить направления влияния факторов, включенных в модель. Следует разделить все факторы на факторы прямого и обратного влияния:

1) факторы прямого влияния, рост которых при прочих равных условиях приводит к росту коэффициента интенсивности локализации:

– производительность труда по отрасли i в регионе r,

– производительность труда по всем отраслям в стране в целом;

2) факторы обратного влияния, рост которых при прочих равных условиях влечет за собой снижение коэффициента интенсивности:

– производительность труда по всем отраслям в регионе r,

– производительность труда по отрасли i в экономике страны.

Фактически, коэффициент показывает необходимость опережающего роста производительности в ключевых отраслях экономики региона по отношению к региональной производительности и национальной отраслевой производительности. Это, по мнению автора, может являться показателем качественного развития отрасли региона и потенциальным свидетельством развития кластерного образования.

На основе соотношения коэффициентов локализации по занятости и по обороту возникает возможность построения матричной модели для определения эффективности процессов локализации и кластеризации. Графически эта модель может быть представлена в виде пузырьковой диаграммы с откладыванием по оси абсцисс и ординат значений коэффициентов локализации по занятости и по обороту соответственно. Показателем размера элемента можно выбрать любой измеримый показатель, например значение самого индекса интенсивности локализации. Кроме того, в качестве показателя размера может также выступить оборот предприятий, количество занятых, количество предприятий и так далее в зависимости от целей соответствующего исследования. В таком случае примерная модель будет выглядеть, как показано на рис. 1.

Представленный условный рисунок наглядно отображает диапазон существующих значений коэффициентов локализации (которые в принципе не ограничены) и позволяет оценить потенциал возникновения кластерных образований в той или иной отрасли. С точки зрения автора, наиболее оптимальным является опережающий рост коэффициента локализации по обороту по сравнению с таковым по занятости, при условии, что значения обоих этих коэффициентов выше единицы. Математически это также будет выражаться в росте описанного ранее коэффициента интенсивности локализации. С этой точки зрения графическая модель отображения также будет полезна, отражая постепенное смещение положения отрасли вертикально вверх быстрее, чем горизонтально вправо.

Представленная графическая модель может также активно использоваться для изучения развития отраслей в динамике по годам, в таком случае на одной координатной плоскости следует отобразить положение одной из рассматриваемых отраслей за ряд анализируемых периодов, что позволит динамически оценить потенциал отрасли (вида деятельности) с точки зрения ее соотношения с развитием экономики региона и страны в целом.

В качестве приложения рассмотренных методов анализа кластеров в экономике региона приведем основные этапы диагностики кластеров в экономике Республики Марий Эл.

Для проведения исследования были использованы данные Центральной базы статистических данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, а также Российский статистический ежегодник и Статистический ежегодник Республики Марий Эл за 2011–2014 гг. Анализ был проведен за период 2005–2014 гг. (10 лет).

С учетом разнообразия рассмотренных методик анализа, отдельного внимания заслуживают данные, на которых строился анализ. Исходными для исследования послужили данные о среднегодовой численности занятых в организациях по видам экономической деятельности

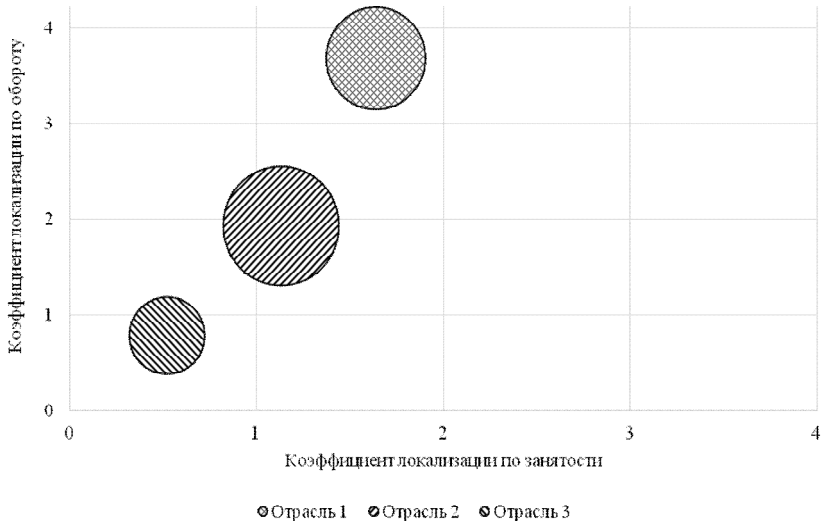


Рис. 1. Матричная модель оценки эффективности кластерных образований в региональной экономике

(ОКВЭД), а также оборот предприятий по ОКВЭД. Детализация видов экономической деятельности производилась только по разделу D «Обрабатывающие производства», в связи с его существенным качественным разнообразием. Остальные разделы рассматривались в совокупности, что не исключает последующего исследования подробностей их развития в аналитическом разрезе при наличии соответствующей статистической информации. Кроме того, необходимо отметить, что для сопоставимости данных за различные периоды времени из исследования были исключены несколько разделов и подразделов ОКВЭД:

1) раздел B «Рыболовство, рыбоводство», поскольку по данным ТОГС по Республике Марий Эл численность занятых по этому ВЭД была нулевой, начиная с 2004 г.;

2) подраздел DC «Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви», поскольку данные не публикуются ТОГС по Республике Марий Эл в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций, в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации», начиная с 2011 г.;

3) подраздел DF «Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов» – по тем же причинам;

4) подраздел DN «Прочие производства», поскольку он не является достаточно информативным, а также по причинам его отсутствия в некоторых использованных источниках статистической информации;

5) раздел J «Финансовая деятельность», поскольку он не включается в статистические данные об обороте предприятий по ВЭД.

По результатам исследования коэффициента локализации по численности занятых было выявлено, что наибольшей степенью локализации в экономике Республики Марий Эл на конец 2014 года обладают такие виды деятельности (пять лидирующих ВЭД): «Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования» (3.46); «Обработка древесины и производство изделий из дерева» (3.04); «Целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность» (2.62); «Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака» (1.82); «Производство машин и оборудования» (1.41).

Несколько другая картина наблюдается при рассмотрении коэффициента локализации по обороту предприятий. В этом случае в качестве пяти наиболее локализованных видов деятельности в экономике республики предстают: «Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования» (6.14); «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» (4.58); «Обработка древесины и производство изделий из дерева» (3.32); «Производство машин и оборудования» (2.96); «Целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность» (2.94).

Промежуточные результаты по исследованию индекса локализации по итогам 2005, 2010 и 2014 годов представлены в табл. 1.

Среди приведенных данных особое внимание было уделено разнонаправленной или не совпадающей по темпам динамике коэффициентов локализации по занятости и по обороту

Таблица 1

Значения коэффициентов локализации по видам экономической деятельности в Республике Марий Эл за 2005, 2010 и 2014 г.

Виды деятельности	2005 г.		2010 г.		2014 г.	
	LQ(*E*)	*LQ*(*V*)	*LQ*(*E*)	*LQ*(*V*)	*LQ*(*E*)	*LQ*(*V*)
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1.64	3.68	1.31	3.13	1.30	4.58
Добыча полезных ископаемых	0.09	0.01	0.10	0.01	0.10	0.02
Обрабатывающие производства всего, в том числе:	1.13	1.36	1.33	1.57	1.50	1.35
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	1.13	1.93	1.35	1.70	1.82	1.78
текстильное и швейное производство	0.81	3.27	1.17	2.27	1.12	1.35
обработка древесины и производство изделий из дерева	3.50	3.90	3.90	3.85	3.04	3.32
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	2.54	5.00	2.32	3.43	2.62	2.94
химическое производство	0.49	0.85	0.69	0.60	0.89	0.51
производство резиновых и пластмассовых изделий	0.91	1.47	1.21	0.78	1.13	0.99
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	0.72	1.42	0.98	1.43	1.13	1.57
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	0.80	0.45	0.89	0.56	1.09	0.60
производство машин и оборудования	1.06	2.65	1.36	2.96	1.41	2.96
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	2.56	3.69	3.01	4.48	3.46	6.14
производство транспортных средств и оборудования	0.23	0.37	0.27	0.65	0.36	0.64
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1.11	2.76	1.12	1.62	1.11	1.44
Строительство	0.75	1.26	0.57	1.19	0.68	1.36
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0.75	0.67	0.78	0.79	0.85	0.91
Гостиницы и рестораны	0.88	1.64	1.07	1.86	1.03	1.41
Транспорт и связь	0.84	0.67	0.74	0.46	0.65	0.41
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	0.52	0.79	0.74	0.66	0.58	0.59
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	1.10	2.83	1.20	1.59	1.17	1.77
Образование	1.23	2.21	1.13	1.93	1.19	1.58
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1.14	1.88	1.16	1.37	1.08	0.49
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1.01	0.99	1.08	1.62	1.11	1.21

для некоторых видов деятельности, в частности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», «Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака» и т.д. В связи с этим дополним анализ расчетом предложенного в рамках данного исследования индекса интенсивности локализации на основе производительности труда и представим результаты этого расчета в табл. 2.

В данном случае картина интенсивности развития отраслей проступает более явно. В частности, можно судить об опережающем росте производительности труда в таких отраслях, как «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» (3.52); «Производство машин и оборудования» (2.11); «Строительство» (2.01); «Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования» (1.77); «Производство транспортных средств и оборудования» (1.76). Однако, как было отмечено выше, сам по себе индекс интенсивности не показателен без учета предшествовавшего ему расчета индексов локализации по занятости и обороту. Таким образом, возникает необходимость графической интерпретации видов экономической деятельности согласно предложенной модели (см. рис. 1).

Представим на графике на рис. 2 только те виды деятельности, по которым значения обоих индексов локализации превышают 1.3, а также

Таблица 2

Значения коэффициента интенсивности локализации по видам экономической деятельности в Республике Марий Эл за 2005, 2010 и 2014 г.

Виды деятельности	Значения коэффициента по годам		
	2005 г.	2010 г.	2014 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2.24	2.39	3.52
Добыча полезных ископаемых	0.14	0.11	0.20
Обрабатывающие производства всего, в том числе:	1.20	1.18	0.90
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	1.71	1.26	0.98
текстильное и швейное производство	4.02	1.95	1.21
обработка древесины и производство изделий из дерева	1.11	0.99	1.09
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	1.97	1.48	1.12
химическое производство	1.73	0.87	0.58
производство резиновых и пластмассовых изделий	1.61	0.65	0.87
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	1.98	1.46	1.40
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	0.56	0.62	0.55
производство машин и оборудования	2.50	2.18	2.11
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	1.44	1.49	1.77
производство транспортных средств и оборудования	1.61	2.38	1.76
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2.50	1.45	1.30
Строительство	1.69	2.10	2.01
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0.90	1.01	1.08
Гостиницы и рестораны	1.88	1.73	1.37
Транспорт и связь	0.80	0.62	0.63
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1.51	0.89	1.03
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	2.58	1.33	1.51
Образование	1.79	1.70	1.33
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1.65	1.18	0.45
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0.98	1.49	1.09

для сравнения – один вид деятельности с соответствующим значением менее 1.3. В качестве показателя размера пузырьков диаграммы выберем значение индекса интенсивности локализации *LIQ*.

Исходя из представленного рисунка, можно сделать вывод о положении отраслей республики относительно соответствующих видов деятельности по России в целом. Так, опережающим развитием по всем показателям характеризуется «Производство электрооборудования…», имеющий индекс локализации по обороту более 6, а индекс локализации по занятости приближающийся к 3.5. Неплохое развитие демонстрируют «Целлюлозно-бумажное производство…» и «Обработка древесины», отражая пропорциональную и довольно схожую динамику локализации как по обороту, так и по численности занятых. Отдельного внимания заслуживает положение «Сельского хозяйства…», показывающего мощную локализацию по обороту предприятий, что в совокупности с достаточно низкой локализацией по занятости демонстрирует мощный рост интенсивности локализации, то есть, по сути, эффективности данного вида деятельности на территории республики. Кроме того, достаточно высокую степень локализации по обороту в совокупности с интенсивностью локализации более 2 показывает «Производство машин и оборудования».

С целью объективной оценки необходимо рассмотреть положение видов экономической деятельности за предыдущие годы. Поскольку в рамках данной работы не представляется возможным привести все иллюстрации за изученные периоды, рассмотрим в качестве примера положение видов экономической деятельности республики за 2010 год. Данный период, кроме всего прочего, отражает посткризисное положение экономики региона, что поможет выделить положительные и отрицательные изменения, произошедшие за этот период (рис. 3). Для

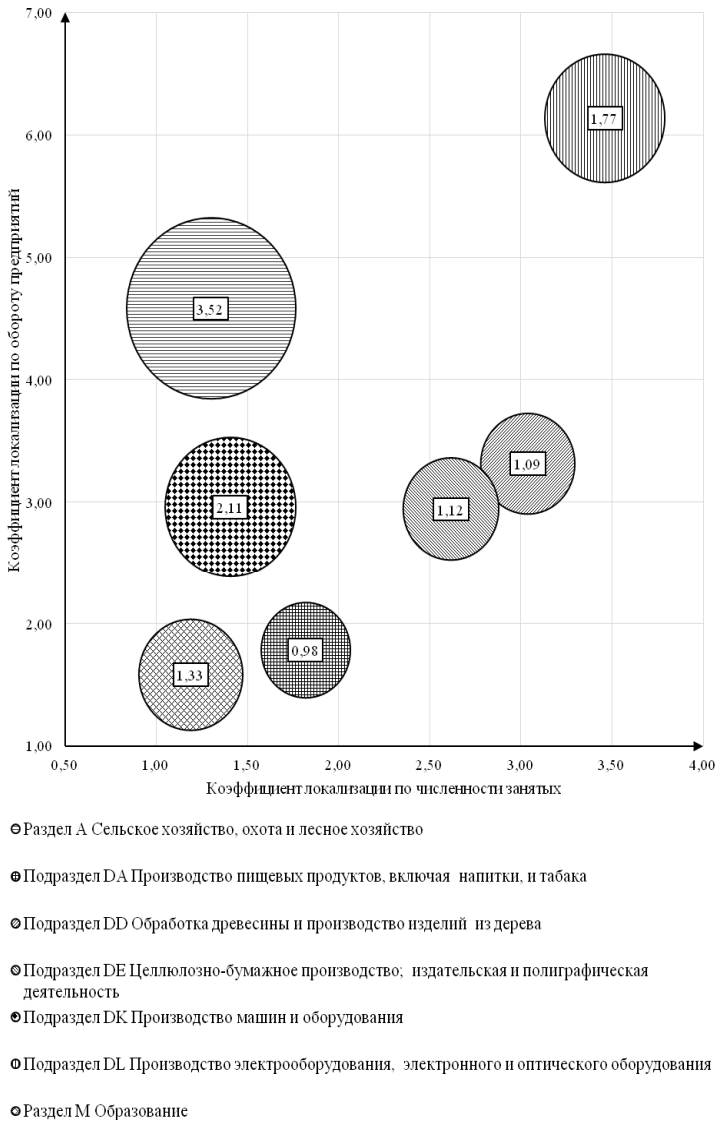


Рис. 2. Графическая интерпретация положения видов деятельности Республики Марий Эл в 2014 г.

удобства восприятия сохраним тот же масштаб координат, несмотря на некоторые сложности в отображении элементов диаграммы.

Исходя из данных рис. 3 и выявленных изменений можно сделать выводы, что некоторые из рассматриваемых видов деятельности демонстрируют явно положительную динамику хотя бы по одному из показателей, а некоторые и по обоим коэффициентам локализации. К группе неоспоримых лидеров, упрочивших свои позиции по всем показателям, необходимо отнести «Сельское хозяйство…» и «Производство электрооборудования». Развитие «Производства пищевых продуктов…» происходило преимущественно в одном направлении – локализации по численности занятых с утратой позиций по обороту. Остальные же виды деятельности показали отрицательную динамику по всем или большинству из рассматриваемых показателей.

Таким образом, исходя из проведенного анализа необходимо отметить, что экономика Республики Марий Эл имеет все возможности развивать прогрессирующую кластерную локализацию. Существующие отрасли-лидеры, входящие в том числе в агропромышленный и лесопромышленный комплексы, а также производство электрооборудования, при должной поддержке могут позволить экономике республики показывать опережающие результаты развития. В свою очередь, определяющими направлениями региональной экономической политики, направленной на развитие и укрепление конкурентоспособных кластеров в экономике республики, должны стать институциональные преобразования и совершенствование инфраструктуры как одного из важнейших факторов развития экономики и роста регионального продукта [10, с. 145]. Кроме того, необходимо отметить, что идентификацию и

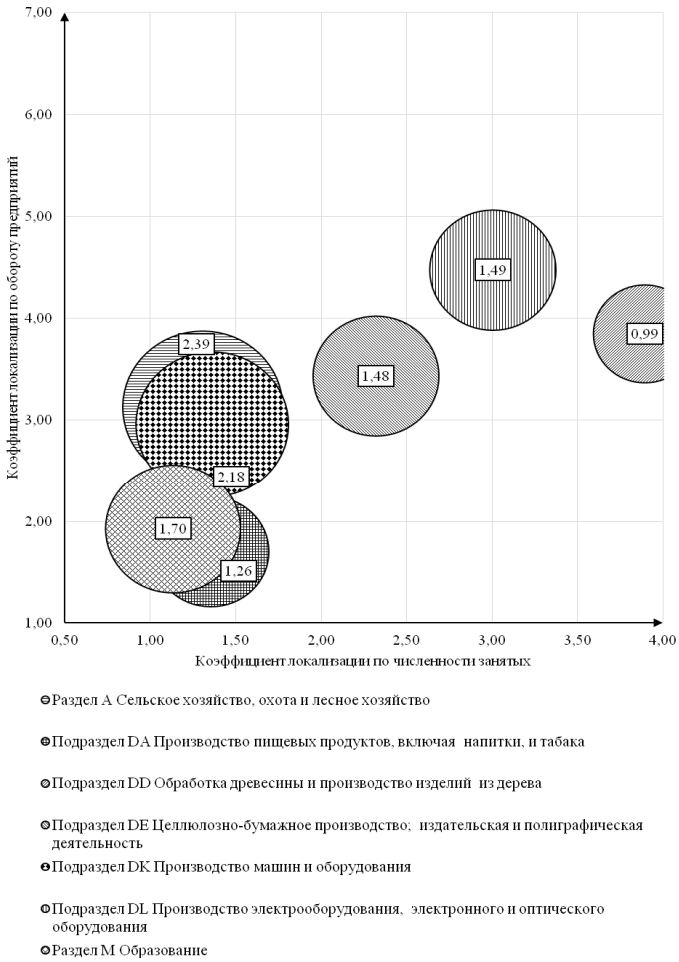


Рис. 3. Графическая интерпретация положения видов деятельности Республики Марий Эл в 2010 г.

исследования экономических кластеров в экономике региона стоит углубить в будущем с использованием других методик – факторного анализа, анализа потенциала кластеризации и так далее. Это позволит сформировать комплексный подход к идентификации и оценке региональных кластеров с целью дальнейшей оценки их эффективности и формирования качественной кластерной и региональной экономической политики.

Список литературы

1. Головин В.А. Основы кластерной теории развития региона // Рыночная трансформация экономики России: проблемы, перспективы, пути развития: Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года / Под ред. Н.М. Швецова. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «СТРИНГ», 2015. С. 19–23.

2. Handbook of Research on Cluster Theory / Edited by C. Karlsson. Cheltenham (UK), Northampton (USA): Edward Elgar, 2008. 316 p.

3. McGrath H. Industrial Clusters in Local and Regional Economies: A Post Porter Approach to the Identification and Evaluation of Clusters in North Dublin. Dublin (Ireland): Glasnevin Publishing, 2008. 241 p.

4. Шилова Н.Н. Теоретический анализ дефиниции «кластер» // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 75–78.

5. Brown R. Cluster Dynamics in Theory and Practice with Application to Scotland: Regional and Industrial Policy Research Paper. Glasgow: European Policies Research Centre, 2000. 30 p.

6. Lagendijk A. Good practices in SME cluster initiatives: Lessons from the «core» regions and beyond. Newcastle (UK): Centre for Urban and Regional Development Studies, 1999. 231 p.

7. Ковалева Т.Ю. Алгоритм идентификации и оценки кластеров в экономике региона // Вестник Пермского университета. Сер. Экономика. 2011. Вып. 4 (11). С. 30–39.

8. Handbook of Research on Innovation and Clusters / Edited by C. Karlsson. Cheltenham (UK), Northampton (USA): Edward Elgar, 2008. 488 p.

9. Батурин Г.Г., Короткова Д.Д., Первухин М.А. Идентификация отраслевых кластеров в Приморском крае // Фундаментальные исследования. 2015. № 11. С. 1145–1148.

10. Головин В.А. Влияние инфраструктуры на развитие агропромышленного комплекса региона // Вестник Межрегионального открытого социального института. 2015. № 1. С. 144–150.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO QUANTITATIVE EVALUATION OF REGIONAL ECONOMIC CLUSTERS

V.A. Golovin

Inter-Regional Open Social Institute, Yoshkar-Ola

The article gives a brief analysis of «regional economic cluster» definitions and principal approaches to the investigation of this phenomenon. Main methodological approaches to quantitative evaluation of regional economic clusters presented in Russian and foreign literature are examined. The author's assessment of advantages and disadvantages of each evaluation index is given and an adaptation of the existing technique is proposed for qualitative evaluation of intensity and effectiveness of clusterization processes using coefficient and graphical methods. We also present the results of the analysis of clusterization processes in the Mari El Republic, which was performed with the use of the proposed methods and techniques.

Keywords: economic cluster, techniques for quantitative evaluation of clusters, location quotient, spatial coefficient of variation, spatial version of the Herfindahl index, location intensity quotient, Mari El Republic.

УДК 338.24

КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

© 2016 г.

Р.П. Иванова

Казанский национальный исследовательский технологический университет

sveta516@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.10.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Раскрыты основные тенденции инновационного развития легкой промышленности. Представлены теоретико-методические подходы к моделированию процессов инновационной деятельности в легкой промышленности. Предложен интегральный метод оценки затрат и результатов инновационной деятельности для сектора легкой промышленности. На основе экономико-математического анализа представлена каноническая модель инновационной активности текстильного и швейного производства, производства кожи, изделий из кожи и производства обуви. В качестве методов исследования использованы: корреляционный, дескриптивный анализ, методы сравнения и описания. Проведен кросс-корреляционный анализ, позволяющий выявить лаги затрат и результатов инновационной деятельности для отдельных секторов легкой промышленности. По результатам исследования представлены выводы и предложены рекомендации.

Ключевые слова: моделирование, легкая промышленность, инновационная деятельность, корреляционный анализ, каноническая модель, интеграция.

Введение

Легкая промышленность вместе с другими отраслями включена в число приоритетных секторов промышленного комплекса страны. Следовательно, она является одним из двигателей модернизации экономики, характеризующимся следующими позитивными факторами:

– быстрая отдача вложенных средств;

– высокая мобильность производства – технологические возможности позволяют осуществлять быструю смену ассортимента выпускаемой продукции;

– ориентация на конечного потребителя и решение проблем уровня жизни;

– высокая технологичность производства;

– развитие малого и среднего бизнеса, активизация деловой активности населения;

– повышение квалификации работников и развитие человеческого потенциала;

– возможность создания здоровой конкурентной среды.

Таким образом, обладая большим научно-техническим и производственным потенциалом, легкая промышленность способна влиять на развитие технологий в смежных отраслях промышленности.

Вместе с тем в настоящее время остро стоит вопрос о необходимости активного внедрения инноваций на рынке легкой промышленности, поскольку образующие ее виды экономической деятельности (текстильное и швейное производство; производство одежды; выделка и крашение меха; производство кожи, изделий из кожи и производство обуви) относятся к низкотехнологичным секторам экономики. Проблемы модернизации отечественной промышленности нашли широкое отражение в работах таких авторов, как С. Авдашева [1], Ю.П. Анисимов [2], Н.В. Бекетов [3], В. Ванхавербеке [4], Б.А. Демильханова [5], С.Ю. Глазьев [6], И. Дежина [7], Д.Д. Катуков [8], Г.А. Краюхин [9], С.С. Кудрявцева [10], М.Ю. Малкина [11], В.А. Рач [12], И.Г. Салимьянова [13], В.Б. Фраймович [14], С. Цухло [15], А.М. Чуйкин [16], А.И. Шинкевич [17] и другие. Однако недостаточно внимания уделено моделированию процессов инновационной деятельности в низкотехнологичных секторах экономики, поскольку основной вклад в уровень инновационной активности вносит высокотехнологичный комплекс. Однако, на наш взгляд, низкотехнологичные отрасли могут стать своеобразной технологической нишей, способной аккумулировать инновационный потенциал отдельных сфер деятельности.

Анализ инновационной активности легкой промышленности

По итогам 2014 г. инновационная активность предприятий текстильной и швейной промышленности составила 10%, увеличившись по сравнению с 2010 г. на 1.1 процентных пункта; предприятий по производству кожи, изделий из

кожи и производству обуви – 12.6% (прирост по сравнению с 2010 г. составил 1.5 процентных пункта). Вместе с тем на предприятиях текстильного и швейного производства отмечается негативная тенденция по объему отгруженной инновационной продукции, которая сократилась с 3.3% в общем объеме отгрузки в 2010 г. до 0.9% в 2014 г. На предприятиях по производству кожи значение данного показателя за аналогичный период увеличилось с 2.3% до 2.9%. В анализируемых видах экономической деятельности интенсивность затрат на инновации (удельный вес затрат на технологические, организационные и маркетинговые инновации в общем объеме отгруженных товаров) остается низкой – менее 1%. По итогам 2014 г. значение данного показателя для текстильной и швейной промышленности составило 0.2%, для производства кожи, изделий из кожи и производства обуви – 0.3% (в 2010 г. 0.9% и 0.3%, соответственно).

Среди негативных факторов инновационной деятельности легкой промышленности следует выделить отсутствие однозначной тенденции по числу организаций, осуществляющих исследования и разработки. На предприятиях текстильного и швейного производства их доля сократилась с 18.8% в 2010 г. до 14.3% в 2014 г.; на предприятиях по производству кожи, изделий из кожи и производству обуви характеризовалась резким увеличением показателя в 2012 г. (40%), с последующим его снижением в 2013 г. до 7.1%. В 2014 г. удельный вес организаций, осуществляющих НИОКР, на предприятиях по производству кожи составил 30.8%. В 2014 г. на трети предприятий текстильного и швейного производства (32.4%) инновации разрабатывались совместно с другими организациями (в 2013 г. – 37.8%); на предприятиях по производству кожи – 29.4% (в 2013 г. – 28.6%), что позволяет говорить о средней степени кооперации в сфере инноваций на предприятиях легкой промышленности [18].

Исходя из цели исследования, представляется целесообразным провести экономико-математическое моделирование процессов инновационной деятельности для сектора легкой промышленности. В качестве инструмента анализа был использован программный продукт Statistica. В качестве затратных показателей инновационной деятельности рассмотрены следующие:

– удельный вес организаций, осуществляющих НИОКР (в процентах);

– доля организаций, осуществляющих совместную кооперацию при разработке технологических инноваций (в процентах);

– интенсивность затрат на инновации (в процентах).

К результирующим показателям инновационной деятельности отнесены:

– инновационная активность организаций (в процентах);

– удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции (в процентах)[1].

Динамический ряд для моделирования включал показатели 2000–2014 гг.

Моделирование инновационной деятельности текстильного и швейного производства

На первом этапе проведен корреляционный анализ, который показал, что для текстильного и швейного производства среди затратных и результирующих показателей инновационной деятельности наибольшая связь отмечается в соотношениях «удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции – интенсивность затрат на инновации» (коэффициент корреляции отразил положительную связь со значением 0.906); менее тесно и с обратной зависимостью связаны между собой показатели «удельный вес организаций, осуществляющих НИОКР» – «инновационная активность организаций» (коэффициент корреляции составил –0.730). Отрицательная зависимость между данными показателями может быть объяснена либо действием лагов, либо слабой внутренней интеграцией научных исследований и внедрением инноваций в производство (табл. 1).

Дескриптивные статистики для текстильного и швейного производства по показателям инноваций позволили установить, что наибольший разброс показателей внутри рядов распределения был характерен для совместной кооперации при разработке технологических инноваций (среднеквадратическое отклонение составило 8.5%) и для удельного веса организаций, осуществляющих НИОКР (3.4%). Следовательно, данные показатели в большей степени характеризуются отсутствием четкой тенденции и требуют особого мониторинга и контроля (табл. 2).

Для оценки взаимосвязи двух групп показателей: затрат и результатов инновационной деятельности легкой промышленности – инструментарием был выбран канонический анализ, позволяющий определить каноническую модель зависимости укрупненных фаз инновационного процесса для данного сектора экономики. Проведенное исследование на основе экономико-математического моделирования показало, что

Таблица 1

Корреляционная матрица для текстильного и швейного производства по показателям инноваций

Показатели	Удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	Совместная кооперация при разработке технологических инноваций, %	Интенсивность затрат на инновации, %	Инновационная активность организаций, %	Удельный вес отгруженной инновац. продукции в общем объеме, %
Удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	1.000	–0.516	0.697	–0.730	0.525
Совместная кооперация при разработке технологических инноваций, %	–0.516	1.000	–0.743	0.325	–0.526
Интенсивность затрат на инновации, %	0.697	–0.743	1.000	–0.540	0.906
Инновационная активность организаций, %	–0.730	0.325	–0.540	1.000	–0.663
Уд. вес отгруженной инновац. продукции в общем объеме, %	0.525	–0.526	0.906	–0.663	1.000

Таблица 2

Дескриптивные статистики для текстильного и швейного производства по показателям инноваций

Показатели	Means (среднее значение)	Std. Dev. (среднеквадратическое отклонение)
Удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	18.8	3.4
Совместная кооперация при разработке технологических инноваций, %	26.6	8.5
Интенсивность затрат на инновации, %	0.5	0.2
Инновационная активность организаций, %	8.8	0.6
Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме, %	2.2	0.8

существует высокая зависимость между анализируемыми показателями. Так, пользуясь значениями всех канонических корней и получив значения переменных в правом множестве (индикатор инновационная активность организаций), можно объяснить, в среднем, 32% дисперсии переменных в левом множестве (индикаторы «удельный вес организаций, осуществляющих НИОКР» и «доля организаций, осуществляющих совместную кооперацию при разработке технологических инноваций»).

Аналогично, можно объяснить 53.7% изменчивости в правой группе по значениям переменных в левом множестве. Эти результаты говорят о средней зависимости между переменными двух множеств. Адекватность полученных результатов подтверждает высокое значение канонического коэффициента корреляции (0.73), которое статистически значимо ($p < 0.001$). Для текстильного и швейного производства наибольшая каноническая зависимость выявлена для следующих групп показателей: удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции – доля организаций, осуществляющих совместную кооперацию при разработке технологических инноваций, и интенсивность затрат на инновации, со значениями левого множества 54.8%, правого множества – 86.9%, соответственно, и значением канонического коэффициента корреляции 0.93 (табл. 3). Данная каноническая модель позволяет сделать вывод, что программы инновационного развития текстильного и швейного производства, нацеленные на увеличение удельного веса отгруженной инновационной продукции, для достижения максимального положительного синергетического эффекта должны сочетаться с интеграцией усилий по следующим направлениям – совместная кооперация при разработке технологических инноваций на стадии НИОКР.

Моделирование инновационной деятельности производства кожи, изделий из кожи и производства обуви

Корреляционный анализ зависимости затрат и результатов инновационной деятельности

Таблица 3

Каноническая модель инновационной активности текстильного и швейного производства

Статистические показатели	Переменные, образующие множества	
	Левое множество	Правое множество
Извлеч. дисперсия	59.5131%	100.000%
Общ. избыточность	31.9695%	53.7185%
Переменные (Канонический коэффициент корреляции = 0.73)	удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	инновационная активность организаций, %
	совместная кооперация при разработке технол. инноваций, %	
Извлеч. дисперсия	77.0732%	100.000%
Общ. избыточность	41.2719%	53.5489%
Переменные (Канонический коэффициент корреляции = 0.73)	удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	инновационная активность организаций, %
	интенсивность затрат на инновации, %	
Извлеч. дисперсия	65.2310%	100.000%
Общ. избыточность	19.8844%	30.4831%
Переменные (Канонический коэффициент корреляции = 0.55)	совместная кооперация при разработке технол. инноваций, %	инновационная активность организаций, %
	интенсивность затрат на инновации, %	
Извлеч. дисперсия	75.7923%	100.000%
Общ. избыточность	27.6000%	36.4153%
Переменные (Канонический коэффициент корреляции = 0.60)	удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме, %
	совместная кооперация при разработке технол. инноваций, %	
Извлеч. дисперсия	65.0510%	100.000%
Общ. избыточность	54.7947%	84.2335%
Переменные (Канонический коэффициент корреляции = 0.92)	удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме, %
	интенсивность затрат на инновации, %	
Извлеч. дисперсия	63.1282%	100.000%
Общ. избыточность	54.8509%	86.8881%
Переменные (Канонический коэффициент корреляции = 0.93)	совместная кооперация при разработке технол. инноваций, %	удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме, %
	интенсивность затрат на инновации, %	

производства кожи, изделий из кожи и производства обуви на первом этапе анализа позволил выявить высокую положительную взаимосвязь между показателями «интенсивность затрат на инновации» – «инновационная активность организаций» (коэффициент корреляции составил 0.824) (табл. 4).

Дескриптивные статистики для производства кожи, изделий из кожи и производства обуви по показателям инноваций позволили установить, что наибольший разброс показателей внутри рядов распределения был характерен для удельного веса организаций, осуществляющих НИОКР (среднеквадратическое отклонение составило 14%) и для совместной кооперации при разработке технологических инноваций (8.1%). Следует отметить, что разброс по аналогичным показателям внутри рядов распределения для текстильного и швейного производства был меньше. Следовательно, данные показатели в

Таблица 4

Корреляционная матрица для производства кожи, изделий из кожи и производства обуви по показателям инноваций

Показатели	Удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	Совместная кооперация при разработке технол. инноваций, %	Интенсивность затрат на инновации, %	Инновационная активность организаций, %	Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме, %
Удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	1.000	–0.575	–0.555	–0.348	0.133
Совместная кооперация при разработке технол. инноваций, %	–0.575	1.000	–0.228	–0.078	–0.125
Интенсивность затрат на инновации, %	–0.555	–0.228	1.000	0.824	0.353
Инновационная активность организаций, %	–0.348	–0.078	0.824	1.000	0.802
Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме, %	0.133	–0.125	0.353	0.802	1.000

Таблица 5

Дескриптивные статистики для производства кожи, изделий из кожи и производства обуви по показателям инноваций

Показатели	Means (среднее значение)	Std. Dev. (среднеквадратическое отклонение)
Удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	20.5	14.0
Совместная кооперация при разработке технологических инноваций, %	31.1	8.1
Интенсивность затрат на инновации, %	0.2	0.1
Инновационная активность организаций, %	10.0	2.4
Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме, %	1.9	0.6

большей степени характеризуются отсутствием однозначной динамики в развитии и требуют пристального наблюдения и анализа (табл. 5).

Построение канонической модели инновационной активности производства кожи, изделий из кожи и производства обуви также подтвердило высокий разброс показателей, существенные колебания внутри динамических рядов и, как следствие, слабую каноническую зависимость между затратами и результатами инновационной деятельности данного сектора экономики. Наибольшая каноническая зависимость наблюдалась для следующей группы: получив значения переменных в правом множестве (индикатор «инновационная активность организаций»), можно объяснить, в среднем, 40% дисперсии переменных в левом множестве (индикаторы «удельный вес организаций, осуществляющих НИОКР» и «интенсивность затрат на инновации»).

Аналогично, можно объяснить 69.6% изменчивости в правой группе по значениям переменных в левом множестве. Эти результаты говорят о высокой зависимости между переменными двух множеств. Адекватность полученных результатов подтверждает высокое значение канонического коэффициента корреляции (0.83), которое значимо ($p < 0.001$) (табл. 6). Данная каноническая модель позволяет сделать вывод, что программы инновационного развития производства кожи, изделий из кожи и производства обуви, нацеленные на увеличение инновационной активности организаций, для достижения максимального положительного синергетического эффекта должны базироваться на росте затрат на инновации пропорционально объему отгруженной инновационной продукции, которые следует направлять прежде всего на первую стадию инновационного процесса – в исследования и разработки.

Таблица 6

Каноническая модель инновационной активности производства кожи, изделий из кожи и производства обуви

Статистические показатели	Переменные, образующие множества	
	Левое множество	Правое множество
Извлеч. дисперсия	26.8549%	100.000%
Общ. избыточность	6.36680%	23.7082%
Переменные (Канонический коэффициент корреляции = 0.49)	удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	инновационная активность организаций, %
	совместная кооперация при разработке технологических инноваций, %	
Извлеч. дисперсия	57.4694%	100.000%
Общ. избыточность	39.9894%	69.5838%
Переменные (Канонический коэффициент корреляции = 0.83)	удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	инновационная активность организаций, %
	интенсивность затрат на инновации, %	
Извлеч. дисперсия	49.5166%	100.000%
Общ. избыточность	34.2324%	69.1332%
Переменные (Канонический коэффициент корреляции = 0.83)	совместная кооперация при разработке технологических инноваций, %	инновационная активность организаций, %
	интенсивность затрат на инновации, %	
Извлеч. дисперсия	78.5456%	100.000%
Общ. избыточность	1.65813%	2.11104%
Переменные (Канонический коэффициент корреляции = 0.14)	удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме, %
	совместная кооперация при разработке технологических инноваций, %	
Извлеч. дисперсия	25.3015%	100.000%
Общ. избыточность	7.09596%	28.0456%
Переменные (Канонический коэффициент корреляции = 0.53)	удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме, %
	интенсивность затрат на инновации, %	
Извлеч. дисперсия	55.3325%	100.000%
Общ. избыточность	6.98981%	12.6324%
Переменные (Канонический коэффициент корреляции = 0.36)	совместная кооперация при разработке технологических инноваций, %	удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме, %
	интенсивность затрат на инновации, %	

Кросс-корреляционный анализ инновационной деятельности легкой промышленности

При построении экономико-математической модели инновационной деятельности легкой промышленности на втором этапе анализа предложено провести кросс-корреляционный анализ для выявления лагов, поскольку затраты на инновации в некоторых случаях в зависимости от их распределения и специфики отрасли могут давать эффект в виде увеличения результатов инновационной деятельности через определенный интервал времени. Кросс-корреляционный анализ показал, что текстильное и швейное производство характеризуется более быстрой отдачей затрат на инновации. Так, увеличение удельного веса организаций, осуществляющих НИОКР, позволяет добиться увеличения инновационной активности организаций и объема отгруженной инновационной продукции в этом же периоде (значение лага составило 0). При этом совместная кооперация при разработке технологических инноваций редуцирует рост инновационной активности организаций и объема отгруженной инновационной продукции в последующем периоде (значение лага составило 1).

Для производства кожи, изделий из кожи и производства обуви увеличение удельного веса организаций, осуществляющих НИОКР, позво-

Таблица 7

Кросс-корреляционный анализ (лаги) затрат и результатов инновационной деятельности для легкой промышленности

		Затраты инновационной деятельности		
		Удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	Совместная кооперация при разработке технол. инноваций, %	Интенсивность затрат на инновации, %
Результаты инновационной деятельности	**Текстильное и швейное производство**			
	Инновационная активность организаций, %	0	1	1
	Удельный вес отгруженной инновац. продукции в общем объеме, %	0	1	0
	Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви			
		Удельный вес организаций, осуществляющих R@D, %	Совместная кооперация при разработке технол. инноваций, %	Интенсивность затрат на инновации, %
	Инновационная активность организаций, %	2	1	0
	Удельный вес отгруженной инновац. продукции в общем объеме, %	2	2	1

ляет добиться увеличения инновационной активности организаций и объема отгруженной инновационной продукции только через 2 периода (значение лага составило 2), а совместная кооперация при разработке технологических инноваций – через 1 период и 2 периода, соответственно (табл. 7).

Заключение

Таким образом, проведенное моделирование позволяет сделать следующие выводы. Программы активизации инновационной деятельности для текстильного и швейного производства, нацеленные на увеличение удельного веса отгруженной инновационной продукции, для достижения максимального положительного синергетического эффекта должны сочетаться с интеграцией усилий по следующим направлениям – совместная кооперация при разработке технологических инноваций на стадии НИОКР. Для производства кожи, изделий из кожи и производства обуви они должны базироваться на росте затрат на инновации пропорционально объему отгруженной инновационной продукции, которые следует направлять прежде всего на первую стадию инновационного процесса – в исследования и разработки. При этом необходимо учитывать и временные лаги отдачи инвестиций в инновационную деятельность, которые могут варьироваться в зависимости от подотрасли. Так, анализ показал, что текстильное и швейное производство характеризуется более быстрой отдачей затрат на инновации, чем производство кожи, изделий из кожи и производство обуви.

Примечание

1. Рассчитано по данным [18].

Список литературы

1. Авдашева С. Бизнес-группы в российской промышленности // Вопросы экономики. 2004. № 5. С. 121–134.

2. Анисимов Ю.П., Пешкова Ю.В., Солнцева Е.В. Методика оценки инновационной деятельности предприятия // Инновации. 2006. № 11. С. 88–90.

3. Бекетов Н.В. Инновационная деятельность и инновационный процесс: сущность и основные этапы исследования в экономической литературе // Экономический анализ: теория и практика. 2008. № 3. С. 11–16.

4. Ванхавербеке В. Формирование и развитие теории открытых инноваций // Инновации. 2008. № 1. С. 78–84.

5. Демильханова Б.А. Барьеры инновационного развития промышленного комплекса // Креативная экономика. 2012. № 1 (61). С. 16–22.

6. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВалДар, 1993. 310 с.

7. Дежина И., Киселева В. «Тройная спираль» в инновационной системе России // Вопросы экономики. 2007. № 12. С. 123–135.

8. Катуков Д.Д., Малыгин В.Е., Смородинская Н.В. Институциональная среда глобализированной экономики: развитие сетевых взаимодействий / Научный доклад под ред. Н.В. Смородинской. М.: Институт экономики РАН, 2012. 45 с.

9. Краюхин Г.А., Ершов В.Ф., Фраймович В.Б. Управление инновационным развитием предприятий и организаций на основе изменений // Вестник ИНЖЭКОНа. 2012. № 1. С. 144–148.

10. Кудрявцева С.С., Неганов К.К. Научно-технический потенциал России как фактор экономического роста в экономике знаний // Экономический вестник Республики Татарстан. 2016. № 2. С. 61–65.

11. Малкина М.Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики // Журнал институциональных исследований. 2011. № 1. С. 50–60.

12. Рач В.А. Инновационное развитие: модель тройной спирали в контексте системно-целостного видения [Электронный ресурс] / Центр внедрения инноваций. Режим доступа: http://lg.tcvin.snu.edu.ua/ru/nauka/262-innovacijnij-rozvitok-model-potrijnoi-spirali-v-konteksti-sistemnocilisnogo-bachennja.

13. Салимьянова И.Г. Инновационная среда и национальная инновационная система // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10. С. 99–102.

14. Фраймович В.Б. Инновационное развитие промышленных предприятий на основе управления изменениями: Монография. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет», 2011. 133 с.

15. Цухло С. Анализ факторов, определяющих реальное финансово-экономическое состояние российских промышленных предприятий // Научные труды №33. М.: ИЭПП, 2000. 65 с.

16. Чуйкин А.М. Концепция открытых инноваций и исследование стратегического потенциала организаций // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 3. С. 32–41.

17. Шинкевич А.И., Кудрявцева С.С. Адаптивное моделирование инновационной деятельности открытых национальных инновационных систем // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2 (42). С. 39–48.

18. Городникова Н.В., Гохберг Л.М., Дитковский К.А. и др. Индикаторы инновационной деятельности: 2016: статистический сборник / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2016. 320 с.

CORRELATION ANALYSIS OF INNOVATION PROCESSES IN LIGHT INDUSTRY

R.P. Ivanova

Kazan National Research Technological University

The article examines the main trends of innovation development of light industry. Theoretical and methodological approaches to the modeling of innovation processes in light industry are presented. An integrated method for assessing costs and results of innovation in the light industry sector is proposed. Based on economic and mathematical analysis, we present a canonical model of innovation in the production of textile and clothing, leather, leather goods and footwear. Research methods include: correlation and descriptive analysis, as well as comparison and description methods. A cross-correlation analysis is performed to identify lags of costs and results of innovation for the individual sectors of light industry. In accordance with the findings of the study, some recommendations are presented.

Keywords: modeling, light industry, innovation, correlation analysis, canonical model, integration.

УДК 331.108.4

ОЦЕНКА ОТДАЧИ ОТ ПОЛУЧЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРИОБРЕТЕНИЯ НОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

© 2016 г.

Л.А. Ильина, С.Б. Смирнова

Самарский государственный технический университет

smirnova_sb@bk.ru

Статья поступила в редакцию 11.10.2016
Статья принята к публикации 08.11.2016

Оценивается экономическая отдача от получения дополнительного профессионального образования и приобретения новых компетенций для молодых специалистов – выпускников образовательных организаций высшего образования. В качестве измерителя отдачи выбран доход по основному месту работы. Исследование проведено в два этапа. На первом этапе применен метод расчета средних величин, на втором этапе используется корреляционно-регрессионный анализ. В результате проведенной первичной апробации данных на основе расчета средних величин было установлено, что наибольший доход имеют специалисты, имеющие техническое образование, дополнительное профессиональное образование, а также свободно владеющие иностранным языком. Проведенный многофакторный корреляционно-регрессионный анализ позволил сделать вывод, что для молодых специалистов в возрасте до 25 лет и до 30 лет влияние на доход по основному месту работы могут оказать наличие дополнительного профессионального образования, свободное владение иностранным языком и наличие второго высшего образования. Для молодых специалистов в возрасте до 35 лет рассматриваемые факторы не оказывают влияния на доход. Таким образом, для выпускников образовательных организаций высшего образования особенно важно непрерывное совершенствование компетенций, получение новых навыков и дополнительного профессионального образования в возрасте до 30 лет, что может позволить им повысить свой доход по основному месту работы.

Ключевые слова: человеческий капитал, непрерывное образование, дополнительное профессиональное образование, молодые специалисты, карьерные траектории, многофакторный корреляционно-регрессионный анализ, компетенции.

В современном мире, находящемся в состоянии постоянного научно-технического развития и совершенствования, особенно ценным является человеческий капитал. Люди, обладающие дополнительными навыками, могут быть более конкурентоспособными и востребованными на рынке труда, в связи с чем особенно актуальной становится концепция непрерывного образования. Для молодых специалистов, находящихся в начале своих карьерных траекторий, особенно важно строить их по наиболее эффективному алгоритму. В связи с этим мы считаем актуальной целью исследования экономическую оценку отдачи от получения дополнительного профессионального образования и приобретения новых компетенций молодыми специалистами – выпускниками образовательных организаций высшего образования.

Г. Алеандри и Л. Рефриджери (G. Aleandri, L. Refrigeri) рассматривают дополнительное профессиональное образование, изучение иностранных языков, получение второго высшего образования как элементы концепции life long learning, или «непрерывное образование», считая, что непрерывное обучение имеет решающее значение, чтобы справиться с сегодняшними проблемами, связанными с экономикой, технологическим ростом и инновациями [1]. Глобальная экономика и постоянное совершенствование технологий, научный и технический прогресс требуют постоянного улучшения компетенций, навыков и умений. Основным фактором развития является способность производить и использовать знания; люди, обладающие большим количеством дополнительных навыков, могут конкурировать на мировых рынках, но также они могут и сотрудничать, создавая более совершенные технологические продукты. Образование и обучение на протяжении всей жизни способствует экономическому и культурному росту населения и имеет ключевое значение для повышения социальной сплоченности, снижения уровня преступности. Непрерывное образование включает в себя не только формальные организации, но и неформальную образовательную среду. Эффективная система образования должна быть гибкой и позволять учащимся войти и выйти из нее, когда это необходимо и целесообразно, и включать в себя множество стейкхолдеров, таких как учащиеся, работода-

тели, поставщики образовательных услуг и государство.

Американский экономист Теодор Уильям Шульц (Schultz) связывал теорию человеческого капитала с экономической выгодой [2]. В своих работах он утверждал, что человеческий капитал повышает как производительность труда, так и производительность физического капитала. На каждом уровне навыка человек становится более продуктивным и обладает высоким человеческим капиталом, а люди, обладающие одним навыком, имеют низкий человеческий капитал и соответственно более низкий доход.

По мнению А. Бассанини, Д. Брунелло (Andrea Bassanini, Giorgio Brunello), человеческий капитал является ключевым фактором экономического роста [3]. Количество дополнительных навыков, которые человек получает в течение своей трудовой жизни, оказывает существенное влияние на перспективы карьерного роста, размер заработной платы и возможности горизонтальной и вертикальной мобильности. Кроме того, повышение компетентности персонала имеет решающее значение в условиях постоянного технологического совершенствования. Хотя необходимость постоянного обучения специалистов компаний бесспорна, в экономических кругах открытым остается вопрос о том, в какой период инвестиции в обучение являются эффективными и кто должен осуществлять инвестирование.

Российские авторы в своих исследованиях также рассматривали вопрос отдачи от дополнительных навыков и дополнительного профессионального образования. О.Н. Баева [4] разделяет выгоды на внешние (экстернальные) и внутренние (частные), а также денежные и неденежные. В качестве отдачи от инвестиций в человеческий капитал, как правило, оценивают большее удовлетворение от выбранной работы в течение жизни, более высокую оценку нерыночных видов деятельности и интересов, более высокий уровень дохода. В качестве издержек анализируют затраты на образовательные услуги, упущенные чистые заработки за вычетом стипендии. Идентифицируются не только затраты и выгоды, но также сравниваются их величины с учетом коэффициента дисконтирования.

Р.И. Капелюшников и А.Л. Лукьянова установили, что накопление человеческого капитала усиливает позиции работников на рынке труда и делает их более ценными для работодателей [5].

Многие исследователи рассматривали вопрос об оплате затрат на получение дополнительных навыков и дополнительного профессионального образования.

Гэри Стэнли Беккер (Becker) считал, что, когда рынок труда является совершенно конкурентным, обучение на рабочем месте позволяет получить одинаковые выгоды как для работодателей, так и для работников [6]. В противовес другие исследователи считают, что работодателю выгодно компенсировать затраты на дополнительное образование работникам частично [7–9]. Теория несовершенной конкуренции объясняет, почему работодатели имеют стимул оплаты дополнительных навыков для работников, следующим образом: если рынок для квалифицированных работников является менее конкурентоспособным, чем рынок для неподготовленных работников, то отношение заработной платы к производительности труда ниже для более квалифицированных, чем для менее квалифицированных работников, то есть заработная плата уменьшается по отношению к производительности труда. В этих условиях работодатель имеет стимул к обучению, потому что он может позволить себе заплатить за квалифицированного работника меньше маржинального продукта. Исследования А. Зидермана (Ziderman), Д. Аджемоглу и Д.-С. Пишке (Acemoglu and Pischke), Э. Лейзира (Lazear), А. Бута и Г. Зоега (Booth and Zoega) свидетельствуют, что некоторые из преимуществ при получении дополнительных навыков присваиваются работникам с некоторым отставанием или при смене места работы [10–14]. Этот факт согласуется с тем, что работодатель, оплачивая обучение сотрудника, имеет над ним монопсоническую власть. Некоторые исследователи пришли к другим выводам: М. Лоуэнстейн и Д. Сплетцер (Loewenstein and Spletzer), используя данные национального лонгитюдного исследования молодежи США, обнаружили, что если обучение позволяет улучшить общие навыки, то отдача на заработную плату на последующих местах работы в три раза выше, чем на настоящем месте работы [15]. П. Ленгерманн (Lengermann) анализировал несколько волн исследования, используя одни и те же факторы, и пришел к выводу, что эффект на заработную плату от получения дополнительного образования, дополнительных навыков увеличивается с течением времени [16]. А. Бут и М. Брайан (Booth and Bryan) изучали три последние волны исследования British Household Panel Survey (BHPS) и обнаружили, что получение дополнительных навыков имеет отдачу на заработную плату, причем большая отдача достигается при прохождении аккредитованных образовательных программ на предыдущем месте работы [9]. К аналогичным выводам пришли Р. Бланделл, Л. Дирден и К. Мегир (Blundell, Dearden and Meghir), исследовавшие три волны British National Child Development Survey (NCDS) [17].

Таблица 1

Данные по выборке А

Волна РМЭЗ	Количество респондентов, завершивших обучение в образовательных организациях высшего образования в возрасте до 25 лет, сообщивших информацию о размере дохода за последние 30 дней	Доля от общего числа респондентов
19-я волна	266	11.74
20-я волна	247	11.11
21-я волна	246	11.13
22-я волна	233	10.78
23-я волна	179	10.40
Всего	1171	11.07

Тем не менее наличие несовершенств на рынке труда не является единственным возможным объяснением факта роста заработной платы после получения дополнительных навыков, если работник меняет работу. Например, работник мог пройти обучение на текущем месте работы, чтобы претендовать на рабочие места в других компаниях, где сотрудники с такими навыками более востребованы [18].

Исследователи, изучавшие вопросы отдачи от получения дополнительного образования, дополнительных навыков, затрагивали также вопросы взаимосвязи минимальной заработной платы с охватом работников, получающих возможность пройти дополнительное обучение. Большинство исследований сосредоточены на изменениях минимального размера оплаты труда в течение долгого времени, но нет ясности, в каком временном интервале уместно проанализировать институциональные изменения, такие как приращение минимальной заработной платы.

С целью проведения исследования отдачи от получения дополнительного профессионального образования и дополнительных навыков для молодых специалистов в качестве эмпирической базы использовались данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ) с октября 2010 г. по февраль 2015 г. РМЭЗ является лонгитюдным обследованием домохозяйств и представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки, разработанной при участии ведущих мировых экспертов в этой области [19].

Для расчетов используются данные по респондентам в возрасте до 35 лет с 19-й по 23-ю волну исследования. Ограничение возраста выборки до 35 лет было задано Основами государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденными Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. №2403-р. Согласно документу, молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями [20]. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники).

В исследовании анализировалось три выборки.

В выборку А исследования были включены респонденты РМЭЗ, завершившие обучение в институте, академии и университете, находящиеся в возрасте до 25 лет на момент проведения исследования и сообщившие размер дохода по основному месту работы за последние 30 дней после вычетов налогов и отчислений. Общий размер выборки за 5 лет исследования составил 1171 человек (табл. 1). Размер выборки составляет от 10.4% до 11.74% в каждой волне исследования.

Выборка В состоит из респондентов РМЭЗ в возрасте до 30 лет на момент проведения исследования, завершивших обучение в институте, академии, университете и сообщивших размер дохода по основному месту работы за последние 30 дней после вычетов налогов и отчислений. Общий размер выборки за пять лет исследования составил 3085 человек (29.15%). Доля выборки от общего количества респондентов составила от 28.49% до 30.05% (табл. 2).

Выборка С включает в себя респондентов РМЭЗ, сообщивших информацию о размере дохода по основному месту работы после вычета налогов и отчислений и получивших образование в институте, университете или академии. Возраст респондентов, попавших в выборку, до 35 лет.

Общее количество респондентов, попавших в выборку С, за пять лет проведения исследования – 4822 человека (45.57%). В каждой волне исследования выборка С составляет от 45.09% до 46.13% (табл. 3).

Для оценки влияния различных факторов на размер конечной функции произведем расчет средних величин в каждой из выборок. В каче-

Таблица 2

Данные по выборке B

Волна РМЭЗ	Количество респондентов, завершивших обучение в образовательных организациях высшего образования в возрасте до 30 лет, сообщивших информацию о размере дохода за последние 30 дней	Доля от общего числа респондентов
19-я волна	662	29.21
20-я волна	668	30.05
21-я волна	645	29.18
22-я волна	616	28.49
23-я волна	494	28.70
Всего	3085	29.15

Таблица 3

Данные по выборке C

Волна РМЭЗ	Количество респондентов, завершивших обучение в образовательных организациях высшего образования в возрасте до 35 лет, сообщивших информацию о размере дохода за последние 30 дней	Доля от общего числа респондентов
19-я волна	1034	45.63
20-я волна	1022	45.97
21-я волна	997	45.11
22-я волна	975	45.09
23-я волна	794	46.13
Всего	4822	45.57

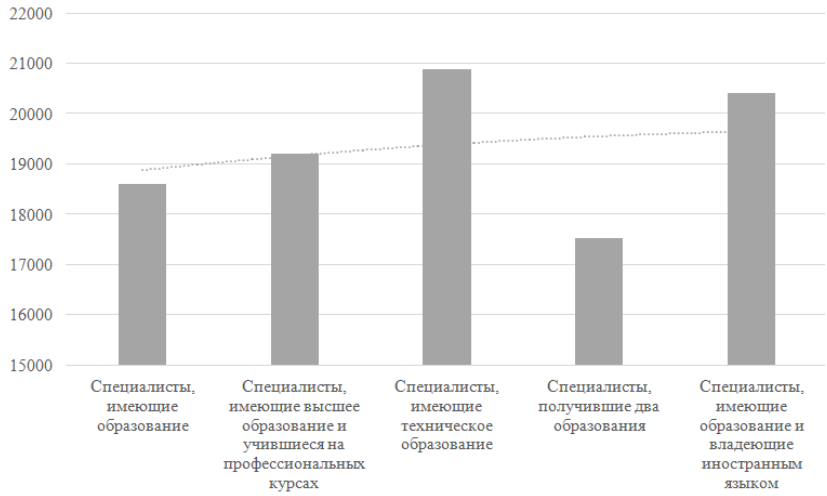


Рис. 1. Распределение доходов по основному месту работы за вычетом налогов и отчислений у респондентов выборки A

стве влияющих факторов были рассмотрены: наличие первого технического образования, наличие первого образования, отличного от технического, свободное владение иностранным языком, получение дополнительного профессионального образования, получение второго высшего образования; произведена фильтрация данных по каждому из обозначенных факторов.

Распределение среднего дохода по основному месту работы за вычетом налогов и отчислений у респондентов, имеющих дополнительное профессиональное образование, дополнительные навыки, в выборке A представлено на рис. 1.

В возрасте до 25 лет наибольший средний доход по основному месту работы среди респондентов, завершивших обучение в университете, институте, академии, имеют специалисты с техническим образованием (20 878 руб.).

На рис. 2 представлено распределение дохода по основному месту работы за вычетом налогов и отчислений у респондентов выборки B.

Наибольший доход среди респондентов выборки B у специалистов, имеющих техническое образование и владеющих иностранным языком (68 782 руб.), что может быть связано с высоким уровнем оплаты труда на международных промышленных предприятиях. Следующий уровень оплаты труда у специалистов, имеющих первое техническое и второе образование (29 683 руб.). Наиболее низкий уровень оплаты труда у специалистов, имеющих образование и не имеющих дополнительных компетенций (21 035 руб.).

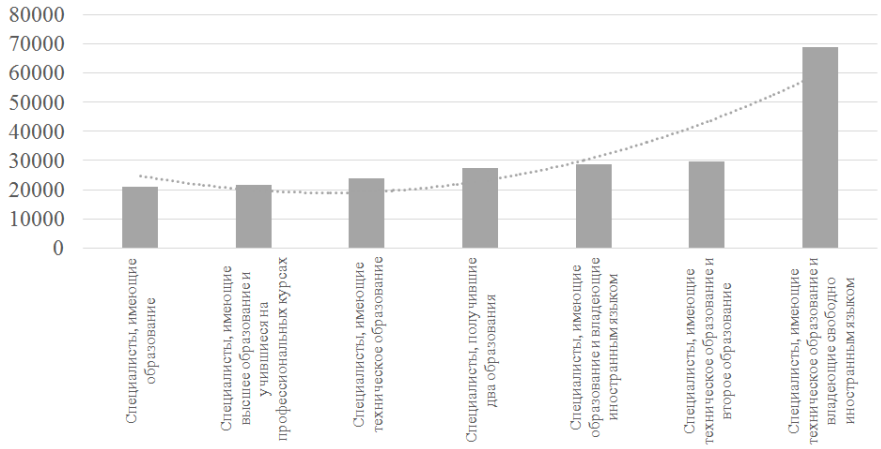


Рис. 2. Распределение доходов по основному месту работы за вычетом налогов и отчислений у респондентов выборки B

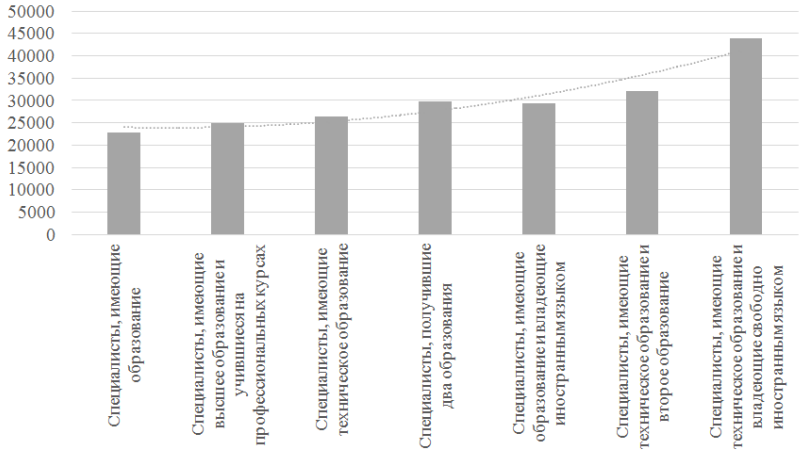


Рис. 3. Распределение доходов по основному месту работы за вычетом налогов и отчислений у респондентов выборки C

На рис. 3 представлено распределение дохода по основному месту работы среди респондентов выборки C.

Из графика можно сделать вывод, что наиболее высокий уровень ежемесячного дохода у специалистов, имеющих техническое образование и свободно владеющих иностранным языком (44 000 руб.), и специалистов, имеющих техническое образование и второе образование (32 184 руб.). Наименьший уровень оплаты труда имеют специалисты с образованием без дополнительных компетенций (22 751 руб.).

Таким образом, наибольший доход у специалистов, имеющих техническое образование, свободно владеющих иностранным языком и имеющих дополнительное профессиональное образование. Наименьший доход имеют молодые специалисты без дополнительных компетенций, что при отсутствии большого опыта работы не позволяет им быть достаточно конкурентоспособными на рынке труда.

Вопрос востребованности молодых специалистов и их успешности на рынке труда является предметом исследования многих консалтинговых агентств, кадровых служб и интернет-порталов. К примеру, специализированная служба ведущего интернет-портала Career.ru для молодых специалистов, стремящихся построить карьеру, ежегодно проводит исследование состояния рынка труда для молодых специалистов в России. Посещаемость Career.ru – более 3 миллионов уникальных пользователей в месяц. По данным исследования среди работодателей, в 2015 г. чаще всего в вакансиях для молодых специалистов встречалось требование по наличию экономического образования – 38% всех российских вакансий. Четверть вакансий подразумевали техническое образование. В 9% вакансий встречалось юридическое образование. За год увеличилась доля вакансий с экономическим образованием, а доля вакансий с техническим и финансовым образованием снизи-

лась. Ежегодно владение английским языком – одно из самых распространенных требований. Среди вакансий, где встречается требование к знанию иностранного языка в сфере «Начало карьеры, студенты», – 96% вакансий с английским языком. Причем знать его кандидат должен на уровне intermediate (57% вакансий). За 2015 год работодатели стали требовательнее к уровню знания английского языка. Ключевые требования к молодым специалистам, по мнению работодателей (данные из опроса), следующие: инициативность, высокая ответственность и умение работать в команде. Всего 19% работодателей требуют наличие практических навыков в начале карьеры. В 2015 году снизилось число работодателей, уделяющих внимание наличию сертификатов о дополнительном профессиональном образовании, но и в 2014 году их количество также было незначительным.

Существуют противоречия между полученными данными при апробации методики расчета средней величины дохода по основному месту работы при влиянии различных факторов, таких как наличие дополнительного профессионального образования и дополнительных компетенций, и исследованиями, проведенными среди работодателей. Необходимо использование дополнительных методик расчета для получения более объективных результатов.

О.Н. Баева в своих работах использует традиционные методики оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал по методу «издержки – выгоды» [4]. Джейкоб Минцер (Mincer) использовал функцию заработной платы для определения норм отдачи от инвестиций в образование [21]. Уравнение Минцера использует в исследовании влияния дополнительного профессионального образования на заработную плату работников П.В.Травкин [22].

Анализ зависимости совокупного дохода по основному месту работы от заданных факторов был проведен с использованием многофакторного корреляционного анализа, поскольку он позволяет оценить степень влияния на исследуемый результативный показатель каждого из введенных в модель факторов при фиксированных на среднем уровне других факторах. При этом важным условием является отсутствие функциональной связи между объясняющими факторами.

Для проведения корреляционно-регрессионного анализа были использованы следующие факторы:

x_1 – наличие дополнительного профессионального образования (фактор 1);

x_2 – свободное владение иностранным языком (фактор 2);

x_3 – наличие второго высшего образования (фактор 3);

x_4 – наличие первого высшего технического образования (фактор 4);

x_5 – наличие первого высшего образования, отличного от технического (фактор 5).

Оценка отдачи от технического образования представляет интерес в связи с тем, что инженерное образование является одним из приоритетов государственной политики в образовательной сфере. Минобрнауки России на протяжении последних трех лет проводит поступательную политику по развитию качества инженерного образования. Для исследования представляет интерес проверка гипотезы – повышается ли уровень оплаты труда у молодых специалистов при наличии технического образования.

Результирующим показателем модели (y) является размер дохода за последние 30 дней по основному месту работы за вычетом налогов и отчислений.

В результате анализа необходимо перейти к функциональной зависимости вида:

$$y = f(x_1, x_2, x_3, x_4, x_5). \quad (1)$$

Сводная таблица показателей для выборки А имеет следующий вид (таблица 4).

В результате вычислений получена таблица парных коэффициентов корреляции, которую можно представить в виде треугольной матрицы (таблица 5).

Анализ полученной матрицы осуществлялся в два этапа [23].

1. Если есть факторы, для которых $|r_{yx}| \approx 0$, то соответствующие признаки из модели исключаются. В данном случае в первом столбце матрицы коэффициентов корреляции таких значений нет.

2. Анализируя парные коэффициенты корреляции факторных признаков друг с другом (r_{yx}), характеризующие тесноту взаимосвязи, необходимо оценить их независимость друг от друга, поскольку это необходимое условие для дальнейшего проведения регрессионного анализа. Но так как для экономических показателей абсолютно независимых признаков нет, необходимо выделить по возможности максимально независимые признаки. Факторные признаки, находящиеся в тесной корреляционной зависимости, называются мультиколлинеарными. Включение в модель мультиколлинеарных признаков делает невозможной экономическую интерпретацию регрессионной модели, так как изменение одного фактора влечет за собой изменение факторов, с ним связанных, что может привести к изменению модели.

Критерий мультиколлинеарности факторов выглядит следующим образом:

Таблица 4

Свободная таблица показателей для расчета многофакторного корреляционно-регрессионного анализа дохода по основному месту работы респондентов в возрасте до 25 лет, завершивших обучение в университете, академии, институте

Волна РМЭЗ	y	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5
19-я	9.64	6.01	3.38	3.38	27.82	72.18
20-я	9.79	6.88	5.67	2.43	24.70	75.30
21-я	9.78	10.16	5.28	1.22	4.47	95.50
22-я	9.93	6.87	5.58	4.72	26.61	73.39
23-я	9.96	3.45	6.72	3.89	25.00	75.00

Таблица 5

Матрица парных коэффициентов корреляции для анализа выборки А

	y	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5
y	1					
x_1	–0.36182	1				
x_2	0.907628	–0.27752	1			
x_3	0.46698	–0.70149	0.125321	1		
x_4	0.096143	–0.78342	–0.08958	**0.811305**	1	
x_5	–0.09604	0.783367	0.089731	**–0.81133**	–1.00	1

Таблица 6

Регрессионная таблица для расчета многофакторного корреляционно-регрессионного анализа дохода по основному месту работы респондентов в возрасте до 25 лет, завершивших обучение в университете, академии, институте

y	x_1	x_2	x_3
9.64	6.01	3.38	3.38
9.79	6.88	5.67	2.43
9.78	10.16	5.28	1.22
9.93	6.87	5.58	4.72
9.96	3.45	6.72	3.89

$$|r_{yx}| \geq 0.8.$$

Согласно критерию из модели был выведен фактор x_4 (наличие первого высшего технического образования). Аналогично из модели выйдет фактор x_5 (наличие первого высшего образования, отличного от технического). Этот фактор является мультиколлинеарным, т.е. слишком сильно зависит от других факторов модели и не является решающим для результирующего показателя.

Регрессионный анализ проводился на основе оставшихся трех факторов (таблица 6).

Регрессия используется для анализа воздействия на отдельную зависимую переменную значений независимых переменных (факторов) и позволяет корреляционную связь между признаками представить в виде некоторой функциональной зависимости:

$$y = f(x_1, x_2, x_3, x_4, x_5), \qquad (2)$$

называемой уравнением регрессии или корреляционно-регрессионной моделью (таблица 7).

В данном случае R-квадрат равен 0.9860, что говорит о правильном подборе факторов в модель и о наличии тесной взаимосвязи факторов с результирующим показателем.

На основе полученного ряда коэффициентов можно составить уравнение регрессии, которое имеет вид:

$$y = 9.04+0.01x_1+0.09x_2+0.05x_3. \qquad (3)$$

Полученное уравнение вида $y = f(x_1, x_2, x_3)$ отвечает цели корреляционно-регрессионного анализа и является линейной моделью зависимости дохода по основному месту работы молодых специалистов в возрасте до 25 лет от трех факторов x_1, x_2, x_3.

Далее необходимо проанализировать выборку В, включающую в себя респондентов в возрасте до 30 лет. На основе полученного ряда коэффициентов можно составить уравнение регрессии, которое имеет вид:

$$y = 11.46+0.27x_1+0.12x_2–0.02x_3. \qquad (4)$$

Таблица 7

Корреляционно-регрессионная модель влияния факторов на размер дохода по основному месту работы у молодых специалистов в возрасте до 25 лет

Регрессионная статистика	
Множественный *R*	0.992997
R-квадрат	0.986043
Нормированный *R*-квадрат	0.944171
Стандартная ошибка	0.030516
Наблюдения	5

Полученное уравнение вида $y = f(x_1, x_2, x_3)$ отвечает цели корреляционно-регрессионного анализа и является линейной моделью зависимости дохода по основному месту работы молодых специалистов в возрасте до 30 лет от трех факторов x_1, x_2, x_3.

Поскольку коэффициент при переменной x_3 имеет отрицательное значение, можно сделать вывод, что на значение конечной функции оказывают влияние только факторы x_1 и x_2.

Проведем анализ выборки С, в которую включены респонденты в возрасте до 35 лет, завершившие обучение в институте, академии или университете и сообщившие информацию о доходе по основному месту работы за вычетом налогов и отчислений за последние 30 дней. На основе полученного ряда коэффициентов можно составить уравнение регрессии, которое имеет вид:

$$y = 12.04 – 0.17x_1 – 0.02x_3 – 0.02x_4. \quad (5)$$

Полученное уравнение вида $y = f(x_1, x_3, x_4)$ отвечает цели корреляционно-регрессионного анализа и является линейной моделью зависимости дохода по основному месту работы молодых специалистов в возрасте до 35 лет от трех факторов x_1, x_2, x_3.

Поскольку коэффициенты имеют отрицательные значения, можно сделать вывод, что соответствующие факторы не оказывают влияния на конечную функцию.

Проведенный многофакторный корреляционно-регрессионный анализ позволяет сделать вывод, что для молодых специалистов в возрасте до 25 лет влияние на доход по основному месту работы могут оказать наличие дополнительного профессионального образования, свободное владение иностранным языком и наличие второго высшего образования. Для молодых специалистов в возрасте до 30 лет перечисленные факторы также оказывают влияние на доход по основному месту работы. Для молодых специалистов в возрасте до 35 лет рассматриваемые факторы не оказывают влияния на доход. Подобное заключение может быть связано с приоритетным влиянием накопленного профессионального опыта и стажа на данном этапе карьерных траекторий молодых специалистов.

Таким образом, для молодых специалистов особенно важно непрерывное совершенствование компетенций, получение новых навыков и дополнительного профессионального образования, что может позволить им повысить свой доход по основному месту работы. Основы эффективного формирования карьерных траекторий должны быть заложены на этапе обучения в образовательной организации высшего образования, что может быть достигнуто за счет создания системы стратегического партнерства между вузом и бизнес-сообществом. Положительным эффектом от создания и деятельности подобной системы может быть появление понимания и стимулов у обучающихся к получению тех компетенций, которые позволят им быть более востребованными и впоследствии более высокооплачиваемыми специалистами на рынке труда.

В условиях непрерывного технологического совершенствования получение дополнительных компетенций специалистами становится особенно важным для экономики страны [24]. Предложенную методику исследования можно использовать для совершенствования системы мотивации молодых специалистов на предприятии, выявления тех компетенций, которые позволяют получить экономическую отдачу в конкретной организации. Одним из возможных направлений дальнейшего исследования может быть анализ влияния факторов на доход по основному месту работы в различных регионах страны.

Список литературы

1. Aleandri G., Refrigeri L. Lifelong learning, training and education in globalized economic systems: Analysis and Perspectives // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. **93**. P. 1242–1248.

2. Schultz T.W. Investing in People. University of California Press, 1981.

3. Bassanini A., Brunello G. Is training more frequent when the wage premium is smaller? Evidence from the European Community Household Panel // Labour Economics. 2008. **15**. P. 272–290.

4. Баева О.Н. Оценка отдачи от образования на уровне региона // Управленец. 2013. № 2. С. 64–69.

5. Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 196 с.

6. Becker G.S. Investment in a Human Capital: a Theoretical Analysis // The Journal of Political Econo-

my. 1962. Volume 70. Issue 5. Part 2: Investment in Human Begins. P. 9–49.

7. Barron J.M., Berger M.C., Black D.A. Do Workers Pay for On-the-Job Training? // Journal of Human Resources. 1999. **3**. P. 235–252.

8. Loewenstein M., Spletzer J. Dividing the Costs and the Returns to General Training // Journal of Labor Economics. 1998. **16**. P. 142–171.

9. Booth A., Bryan M. Testing Some Predictions of Human Capital Theory: New Training Evidence from Britain // Review of Economics and Statistics 2005. 87. P. 391–394.

10. Katz E., Ziderman A. Investment in General Training: The Role of Information and Labor Mobility // The Economic Journal. 1990. **100**. P. 1147–1158.

11. Stevens M. A Theoretical Model of On-The-Job Training with Imperfect Competition // Oxford Economic Papers. 1994. **46**. P. 537–562.

12. Acemoglu D., Pischke J. Beyond Becker: Training in Imperfect Labour Markets // The Economic Journal. 1999. **109**. P. F112–F142.

13. Lazear E.P. Firm-Specific Human Capital: A Skill-Weights Approach // NBER Working Paper. 2003. No. 9679. May.

14. Booth A., Zoega G. Is Wage Compression a Necessary Condition for Firm-Financed General Training? // Oxford Economic Papers. 2004. **56**. P. 88–97.

15. Loewenstein M., Spletzer J. General and Specific Training: Evidence and Implications // Journal of Human Resources. 1999. **34**. P. 710–733.

16. Lengermann P. How Long Do the Benefits of Training Last? Evidence from Long Term Effects across Current and Previous Employers // Research in Labor Economics. 1999. **18**. P. 439–461.

17. Blundell R., Dearden L., Meghir C. Work-related Training and Earnings // IFS Working Paper. London: Institute for Fiscal Studies, 1999.

18. Moen E., Rosen A. Does Poaching Distort Training? // CEPR Discussion Paper. 2002. No. 3468. July.

19. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2016. Режим доступа: https://www.hse.ru/rlms/.

20. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 №2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета. 2014.

21. Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution //The Journal of Political Economy. 1958. P. 281–302.

22. Травкин П.В. Дополнительное профессиональное образование в России: влияние на заработную плату работников // Вестник ВГУ. Серия Экономика и управление. 2013. № 1. С. 111–118.

23. Хорина И.В., Бражников М.А. Методы исследования и моделирования национальной экономики: Учеб. пособ. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2010. 201 с.

24. Артамонычева А.Р., Гатина Ф.Ф. Особенности и критерии привлечения инвестиций в экономику России // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2008. № 2 (8). С. 13–15.

EVALUATION OF THE IMPACT OF GETTING ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION AND NEW SKILLS FOR YOUNG PROFESSIONALS

L.A. Ilyina, S.B. Smirnova

Samara State Technical University

The aim of our research is to evaluate the economic benefits of receiving additional training and acquiring additional skills for young graduates of higher education institutions. In this study, the income from the main job was used as a measure of benefits from additional training. The research was performed in two stages. At the first stage, we used the method of average values calculation, at the second stage - multivariate correlation and regression analysis. The initial testing of the data based on the calculation of averages has shown that young professionals with technical education, additional professional education, and fluent in a foreign language had the highest income. As a result of multivariate regression analysis, we have come to the conclusion that for young professionals under 25 and up to 30 years of age, the income from the main job may depend on additional professional education, fluency in a foreign language and a second degree in higher education. For young professionals under the age of 35, such factors have no effect on their income. Thus, it is particularly important for the graduates of educational institutions of higher education to continuously improve their competencies, get new skills and additional professional education before reaching the age of 30 years in order to increase their income at the main place of work.

Keywords: human capital, lifelong learning, additional professional education, young professionals, career path, multivariate correlation and regression analysis, competences.

УДК 330.34: 332.1

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2016 г.

В.И. Перова, О.Ю. Незнакомцева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

perova_vi@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2016
Статья принята к публикации 08.11.2016

Методом *K*-средних – одной из эффективных процедур кластерного анализа, реализованного в системе STATISTICA®, – исследована динамика показателей социально-экономического развития регионов Российской Федерации. По уровню этого развития за период 2011–2014 гг. регионы распределились на пять групп (кластеров), в которых сформировались ядра с постоянным составом. Получены состав и характеристики каждого кластера. Результаты исследования свидетельствуют о достаточно выраженной неравномерности в развитии регионов РФ. Сделаны экономические выводы в целях определения путей повышения социально-экономического развития регионов России.

Ключевые слова: динамика социально-экономического развития, регионы РФ, экономически активное население, миграция, среднедушевые денежные доходы, кластерный анализ, метод *K*-средних, STATISTICA®.

Говоря о перспективах развития экономики регионов Российской Федерации, можно выделить в качестве важнейшей следующую проблему. Речь идет о процессе перехода экономической системы индустриального типа с приоритетным развитием сырьевого сектора к инновационной экономике, которая основана на знаниях и связана с развитием наукоемких отраслей. Это, несомненно, обеспечит конкурентоспособность не только всей страны, но и ее регионов и будет способствовать повышению качества жизни населения. Понимание важности перехода российской экономической системы к созданию инновационной экономики [1–5], основанной на знаниях, нашло свое отражение в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [6]. Поэтому необходим анализ динамики уровня жизни населения регионов РФ, поскольку он позволяет оценить текущее социально-экономическое развитие регионов России и наметить его дальнейшие перспективы.

Уровень жизни населения зависит от большого количества факторов. Следовательно, задача исследования динамики социально-экономического развития регионов РФ является многофакторной и для ее решения необходимо применять методы многомерного статистического анализа [7–12].

В данной работе проведен кластерный анализ динамики социально-экономического развития регионов РФ. Кластеризация – это разбиение множества объектов на несколько компактных областей (кластеров, групп) [7, 13]. Разбиение исходного набора объектов на кластеры называется кластерным решением. Кластеризация позволяет представить неоднородные данные в более наглядном виде и применять далее для исследования каждого кластера различные методы.

Разделение объектов на кластеры должно удовлетворять следующим требованиям:

– каждый объект входит только в одну группу;

– объекты внутри одного кластера похожи друг на друга;

– объекты из разных групп имеют заметные различия.

При кластеризации используются различные меры расстояния между объектами. Выбор метрики является узловым моментом исследования, от которого в основном зависит окончательный вариант разбиения на кластеры при данном алгоритме разбиения. В каждом конкретном случае этот выбор должен производиться в зависимости от целей исследования. В настоящей работе для оценки анализа динамики социально-экономического развития регионов РФ проводилась кластеризация по 8 признакам с помощью эффективной процедуры кластерного анализа – методом *K*-средних. В методе *K*-средних в качестве меры расстояния между объектами применяется евклидово расстояние, а при определении расстояния между кластерами используется центроидный метод.

Базой исследования являлись 82 региона России, а в качестве классификационных признаков использованы следующие показатели за период 2011–2014 гг.:

– численность населения (чел.);
– миграция населения (прибывшие, чел.);
– миграция населения (выбывшие, чел.);
– численность занятых (чел.);
– численность безработных (чел.);
– потребность в работниках (чел.);
– среднедушевые денежные доходы (руб. в месяц);
– выбросы загрязняющих веществ в воздух (тонн).

Выбор этих показателей обусловлен тем, что они оказывают существенное влияние на социально-экономическое состояние регионов РФ. В частности, миграция населения регионов России, которая является мощным фактором экономического развития, обеспечивает перераспределение трудовых ресурсов в соответствии с потребностями наиболее динамично развивающихся регионов и ведет в них к концентрации экономически активного и предприимчивого населения. Кроме того, миграция населения между регионами способствует сближению культур и народов, укреплению мира и согласия [14].

Следует отметить, что регионы с высокими среднедушевыми денежными доходами, с хорошей экологической обстановкой, с низким уровнем безработицы удовлетворяют потребностям и интересам различных групп населения и обладают инвестиционной привлекательностью [15]. Они вносят существенный вклад в экономическое развитие России и способны улучшить качество жизни населения.

Анализ динамики социально-экономических показателей регионов Российской Федерации

В настоящей работе исследовалась динамика социально-экономического развития регионов Российской Федерации с 2011 по 2014 гг. Анализ динамики социально-экономического состояния регионов РФ проведен на основе показателей, взятых с сайта Федеральной службы государственной статистики [16], которые стандартизованы нами и приведены к ценам 2014 г. с учетом инфляции:

- X1 – численность населения (чел.);
- X2 – миграция населения (прибывшие, чел.);
- X3 – миграция населения (выбывшие, чел.);
- X4 – численность занятых (чел.);
- X5 – численность безработных (чел.);
- X6 – потребность в работниках (чел.);
- X7 – среднедушевые денежные доходы (руб. в месяц);
- X8 – выбросы загрязняющих веществ в воздух (тонн).

С помощью кластерного анализа, реализованного в наиболее признанной в мировой практике статистической системе STATISTICA®, осуществлено распределение 82 регионов РФ на пять кластеров.

В кластеры *A* и *B* вошли регионы с высокой численностью населения, в частности занятого населения, с большой потребностью в работниках и с высокими среднедушевыми денежными доходами. В регионах данных кластеров наблюдается большая миграция населения. Кластер *A* по сравнению с кластером *B* характеризуется малыми выбросами загрязняющих веществ в воздух.

Кластер *C* и *D* образовали регионы со средними значениями всех показателей.

Для регионов кластера *E* характерны очень низкие значения всех показателей, за исключением среднедушевых денежных доходов.

Динамика численности регионов РФ в кластерах приведена в табл. 1.

Более наглядное представление о динамике количественного распределения регионов РФ по кластерам в период 2011–2014 гг. дает рис. 1.

Анализ данных в табл. 1 и рис. 1 показывает, что количество регионов в кластерах на протяжении всего рассматриваемого периода варьируется. Самыми многочисленными кластерами являются: кластер *D* в 2011 г., 2013 г. и в 2014 г. и кластер *C* в 2012 г., а наименьшее количество регионов содержит кластер *A* в 2011–2014 гг.

Подробные сведения о принадлежности регионов Российской Федерации к тому или иному кластеру за рассматриваемый период представлены в табл. 2.

Таблица 1

Изменение численности регионов в кластерах в 2011–2014 гг.

Кластер	Количество регионов			
	2011	2012	2013	2014
A	1	2	3	2
B	7	20	4	7
C	19	37	21	18
D	49	17	48	49
E	6	6	6	6

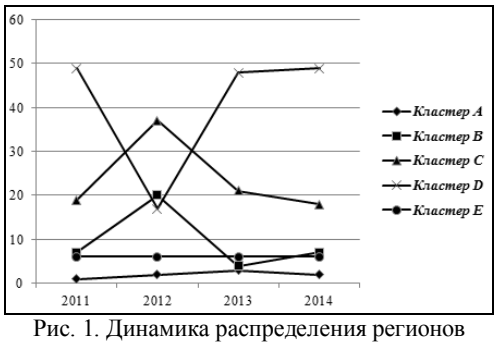


Рис. 1. Динамика распределения регионов РФ по кластерам в период 2011–2014 гг.

Как показывает анализ данных табл. 2, некоторые регионы РФ на протяжении нескольких лет остаются в одном кластере. Фактически в кластерах сформировались ядра с постоянным составом.

В ядро кластера *A* вошел г. Москва. Ядро кластера *B* составили Свердловская и Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ и Красноярский край. Ядро кластера *C* образовали Воронежская, Волгоградская, Омская области и Чеченская Республика. Ядро кластера *D* оказалось самым многочисленным. В него вошли Костромская, Орловская, Новгородская, Псковская области, 12 республик – Карелия, Адыгея, Калмыкия, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия – Алания, Марий Эл, Мордовия, Алтай, Тыва, Хакасия и Еврейская автономная область. В ядро кластера *E* вошли Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области.

К ядру кластера *A* тяготеет Московская область. К ядру кластера *B* тяготеют Краснодарский край и Республика Башкортостан. К ядру кластера *C* тяготеют Ленинградская, Ростовская, Нижегородская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Челябинская, Иркутская и Новосибирская области, республики Дагестан и Татарстан, Ставропольский, Пермский, Алтайский и Приморский края. К ядру кластера *D* тяготеют Белгородская, Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Курская, Липецкая, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Мурманская, Астраханская, Пензенская, Кировская, Ульяновская, Курганская, Томская и Амурская области, республики Коми, Бурятия и Саха (Якутия), Удмуртская и Чувашская республики, Забайкальский и Хабаровский края.

В табл. 3 приведены результаты анализа средних значений показателей для регионов РФ в период 2011–2014 гг.

Наглядное представление о динамике средних значений показателей по кластерам регионов РФ за 2011–2014 гг. дают графики, приведенные на рис. 2 – рис. 9.

Из рассмотренных данных табл. 3 и рис. 2 следует, что показатель численности населения в регионах кластера *A* уменьшается и достигает минимума в 2013 г., а затем возрастает. В то же время для других кластеров в 2011–2014 гг. значения данного показателя ниже, чем в кластере *A*. Для регионов, вошедших в кластер *C,* показатель численности населения принимает минимальное значение в 2012 г., а максимальное – в 2013 г. Для регионов, распределившихся в кластеры *D* и *E*, данный показатель практически остается неизменным за весь рассматриваемый период.

На рис. 3 и рис. 4 представлена динамика миграции населения (прибывшие и выбывшие) по кластерам за 2011–2014 гг.

В кластере *A* наблюдается возрастающая динамика миграции населения, и в кластере *A* больше прибыло населения, чем убыло. В регионах кластера *B* просматривается схожая динамика по прибывшему и выбывшему населению, но в 2013 г. выбыло населения больше, чем прибыло. Для регионов кластеров *C* и *D* миграция прибывшего и выбывшего населения минимальна в 2012 г., причем ее значение ниже общих средних показателей по России. Для регионов кластера *E* миграция населения практически постоянна и также ниже общих средних показателей по РФ.

На рис. 5 и рис. 6 приведена динамика численность занятого и безработного населения регионов Российской Федерации по кластерам за 2011–2014 гг.

В регионах кластера *A* показатель численности занятого населения уменьшается и достигает минимума в 2013 г., а затем возрастает. Численность безработного населения в данном кластере, наоборот, возрастает и достигает максимума в 2013 г., а затем снижается. Регионы кластера *B* характеризуются снижением показателей численности занятого и безработного населения в 2011–2013 гг. После 2013 г. значения этих показателей возрастают, причем численность безработного населения в 2014 г. превышает численность занятого. Для регионов кластеров *C* и *D* показатели численности занятого и безработного населения минимальны в 2012 г., причем их значения ниже общих средних показателей по России. Отметим, что для кластера *C* наблюдается резкое снижение показателя безработного населения в 2012 г. Для регионов кластера *E* численность занятого и безработного населения практически не изменяется и ниже общих средних показателей по РФ. Однако в регионах данного кластера значения показателя безработного населения ниже, чем занятого.

На рис. 7 представлена динамика потребности в работниках регионов РФ по кластерам за 2011–2014 гг.

В регионах кластера *A* наблюдается резкий спад показателя потребности в работниках с 2011 по 2013 г., затем происходит рост данного показателя. Для регионов кластера *B* значение данного показателя практически не изменяется

Таблица 2

Динамика распределения регионов РФ по кластерам в 2011–2014 гг.

Регион РФ	Номера кластеров			
	2011	2012	2013	2014
Белгородская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Брянская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Владимирская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Воронежская область	*C*	*C*	*C*	*C*
Ивановская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Калужская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Костромская область	*D*	*D*	*D*	*D*
Курская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Липецкая область	*D*	*C*	*D*	*D*
Московская область	*B*	*A*	*A*	*A*
Орловская область	*D*	*D*	*D*	*D*
Рязанская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Смоленская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Тамбовская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Тверская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Тульская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Ярославская область	*D*	*C*	*D*	*D*
г. Москва	*A*	*A*	*A*	*A*
Республика Карелия	*D*	*D*	*D*	*D*
Республика Коми	*D*	*C*	*D*	*D*
Архангельская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Ненецкий автономный округ	*E*	*E*	*E*	*E*
Вологодская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Калининградская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Ленинградская область	*D*	*C*	*C*	*C*
Мурманская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Новгородская область	*D*	*D*	*D*	*D*
Псковская область	*D*	*D*	*D*	*D*
Республика Адыгея	*D*	*D*	*D*	*D*
Республика Калмыкия	*D*	*D*	*D*	*D*
Краснодарский край	*B*	*B*	*A*	*B*
Астраханская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Волгоградская область	*C*	*C*	*C*	*C*
Ростовская область	*C*	*B*	*C*	*C*
Республика Дагестан	*C*	*B*	*C*	*C*
Республика Ингушетия	*D*	*D*	*D*	*D*
Кабардино-Балкарская Республика	*D*	*D*	*D*	*D*
Карачаево-Черкесская Республика	*D*	*D*	*D*	*D*
Республика Северная Осетия – Алания	*D*	*D*	*D*	*D*
Чеченская Республика	*C*	*C*	*C*	*C*
Ставропольский край	*C*	*B*	*C*	*C*
Республика Башкортостан	*B*	*B*	*C*	*B*
Республика Марий Эл	*D*	*D*	*D*	*D*
Республика Мордовия	*D*	*D*	*D*	*D*
Республика Татарстан	*C*	*B*	*C*	*C*
Удмуртская Республика	*D*	*C*	*D*	*D*
Чувашская Республика	*D*	*C*	*D*	*D*
Пермский край	*C*	*B*	*C*	*C*
Кировская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Нижегородская область	*C*	*B*	*C*	*C*
Оренбургская область	*C*	*C*	*C*	*D*
Пензенская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Самарская область	*C*	*B*	*C*	*C*
Саратовская область	*C*	*B*	*C*	*C*
Ульяновская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Курганская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Свердловская область	*B*	*B*	*B*	*B*
Тюменская область	*B*	*B*	*B*	*B*
Ханты-Мансийский автономный округ	*B*	*B*	*B*	*B*

Окончание таблицы 2

Регион РФ	Номера кластеров			
	2011	2012	2013	2014
Ямало-Ненецкий автономный округ	*E*	*E*	*E*	*E*
Челябинская область	*C*	*B*	*C*	*C*
Республика Алтай	*D*	*D*	*D*	*D*
Республика Бурятия	*D*	*C*	*D*	*D*
Республика Тыва	*D*	*D*	*D*	*D*
Республика Хакасия	*D*	*D*	*D*	*D*
Алтайский край	*C*	*B*	*C*	*C*
Забайкальский край	*D*	*C*	*D*	*D*
Красноярский край	*B*	*B*	*B*	*B*
Иркутская область	*C*	*B*	*C*	*C*
Кемеровская область	*C*	*B*	*C*	*B*
Новосибирская область	*C*	*B*	*C*	*C*
Омская область	*C*	*C*	*C*	*C*
Томская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Республика Саха (Якутия)	*D*	*C*	*D*	*D*
Камчатский край	*E*	*E*	*E*	*E*
Приморский край	*C*	*B*	*C*	*C*
Хабаровский край	*D*	*C*	*D*	*D*
Амурская область	*D*	*C*	*D*	*D*
Магаданская область	*E*	*E*	*E*	*E*
Сахалинская область	*E*	*E*	*E*	*E*
Еврейская автономная область	*D*	*D*	*D*	*D*
Чукотский автономный округ	*E*	*E*	*E*	*E*

Таблица 3

Статистика средних значений показателей регионов РФ по кластерам за 2011–2014 гг.

Год	Номер кластера	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8
2011	*A*	5.85	2.18	1.02	6.28	0.78	6.65	3.42	-0.39
	B	1.41	2.35	2.26	1.34	1.48	1.20	0.70	2.12
	C	0.59	0.45	0.73	0.49	1.09	0.36	-0.24	0.07
	D	-0.44	-0.46	-0.51	-0.42	-0.51	-0.38	-0.38	-0.31
	E	-0.85	-0.77	-0.98	-0.76	-1.14	-0.55	2.47	-0.15
2012	*A*	4.54	4.10	2.62	4.80	0.90	4.13	2.02	-0.26
	B	0.83	0.92	1.20	0.74	1.20	0.78	0.07	0.84
	C	-0.25	-0.27	-0.26	-0.24	-0.21	-0.26	-0.25	-0.21
	D	-0.68	-0.71	-0.83	-0.65	-0.68	-0.62	-0.67	-0.44
	E	-0.84	-0.73	-0.89	-0.76	-1.10	-0.58	2.50	-0.14
2013	*A*	3.75	3.76	2.63	3.78	2.01	3.63	1.41	-0.21
	B	0.79	1.43	1.93	0.78	0.99	0.79	0.93	3.70
	C	0.58	0.45	0.65	0.50	1.01	0.41	-0.24	0.10
	D	-0.45	-0.46	-0.50	-0.42	-0.51	-0.40	-0.38	-0.32
	E	-0.84	-0.74	-0.86	-0.76	-1.10	-0.59	2.55	-0.19
2014	*A*	4.58	4.19	3.25	4.82	1.59	4.12	1.88	-0.25
	B	1,03	1.50	1.82	0.91	1.42	0.84	0.46	2.50
	C	0.56	0.40	0,52	0.47	1.03	0.50	-0.22	-0.03
	D	-0.44	-0.44	-0.48	-0.41	-0.51	-0.42	-0.38	-0.30
	E	-0.83	-0.75	-0.83	-0.75	-1.13	-0.44	2.60	-0.25

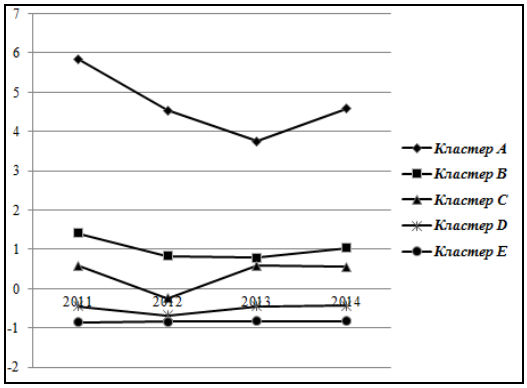


Рис. 2. Динамика численности населения регионов РФ по кластерам в период 2011–2014 гг.

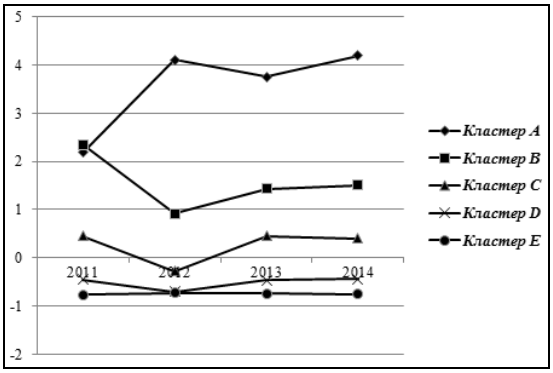


Рис. 3. Динамика миграции населения (прибывшие) регионов РФ по кластерам в период 2011–2014 гг.

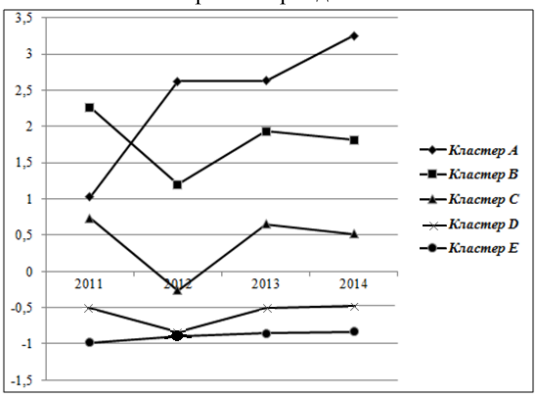


Рис. 4. Динамика миграции населения (выбывшие) регионов РФ по кластерам в период 2011–2014 гг.

Рис. 5. Динамика численности занятого населения регионов РФ по кластерам в период 2011–2014 гг.

Рис. 6. Динамика численности безработного населения регионов РФ по кластерам в период 2011–2014 гг.

Рис. 7. Динамика потребности в работниках регионов РФ по кластерам в период 2011–2014 гг.

Рис. 8. Динамика среднедушевых доходов населения регионов РФ по кластерам в период 2011–2014 гг.

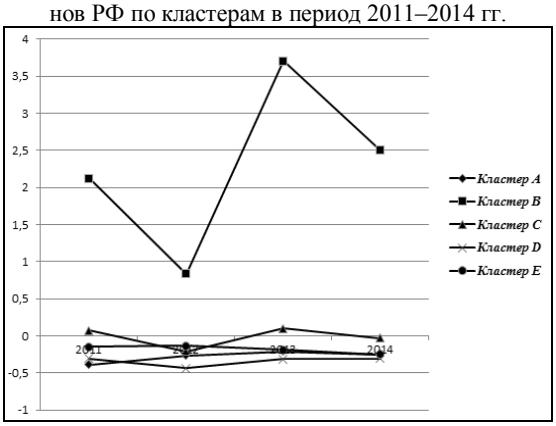


Рис. 9. Выбросы загрязняющих веществ в регионах РФ по кластерам в период 2011–2014 гг.

и превышает общее среднее значение этого показателя по России. Для регионов кластера *C* значение показателя потребности в работниках минимально в 2012 г., причем это значение ниже общего среднего по России. Динамика показателя потребности в работниках в кластерах *D* и *E* практически постоянная и не превышает общего среднего значения по России.

На рис. 8 приведена динамика среднедушевых доходов населения регионов Российской Федерации по кластерам за 2011–2014 гг.

В регионах кластера *A* наблюдается резкий спад показателя среднедушевых доходов с 2011 по 2013 г., затем происходит рост данного показателя. Для регионов кластера *B* характерна изменяющаяся динамика значения показателя среднедушевых доходов. Данный показатель имеет минимальное значение в 2012 г. и максимальное в 2013 г. Значение среднедушевых доходов населения в кластерах *C* и *D* практически постоянно и не превышает общего среднего значения по России. Кластер *E* характеризуется высокими значениями среднедушевых доходов, которые на протяжении рассматриваемого периода времени незначительно возрастают.

На рис. 9 представлена динамика выбросов загрязняющих веществ в регионах Российской Федерации по кластерам за 2011–2014 гг.

Среди всех кластеров наибольшее значение выбросов загрязняющих веществ наблюдается в кластере *B*, причем максимум показателя имеет место в 2013 г. В регионах, распределившихся в кластеры *A*, *D* и *E*, хорошая экологическая обстановка по выбросам загрязняющих веществ. В кластере *C* в 2011 и в 2013 г. наблюдаются незначительные ухудшения данного показателя, а в остальные годы его значение находится на уровне общего среднего показателя по России.

Заключение

Применение методов многомерного статистического анализа, реализованного в системе STATISTICA®, для исследования динамики развития регионов Российской Федерации позволило установить присутствие заметных различий в численности регионов в кластерах. Это свидетельствует о достаточно выраженной неравномерности в развитии регионов РФ. С точки зрения принадлежности регионов России к федеральным округам состав кластеров различен. В период с 2011 по 2014 г. самыми многочисленными кластерами являлись кластеры *C* и *D*. Лидерами по миграции населения являются регионы, вошедшие в кластеры *A* и *B* (г. Москва, Свердловская и Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ и Красноярский край). Регионы с высокими среднедушевыми доходами населения вошли в кластеры *A* и *E* (г. Москва, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области). Регионы с высокими значениями по выбросам загрязняющих веществ распределились в кластер *B* (Свердловская и Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ и Красноярский край).

Заметим, что регионы Приволжского федерального округа на протяжении всего рассматриваемого периода распределились на три группы.

- Регионы, являющиеся ядром кластера *D* и тяготеющие к нему (Кировская, Ульяновская, Пензенская области, республики Марий Эл и Мордовия, Удмуртская и Чувашская республики). В данных регионах все показатели ниже общих средних по России показателей.
- Регионы, тяготеющие к ядру *C* (Нижегородская, Оренбургская, Самарская, Саратовская области, Пермский край, Республика Татарстан). Здесь все показатели выше, чем в регионах кластера *D*.
- Регион, тяготеющий к кластеру *B* (Республика Башкортостан). Данный регион характеризуется высокой потребностью в работниках, высокими среднедушевыми доходами, высокой занятостью населения. Однако в то же время здесь наблюдается неблагоприятная экологическая обстановка и высокая миграция населения.

С точки зрения перспектив дальнейшего социально-экономического развития регионов Российской Федерации и обеспечения их конкурентоспособности, важным является скорейший переход к инновационному пути развития [2, 3, 11, 12].

К сдерживающим факторам следует отнести:

– недостаточно высокий темп роста покупательной способности населения;

– недостаточность эффективных мер привлечения инвестиций на региональном уровне;

– недостаточное финансирование затрат на улучшение экологической обстановки в регионах;

– недостаточно эффективное использование транзитно-транспортного потенциала в межрегиональном масштабе;

– ограниченную конкурентоспособность промышленного комплекса, ориентированного на использование преимуществ экспортно-сырьевой сферы.

Проведенные исследования позволили оценить социально-экономическое состояние регионов России и показали важность перехода российской экономической системы к инновационной траектории развития, обеспечивающе-

го конкурентоспособность экономики регионов Российской Федерации.

Список литературы

1. Трифонов Ю.В., Рокунова О.В. Государственная поддержка инновационной деятельности на региональном уровне // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4(1). С. 300–306.

2. Перова В.И., Ласточкина Е.И. Нейросетевое моделирование динамики инновационной деятельности в регионах Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 3 (39). С. 49–58.

3. Перова В.И., Гончарова Д.Г. Нейросетевой анализ динамики инновационной активности регионов Российской Федерации // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 29. С. 56–68.

4. Кузнецов Ю.А., Перова В.И., Эйвазова Э.Н. Нейросетевое моделирование динамики инновационного развития регионов Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 4. С. 18–28.

5. Ефимычев Ю.И., Трофимов О.В. Концептуальные основы стратегии инновационного развития промышленных предприятий в современных условиях: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010. 273 с.

6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года: утверждена распоряжениями Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009).

7. Балабанов А.С., Стронгина Н.Р. Анализ данных в экономических приложениях: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. 135 с.

8. Максимов Ю.В., Тимофеева М.А. Сравнительная оценка социально-экономического потенциала регионов Приволжского федерального округа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (2). С. 134–137.

9. Балабанов А.С., Власова О.А., Стронгина Н.Р. Задачи статистического вывода в экономических приложениях: компьютерный практикум в системе STATISTICA / Под ред. Н.Р. Стронгиной. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. 67 с.

10. Кузнецов Ю.А., Мичасова О.В. Формализация задачи выявления и анализа основных факторов, определяющих экономический рост в РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 3 (39). С. 9–19.

11. Болдыревский П.Б., Кистанова Л.А. Модель с распределенными лагами динамики инновационной деятельности промышленных предприятий // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 25 (376). С. 58–62.

12. Болдыревский П.Б., Кистанова Л.А. Математико-статистическая модель инновационной деятельности промышленных предприятий // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 15 (366). С. 57–64.

13. Кузнецов Ю.А., Перова В.И. Кластерный анализ в экономических приложениях с применением ППП «STATISTICA». Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2009. 88 с.

14. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2004. 285 с.

15. Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г. Инвестиционные механизмы развития промышленного производства: Монография. Нижний Новгород: ННГУ, 2008. 156 с.

16. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru (дата обращения: 01.03.2016).

RESEARCH INTO THE DYNAMICS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION REGIONS

V.I. Perova, O.Yu. Neznakomtseva

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The *K*-means method is an effective procedure of cluster analysis implemented in the STATISTICA® system. By using this method, we study the dynamics of social and economic development indicators of the Russian Federation regions. The regions have been divided into five groups (clusters) depending on the level of their development during the period from 2011 to 2014. Within these clusters, kernels with a fixed structure have been created. The structure and performance of each cluster have been characterized. The results of our research testify to a rather pronounced unevenness in the development of the Russian Federation regions. Some economic conclusions have been drawn with the aim to define the ways for enhancing social and economic development of Russia's regions.

Keywords: dynamics of social and economic development, regions of the Russian Federation, economically active population, migration, average per capita cash income, cluster analysis, *K*-means method, STATISTICA®.

УДК 338.49

ПРОБЛЕМЫ ИМПОРТИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ НА ПРИМЕРЕ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

© 2016 г.

А.А. Пономарев

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола

a.a.ponomarev@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 06.10.2016
Статья принята к публикации 08.11.2016

Проводится анализ гипотезы об эффективности институциональной модернизации автомобильного рынка России импортированием институтов, ранее реализованных и применяемых в других хозяйственных системах. Импортирование институтов рассматривается как основной детерминант развития институциональной среды автомобильного рынка России. Исследование проведено на основе положений нормативной и позитивной теории институциональных изменений. Для аргументации выводов использованы общенаучные методы, в том числе сравнительный анализ, синтез информации и формально-логический метод. Продемонстрировано, что практика импортирования институтов должна носить комплексный характер, а заимствованные институты должны отвечать критериям конгруэнтности и комплементарности. Автором доказано, что преемственность черт западной модели развития отрасли посредством сознательного заимствования институтов с учетом особенностей развития российской экономики является неотъемлемым аспектом развития институциональной инфраструктуры автомобильного рынка России.

Ключевые слова: импортирование институтов, институциональная среда, институциональные изменения, автомобильный рынок, комплементарность институтов.

Автомобильный рынок России является неотъемлемой частью национальной экономики, и его развитие во многом зависит от динамичных факторов: заданных социально-экономических параметров, внешнеполитических факторов, конъюнктуры мирового автомобильного рынка. Своевременная и эффективная адаптация институциональной среды автомобильного рынка к новым условиям определяет динамику его дальнейшего развития. «Выращивание» новых институтов с целью модернизации существующей институциональной инфраструктуры является длительным процессом и связано с рисками отторжения новых правил. Поэтому рассмотрим метод импортирования институтов как наиболее оптимальный вариант развития институциональной инфраструктуры автомобильного рынка России.

Вопросы, связанные с импортированием, заимствованием, революционными изменениями, отражены в работах зарубежных социологов и экономистов – Ф. Хайека, Д. Норта, Г. Мюрдаля, Б. Бади, Г. Таллока, К. Эрроу, Т. Эггертссона, Д. Бьюкенена, С. Корнелла, Дж. Калта, Дж. Ховстеда и российских ученых – Р. Нуреева, Я. Кузьминова, А. Шаститко, А. Олейника, В. Волчика, Р. Капелюшникова, В. Мау. К основным недостаткам существующих исследований можно отнести: преобладание исследований эволюционных изменений, недостаточную формализуемость полученных результатов, поверхностное рассмотрение вопросов практического применения в отдельных отраслях, что обусловливает актуальность нашего исследования.

Целью данного исследования является анализ гипотезы об эффективности институциональной модернизации автомобильного рынка России импортированием институтов, ранее реализованных и применяемых в других хозяйственных системах. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: обосновать выбор методологии исследования, проанализировать опыт заимствования институтов на автомобильном рынке России, выявить условия эффективности импортирования институтов в институциональную инфраструктуру автомобильного рынка России.

Исследование перспектив и направлений развития российского автомобильного рынка с позиций институциональной теории предполагает использование определенного набора инструментов, позволяющего учесть специфику экономических процессов на данном отраслевом рынке. Многообразные трансформационные процессы, протекающие как на внутреннем автомобильном рынке, так и на мировом, представляют огромный материал для исследования институциональных изменений в рамках определенной экономической системы. «Молодой», быстро изменяющийся автомобильный рынок России требует институциональной модернизации путем изменений в правилах экономиче-

ского поведения субъектов рынка, или институциональных изменений. Теория институциональных изменений, как и базовая экономическая теория, представлена двумя формами: позитивной и нормативной.

Позитивная теория институциональных изменений направлена на описание, объяснение и предсказание институциональных изменений. Институциональные изменения — это сложный процесс, потому что предельные изменения (changes at the margin) могут быть следствием изменений в правилах, неформальных ограничениях, в способах и эффективности принуждения к исполнению правил и ограничений [1, с. 21]. Описание институциональных изменений предполагает качественное или количественное описание произошедшего изменения какого-либо института и самого процесса изменения, включая его результаты. Задача объяснения институционального изменения состоит в описании некой модели, связывающей воедино причины происходящих изменений, характеристики данного процесса и его результаты. Комплексное описание процесса институционального изменения включает несколько этапов: появление идеи нового правила или изменения уже существующей нормы; распространение этой идеи среди потенциальных субъектов; внедрение нового или измененного правила как реально осуществляемого поведенческого акта среди экономических агентов.

Источниками идей институционального изменения являются целенаправленное проектирование правил или их спонтанное возникновение, а также импортирование (заимствование) правил, ранее уже реализованных и применяемых в других хозяйственных системах. Механизмами распространения действия нового правила (института) являются различные формы коммуникации, такие как социальное или индивидуальное обучение экономических агентов, целенаправленное информирование через средства коммуникации, спонтанное изучение и освоение новых правил и т.д. Средой распространения происходящих институциональных изменений является политический рынок и рынок институтов. Каждый этап институционального изменения реализуется посредством специфической комбинации представленных элементов, что придает определенную индивидуальность траектории развития отдельного институционального изменения.

Наиболее сложным направлением позитивной теории институциональных изменений является процесс предсказания относительно того, какой новый, ранее не существовавший институт появится в системе в ответ на определенные изменения внешней и внутренней среды. Решение задач предсказания в рамках позитивной теории институциональных изменений тесно связано с разработкой рекомендаций в отношении желаемых и необходимых институциональных изменений в рамках нормативной теории. Действительно, для того чтобы предсказать изменения в поведении экономических агентов как реакцию на новую сформировавшуюся институциональную среду, прежде всего необходимо обоснованно рекомендовать те или иные действия, направленные на создание новых или изменение уже существующих институтов.

Нормативная теория институциональных изменений, как правило, учитывает и опирается на отдельные положения, разработанные в других научных направлениях, так или иначе изучающих человеческое поведение (экономика, право, экономика отраслевых рынков, социология, философия), что подтверждает междисциплинарный характер исследования.

Внедрение положений позитивной и нормативной теории институциональных изменений в практику изучения перспектив развития автомобильного рынка России является важной составляющей методологического инструментария проводимого исследования. Важно отметить, что формулируемые рекомендации по преобразованию институциональной структуры автомобильного рынка – от отдельной производственной и потребляющей единицы до всей экономической системы – должны быть не просто адекватными, они должны оптимально встраиваться и реализовываться в уже существующую институциональную среду, тем самым обеспечивая максимальное достижение экономических интересов всех агентов автомобильного рынка.

Применение позитивной и нормативной теории институциональных изменений является целесообразным при планировании направлений развития автомобильного рынка. Национальный рынок автомобилей имеет свои особенности, а его функционирование сопряжено с рядом проблем, специфика которых определяет характер и практику институциональных изменений.

Размеры страны, уровень плотности населения, климатические условия, отдаленность отдельных регионов от центра, различия в развитости инфраструктуры становятся важными факторами в формировании предложения и спроса на автомобили на территории России, тем самым определяя дифференцированный характер развития рынка автомобилей. Так, в крупном портовом городе – Владивостоке более 50% автомобилей привезены из Японии или Кореи. Такие автомобили остаются более удобными для эксплуатации и покупки, вследствие

отдаленности от Центральной России и близости к соседним государствам-автопроизводителям. В Москве, где качество дорожного покрытия самое лучшее в России, абсолютное большинство автомобилей моноприводные, а за Уралом преобладают автомобили, оснащенные полным приводом.

Институциональная инфраструктура автомобильного рынка – это иерархическая система взаимосвязанных элементов, состоящая из формальных и неформальных институтов, определяемых спецификой институциональной среды автомобильного рынка и практикой поведения субъектов рынка. Наравне с формальными институтами особое значение приобретает неформальная составляющая институциональной инфраструктуры. Неформальные институты придают определенный характер взаимоотношениям автомобильных дилеров и компаний-импортеров. Значительная роль неформальных правил в институциональной инфраструктуре является следствием исторически сложившихся традиций и ценностей в обществе и социально-экономической системе. К тому же процесс институциональных изменений порой усложняется тем, что изменение неформальных институтов требует больше времени, чем целенаправленное проектирование и внедрение формальных правил. Так, подписание дополнительного договора к дилерскому соглашению между дилером и дистрибьютором занимает меньше времени, чем изменение специфики сложившихся отношений на данном рынке. К тому же даже внесение дополнительных изменений в антимонопольное законодательство является более быстрым процессом, чем изменение менталитета населения, традиций и неформальной практики взаимодействия, утвердившейся в обществе. Например, значительное количество автовладельцев с недоверием относятся к обслуживанию автомобиля в дилерском центре. Хотя развитие рынка в России идет цивилизованным путем, многие автовладельцы продолжают доверять ремонт «гаражным» мастерским, такой ремонт имеет меньшую стоимость, оплачивается непосредственно исполнителю без подтверждения кассовыми документами, что порой позволяет сэкономить средства. Одной из немногих причин, по которой автовладельцы обслуживают свои автомобили на сервисе официального дилера, является сохранение гарантии на автомобиль. По данным ассоциации «РОАД» («Российские автомобильные дилеры») в период действия гарантии до 90% автовладельцев выбирают станции официальных дилеров, после окончания гарантии завода-изготовителя – 42% потребителей. После истечения гарантийного срока многие перестают обслуживаться у дилера и обращаются в «гаражи» и неавторизованные центры. Подобные особенности функционирования автомобильного рынка, основанные на уже сформировавшихся традициях и практике взаимодействия субъектов рынка, затрудняют процесс совершенствования институциональной инфраструктуры.

Наиболее качественный скачок в трансформации данного рынка произошел после распада СССР, когда иностранные автомобилестроительные компании стали ориентироваться на российский рынок. Несмотря на то, что в настоящее время менталитет участников автомобильного рынка начинает приобретать адекватные «рыночные очертания», по-прежнему сохраняется недоверие к производителям и дилерским центрам. Автомобилестроительные компании вместе с дилерской сетью уделяют этому вопросу значительное внимание. Дилерский центр и импортер совместно отслеживают индекс лояльности потребителя к дилеру и производителю. Подобные практики являются признаком повышения уровня культуры автомобильного рынка в России.

В сложившихся условиях, когда настолько распространена практика взаимодействия импортеров и дилеров, оптимальным вариантом развития институциональной инфраструктуры автомобильного рынка является преемственность черт западной модели развития отрасли посредством импортирования (заимствования) институтов с учетом особенностей развития российской экономики и менталитета нации. Институциональные изменения в форме импортирования правил, ранее уже реализованных и применяемых в других хозяйственных системах и моделях, являются важной частью позитивной теории институциональных изменений. В целом заимствование широко распространено среди различных стран, экономических систем, сообществ, отраслей и выступает как принятие и использование различных элементов материальной, культурной, социальной и институциональной сфер. Заимствование инноваций, организационной структуры, контракта, идеи, правил включает восприятие и переработку института стороной-реципиентом. Следует отметить, что данный процесс имеет определенные ограничения, так как при наличии существенных различий в уровне развития «отдающей» (система-донор) и «принимающей» (система-реципиент) систем заимствование становится практически невозможным, поэтому вносимый элемент может быть полностью отторгнут субъектами принимающей системы. Поэтому достаточно часто эффективные в рамках одной сис-

темы институты оказываются бесполезными или снижающими продуктивность функционирования экономических агентов в рамках другой экономической системы. Несогласованность вводимого института с уже существующей в системе их совокупностью означает вероятное появление противоречащих друг другу правил и моделей поведения в ситуации принятия решения. В результате у субъекта скорее всего увеличится неопределенность будущего, что может привести к принятию дополнительных, а порой и ненужных решений.

Несогласованность правил означает, что между ними нет комплементарности, предполагающей такие виды деятельности, для которых увеличение объема любого из них увеличивает (или, по крайней мере, не снижает) предельную прибыльность каждого из остальных видов деятельности данной группы [2, с. 115]. Следовательно, институты будут комплементарными, а заимствование оправданным, если включение одного из них в институциональную инфраструктуру увеличивает эффективность функционирования субъектов или приводит к прежнему результату, что и в условиях ранее действовавших институтов, но, например, с наименьшими издержками. Такое заимствование считается эффективным.

Исследование процесса импортирования институтов и детальный эмпирический анализ последствий введения новых правил содержится в работах зарубежных ученых (С. Корнелл, Дж. Калт, Д. Берковиц, К. Пистор, Ж.-Ф. Ришар) [3, 4]. Как отмечают авторы, для того чтобы импортируемый институт стал эффективным, он должен иметь существенное значение в данной среде, а граждане должны иметь стимулы для использования данного правила, что будет создавать на него спрос, тем самым обеспечивая его исполнение и дальнейшее развитие. К тому же политики и прочие юридические посредники (адвокаты, нотариусы, судьи) должны быть ответственны за развитие института и стараться его улучшать с течением времени. Основная проблема, возникающая при импортировании институтов, – это оценка и обеспечение соответствия заимствованного правила или нормы системе существующих и реально применяемых формальных и неформальных институтов. Как отмечает А. Олейник, «основными факторами, влияющими на успех импорта институтов, являются степень и характер конгруэнтности господствующих в стране-импортере неформальных норм и формальных норм, на основе которых функционирует импортируемый институт» [5, с. 206].

Импортирование институтов может быть как осознанным, так и неосознанным процессом. Неосознанное заимствование новых правил представляет собой более упрощенный процесс, сводящийся к двум действиям: осознание потребности в новом институте и принятие решения о его использовании. Данный подход является нецелесообразным, поскольку эффективность данного действия сводится к случайному результату без предварительной оценки полезности применения институционального нововведения.

Сознательное заимствование институтов происходит на основе сравнения тех или иных выгод ранее использовавшихся правил в системе-доноре с ожидаемыми выгодами, которые планируется получить в системе-реципиенте в результате импортирования.

Становление автомобильного рынка в США и Европе проходило на протяжении целого века. Россия старается пройти такой же путь за несколько десятилетий. Внедрение западных институтов развития автомобильного рынка вносит определенные трудности на отраслевой рынок в России. Вероятным недостатком нынешнего процесса заимствования является недостаточная степень конгруэнтности и комплементарности импортируемых институтов. Уже сейчас в России используются институты, заимствованные из-за рубежа, задачей которых является поддержка спроса на новые автомобили на определенном уровне. Сюда входят программы льготного кредитования на определенные автомобили, программа утилизации старых автомобилей, удобные схемы финансового взаимодействия, такие как лизинг, система обратного выкупа автомобиля, «trade-in».

Институциональная модернизация автомобильного рынка России возможна путем сознательного импортирования (заимствования) институтов из западной модели развития автомобильной отрасли с учетом особенностей российской экономики. Основной причиной, по которой общество прибегает к импортированию институтов, является невозможность на некоторых этапах экономического развития самостоятельно «вырастить» институты, соответствующие целям общества, в результате нехватки временных или материальных ресурсов, незапланированных преобразований, происходящих в социально-экономической системе под воздействием внешних факторов. Сознательное импортирование институтов из развитых стран обладает определенными преимуществами: это, во-первых, снижение трансакционных издержек и минимизация риска, во-вторых, относительная предсказуемость результата от внедрения нового института, в-третьих, эффективная трансформация неформальной составляющей институциональной среды.

В настоящее время можно говорить, что импортированные из-за рубежа институты, которые подтвердили свою эффективность в западной модели экономической системы, нашли применение и на российском автомобильном рынке. Примером такого импортирования является практика совместной деятельности автомобильных дилеров в форме специальной ассоциации. В США успешно функционирует ассоциация автомобильных дилеров National Automobile Dealers Association (NADA), которая объединяет около 20 тысяч предприятий. Ассоциация организована с целью оказания помощи субъектам автомобильного рынка в форме предоставления актуальной информации, раскрывающей основные тенденции и направления развития отрасли; ориентирована на предоставление профессионального образования и оказание консультационной и материальной поддержки [6]. В России объединение дилеров представлено ассоциацией «РОАД» («Российские автомобильные дилеры»). Количество членов ассоциации с каждым годом увеличивается, но не представляет большинство представителей отрасли. Проблема кроется в менталитете участников рынка, которые будут готовы вступить в ассоциацию только тогда, когда им предложат конкретные выгоды. На долю компаний, входящих в «РОАД», приходится менее 40% объёмов рынка, а по количеству дилерских предприятий еще меньше. В настоящее время ассоциация «РОАД» представляет интересы 1/3 всего сообщества автомобильных дилеров, поэтому большинство экспертов считают, что ассоциация сможет достигать поставленных целей только тогда, когда количество участников значительно увеличится.

Несмотря на существующие проблемы, дальнейшее заимствование институтов дает положительные результаты. Изменение антимонопольной политики позволит привлечь дополнительных участников ассоциации, тем самым повысив ее значение в автомобильной отрасли. Проведение ежегодных конференций и переговоры дилеров с автопроизводителями и государственными структурами могут привести к новым соглашениям, что позволит ассоциации стать важнейшим институтом развития автомобильного бизнеса в России.

Практика импортирования институтов в автомобильной отрасли должна носить комплексный характер и отвечать критериям конгруэнтности и комплементарности. Особое значение приобретает проблема импортирования взаимосвязанных институтов. Эффективность влияния на отдельный сектор отрасли в результате заимствования институтов носит системный характер и требует соответствующих институциональных изменений в смежных направлениях, что позволит достичь прогнозируемого результата. Очевидно, нельзя воздействовать на один сегмент рынка, не уделяя внимания смежным областям отрасли.

Примером неоднозначного влияния институционального изменения на автомобильном рынке стало внесение поправок в законодательство. По инициативе Федеральной антимонопольной службы в Закон РФ «О защите прав потребителей» были внесены поправки, отстаивающие интересы потребителя. Обычно продавец (изготовитель) рекомендует соблюдать условие о периодическом прохождении технического обслуживания. Однако несоблюдение этого условия не может повлечь за собой утрату гарантии. На основании пункта 6 статьи 18 закона продавец (изготовитель) вправе отказать потребителю лишь в том случае, если окажется, что конкретный недостаток возник по причине нарушения потребителем правил использования[1]. Внесенные изменения позволили потребителю обслуживать и ремонтировать свои транспортные средства на любой (не являющейся авторизованной станцией автопроизводителя) станции технического обслуживания (СТО), при этом гарантийные обязательства продавца или поставщика оставались в силе. В свою очередь, данная норма реализовалась без соответствующего институционального урегулирования договоренности с компаниями-импортерами и дилерским сообществом, на котором негативно отразились нововведения.

Практика вмешательства в работу автомобильных дилеров перенимается у западных стран. Основной целью внедрения заимствованных норм является более качественное развитие автомобильного рынка. Новые европейские нормы развития дилерской сети нарушили вертикальные отношения между импортером и дилерской сетью. Благодаря поправкам в законодательстве произошло разделение бизнеса по продаже автомобилей и послепродажному обслуживанию. Участники рынка – дилеры получили возможность открыть дилерский центр, специализирующийся исключительно на продаже или на сервисном обслуживании. Однако данные меры не смогли оказать значительное влияние на развитие отрасли. Возможностью открывать дилерский центр, специализирующийся исключительно на продаже автомобилей, воспользовалось малое количество участников рынка, т.к. рентабельность продаж автомобилей часто отрицательная. Некоторые дилеры отказались от

продажи автомобилей в пользу расширения производственных мощностей сервисных центров. Следовательно, предпринятые меры по регулированию рынка автомобилей в Европе оказались фиктивными и не дали желаемого результата в полной мере [7].

Таким образом, применение положений нормативной и позитивной теории институциональных изменений дополняет комплексное теоретико-методологическое понимание институционализации автомобильного рынка. Описание, объяснение и предсказание институциональных изменений является предметом позитивной теории институциональных изменений. А одним из инструментов возникновения идеи институционального изменения является импортирование (заимствование) правил, ранее уже реализованных и применяемых в других хозяйственных системах. В ходе исследования было доказано, что процесс импортирования институтов в автомобильной отрасли является наиболее оптимальным и эффективным методом институциональных изменений в современных условиях, он должен носить комплексный характер и отвечать критериям конгруэнтности и комплементарности, тем самым обеспечивая оптимальное формирование институциональной инфраструктуры эффективно функционирующего автомобильного рынка. Импортированные институты должны оптимально встраиваться и реализовываться в уже существующую институциональную среду, тем самым обеспечивая максимальное достижение экономических интересов всех агентов автомобильного рынка. Полученные автором научные результаты являются теоретико-методологической базой для дальнейшего исследования импортирования институтов автомобильного рынка как неотъемлемого аспекта устойчивого функционирования автомобильной отрасли, а критерии эффективности импортирования институтов могут быть основой для разработки стратегии заимствований новых институтов на автомобильном рынке и в других отраслях.

Примечание

1. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 3.07.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. № 3, 15.01.1996. Ст. 140.

Список литературы

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

2. Milgrom P., Roberts J. Economics, Organization and Management. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1992.

3. Cornel S., Kalt J. Where does economic development really come from? Constitutional rule among the contemporary Sioux and Apache // Economic Inquire. V. 33. Jule 1995. P. 402–425.

4. Berkovitz D., Pistor K., Richard J.-F. Economic development, legality and the transplant effect. William Davidson Institute Working Paper 308, February 2000.

5. Олейник А.Н. Институциональная экономика: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2002. 416 с.

6. National Automobile Dealers Association. Режим доступа: http://www.nada.com/b2b/AboutUs/Industries.aspx (дата обращения: 18.02.2015).

7. Егорова К. Европа против монополии // АвтоБизнесРевю. 2012. № 6. С. 50–53.

8. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 276 с.

9. Коммонс Дж. Институциональная экономика // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 3. С. 69–76.7.

10. Московский А. Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 110–124.

11. Нестеренко А. Экономический рост на основе институциональных изменений // Вопросы экономики. 1996. № 7.

12. Нестеренко А. Экономический рост на основе институциональных изменений [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.xserver.ru/user/ernoi/ (дата обращения: 28.08.2015).

13. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. №3. С. 6–17.

14. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 69–91.

15. Олейник А. Институциональная экономика. Учебно-методическое пособие //Вопросы экономики. 1999. №№ 1–12.

16. Сидорович А.В. Экономическая теория и национальная экономика // Национальная экономика: Вопросы теории, проблемы преподавания. Материалы научно-практической конференции. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 5–8.

17. Шаститко А. Фридрих Хайек и неоинституционализм // Вопросы экономики. 1999. № 6. С. 43–53.

18. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. 591 с.

PROBLEMS OF IMPORTING OF INSTITUTIONS AS EXEMPLIFIED BY THE RUSSIAN AUTOMOTIVE INDUSTRY

A.A. Ponomarev

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola

The aim of this study is to analyze the hypothesis about the effectiveness of institutional modernization of the Russian automotive market by importing institutions previously implemented and applied in other economic systems. We consider importing of institutions as the main determinant in the development of the Russian automotive market's institutional environment. The basis for the study was provided by the normative and positive theories of institutional change. To support our arguments, we have used general scientific methods, including comparative analysis, synthesis of information and the formal logic method. Our analysis of the previously imported institutions has demonstrated that the practice of importing institutions should be comprehensive, and the institutions borrowed must meet the criteria of congruence and complementarity. The author proves that providing the continuity of some elements of the Western model of automotive industry development by means of conscious borrowing of institutions with the account of the peculiarities of Russian economy is essential for developing the institutional infrastructure of the Russian automotive market.

Keywords: importing of institutions, institutional environment, institutional change, automotive market, complementarity of institutions.

УДК 338.24

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВУЗЕ

© 2016 г.

***Н.Г. Сироткина*,[1] *А.В. Щепара*[2]**

[1]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал
[2]Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки

nsirotkina@hse.ru

Статья поступила в редакцию 05.10.2016
Статья принята к публикации 08.11.2016

Исследуется разработка системы организации закупочной деятельности в музыкальном вузе (консерватории) с учетом требований, предъявляемых к качеству образовательного процесса. Особенностью музыкальных вузов является исключительная значимость ресурсного компонента (музыкальных инструментов) в образовательном процессе, что актуализирует тему исследования. Систематизированы законодательные требования к закупочной деятельности музыкального вуза, а также структурные и функциональные особенности закупочных процедур. Проведенное исследование закупок региональных музыкальных вузов позволило выявить основные проблемы, связанные с обеспечением учебного процесса качественными музыкальными инструментами в условиях действующего законодательства. Авторами разработана система организации закупочной деятельности для музыкальных вузов, основанная на формировании закупочных команд с участием предметных специалистов, а также представлены результаты апробации указанной системы.

Ключевые слова: качество образования, музыкальный вуз, организация закупок, контрактная система, контрактная служба.

Одной из основных задач управления образовательной сферой является обеспечение качества образовательных услуг. Качество образования определяется содержанием учебных дисциплин, обеспеченностью образовательного процесса кадрами, финансами, а также материально-техническими ресурсами. Высокая значимость ресурсного компонента в образовательном процессе является особенностью музыкальных вузов, что актуализирует тему исследования.

В Программе развития системы российского музыкального образования на период с 2015 по 2020 годы, утвержденной Министерством культуры России 29 декабря 2014 года, обозначены следующие задачи музыкального образования:

- создание инновационной модели стратегического управления российским музыкальным образованием;
- повышение качества подготовки музыкантов, в том числе учителей музыки;
- привлечение к музыкальному искусству наибольшего количества детей.

В документе отмечается, что решение поставленных задач невозможно «без кардинальной модернизации материально-технической базы образовательных организаций» [1].

Значимость ресурсной составляющей в образовательном процессе отмечается в трудах российских ученых. Так, Г.В. Сироткиным в ряду факторов, определяющих качество образования, отмечены управленческие факторы, в том числе «организация и материально-техническое оснащение учебного процесса» [2, с. 115]. Т.А. Конова и В.Л. Нестеров одним из значимых факторов процесса обучения называют «состояние материально-технической базы (МТБ) и материально-техническое обеспечение (МТО) учебных заведений», выделяя базисные и индикативные показатели ресурсного обеспечения образовательной деятельности [3, с. 2104]. Е.В. Кийкова предлагает подход к управлению ресурсами вуза с учётом приоритетных направлений деятельности вуза, подчеркивая таким образом взаимосвязь ресурсного обеспечения и стратегии образовательного учреждения [4]. Л.Ю. Ефремова анализирует закупочную деятельность вуза в условиях сокращения бюджетного финансирования, делая вывод о необходимости организационных изменений с учетом новых условий работы [5]. Юридические аспекты, связанные с закупками бюджетного учреждения, рассмотрены в исследовании В.В. Лукьяновой. Анализируя статус и проблемы бюджетного учреждения при осуществлении закупочной деятельности, автор отмечает, что «виновным в закупке некачественной продукции... становится заказчик, не способный определить весь перечень характеристик необходимой продукции. Однако сформировать такой перечень, зачастую, объективно невозможно» [6]. В работах Г.Л. Овсянниковой и К.В. Ведерниковой выявлены другие проблемные области: управляе-

мость закупок и высокие издержки на организацию процесса [7].

Отметим, что в указанных выше исследованиях не учитывается специфика, связанная с профилем вуза. При этом, на наш взгляд, профиль вуза определяет потребности в специфической продукции, необходимой для успешного образовательного процесса.

В качестве гипотезы исследования авторы выдвигают предположение о необходимости создания системы организации закупочной деятельности в музыкальном вузе с учетом особенностей образовательного процесса и ресурсного обеспечения.

Музыкальные вузы относятся к вузам, ведущим образовательную деятельность по узкоспециализированным профессиональным направлениям. Деятельность музыкальных вузов нацелена на подготовку творческих, научных и педагогических кадров в сфере музыкального искусства: инструментальных исполнителей, композиторов, дирижеров, вокалистов, звукорежиссеров, музыковедов, педагогов, музыкальных артистов и т. п.

Обеспечение ресурсами образовательной деятельности в музыкальных вузах имеет следующие особенности:

- широкий спектр закупаемых товаров, работ, услуг (коммунальные услуги, проектные и подрядные работы, услуги по организации питания, закупка музыкальных инструментов, компьютеров и компьютерных программ, оргтехники, канцелярских принадлежностей и т.д.);
- наличие специфического предмета закупки – музыкальных инструментов, приобретение которых требует специфических, профессиональных знаний. При этом уровень образования в значительной степени зависит как от обеспеченности музыкальными инструментами, так и от их качественных характеристик;
- музыкальные вузы, особенно региональные, как правило, не имеют достаточного количества финансовых ресурсов для найма специалистов в сфере закупок.

Закупки для нужд государственных вузов регламентируются Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе). В соответствии с частью 1 статьи 15 Закона о контрактной системе «бюджетные учреждения осуществляют закупки за счет субсидий, предоставленных из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, и иных средств в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 настоящей статьи» [8]. При этом частями 2 и 3 статьи 15 устанавливается право бюджетного учреждения осуществлять закупки, финансирование которых осуществляется, например, за счет внебюджетных средств, в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» при наличии утвержденного учредителем положения о закупках [9].

Практика показывает, что основной объем закупок государственных вузов, выступающих в качестве заказчиков, обеспечивается за счет средств бюджетного финансирования. Таким образом, регламентация закупочной деятельности бюджетных учреждений, в том числе музыкальных вузов, осуществляется в соответствии с нормами Закона о контрактной системе и подзаконными актами.

В соответствии со статьей 38 Закона о контрактной системе заказчик создает контрактную службу или назначает контрактного управляющего, при этом работники контрактной службы и контрактный управляющий должны иметь высшее образование или дополнительное профессиональное образование в сфере закупок. Необходимость создания контрактной службы возникает, если совокупный годовой объем закупок заказчиков превышает сто миллионов рублей. На практике даже те заказчики, совокупный годовой объем закупок которых не превышает указанную величину, предпочитают создавать контрактные службы.

Контрактная служба выполняет следующие функции:

- разработка и размещение в единой информационной системе плана и плана-графика закупок;
- подготовка и размещение в единой информационной системе извещений об осуществлении закупок, документации о закупках и проектов контрактов;
- осуществление закупок, в том числе заключение контрактов и гражданско-правовых договоров;
- участие в рассмотрении дел об обжаловании результатов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- организация на стадии планирования закупок консультаций с поставщиками (подрядчиками, исполнителями) в целях оценки конкурентной среды и сложившихся цен.

В исследованиях российских ученых подчеркивается, что широкий спектр функций, включающий работы по планированию, управлению и юридическому сопровождению процедур, требует профессионализма от сотрудников

Таблица 1

Система компетенций сотрудников контрактных служб музыкальных вузов

Компетенция	Содержание компетенций
Юридическая	– Знание и практическое применение законодательства о контрактной системе; – правовое сопровождение закупочной деятельности заказчика; – составление закупочной документации, проектов контрактов (гражданско-правовых договоров); – заключение, изменение и расторжение контрактов (гражданско-правовых договоров); – подготовка документов для внесения в реестр недобросовестных поставщиков; – представление интересов заказчика в контрольных, надзорных и судебных органах; претензионная работа с контрагентами
Техническая	– Описание объектов закупок, их функционально-технических, качественных и количественных характеристик (в том числе с учетом ограничений, устанавливаемых Законом о контрактной системе); – осуществление контроля за соответствием поставляемых товаров, выполненных работ, оказанных услуг контрактным условиям
Экономическая	– Участие в работе по определению потребностей заказчика в товарах, работах, услугах на плановый период; – подготовка обоснования потребности заказчика в данных закупках; – формирование планов и планов-графиков; – определение начальных (максимальных) цен контрактов; – определение годового объема закупок, размещаемых у субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций
Организационная	– Осуществление конкурентных закупок; – осуществление взаимодействия со службами заказчика, а также, в определенных законодательством случаях, с участниками закупки; – обеспечение деятельности комиссий по осуществлению закупок, подготовка протоколов таких комиссий; – составление необходимых отчетов
Информационная	– Работа с интерфейсом Единой информационной системы и электронных торговых площадок; – обеспечение своевременного размещения в Единой информационной системе документов и сведений, предусмотренных законодательством; – оформление и отслеживание срока действия электронных подписей ответственных представителей заказчика

контрактных служб и контрактных управляющих [10–12]. На необходимость и значимость обучения специалистов по закупкам по специально разработанным программам повышения квалификации указывают А.А. Храмкин и О.А. Журавлёва [13, 14].

Сказанное актуализирует задачу анализа и систематизации функций, возложенных в соответствии с законодательством о контрактной системе на сотрудников контрактных служб. С учетом разнородности указанных функций нами обозначены следующие компетенции сотрудников контрактных служб консерваторий: юридическая, техническая, экономическая, организационная, информационная. Содержание компетенций представлено в таблице 1.

В действующем законодательстве отсутствуют нормы, определяющие место контрактной службы в организационной структуре заказчика. При этом в Законе о контрактной системе указано, что создание контрактной службы как структурного подразделения не является обязанностью заказчика. Следовательно, можно выделить два возможных способа организации деятельности контрактной службы:

1) контрактная служба как специально созданное структурное подразделение;

2) контрактная служба без образования отдельной структуры, с совмещением работниками организации должностей.

В исследовании Л.М. Пахомовой отмечается, что создание контрактной службы как отдельного подразделения в большей степени способствует реализации целей по повышению эффективности, результативности, прозрачности в сфере закупок [15]. Авторы придерживаются

аналогичной позиции, считая наиболее предпочтительным создание структурно самостоятельной контрактной службы, поскольку именно этот формат соответствует принципу профессионализма заказчика, декларированному Законом о контрактной системе. Однако, как отмечают Н. Дмитри, Г. Пига и Дж. Спасьоло, при решении вопроса о централизации закупочной деятельности «приходится принимать во внимание многие аспекты закупок» [16, с. 86]. Финансовые возможности бюджетных организаций являются серьезным ограничением, влияющим на принятие решения о способе организации контрактной службы. Сказанное позволяет сделать вывод о необходимости создания гибкой модели, позволяющей обеспечить профессиональный подход с учетом финансовых возможностей бюджетных организаций.

Для целей исследования авторами был осуществлен анализ закупочной деятельности музыкальных вузов федеральной подведомственности за исключением Московской и Санкт-Петербургской консерваторий в силу особенностей их финансового обеспечения. В выборку вошли восемь консерваторий: Астраханская, Казанская, Нижегородская, Новосибирская, Петрозаводская, Ростовская, Саратовская, Уральская.

В качестве источника информации для целей исследования использовался официальный сайт Единой информационной системы (до 31 декабря 2015 года – общероссийский официальный сайт) [17].

В соответствии со статьей 4 Закона о контрактной системе на официальном сайте Единой информационной системы отражается информация об осуществляемых организацией закупочных процедурах, начиная от этапа планирования и заканчивая информацией об исполнении контракта. При этом закупки, осуществленные образовательной организацией в соответствии с пунктами 4 и 5 части 1 статьи 93 (закупки малых объемов), не публикуются на сайте.

В настоящее время в России используются несколько классификаторов товаров, работ, услуг, что создает определенные сложности. Как показал анализ закупок консерваторий, разные заказчики нередко относят закупки аналогичных товаров, работ, услуг к различным разделам (классам, группам, видам, категориям и т.д.) указанных классификаторов. Поэтому, исходя из целей и задач настоящего исследования, закупки консерваторий, осуществленные в 2014 году, сгруппированы в семнадцать групп, включающих автотранспортные средства и лифты, строительные работы, канцелярские товары, клининговые услуги, книжную продукцию, компьютерную и периферийную вычислительную технику, музыкальные инструменты, обслуживание электронных баз данных и приобретение программного обеспечения и т.д.

Как видно из таблицы 2, наибольшие доли в конкурентных закупках музыкальных вузов занимают закупки музыкальных инструментов и строительных работ (по обеим группам 24.35%), при этом конкурентные закупки музыкальных инструментов в 2014 году осуществляли все анализируемые консерватории. Далее, с большим отрывом, следуют закупки работ по монтажу, обслуживанию и ремонту инженерно-технических систем и средств безопасности зданий, строений, сооружений (7.83%), однако такие закупки были осуществлены лишь двумя вузами из восьми. Закупки клининговых услуг составляют 6.09% от общего количества, доля конкурентных закупок охранных услуг, компьютерной и периферийной техники и продуктов питания – по 5.22%. По остальным группам наблюдается относительно небольшое количество конкурентных закупок. Однако это не означает отсутствие потребности у вузов в таких товарах, работах, услугах. Заказчик вправе, с учетом определенных законодательством ограничений, осуществлять закупки у единственного поставщика, при этом информация в Единой информационной системе в большинстве таких случаев не публикуется.

Из 28 процедур конкурентных закупок музыкальных инструментов в 2014 году в 16 случаях предметом поставки являлись рояли, одни из наиболее технически сложных и дорогостоящих инструментов.

Согласно современной классификации роялей мировых производителей, выделяется пять качественных уровней (классов) инструментов:

1. Премиум – элитарные инструменты, штучного изготовления, 90 процентов ручного производства, срок службы – до 100 лет.

2. Высокий – инструменты штучного производства, при изготовлении предполагается применение станков с числовым программным управлением, срок службы – до 30–50 лет.

3. Средний – качественное серийное производство, при изготовлении предполагается применение станков с числовым программным управлением, срок службы – до 15 лет.

4. Потребительский – массовое автоматизированное производство широкого потребления, срок службы – 3–8 лет.

5. Низкобюджетный – массовое автоматизированное производство на основе простейших моделей, изготовление с использованием синтетических материалов, срок службы – 1–2 года [18].

Таблица 2

Матрица распределения конкурентных закупочных процедур музыкальных вузов в 2014 году по группам товаров, работ, услуг

№	Группа товаров, работ, услуг / Консерватории	Астраханская	Казанская	Нижегородская	Новосибирская	Петрозаводская	Ростовская	Саратовская	Уральская	Итого закупочных процедур	Доля от общего количества (%)	Количество вузов, осуществивших закупку
1	Музыкальные инструменты	1	3	3	2	12	2	3	2	28	24.35	8
2	Работы строительные	3	8	5	2	–	8	2	–	28	24.35	6
3	Работы по монтажу, обслуживанию и ремонту инженерно-технических систем и средств безопасности зданий, строений, сооружений	–	6	–	–	–	–	3	–	9	7.83	2
4	Клининговые услуги	–	3	1	–	2	1	–	–	7	6.09	4
5	Компьютерная и периферийная вычислительная техника	–	2	–	–	3	1	–	–	6	5.22	3
6	Охранные услуги	–	–	–	–	2	2	1	1	6	5.22	4
7	Продукты питания	–	6	–	–	–	–	–	–	6	5.22	1
8	Канцелярские товары	–	2	–	–	–	1	1	–	4	3.48	3
9	Книжная продукция	–	–	–	–	3	–	–	–	3	2.61	1
10	Обслуживание электронных баз данных и приобретение программного обеспечения	–	2	–	–	–	1	–	–	3	2.61	2
11	Услуги электросвязи	–	3	–	–	–	–	–	–	3	2.61	1
12	Хозяйственно-бытовые и сантехнические товары	–	2	–	–	–	1	–	–	3	2.61	2
13	Автотранспортные средства и лифты	–	–	1	–	–	–	–	1	2	1.74	2
14	Работы по инженерному проектированию в строительстве	–	1	–	1	–	–	–	–	2	1.74	2
15	Ремонт музыкальных инструментов	–	2	–	–	–	–	–	–	2	1.74	1
16	Средства индивидуальной защиты при чрезвычайных ситуациях	–	–	–	–	2	–	–	–	2	1.74	1
17	Электротехнические товары	–	1	–	–	–	–	–	–	1	0.87	1
Итого: количество конкурентных процедур		4	41	10	5	24	17	10	4	115	100	–

По данным общероссийского официального сайта, консерваториями в 2014 году было закуплено двадцать роялей, информация о которых представлена в таблице 3. Более 50% из числа приобретенных роялей (11 единиц) соответствовали уровню премиум-класса или высокого класса. Таким образом, в 2014 году каждый из исследуемых вузов столкнулся с необходимостью приобретения сложного и дорогостоящего инструмента, цена которого колебалась от 700 тысяч рублей до восьми миллионов рублей. Такие специфические и дорогостоящие закупки требуют от сотрудников контрактных служб не только профессиональной подготовки в части законодательства о контрактной системе, но и знаний специальных характеристик всего спектра закупаемых инструментов, навыков составления технического задания, а также квалификации, позволяющей оценить предложения участников закупки.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о необходимости привлечения к осуществлению конкурентных закупок специалистов из числа работников консерватории, которые в силу своих должностных компетенций и профессиональных познаний в большей степени связаны с предметом закупки, чем сотрудники контрактной службы. Это могут быть профессиональные музыканты или сотрудники мастерских по ремонту музыкальных инструментов вуза, иначе говоря, сотрудники, обладающие техническими компетенциями в соответствии с рассмотренной выше таблицей 1. Основной проблемой при этом является вопрос о форме участия таких сотрудников в работе контрактной службы. Как указывалось выше, сотрудники контрактной службы должны иметь высшее образование или дополнительное профессиональное образование в сфере закупок. Однако представляется затруднительным и нецелесооб-

Таблица 3

Рояли, закупленные региональными музыкальными вузами в 2014 году

Консерватория	Фирма-производитель	Модель	Класс модели	Количество (шт.)
Астраханская	C. Bechstein	B 212	Высокий	1
Казанская	Steinway&Sons	O-180	Премиум	1
	Essex	EGP 155C	Низкобюджетный	1
Нижегородская	Steinway&Sons	D-274	Премиум	1
	Hailun	198	Потребительский	3
Новосибирская	Yamaha	CFX	Высокий	1
	Petrof	P 284 Mistral	Потребительский	1
Петрозаводская	C. Bechstein	C-234	Высокий	1
	YoungChang	Weber W-150	Потребительский	2
	C. Bechstein	B-160	Высокий	2
Ростовская	Steinway&Sons	D-274	Премиум	1
	W. HoffmannVision	V-175	Потребительский	2
Саратовская	C. Bechstein	D-282	Премиум	1
Уральская	C. Bechstein	D-282	Премиум	2
Итого:				20

разным обучение всех сотрудников, так или иначе связанных с предметом закупки, с целью их включения в состав контрактной службы.

Одним из вариантов привлечения указанных сотрудников к закупочному процессу является предлагаемая авторами система организации закупок по принципу создания «закупочных команд».

Для целей настоящего исследования под закупочной командой будем понимать сформированную для осуществления каждой конкурентной закупки группу сотрудников, в состав которой включаются:

– работники контрактной службы;

– предметный специалист (один или несколько) – лицо из числа работников вуза, которое обладает профессиональными компетенциями в отношении предмета закупки и (или) профессиональная деятельность которого напрямую связана с закупаемыми товарами, работами, услугами.

Включение в состав рабочей группы предметного специалиста целесообразно еще и по следующей причине: предметные специалисты, как правило, – заинтересованные стороны, задачей которых является не только соблюдение требований законодательства о контрактной системе, но и приобретение объекта закупки с оптимальными характеристиками и качеством.

Функции предметного специалиста целесообразно определить следующим образом:

1) формулирование точного наименования объекта конкурентной закупки;

2) обоснование закупки (при формировании плана закупок) исходя из необходимости реализации конкретной цели осуществления закупки;

3) описание объекта закупки (с учетом ограничений, устанавливаемых законодательством) в виде технического задания в составе документации о закупке;

4) участие в процедуре обоснования начальной (максимальной) цены контракта (в случае наличия у предметного специалиста информации о рынке соответствующих товаров, работ, услуг и имеющихся ценовых предложениях);

5) участие в работе комиссии по определению победителя закупки в качестве эксперта по оценке предложений участников закупки;

6) участие в приемке объекта закупки по результатам заключенного контракта;

7) участие в процедурах обжалования закупки, если предметом такого обжалования являются функциональные, технические, качественные, эксплуатационные характеристики объекта закупки.

Таким образом, суть предлагаемой системы закупок следующая: постоянно действующая контрактная служба с распределением общего закупочного функционала между сотрудниками, как «ядро» структуры, а также привлекаемые на временной основе предметные специалисты. Формирование отдельных закупочных команд по указанному принципу обеспечит гибкость и профессионализм при специфичных закупках.

Предлагаемая система представляет собой матричную модель организации управленческого процесса: общий функциональный объем деятельности контрактной службы «горизонтально» распределен между сотрудниками различных подразделений вуза.

Ключевыми преимуществами закупок в системе «закупочных команд» являются:

- вовлечение в закупочный процесс предметных специалистов, которые несут ответственность за составление технического задания и приемку продукции, а также принимают участие в рассмотрении заявок участников конкурентной закупки;

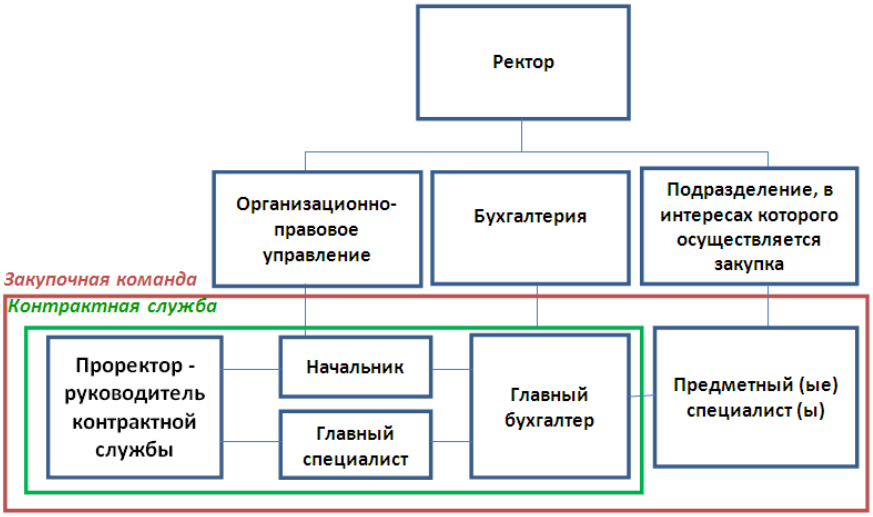


Рис. Организационная структура команды, участвующей в закупочной деятельности вуза

• минимизация затрат на обучение и наем сотрудников контрактной службы;

• решение проблемы формального отношения сотрудников контрактной службы к выполняемой работе (смещение акцентов с процедуры закупки на конечный результат, а именно закупку качественных товаров, работ, услуг).

Апробация системы «закупочных команд» была осуществлена Нижегородской консерваторией в 2014 г. при закупке рояля премиум-класса Steinway&Sons модели D-274 для большого концертного зала вуза. Данная закупка финансировалась за счет средств выделенной целевой субсидии в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» и, соответственно, регламентировалась законодательством о контрактной системе.

Поскольку музыкальные инструменты для консерваторий являются специфическим товаром, качество которого непосредственно влияет на результат основной образовательной деятельности вуза, было принято решение о привлечении к процессу закупки высококвалифицированных предметных специалистов в области музыкального инструментария.

При приобретении рояля в качестве таких специалистов из числа штатных сотрудников Нижегородской консерватории к закупке были привлечены:

– профессор кафедры специального фортепиано, имеющий дополнительное образование в области ремонта и настройки фортепианных инструментов (пианино и роялей);

– заведующий мастерской по ремонту музыкальных инструментов вуза.

Организационная структура команды, участвующей в закупочной деятельности вуза, представлена на рисунке.

На этапе планирования закупок и формирования плана-графика перед предметными специалистами были поставлены следующие задачи:

1. Определение марок и моделей роялей ведущих фирм-производителей, соответствующих размеру выделяемой субсидии.

2. Выбор из таких роялей наиболее предпочтительной марки (модели) с точки зрения исполнительских возможностей, физико-технических и акустических характеристик (в том числе с учетом внутренней акустики большого зала консерватории).

3. Анализ рынка поставщиков выбранного музыкального инструмента (с целью осуществления запроса ценовых предложений для обоснования начальной (максимальной) цены контракта).

4. Краткое описание предполагаемого к закупке инструмента.

На этапе подготовки и формирования извещения и документации об аукционе особое внимание было уделено подготовке технического задания с учетом требований, установленных Законом о контрактной системе.

Данный этап предполагал совместную работу предметных специалистов и сотрудников контрактной службы: с одной стороны, предметные специалисты обладали знаниями качественных характеристик объекта закупки, с другой – сотрудники контрактной службы обладали информацией о законодательно установленных ограничениях к описанию закупаемого рояля.

Основная сложность подготовки технического задания на поставку специфической продукции, к которой относятся профессиональные музыкальные инструменты, состоит в описании их характеристик таким образом, чтобы каждая из них определялась для заказчика той или иной функциональной необходимостью. При этом

слишком общие или неполные требования к характеристикам товара могут повлечь приобретение товара ненадлежащего качества. Вместе с тем установление избыточных, излишне конкретизированных требований к характеристикам товара, не обусловленных потребностями заказчика, но прямо определяющих товар конкретной фирмы и модели, является нарушением действующего законодательства.

Сотрудниками контрактной службы была подготовлена документация об аукционе, которая, с соответствующим извещением, была опубликована на общероссийском официальном сайте.

В аукционе принимали участие три участника закупки. Цена по итогам аукциона понизилась на 0.5% и составила 7 661 500 рублей. С победителем был заключен контракт. При приемке рояля основной функцией предметных специалистов являлось проведение внутренней экспертизы поставленного товара. Как было отмечено в отчете о приемке, «поставленный рояль полностью соответствовал требованиям документации об аукционе и отвечал всем необходимым потребностям консерватории в новом инструменте». Исполнение контракта завершилось оплатой поставленного товара и публикацией на общероссийском официальном сайте соответствующего отчета.

Таким образом, привлечение к закупочным процедурам педагога консерватории и заведующего мастерской по ремонту и настройке музыкальных инструментов обеспечило:

- выбор для закупки рояля, максимально соответствующего потребности музыкального вуза, в рамках выделенных денежных средств на его приобретение;
- формирование грамотного технического задания;
- анализ предложений участников закупки с позиции соответствия требованиям технического задания;
- квалифицированную экспертизу товара при приемке.

Кроме этого, необходимо отметить высокую внутреннюю мотивацию привлекаемых предметных специалистов, лично заинтересованных в качественном результате закупки, поскольку музыкальные инструменты приобретаются для педагогического и творческого процесса.

Таким образом, система организации закупочной деятельности в Нижегородской консерватории показала свою эффективность и жизнеспособность. В условиях ограниченности ресурсов система «закупочных команд» обеспечила горизонтальное распределение функций между существующими сотрудниками, каждый из которых обладает специальными познаниями и компетенциями. Гипотеза исследования о необходимости создания в музыкальном вузе гибкой системы организации закупочной деятельности, сочетающей элементы централизации и делегирования полномочий, подтвердилась.

Новаторством разработанной и апробированной системы «закупочных команд» стало вовлечение в закупочный процесс лиц, формально не связанных с закупочной деятельностью вуза, но умеющих профессионально оценить предмет закупки, формирующих и контролирующих процесс закупки на различных этапах ее осуществления. Разработанный и внедренный в Нижегородской консерватории механизм организации закупок может быть использован не только в музыкальных вузах. Аналогичный подход рекомендуется для применения широкому кругу заказчиков, имеющих специфические закупки.

Список литературы

1. Программа развития системы российского музыкального образования на период с 2015 по 2020 годы. Утв. Минкультуры России 29.12.2014.

2. Сироткин Г.В. Системный анализ факторов качества образования в вузе // Управление и высокие технологии [Прикаспийский журнал]. 2013. № 2.

3. Конова Т.А., Нестеров В.Л. Оценка эффективности использования материально-технической базы вузов в системе показателей качества подготовки специалистов // Фундаментальные исследования. 2014. № 12. С. 2103–2107.

4. Кийкова Е.В. Ресурсное обеспечение деятельности вуза // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.

5. Ефремова Л.Ю. Закупки как механизм управления ресурсным обеспечением основной деятельности университета // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2014. № 4 (16).

6. Лукьянова В.В. Бюджетные учреждения как субъекты в сфере закупок по контрактной системе // Вестник Самарского государственного университета. 2014. №. 8 (119). С. 177–183.

7. Овсянникова Г.Л., Ведерникова К.В. Анализ бизнес-процессов закупочной деятельности образовательного учреждения // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: http://web.snauka.ru/issues/2014/11/40283 (дата обращения: 19.10.2015).

8. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

9. Федеральный закон от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

10. Переверзева А.А. Профессионализм заказчика как условие оптимизации государственных и муниципальных закупок // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал [Сетевое электронное издание, ISSN 2221-7703]. 2013. № 2(05). URL: http://pu.virmk.ru/arhiv/2013/02/Pereverzeva.htm (дата обращения: 30.11.2015).

11. Лобанова О.Л. Контрактная служба заказчика: порядок формирования и функционирования // Советник бухгалтера бюджетной сферы. 2013. № 8 (128). С. 22–32.

12. Дёгтев Г.В., Акимов Н.А., Ященко В.В. Профессионализм заказчиков как стратегия развития современной закупочной деятельности // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 1735–1738.

13. Храмкин А.А. Кадровое обеспечение контрактной системы [Электронный ресурс]. URL: http://bujet.ru/article/231411.php (дата обращения: 30.01.2015).

14. Журавлёва О.А. Кадровое обеспечение функционирования контрактной системы в России // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 840–843.

15. Пахомова Л.М. Модели организации контрактной службы в свете реформы государственных и муниципальных закупок // Ars Administrandi (Искусство управления). 2014. № 4. С. 5–16.

16. Руководство по закупкам: Учеб. пособие / Под ред. Н. Дмитри, Г. Пига, Дж. Спасьоло; пер. с англ. М.М. Форже, Е.В. Хилинский под ред. И.В. Кузнецовой. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.

17. Официальный сайт Единой информационной системы. URL: www.zakupki.gov.ru (дата обращения: 02.02.2016).

18. Рейтинг брендов роялей и пианино по классам (2015) [Электронный ресурс]. URL: http://www.royali.info/reiting_royaley.aspx (дата обращения: 01.09.2015).

ORGANIZATION OF PROCUREMENT IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

***N.G. Sirotkina,*[1] *A.V. Shchepara*[2]**

[1]National Research University Higher School of Economics, Nizhni Novgorod branch
[2]Nizhni Novgorod State Glinka Conservatoire (Academy)

The aim of our research is to develop a procurement system for institutions of higher musical education (conservatoires) in accordance with the requirements of the educational process. For conservatoires, the resource component (musical instruments) is of exceptional significance in the educational process, which emphasizes the relevance of the research topic. We have systematized legal requirements for procurement of conservatoires, as well as the structural and functional requirements for the organization of the procurement process. Our study of regional institutions of higher musical education has identified the main problems related to providing quality musical instruments for the learning process under the existing legislation. The authors have developed a system of procurement for conservatoires based on the formation of the procurement teams with the participation of subject specialists. The results of testing this system are presented.

Keywords: quality of education, musical institution of higher education, organization of procurement, contract system, contract service.

УДК 338.45

МЕТОДИКА МОНИТОРИНГА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА

© 2016 г.

Н.И. Яшина, Ю.С. Коробова, Ю.В. Захарова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

sitnicof@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.10.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Описаны разработка и реализация методики мониторинга инновационного потенциала промышленного региона на основе мониторинга потенциала промышленных предприятий в создании и коммерциализации инноваций, а также мониторинга кластерных инициатив. В процессе исследования использовались методы статистического анализа, методологические принципы системного подхода, обеспечивающие целостный взгляд на проблему. На основе анализа 54 промышленных предприятий области разработана методика мониторинга инновационного потенциала промышленного региона и приведены результаты ее апробации на примере Нижегородской области в форме индексов инновационного потенциала как отдельных промышленных предприятий региона, так и по видам экономической деятельности в соответствии с общероссийским классификатором ОКВЭД.

Ключевые слова: инновационный потенциал, мониторинг, кластерные инициативы, промышленное предприятие, индекс инновационного потенциала.

Анализ понятия «инновационный потенциал региона», его мониторинг и оценка, а также различные проблемы активизации региональной инновационной деятельности исследовались в работах А.Р. Бахтизина, В.К. Заусаева, С.М. Ибатуллиной, В.Н. Киселева, Э.Ц. Садыковой, Е.А. Монастырного, О.С. Москвиной, Е.Л. Плисецкого, Т.Г. Ратьковской, З.Г. Сангадиева, М.В. Сивова, Е.Б. Стародубцевой, И.В. Татаринцевой, А.А. Трухляевой и других авторов. Однако на сегодня многие вопросы теории и практики мониторинга инновационного потенциала промышленного региона требуют дальнейшего изучения. К числу таких вопросов относятся и рассмотренные в данной статье проблемы учета кластерных инициатив в процессе мониторинга инновационного потенциала региона.

В условиях экономического кризиса и напряженной международной обстановки становится очевидной необходимость перехода к экономике инновационного типа, являющейся залогом формирования долгосрочных конкурентных преимуществ как на региональном, так и на федеральном уровне. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года говорится, что Россия к концу текущего десятилетия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП [1], что обусловливает необходимость становления в стране экономики инновационного типа, где определяющая роль принадлежит регионам с мощным инновационным потенциалом.

Одним из таких регионов является Нижегородская область, выступающая в качестве одного из ключевых для Европейской России регионов и обладающая развитым научно-промышленным комплексом. В структуре ВРП Нижегородской области 1/3 часть составляет промышленное производство, являясь при этом основой экономики региона [2].

В рамках данного исследования предлагается авторская методика мониторинга инновационного потенциала промышленного региона, дополняющая уже изученные аспекты [3–5] и направленная на выявление проблем, препятствующих инновационному развитию региональной промышленности. В соответствии с этим в рамках данного исследования под инновационным потенциалом промышленного региона понимается совокупность его возможностей по созданию и коммерциализации инноваций.

В основе предлагаемой методики лежат методы статистического анализа и методологические принципы системного подхода. На рисунке 1 изображены этапы реализации методики мониторинга инновационного потенциала промышленного региона.

Мониторинг потенциала промышленных предприятий в создании и коммерциализации инноваций предполагает анализ уровня инновационного развития промышленных предпри-

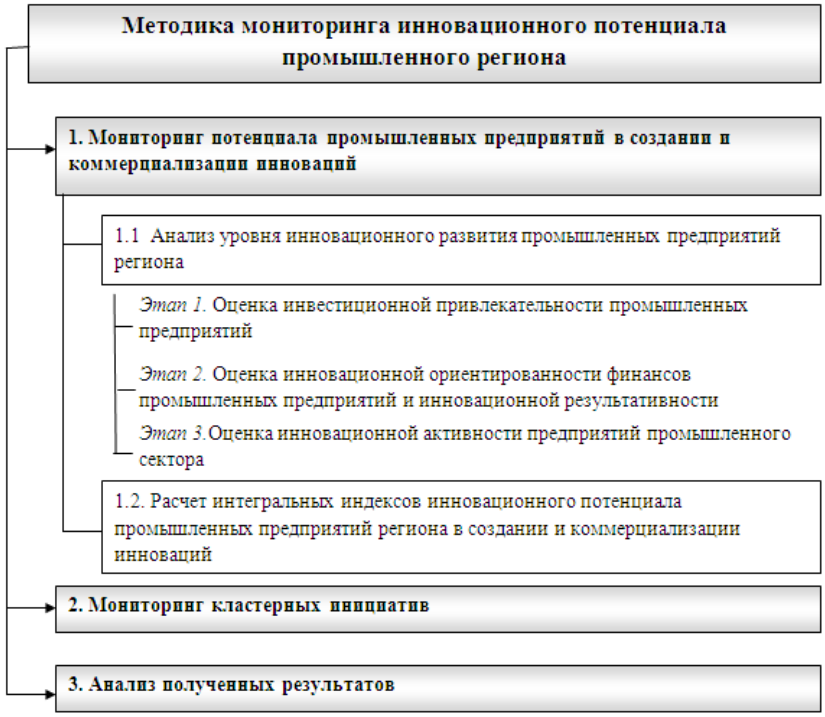


Рис. 1. Методика мониторинга инновационного потенциала промышленного региона

ятий региона на базе оценки их инвестиционной привлекательности, инновационной ориентированности финансов и инновационной результативности, а также оценки инновационной активности. В таблице 1 приведены показатели, на базе которых в рамках данного исследования выполнялась оценка уровня инновационного развития региональной промышленности.

Достоверность результатов анализа уровня инновационного развития обеспечивается тем, что он основывается на агрегировании данных официальной финансовой отчетности промышленных предприятий и официальных данных Росстата. Обоснуем выбор данных показателей.

Необходимость расчета и анализа группы показателей инвестиционной привлекательности обусловлена тем, что инновационные проекты зачастую требуют вложения больших объемов денежных средств и руководству предприятий приходится привлекать дополнительные инвестиции для их реализации.

В рамках реализации методики мониторинга инновационного потенциала промышленного региона для оценки инвестиционной привлекательности предлагается использовать коэффициенты текущей ликвидности, финансового левериджа, рентабельности активов, валовой маржи и показатель экономической добавленной стоимости. Обоснуем выбор данных показателей. Рассмотрение показателя текущей ликвидности в контексте данного исследования обусловлено тем, что этот показатель может выступать в качестве характеристики уровня инвестиционного риска при вложении средств в инновации предприятия [6]. Коэффициент финансового левериджа, характеризуя зависимость компании от внешних займов, в свою очередь, является характеристикой риска нехватки денежных средств и, как следствие, неплатежеспособности предприятия [7], что также влияет на уровень инновационного потенциала компании. Очевидно, что при выборе предприятия, в инновации которого с наименьшим риском можно вложить денежные средства, инвестор оценивает текущую эффективность использования компанией своего капитала, с этой целью может быть использован показатель экономической добавленной стоимости [8]. Расчет и анализ коэффициента рентабельности активов, в свою очередь, позволяет оценить способность предприятия к наращиванию капитала путем повышения отдачи вложенных в развитие средств, что также является критерием инвестиционной привлекательности организации [9]. При этом в наибольшей степени к реализации инновационных проектов готовы предприятия, текущая производственная деятельность которых характеризуется наибольшей прибыльностью, что свидетельствует о правомочности включения в предлагаемую методику коэффициента валовой маржи.

Формированию наиболее объективных выводов об уровне инновационного потенциала промышленного региона будет способствовать

Таблица 1

Показатели анализа уровня инновационного развития промышленных предприятий региона

Этап анализа уровня инновационного развития	Используемые показатели
Оценка инвестиционной привлекательности промышленных предприятий	– Коэффициент текущей ликвидности; – коэффициент финансового левериджа; – показатель экономической добавленной стоимости; – коэффициент рентабельности активов; – коэффициент валовой маржи
Оценка инновационной ориентированности финансов промышленных предприятий и инновационной результативности	– Коэффициент результативности инвестиционной деятельности; – коэффициент наличия объектов интеллектуальной собственности; – коэффициент обновления основных средств; – коэффициент инвестиционной активности; – коэффициент финансирования инновационного развития
Оценка инновационной активности предприятий промышленного сектора	– Показатель удельного веса инновационно активных предприятий по видам экономической деятельности; – показатель удельного веса выпуска инновационной продукции по виду экономической деятельности в общем объеме выпущенной инновационной продукции; – показатель удельного веса затрат на технологические инновации

оценка инновационной ориентированности финансовых вложений предприятий промышленности и их инновационной результативности. С этой целью предлагается использовать коэффициенты результативности инвестиционной деятельности, наличия объектов интеллектуальной собственности, обновления основных средств, инвестиционной активности и финансирования инвестиционного развития. Применение такого набора коэффициентов позволяет оценить и сопоставить результативность как инвестиционной, так и инновационной деятельности предприятий с объемом средств, направляемых на модификацию собственности, в уставные капиталы и ценные бумаги других организаций, в обновление основных средств в соответствии с современными требованиями научно-технического прогресса.

В ходе анализа уровня инновационного развития промышленных предприятий региона важно также в разрезе различных видов деятельности провести оценку инновационной активности промышленного сектора, где в качестве одного из основных показателей может выступать показатель удельного веса инновационно активных предприятий. При этом главной характеристикой инновационной активности в данном исследовании выступили завершенные инновации предприятий в течение трех последних лет, которые и послужили критерием отнесения промышленного предприятия к инновационно активным. Очевидно, что в контексте обозначенной проблемы важно не только оценить удельный вес инновационно активных предприятий, но и определить, какие виды деятельности привносят наименьший вклад в объем регионального инновационного выпуска, для выявления которых предлагается использовать показатель удельного веса выпуска инновационной продукции в общем объеме выпущенной инновационной продукции региона. Известно, что одним из основных факторов повышения конкурентоспособности и производительности региональной промышленности являются технологические инновации, при этом они также выступают как средство объединения государственных, научных интересов и интересов бизнеса. Поэтому в данном исследовании отдельное внимание также было уделено расчету и анализу показателя удельного веса затрат на технологические инновации.

Таким образом, предлагаемая методика позволяет оценить не только инновационный потенциал региона в целом, но и уровень инновационного развития каждого из рассматриваемых промышленных предприятий, что, несомненно, повышает ее аналитическую ценность.

Следующим этапом реализации мониторинга потенциала промышленных предприятий в создании и коммерциализации инноваций является расчет интегральных индексов инновационного потенциала промышленных предприятий.

Остановимся подробнее на алгоритме их расчета.

1. Производится расчет фактических значений показателей уровня инновационного развития, представленных в таблице 1, Z_{ij}.

2. Полученные значения показателей приводятся в сопоставимый вид путем перехода к нормированным значениям по формуле:

$$Z_{ij\,норм} = \frac{z_{ij} - z_{ij\,min}}{z_{ij\,max} - z_{ij\,min}} \qquad (1)$$

где $Z_{ijнорм}$ – нормированное значение показателя; z_{ij} – фактическое значение показателя; z_{ijmin} – наименьшее значение показателя (среди предприятий одного вида деятельности); z_{ijmax} – наибольшее значение показателя (среди предприятий одного вида деятельности); i – порядковый

номер этапа анализа инновационного развития; *j* – порядковый номер показателя.

3. Рассчитываются значения субиндексов инновационного потенциала в разрезе рассматриваемых предприятий по формуле[1]:

$$l = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n}\frac{z_{ij} - z_{ij\,min}}{z_{ij\,max} - z_{ij\,min}}\ , \qquad (2)$$

где l – индекс инновационного потенциала анализируемого предприятия; n – число значений показателей, участвующих в формировании субиндекса.

4. Рассчитываются значения субиндексов инновационного потенциала в разрезе различных видов деятельности.

4.1. По группам показателей инвестиционной привлекательности, а также инновационно ориентированной финансовой составляющей и инновационной результативности по формуле среднего геометрического:

$$Y_s = \sqrt[p]{l_1 \times ... \times l_p}\,, \qquad (3)$$

где Y_s – индекс инновационного потенциала *s*-го вида деятельности; p – число обследованных предприятий в рамках вида экономической деятельности.

4.2. По группе показателей инновационной активности региональной промышленности по формуле:

$$Y_N = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} Z_{ij_{норм}}, \qquad (4)$$

где $Z_{ijнорм}$ – нормированные значения показателей группы инновационной активности, полученные по формуле (1).

5. Производится расчет интегрального индекса инновационного потенциала видов экономической деятельности промышленного региона:

$$I_{sинтегр.} = \frac{n_{ИППР}}{N} \times ИППР + \\ + \frac{n_{ИФИР}}{N} \times ИФИР + \frac{n_{ИА}}{N} \times ИА, \qquad (5)$$

где $I_{Sинтегр.}$ – интегральный индекс инновационного потенциала *s*-го вида деятельности; N – общее количество показателей в системе оценки индекса инновационного потенциала промышленного сектора; *ИППР* – субиндекс инновационного потенциала по блоку «Инвестиционная привлекательность»; *ИФИР* – субиндекс инновационного потенциала по блоку «Инновационно ориентированные финансовые средства промышленных предприятий и инновационная результативность»; *ИА* – субиндекс инновационного потенциала по блоку показателей «Инновационная активность».

При этом весовые коэффициенты субиндексов инновационного потенциала в формуле (5) рассчитываются как частное от деления числа показателей, используемых в расчете каждого субиндекса, на общее количество показателей системы оценки, что обеспечивает равный вклад отобранных показателей в итоговое значение индекса. В соответствии с предлагаемой методикой максимально возможное значение индекса инновационного потенциала равняется единице, следовательно, чем выше полученное значение, тем более высоким уровнем инновационного потенциала характеризуется в рамках рассматриваемого вида деятельности промышленный регион.

В ходе практической апробации предлагаемой методики на примере Нижегородской области было организовано статистическое обследование, в ходе которого была проанализирована деятельность 54 предприятий промышленного сектора области.

В таблице 2 приведены индексы инновационного потенциала выборки из обследованных в ходе данного исследования предприятий. Критерием при формировании выборки послужило наивысшее значение индекса инновационного потенциала среди всех рассмотренных предприятий данного вида деятельности.

На базе расчета субиндексов инвестиционной привлекательности, инновационной ориентированности финансов и инновационной результативности, а также инновационной активности предприятий промышленного сектора Нижегородской области были получены интегральные индексы инновационного потенциала промышленных предприятий в создании и коммерциализации инноваций по видам экономической деятельности в соответствии с общероссийским классификатором ОКВЭД (таблица 3).

Видно, что наивысшим инновационным потенциалом обладают предприятия таких видов экономической деятельности, как «Машиностроение», «Черная и цветная металлургия»; «Научное и инфраструктурное обеспечение инноваций», а также «Химия, нефтехимия и производство медикаментов и стекла».

В соответствии с предлагаемой методикой мониторинга инновационного потенциала промышленного региона за мониторингом потенциала промышленных предприятий в создании и коммерциализации инноваций следует мониторинг кластерных инициатив. Для эффективной реализации кластерной политики требуется создание адекватной системы мониторинга и оценки реализации кластерных инициатив. Важным условием функционирования системы мониторинга должна быть ее непрерывность, т.е. возможность в реальном времени отслеживать рост и барьеры, препятствующие развитию кластеров.

Таблица 2

Индексы инновационного потенциала (ИП) промышленных предприятий Нижегородской области (по состоянию на 31.12.2014 г.)

Наименование предприятия	Индекс ИП, I_p
ОАО «Борская фабрика валяной обуви»	0.49
ОАО «Гидромаш»	0.54
ОАО «ГАЗ»	0.60
ОАО «Транспневматика»	0.62
ОАО «Судостроительная-судоремонтная компания»	0.57
ОАО «Нижегородский масло-жировой комбинат»	0.75
ОАО «Завод ЖБК»	0.42
ПАО «НИТЕЛ»	0.66
ОАО «Нижфарм»	0.69
АО «Промис»	0.65
ОАО «Русполимет»	0.53
ОАО «МРСК Центра и Приволжья»	0.71
ОАО «ОКБМ им. И.И. Африкантова»	0.54

Максимально возможное значение I_p – единица.

Таблица 3

Интегральные индексы инновационного потенциала промышленных предприятий Нижегородской области в создании и коммерциализации инноваций

Виды деятельности	Интегральные индексы ИП, $I_{s\ интегр}$
Легкая промышленность	0.10
Машиностроение	0.51
Научное и инфраструктурное обеспечение инноваций	0.44
Пищевая промышленность	0.31
Производство стройматериалов и добывающая промышленность	0.29
Радиоэлектроника, приборостроение, информатика и связь	0.36
Химия, нефтехимия, производство медикаментов и стекла	0.42
Целлюлозно-бумажная промышленность и деревообработка	0.29
Черная и цветная металлургия	0.50
Энергетика, предприятия ЖКХ и коммунального сервиса	0.28

Мониторинг кластерных инициатив направлен на сбор и систематизацию данных о качественном и количественном развитии участников кластерных инициатив региона. Предлагаемая нами методика мониторинга кластерных инициатив представлена рядом этапов.

Данная методика на первом этапе позволяет оценить перспективы кластеризации отрасли, при этом предполагается применять как статистические методы анализа, в частности производить расчет коэффициентов, позволяющих определить отрасли специализации региона (коэффициент локализации, коэффициент специализации, коэффициент душевого производства), так и методы экспертных оценок для организации SWOT-анализа перспектив кластеризации отрасли.

На втором этапе оценивается инновационный потенциал участников кластерной инициативы. Эта оценка дается на основе ранее произведенного расчета индексов инновационного потенциала в разрезе рассматриваемых предприятий – участников кластерной инициативы. Определяется компания или группа компаний – «ядро» кластера.

На третьем этапе производится оценка степени сформированности коммуникаций предприятий – участников кластерной инициативы. Наличие рабочих связей и механизмов координации усилий между участниками кластера – важнейший элемент успешного развития кластерной инициативы. Предполагается, что ключевые участники кластеров находятся в непосредственной географической близости друг к другу и имеют возможности для активного взаимодействия. На данном этапе происходит качественный анализ формализованных коммуникаций участников кластерных инициатив. Также на основе анкетирования участников кластерной инициативы изучается вопрос мотивации компаний к вступлению в кластер.

На четвертом этапе проводится мониторинг развития бизнес-окружения кластера. При этом изучаются возможности привлечения инвестиций на уровне предприятий или секторов, входящих в кластер, организация рынков сбыта продукции, наличие специализированных организаций, проводящих НИОКР.

В Нижегородской области на данный момент функционируют два инновационных кластера: нижегородский индустриальный инновационный кластер и саровский инновационный кластер. Также в ближайшей перспективе начнет свою работу биомедицинский кластер, соз-

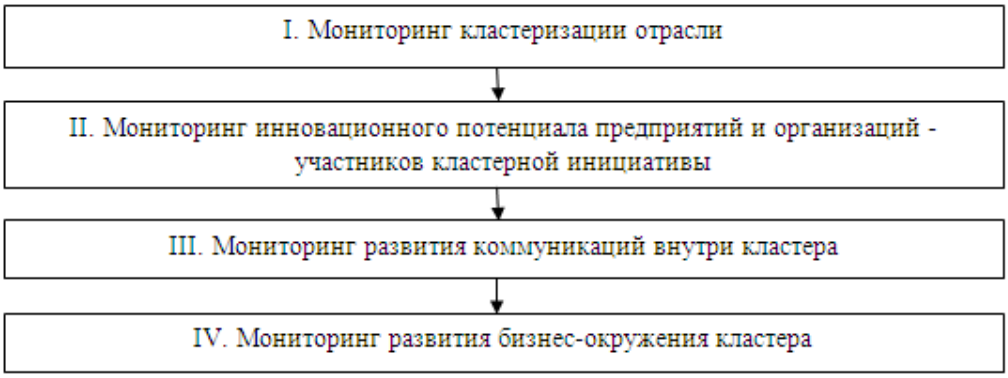


Рис. 2. Этапы мониторинга кластерных инициатив

даваемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Расчет интегральных индексов инновационного потенциала промышленных предприятий региона позволяет сделать вывод, что в регионе есть перспективы для создания и развития кластеров в отраслях металлургической и пищевой промышленности – металлургического кластера и масложирового кластера.

Реализация разработанной методики мониторинга инновационного потенциала на примере Нижегородской области позволила выявить ряд факторов, препятствующих инновационному развитию региона, к числу которых относится структура источников финансирования технологических инноваций, где, к сожалению, наибольшую долю занимает самофинансирование [10]. Кроме того, весьма незначительным остается удельный вес доведенных до последней стадии НИОКР промышленных предприятий [11]. К числу сдерживающих факторов также можно отнести увеличение числа псевдоинноваций и уменьшение числа базисных для региона нововведений [12].

Исходя из уровня инновационного потенциала промышленных предприятий Нижегородской области можно выделить следующие приоритетные направления дальнейшего развития, связанные с повышением конкурентоспособности промышленного сектора области в целом:

1. Стимулирование подъема инновационной активности промышленных предприятий.

2. Развитие инфраструктуры инновационной деятельности, направленной на расширенное воспроизводство знаний в регионе [13].

3. Развитие механизмов государственной поддержки инновационной деятельности, способствующих формированию благоприятных условий для разработки и коммерциализации инноваций промышленных предприятий региона [14].

4. Интеграция Нижегородской области в инновационные процессы как на общероссийском, так и на международном уровне.

5. Совершенствование нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности в области.

6. Повышение кадрового потенциала науки и инноваций.

Таким образом, инновационный потенциал региональной промышленности сегодня выступает в качестве ключевого фактора обеспечения долгосрочных конкурентных преимуществ как на уровне отдельного предприятия, так и на уровне экономики страны в целом. Практическое применение полученных в ходе исследования результатов позволит выделить сдерживающие факторы инновационного развития региона и будет способствовать наиболее объективному выбору комплекса мероприятий по их нейтрализации, что в конечном счете приведет к увеличению вклада региона в инновационное развитие страны в целом. На основе проведенного исследования сделан вывод, что инновационный потенциал Нижегородской области нуждается в активизации за счет реализации специального комплекса мероприятий, направленных на повышение инновационной конкурентоспособности региона.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-02-00102.

Примечание

1. В состав субиндексов инновационного потенциала промышленных предприятий вошли значения показателей групп инвестиционной привлекательности, а также инновационно ориентированной финансовой составляющей и инновационной результативности, рассчитанные по данным официальной финансовой отчетности предприятий.

Список литературы

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р). URL: http://base.garant.ru/194365/ (дата обращения: 10.09.2016).

2. Концепция инновационного развития Нижегородской области до 2020 года (утверждена Постановлением Правительства Нижегородской области от 31.07.2013 № 504). URL: http://government-nnov.ru/?id=131881 (дата обращения: 10.09.2016).

3. Бахтизин А.Р., Акинфеева Е.В. Сравнительные оценки инновационного потенциала регионов Российской Федерации // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3. С. 73–81.

4. Садыкова Э.Ц., Очирова Г.Ю. Оценка ресурсов инновационного потенциала региона // Фундаментальные исследования. 2014. № 12–8. С. 1712–1716.

5. Сивов М.В. Сравнительный анализ методов оценки инновационного потенциала регионов РФ // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 982–984.

6. Ерохин П.В. О категории «ликвидность» в экономической теории. Критерии ликвидности // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. 2013. № 6 (65). С. 134–137.

7. Булгакова Е.В. Финансовый леверидж и его значение в управлении финансовой деятельностью предприятия // Успехи современного естествознания. 2010. № 11. С. 56–59.

8. Русина Ю.В. Роль экономической добавленной стоимости на российских предприятиях // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. № 3. С. 117–122.

9. Саакова Э.Б., Курицын А.В., Барткова Н.Н. Современная интерпретация показателя рентабельности совокупных активов предприятия // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 10. С. 39–46.

10. Яшин С.Н., Коробова Ю.С. Проблемы финансового самообеспечения инновационной деятельности предприятий промышленного региона // В кн.: Глобальные вызовы в экономике и развитие промышленности (INDUSTRY-2016): Труды научно-практической конференции с зарубежным участием / Под ред. А.В. Бабкина. 2016. С. 254–265.

11. Кутаев Ш.К., Гордеев О.И. Развитие промышленности и формирование инновационной экономики региона // Апробация. 2014. № 6. С. 58–61.

12. Максимов Ю.М., Митяков С.Н., Митякова О.И., Мурашова Н.А. Концепция инновационного развития Нижегородской области: анализ инновационной активности промышленности региона // Инновации. 2015. № 4 (198). С. 62–66.

13. Лядова Е.В. Влияние состояния инновационной инфраструктуры на экономическое развитие региона (на примере Нижегородской области) // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12–3 (53–3). С. 341–347.

14. Трифонов Ю.В., Рокунова О.В. Государственная поддержка инновационной деятельности предприятий на региональном уровне // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4–1. С. 300–306.

15. Абашкин В.Л., Бояров А.Д., Куценко Е.С. Кластерная политика в России: от теории к практике // Форсайт. Т. 6. 2012. № 3. С. 17–27.

16. Агарков А.П., Голов Р.С. Проектирование и формирование инновационных промышленных кластеров: Монография. М.: Изд-во «Дашков и К°», 2016. 288 с.

17. Дежина И. Новый этап кластерной политики в инновационной сфере // Экономико-политическая ситуация в России. Январь 2012. М.: ИЭП, 2012. С. 54–56. URL: http://www.iep.ru/iles/text/trends/Russian_economy_trends_and_perspectives_in_January2012.pdf (дата обращения: 15.09.2016).

18. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации / Под ред. Л.М. Гохберга, А.Е. Шадрина. М., 2013. 108 с.

19. Портер М. Конкуренция: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. 608 с.

20. Тарасенко В. Территориальные кластеры. Семь инструментов управления. М.: Изд-во «Альпина Паблишер», 2015. 201 с.

21. Третьяк В.П. Кластеры предприятий: Монография. М., 2011. 392 с.

METHODOLOGY FOR MONITORING THE INNOVATION POTENTIAL OF AN INDUSTRIAL REGION

N.I. Yashina, Yu.S. Korobova, Yu.V. Zakharova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The purpose of this research is to develop and implement a methodology for the monitoring of an industrial region's innovation potential. The methodology is based on monitoring the potential of industrial enterprises in terms of creation and commercialization of innovations, as well as the monitoring of cluster initiatives. In this study, we used statistical analysis methods and the methodological principles of the systems approach that provide a holistic perspective of the problem under study. Based on our analysis of 54 industrial companies in the region, a methodology for monitoring the innovation potential of industry in the region has been developed. We present the results of its testing on the example of the Nizhni Novgorod region in the form of indexes of innovation potential for individual industrial enterprises in the region, as well as for the types of economic activities in accordance with the new national industrial classification system OKVED.

Keywords: innovation potential, monitoring, cluster initiatives, industrial enterprise, innovation potential index.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГА

© 2016 г.

Е.С. Балабанова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

balabanova@hse.ru

Статья поступила в редакцию 18.04.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Представлены результаты анализа научных публикаций как ключевого параметра профессиональной культуры социолога. Выполнен сравнительный содержательно-библиометрический анализ 1829 статей, опубликованных в последние годы в ведущих российских и зарубежных социологических журналах. Показано существенное отставание профессионального уровня отечественных статей по таким параметрам, как структура научных публикаций, их источниковая база, разнообразие и «прозрачность» методов исследования, объем и обоснованность выборок, уровень статистического анализа данных. Подчеркивается, что российские социологи в целом выпадают из мировой тенденции использования данных «объективного» характера, а стилистика текстов нередко публицистична и нормативна, не соответствует принципу идеологической нейтральности. Делается вывод об эндогенном характере кризиса российской социологии – «порочном круге недостаточного профессионализма».

Ключевые слова: российская социология, зарубежная социология, социологические журналы, профессиональная культура, количественные исследования, выборки, методы анализа данных.

Уровень профессиональной культуры российских социологов, являющийся одним из проявлений кризисного состояния российской социологии, неоднократно становился предметом дискуссий как на крупных научных форумах, так и на страницах ведущих отечественных социологических журналов. Пристальное внимание привлекают к себе такие проблемы, как мелкотемье, отсутствие стремления и способности к теоретическим обобщениям, размывание границ «научности» социологического знания, умозрительность выводов, слабое знакомство отдельных авторов с литературой по теме исследования [1], несформированность профессиональной идентичности [2], «кнопочная психология» [3], низкий уровень математической культуры социологов [4; 5]. Наряду с вышеперечисленными «качественными» оценками, экспертными мнениями, характеризующими уровень развития российской социологии, в последние годы растет число наукометрических исследований, включающих количественный анализ публикаций [6; 7; 8; 9], и диссертационных работ [10].

Результаты приведенного ниже сравнительного библиометрического анализа статей, опубликованных в четырех ведущих российских и трех ведущих международных социологических журналах, преодолевают ограничения известных нам исследований, опирающихся на анализ структуры цитирований либо ключевых слов публикаций. Нами был выполнен содержательный анализ самих статей (*article survey*) за определенный промежуток времени, включающий сравнение как формальных библиометрических показателей, так и дизайна исследований и методов анализа эмпирических данных. Была сформирована сплошная выборка статей из изданий, занимающих три верхние позиции рейтинга в рубрике «Социология» базы данных научного цитирования *Web of Science* по состоянию на 2013 год, три верхние позиции по импакт-фактору РИНЦ; а также из Журнала социологии и социальной антропологии (ЖССА) как ведущего журнала Санкт-петербургской социологической школы, занимающего в этом списке 8-ю позицию[1]. Общий размер нашей выборки составил 1829 статей (табл. 1)[2].

Как видим, все зарубежные издания в нашей выборке представлены журналами, издаваемыми в США. Ведущие британские журналы по общесоциологической тематике (*Sociology*, *European Sociological Review*, *British Journal of Sociology*) занимают в рейтинге цитирования за 2013 год соответственно 28-е, 51-е и 53-е места, то есть заметно отстают от своих американских конкурентов по уровню влияния. Между ними в рейтинге находится большое количество спе-

Таблица 1

Структура и основные характеристики выборки статей

Название журнала	Место в рейтинге цитирования за 2013 год, WoS	Значение импакт-фактора за 5 лет, WoS	Значение российского импакт-фактора, РИНЦ	Страна	Анализируемый период	Количество статей
Annual Review of Sociology	1	7.047	–	США	2009–2014	149
American Sociological Review	2	6.097	–	США	2009–2014	228
American Journal of Sociology	3	4.912	–	США	2011–2014	101
Социологические исследования	121	0.174	1.3	Россия	2010 – октябрь 2014	810
Экономическая социология	–	–	0.8	Россия	2010–2014	119
Журнал социологии и социальной антропологии (ЖССА)	–	–	0.4	Россия	2010–2014	289
Мир России	–	–	1.2	Россия	2010–2014	133
					Итого	*1829*

Таблица 2

Доля статей с эмпирическими исследованиями в журналах

Название журнала	Доля статей с эмпирическими исследованиями
Annual Review of Sociology	3
American Sociological Review	96
American Journal of Sociology	83
Социологические исследования	56
Экономическая социология	50
ЖССА	45
Мир России	59
По выборке	*56*

циализированных журналов по социологическим проблемам туризма, семьи и брака, теории и методологии социологии, политической социологии и т.д.

Единицей нашего анализа являлись статьи из основных рубрик журналов, представляющих результаты социологических исследований. Из анализа исключались статьи-рецензии, рубрики «Интервью», «Первые шаги», «Социологическая публицистика», «Научная жизнь», «Книжное обозрение», «Дискуссия. Полемика», «История социологии», «Социологическое наследие», «Факты. Комментарии. Заметки», «Письмо в редакцию».

Индикаторами исследования были объем статьи, количество авторов и цитируемых источников. В содержательном плане нас интересовало наличие в статье эмпирического исследования. В качестве «эмпирических» кодировались только статьи, предполагавшие работу авторов с базами данных, произведение самостоятельных расчетов на первичном материале. В категорию «эмпирических» не попадали материалы переписей, статистических данных, если работа с ними заключалась лишь в сведении данных в таблицы и графики. Далее эмпирические исследования разделялись на качественные, количественные и те, где представлялось сочетание обеих стратегий сбора и анализа данных. Статьи с использованием количественных методов классифицировались по характеру данных, выборки и методам анализа данных. Сразу оговоримся, что ввиду неравного количества статей за анализируемый период времени российская выборка смещена в сторону статей в Социсе (см. табл. 2).

Как видим, редакционная политика журналов весьма различна по своему предпочтению теоретических либо эмпирических статей. *Annual Review of Sociology* ориентирован на публикацию материалов обзорного и теоретико-методологического характера, представляющих анализ положения дел и «исследовательскую программу» в различных отраслях социологического знания. Мы посчитали необходимым включить статьи *ARS* в общий анализ ввиду лидирующего положения этого журнала в рейтингах цитирования. В свою очередь, *American So-*

Таблица 3

Сравнительный анализ объема статей и количества авторов

Группы журналов	Медианный[3] объем статей, п.л.		Среднее количество авторов в расчете на одну статью	
По названиям журналов				
Annual Review of Sociology	2.1		1.8	
American Sociological Review	2.4		2.1	
American Journal of Sociology	4.4		1.8	
В целом по зарубежным журналам	***2.4***		***1.95***	
Социологические исследования	0.8		1.36	
Экономическая социология	2.2		1.29	
ЖССА	1.1		1.25	
Мир России	2.0		1.59	
В целом по российским журналам	***1.0***		***1.35***	
По категориям статей				
Группы журналов	*Теоретические*	*Эмпирические*	*Теоретические*	*Эмпирические*
Зарубежные	2.1	2.6	1.7	2.1
Российские	1.0	1.0	1.2	1.5

ciological Review и *American Journal of Sociology* ориентированы преимущественно на эмпирические исследования. На этом фоне все четыре российских журнала являются, скорее, «агрегированными» изданиями, предоставляя авторам примерно одинаковые шансы опубликовать статьи обоих типов.

Прокрустово ложе одного печатного листа: что в результате?

Первое, что обращает на себя внимание при количественном сравнении статей в отобранных журналах, – это различия в объеме публикаций (табл. 3). Российские статьи в среднем в 2.4 раза «легче» зарубежных. Причем если зарубежные публикации с результатами эмпирических исследований заметно больше по объему, то российские статьи по этому критерию не различаются.

Что кроется за этими формальными различиями и к чему приводит редакционная политика большинства российских социологических журналов, ограничивающих объем принимаемых к публикации материалов 40 тысячами символов?

В российских журналах обращает на себя внимание большое количество очень маленьких статей эмпирического характера, представляющих собой, скорее, социологические этюды, зарисовки, «вести с полей», чем результаты научных исследований (и попадающих, тем не менее, в основные рубрики журналов). 12% российских статей – это публикации объемом 0.5 п.л. и менее, в то время как минимальный размер статей в анализируемых нами зарубежных журналах составил 1.3, а максимальный – 6.3 п.л. Ориентация на более объемные статьи характерна для «Мира России» и «Экономической социологии», в то время как Социс и ЖССА отличаются стремлением публиковать большее количество статей в выпуске, но относительно малого объема. Кроме того, российские авторы, как показывают данные табл. 3, также более индивидуалистичны, чем зарубежные.

По нашему мнению, именно жесткие ограничения по объему являются одной из важнейших «внешних», формальных причин низкого качества статей, публикуемых российскими авторами, демонстрируя приоритет «количества» (возможности опубликоваться большему числу авторов) перед «качеством» (научным уровнем статей). В сочетании с общим низким уровнем нашей методологической культуры, эти формальные ограничения приводят к перечисленным ниже проблемам отечественных публикаций.

Статьи в стиле «поток сознания»: отсутствие четкой структуры текста

Сравнение эмпирических статей в российских и зарубежных журналах обнаруживает большие различия в структуре текстов. Зарубежные статьи структурируются в соответствии с критериями *IMRD* (*introduction*, *methods*, *results*, *discussion*), являющимися универсальным требованием не только социологических, но любых международных научных журналов. Далеко не все российские авторы соответствуют этим канонам; более того, многие статьи вообще не структурированы. Текст может либо начинаться словами «*статья представляет результаты собственного исследования авто-*

Таблица 4

Показатели количества цитируемых источников по группам журналов

Группы журналов	Медианное количество источников	Минимум	Максимум	Доля статей, не содержащих ни одного источника, %
По названиям журналов				
Annual Review of Sociology	134	56	288	0
American Sociological Review	78	16	173	0
American Journal of Sociology	94	32	230	0
В целом по зарубежным журналам	***96***	***16***	***288***	***0***
Социологические исследования	13	0	91	8
Экономическая социология	38	0	187	4
ЖССА	20	0	160	1,4
Мир России	31	0	118	2,3
В целом по российским журналам	***16***	***0***	***187***	***5***
По категориям статей				
Зарубежные – теоретические	134	19	288	0
Зарубежные – эмпирические	80	16	230	0
Российские – теоретические	26	0	187	4
Российские – эмпирические	17	0	76	7

ров…» (далее немедленно следуют процентные распределения), либо давать в последнем абзаце несколько цифр, которые, как предполагается, должны подтвердить правильность предшествующих авторских рассуждений.

Неструктурированность текста, отражающая неупорядоченность научной мысли, проявляется и в основных частях текста, о которых мы скажем подробнее ниже, и в подведении итогов исследований. Большинству из нас, как известно, свойственна нелюбовь к написанию заключений и аннотаций. Наши статьи часто не содержат заключений вообще, а аннотации носят характер формальных отписок на 2–3 строчки. Между тем, именно эти два раздела беспощадно обнаруживают нашу неспособность объяснить читателю (и себе) суть нашего исследования. Игнорирование аннотаций и заключений в отечественных журналах отражает общий смысл нашей работы над публикациями: они пишутся не для читателя, а для того, чтобы, выражаясь жаргоном советских научных работников, «публикнуться». В зарубежных журналах аннотации и заключения, напротив, прописываются очень четко и содержательно. Как известно, хорошо написанная аннотация повышает шансы статьи быть прочитанной и процитированной среди нескольких сотен других, выданных в результате запроса в поисковой системе. Заключения многих статей в *Annual Review of Sociology* вообще идеальны для «ленивого читателя»: они написаны в виде тезисов по пунктам, что чрезвычайно облегчает работу с текстом.

«Сам я в последние годы ничего не читаю. Только пишу»

Эти слова, сказанные несколько лет назад в радиоинтервью одним известным российским социологом, отражают инверсию ценностей в нашем профессиональном сообществе: мы *гордимся* тем, чего ученому следовало бы *стыдиться*. И дело не только в высокомерно-пренебрежительном отношении к своим коллегам, которые, как предполагается, не могут создать ничего заслуживающего нашего внимания. Гораздо серьезнее то, что мы действительно мало читаем, о чем свидетельствуют скромные списки источников в наших публикациях.

Таблица 4 отражает фундаментальные различия научной культуры российских и зарубежных социологов. Не только ведущие издания, но и журналы из 2–3 квартилей рейтинга WoS или Scopus не примут к публикации статью, автор которой игнорирует результаты предыдущих исследований по данной теме и не представляет убедительных доказательств новизны своего подхода и полученных результатов. Особенно высокие требования в этом плане предъявляются к статьям в журнале *Annual Review of Sociology*, где велика доля публикаций теоретико-методологического характера.

Мы же считаем, что перелопачивание больших массивов литературы по теме исследования – удел аспиранта, и, получив диплом кандидата/доктора наук, социолог избавлен от необходимости доказывать новизну результатов своей научной работы. Мы не считаем зазорным работать с теоретико-методологическим багажом, сформированным 20–30–40 лет назад, практически не обновляя его, представлять в научный журнал статьи, написанные на основе «личного жизненного опыта». Парадоксален факт, что почти каждая десятая статья в основных рубриках ведущего социологического журнала страны написана «на пустом месте», вообще без обращения к литературе.

Отметим, что к такому обращению с источниками нас отчасти подталкивает и редакционная политика журналов, предполагающая вышеупомянутое ограничение объема текстов. В зарубежных журналах коэффициент корреляции Пирсона между объемом текстов и количеством цитированных источников составил 0.1 (значимо на уровне $p<0.05$), в отечественных эта связь гораздо сильнее – 0.6 (значимо при $p<0.01$).

Научный уровень источников, к которым мы обращаемся, заслуживает отдельного анализа, но бросается в глаза качественное несоответствие списков литературы зарубежных и российских авторов. В первом случае абсолютно доминируют источники академического характера. Источники в российских статьях часто состоят из самоцитирований, популярных изданий, материалов СМИ, произведений художественной и публицистической литературы, ссылок на нормативные акты, высказывания деятелей партии и правительства («*Вступительное слово Президента РФ на совещании по вопросам…*», *«Материалы совещания в подмосковной Барвихе», «Постановление Администрации региона такого-то»*).

Такое отношение к анализу литературы выливается, с одной стороны, в «изобретение велосипедов» или «вечных двигателей», представление умозрительных авторских концепций. Не подкрепленные эмпирическими фактами рассуждения не мешают нам делать выводы, например, о *воздействии* массовой культуры на человека – каузальные заключения, которые не позволяют себе даже зарубежные авторы, использующие продвинутые методы статистического анализа на больших массивах данных.

С другой стороны, мы получаем «ползучий эмпиризм», обусловливающий узколокальный характер эмпирических исследований. Мы изучаем жизненные ценности, политические ориентации, социальное самочувствие и социальные портреты жителей/молодежи города/региона такого-то, чувашских учителей, сербских и латгальских студентов, получая данные чисто описательного характера, без малейших попыток вписать их в какой-либо научный дискурс, дать им теоретическое объяснение, обосновать, почему эти результаты должны быть интересны кому-то еще, помимо авторов[4].

В этом плане обращают на себя внимание стилистические различия в написании текстов. Зарубежные авторы ориентированы на компетентного читателя, в то время как многие российские статьи отличаются облегченным, популяризаторским стилем изложения. Некоторые наши работы носят характер учебных пособий, содержат вместо *критического анализа* концепций и предыдущих исследований их *пересказ*.

Методы исследований: умозрительные суждения или доказательства?

Разделы, содержащие описание и обоснование методов проведения исследования, в зарубежных статьях нередко занимают около трети общего объема текста. В пересчете на средний объем зарубежной эмпирической статьи, напомним, это почти печатный лист. В обязательном порядке авторы представляют подробные сведения об общей логике, модели исследования (часто представленной графически), этапах исследовательских процедур. Подробно расписываются индикаторы исследования. Если авторы используют ранее разработанные индикаторы, то даются ссылки на источники инструментария; если используются авторские индикаторы – они представляются полностью, с дословными формулировками либо в тексте статьи, либо в приложении. Как правило, авторские индикаторы подвергаются процедуре валидизации, результаты которой также приведены. Подробно представлены характеристики выборки, этапы и методы анализа данных.

Именно высокими требованиями к методологии исследований, в частности, объясняются больший объем статей с эмпирическими результатами, а также большее количество авторов в расчете на статью по сравнению с чисто теоретическими материалами (см. табл. 3). Что же касается российских публикаций, то методологический раздел часто просто отсутствует в работах. Редакционные ограничения объема текстов в сочетании с низким уровнем нашей методологической культуры приводят к тому, что индикаторы берутся «из головы», а описание методов исследования умещается в 2–3 строчках в сносках. Часто мы даже не утруждаем себя (и читателя) описанием методологии, сразу переходя к представлению результатов. Редким «гостем» в наших публикациях является такая процедура, как анализ надежности индикаторов (см., например, [11]).

Как видно из таблицы 5, мы, как и авторы ведущих международных журналов, одинаково тяготеем к количественным методам исследований, однако в ведущих журналах вдвое чаще встречается сочетание качественных и количественных методов, что позволяет ожидать более высокого уровня исследования. По нашему убеждению, именно интеграция качественных и количественных методов, индуктивной и дедуктивной логик исследования позволяет обеспечить комплексный характер наших проектов, «объемный» взгляд на изучаемые феномены [12; 13].

Отметим, что если зарубежные тексты достаточно легко поддавались формализации по

Таблица 5

Распределение эмпирических статей по методам исследования, *N*=1028, % по строке

Группы журналов	Только качественные	Только количественные	Сочетание качественных и количественных методов
В целом по зарубежным журналам	***11***	***71***	***18***
Социологические исследования	13	82	5
Экономическая социология	50	30	20
ЖССА	44	40	16
Мир России	28	58	14
В целом по российским журналам	***23***	***68***	***9***

Таблица 6

Характер выборок в эмпирических исследованиях с применением количественных методов, *N*=825, % по строке

Группы журналов	Выборки локального характера	«Big data», масштабные репрезентативные выборки
В целом по зарубежным журналам	***62***	***38***
Социологические исследования	93	7
Экономическая социология	57	43
ЖССА	86	14
Мир России	67	33
В целом по российским журналам	***88***	***12***

этому критерию, то в случае с российскими статьями возникали трудности ввиду 1) отсутствия информации о методологии исследования; 2) заявленного сочетания в исследовании качественных и количественных методов при отсутствии в статье «следов» тех либо других; 3) нарушения логики анализа, когда собранные в ходе формализованного опроса данные даже не подвергаются простейшим методам анализа, а описываются в терминах «подавляющее большинство ответов» либо, напротив, считаются процентные распределения ответов в углубленных интервью.

Маленькая выборка? Назовем опрос «экспертным»

Небрежное отношение исследователей к формированию выборок – проблема, неоднократно поднимавшаяся на страницах российских журналов [3]. Мы столкнулись с этими ограничениями при попытке сформировать количественный индикатор объема выборок в статьях, обнаружив, что многие российские авторы просто не указывают количество единиц наблюдения в своих исследованиях. Поэтому при кодировке мы разделили выборки на две категории – «локальных» (до 10 тыс. единиц наблюдения) и условно названных *«Big data»* (10 тыс. и более) (см. табл. 6).

Сравнительный анализ показал, что элита мировой социологии переключилась на работу с большими массивами данных, репрезентативными в национальном или отраслевом масштабе выборками, размер которых может составлять до 500 тыс. наблюдений. Почти половина зарубежных эмпирических статей была основана на данных лонгитюдных исследований (*General Social Survey*, *Current Population Survey*, *National Longitudinal Study of Adolescent Health*, *National Longitudinal Survey of Youth*, *Americas Barometer survey*) за период до 60 лет, а также международных сравнительных исследований (*International Social Survey Program*).

Многие российские социологи также работают с базами данных, которые могут быть отнесены к "*Big data*" (*RLMS*, *World Value Survey*, *European Value Survey*, *European Social Survey*). Однако в большинстве случаев представленный в статьях анализ выполняется по ограниченному числу наблюдений – например, по одной «волне» лонгитюда. Исследования, в полной мере использующие лонгитюдный характер данных RLMS (например, [14]) и масштабные выборки других исследований [15], относительно немногочисленны.

Существенные различия наблюдаются и в оперировании выборками «локального» характера. В зарубежных статьях, основанных на количественных методах, минимальный размер таких выборок обычно составляет 300–400 единиц наблюдения. Просмотр российских статей оставляет впечатление, что авторы соревнуются между собой в том, «кто опросит меньше». Неоднократно нам встречались выборки размером в 30–50 человек, к которым, тем не менее, применялись методы количественного анализа. «Оправданием» использования таких мик-

Таблица 7

Характер данных в эмпирических исследованиях с применением количественных методов, *N*=825, % по строке

Группы журналов	Только опрос	Данные неопросного, объективного характера	Комбинирование опросных и объективных данных
В целом по зарубежным журналам	***46***	***46***	***8***
Социологические исследования	90	7	3
Экономическая социология	67	23	10
ЖССА	67	30	3
Мир России	75	23	2
В целом по российским журналам	***84***	***13***	***3***

Таблица 8

Уровень математических методов в количественных эмпирических исследованиях, *N*=825, % по строке

Группы журналов	Только дескриптивная статистика	Простейшие многомерные методы анализа	Продвинутые методы статистического анализа
В целом по зарубежным журналам	***9***	***1***	***90***
Социологические исследования	87	7	6
Экономическая социология	33	10	57
ЖССА	84	8	8
Мир России	61	14	25
В целом по российским журналам	***81***	***8***	***11***

роскопических выборок является указание на то, что опрос носил «экспертный» характер, однако обоснований того, почему столь узок круг экспертов, например, по вопросам расизма, семейных ценностей или исторической памяти о Великой Отечественной войне, не приводится. Использование маленьких выборок не мешает авторам делать обобщения – например, на данных опроса 75 «экспертов» утверждать, что, «*как показывает проведенный опрос, для большинства населения наиболее приемлемым способом получения информации является*…». Статья с использованием качественных методов может быть построена на единственном глубинном интервью. Ни одного подобного примера в западных журналах мы не нашли (табл. 7).

Еще одна тенденция, из которой пока что выпадают российские социологи, – это обращение к данным неопросного, «объективного» характера. К ним относятся, например, более 1000 пресс-релизов и 50000 газетных статей и транскриптов телепередач, письменно зафиксированные мнения судей за 35-летний период, данные 300 тысяч интернет-аукционов, статистика межэтнических браков, протестных движений, арестов и тюремных заключений. Как видим, стремление оперировать данными «объективного» характера и поворот к стратегии использования «больших данных» тесно взаимосвязаны [16; 17] и знаменуют отказ от «убогого взгляда на социологию, сводящуюся к опросам общественного мнения» [18] и изучающую социальную реальность, искаженную мнениями, оценками, восприятиями, «социально желательными» ответами респондентов.

Что касается российских социологов, то к немногочисленным примерам обращения к данным «объективного» характера можно отнести сочетание опроса с количественным анализом медицинских карт [19], анализ анкет, сведений из УВД и скорой медицинской помощи [20], статистики об участниках протестных движений в социальных сетях [21], контент-анализ периодических изданий и текстов в социальных сетях, количественный анализ диссертационных исследований.

Социология – прибежище гуманитария?

Наиболее существенные различия между российскими и зарубежными статьями касаются уровня методов анализа данных в количественных исследованиях. Практически все статьи в американских журналах (90%) используют «продвинутые», «доказательные» статистические методы анализа данных, такие как регрессионный анализ, моделирование структурными уравнениями, анализ данных с многоуровневой структурой. Справедливости ради отметим, что в самом американском социологическом сообществе тенденция к использованию «все более изощренных» методов анализа, затмевающих при принятии решения о публикации статьи вопросы новизны, оригинальности и содержательной значимости исследования, нередко вызывает критику и иронию [22] (табл. 8).

Таблица 9

Объем публикаций и количество цитируемых источников в российских статьях с различным уровнем методов статистического анализа данных, *N*=1351

Группы статей	Медианный объем статей, п.л.***	Медианное количество источников***
Нет количественного эмпирического исследования	1.0	21
Только дескриптивная статистика	0.8	10
Простейшие многомерные методы анализа	1.0	13
Продвинутые методы статистического анализа	1.7	29

***Различия значимы на уровне $p<0.001$

Что же касается распределения российских статей по методам количественного анализа данных, то пропорция как раз обратная: почти 90% не выходят за пределы описательной статистики. Чаще всего результаты представлены на самом примитивном уровне – в виде табличек с процентными распределениями. Реже встречается анализ средних значений, корреляционный, дисперсионный анализ, даются оценки статистической значимости различий (например, [23; 24]).

Еще в 8% проанализированных нами российских статей использовались многомерные методы поиска взаимосвязей и автоматической классификации данных – факторный и кластерный анализ, которые ввиду неоднозначности интерпретаций их результатов относятся, скорее, к «эвристическим» [25], чем к доказательным методам. В отличие от российских социологов, авторы ведущих зарубежных журналов используют факторный анализ (чаще всего такую его разновидность, как подтверждающий ФА – *CFA*, который позволяет проверить заданную гипотетическую структуру данных) в основном лишь как вспомогательный метод проверки валидности инструментария (табл. 9).

Обратим внимание, что значимых различий в количестве цитируемых источников, объеме статей и количестве авторов в расчете на статью между текстами, использующими только дескриптивную статистику и «продвинутые» методы анализа, в зарубежной подвыборке нет. Напротив, для российских публикаций эти различия существенны. Это позволяет предположить, что немногочисленные статьи с «продвинутыми» методами анализа являются и более обоснованными в теоретическом плане, чем исследования, ограничивающиеся только описательными методами.

Катастрофическое сознание российского социолога: все еще за железным занавесом?

Проанализированные нами зарубежные статьи отличаются (во всяком случае, стилистически) идеологической, нравственной, эмоциональной нейтральностью. Для российского читателя весьма непривычна «самодостаточность» элиты мировой социологии. Судя по тематике исследований и характеру постановки задач, многие зарубежные авторы занимаются «наукой ради науки». Они даже не пытаются обосновать практическую значимость своего исследования, а формулируют проблему, исходя из нерешенных научных задач.

Российская же социология во многом продолжает советскую традицию идеологического обслуживания власти, что выражается в обосновании «народнохозяйственного значения» исследований. Наши статьи начинаются с объяснения того, почему та или иная из «*острейших проблем России постсоветского периода*» важна «для развития общества», «преодоления кризиса». В отличие от зарубежных авторов, мы исходим не столько из нерешенных научных проблем, сколько из необходимости «*преодоления негативных общественных явлений*», «*выполнения указов Президента*».

Добавим к этому наше стремление использовать академический журнал как площадку для выражения собственных идеологических/религиозных/нравственных предпочтений. Характер изложения, стилистика написания текстов нередко представляют собой подмену научных выводов «нравственным позиционированием» авторов, что уже неоднократно отмечалось [5; 26]. Мы не стыдимся представлять в научный журнал статьи, написанные в стиле ностальгии по старым добрым временам, рассуждать, например, о том, каким должен быть «образованный», «культурный» человек.

Ценностно-нормативная перегруженность нашего сознания воплощается в своеобразной – публицистично-назидательной – стилистике текста. Мы по-прежнему активно используем речевые обороты, утвердившиеся в гуманитарных науках со времен сталинизма, и расширяем их список новыми «катастрофичными» терминами: «*неблагоприятные тенденции …, чрезвычайно обострившиеся в период реформ*», «*чудовищная целенаправленно внедренная ложь на выдающийся подвиг советского народа*», «*лжепропаганда*», «*плутократия*», «*мифы и фальшивки*», «*социальные болезни*», «*угроза интеллектуальной*

и социальной деградации общества», «*вызывает тревогу показатель количества…*», «*деструктивные трансформации*».

Все это отражает, на наш взгляд, непрофессионализм и кризис идентичности российских социологов. Мы пишем для академического журнала статьи публицистического характера, забывая о том, что непредвзятость, идеологическая нейтральность, способность отстраненно взглянуть на анализируемые явления – *sine qua non* научной картины мира. Функцию изучения социальной реальности мы подменяем стремлением ее изменить, что не позволяет доверять получаемым нами результатам. Кроме того, беря на себя функцию пропаганды, формирования общественного мнения, мы забываем, что гораздо лучше нас с этой функцией справляется армия PR-менеджеров, журналистов, публицистов.

Итак, наш анализ различий между публикациями в ведущих российских социологических журналах и американских общесоциологических журналах, занимающих три верхние позиции в международном рейтинге цитирования, позволяет предположить, что вовсе не языковой барьер является препятствием для интеграции российских социологов в мировую науку. Проблема в принципиально иной научной культуре, наличии «порочного круга непрофессионализма» российской социологии. Мы существенно отстаем по всем основным компонентам исследовательской деятельности: структура научной публикации, ее научный аппарат, методология исследования, уровень методов статистического анализа данных. Ориентация на «внутреннее потребление» нашего научного продукта обусловливает низкий уровень профессиональных требований, которые выражаются в низкой культуре работы с научной литературой, абсолютном доминировании исследований описательного, а не доказательного, характера, примитивном арсенале методов сбора и анализа данных. Тот факт, что социолог не может осмыслить полученные им данные и представить что-то большее, чем таблички с процентными распределениями, обусловливает низкий общественный престиж социологии. Последнее, в свою очередь, затрудняет доступ к ресурсам проведения исследований, заставляет социологов существовать в режиме выживания, который, как известно, противоречит стратегии развития.

Можно ли изменить данную ситуацию? На наш взгляд, свой вклад в повышение престижа отечественной социологии может и должна внести редакционная политика ведущих социологических журналов, повышая планку редакционных требований, стремясь унифицировать структуру публикаций в соответствии с той, что принята в международных журналах, требуя пропорциональности теоретического, методологического и эмпирического разделов текста, заставляя авторов отказываться от описательности и задумываться о научной новизне проведенных исследований. На примере отечественных журналов очевидны издержки «демократичного» (или популистского?) принципа «много маленьких статей». С одной стороны, ограничения объема служат оправданием авторам, ориентированным на социологическую эссеистику. С другой, даже стремясь сделать полноценный анализ литературы, обосновать методологию исследования, продемонстрировать различные подходы к анализу данных и критически обсудить полученные результаты, мы сталкиваемся с необходимостью «резать» именно обзорно-аналитические и методологические разделы своих текстов, наиболее «емкие» по количеству символов, и оставлять голые таблицы с минимальными комментариями. Поэтому, на наш взгляд, норма в 1 печатный лист должна стать не *верхней*, а *нижней* планкой принимаемых к публикации статей.

Разумеется, снятие формальных ограничений само по себе не сможет повысить уровень публикаций отечественных социологов. На наш взгляд, прежде всего нам самим следует отказаться от самоуспокоения и осознать недостаточность нашей профессиональной квалификации: мы мало читаем, плохо знаем методы анализа, и в этом направлении нам следует расти. Сравнительный анализ показал необходимость более серьезной работы отечественных авторов с литературой (в особенности для социологов-«количественников»), движения в сторону использования больших, национально репрезентативных, баз данных, расширения информационной и методологической базы своих исследований. По нашему убеждению, повышению общественного престижа социологии может способствовать отказ от имиджа социологического знания как исключительно «гуманитарного» за счет использования более продвинутых, доказательных методов анализа данных, повышения уровня математической квалификации социологов, отказа от эссеистики и публицистичности.

Примечания

1. В анализ не были включены журналы, занимавшие с 4-го по 7-е места в рейтинге РИНЦ («Социология 4М», «Социологический журнал», «Журнал исследований социальной политики» и «Alma mater») по причине либо малого количества выпусков за 2010–2014 гг., либо специализированной тематической направленности журналов.

2. Автор выражает благодарность А. Антоновой и А. Миленину за техническую помощь в сборе данных.

3. При анализе объема публикаций и количества цитируемых источников в качестве мер центральной тенденции использовались медианы как более достоверный, по нашему мнению, показатель, сглаживающий влияние отдельных «выбросов» – очень высоких значений.

4. Между тем, современные тенденции развития социальных наук в мире как раз включают борьбу с «местечковостью» эмпирических исследований. Так, на конференции Общества развития социоэкономики (*Society for the Advancement of Socio-Economics – SASE*) летом 2014 года редакторами ведущих международных журналов было озвучено обращение к будущим авторам: «Пожалуйста, не присылайте статей, научная новизна которых сводится к применению такого-то теоретического подхода к эмпирическому исследованию жителей такой-то страны. Это никому не интересно. Важен ваш вклад в развитие теории, вскрытие универсальных закономерностей, а не просто эмпирическая апробация известных концепций».

Список литературы

1. Романовский Н.В. Качество социологического знания (заметки редактора) // Социологические исследования. 2012. №. 5. С. 39–47.

2. Радаев В.В. Российская социология в поисках своей идентичности // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 3–17.

3. Толстова Ю.Н. Возросла ли эффективность методов социологических исследований в России за последние 100 лет? // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 59–69.

4. Соколов М.М. О процессе академической (де)цивилизации // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 21–30.

5. Татарова Г.Г. Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 72–84.

6. Винер Б.Е., Дивисенко К.С. Когнитивная структура современной российской социологии по данным журнальных ссылок // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 4. С. 144–166.

7. Дьяченко Е.Л. Интернационализация в науке: дисциплинарные различия // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 101–111.

8. Кинчарова А.В., Соколов М.М. Исследовательские практики российских социологов // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 58–68.

9. Эфендиев А.Г., Сорокин П.С., Балабанова Е.С. Основные проблемы развития российских и зарубежных социологических журналов // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 36–49.

10. Гришина Е.А. О тенденциях в практике научно-исследовательских работ по социологии // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 130–135.

11. Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.А. Здоровье и социальный капитал (Опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 87–100.

12. Балабанова Е.С. О комплексном характере социологических исследований // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 11–16.

13. Лаба Л.Я. Способы интеграции качественных и количественных методов в социологических исследованиях // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 124–129.

14. Зудина А.А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 27–63.

15. Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 135–146.

16. Дудина В.И. Социологическое знание в контексте развития информационных технологий // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 13–22.

17. Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / Под ред. А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. М.: Online Market Intelligence, 2016. 556 с.

18. Волков В.В., Скугаревский Д.А., Титаев К.Д. Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 48–58.

19. Исупова О.Г., Русанова Н.Е. Социальный портрет пациентов репродуктивной медицины // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 88–98.

20. Пучков П.В., Беляева Л.С. Характеристики суицидального поведения в Саратове // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 77–80.

21. Ушкин С.Г. Новая виртуальная оппозиция: кто она? // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 86–90.

22. Губа К.С. Как устроены журнальные редакции: отбор рукописей в американской социологии // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2013. Т. 5. № 3. С. 66–89.

23. Ребров А.В. Факторы формирования мотивации работников // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 38–49.

24. Захаров В.Я., Воронин Г.Л., Захаров И.В. Социальные проблемы трансформации промышленных предприятий // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 25–36.

25. Крыштановский А.О. «Кластеры на факторах» – об одном распространенном заблуждении // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2005. № 21. С. 172–187.

26. Розов Н. Стагнация социологии как выражение общего недуга российского обществознания [Электронный ресурс] // Сайт Полит.ру. 9 октября 2008. URL: http://polit.ru/article/2008/10/09/rozov/ (дата обращения: 02.12.2014).

ON THE PROFESSIONAL CULTURE OF RUSSIAN SOCIOLOGISTS

E.S. Balabanova

National Research University Higher School of Economics, Moscow

The paper introduces an analysis of the academic publications as a key indicator of the sociologist's professional culture. The results of the empirical study that includes a comparative survey of 1829 research articles from top Russian and international sociological journals are presented. Based on quantitative indicators, the empirical evidence of the Russian sociological culture's considerable lagging behind compared to international standards, was demonstrated. The most obvious gaps are observed in such areas as the structure of research articles; their theoretical and methodological background; diversity and transparency of research methods; sampling; and using of advanced methods of statistical data analysis. It is emphasized that Russian sociologists drop out from modern international trends for non-survey methods of data collection, and the language of Russian sociology is highly «normative» and ideologically-biased. The author concludes that the crisis in Russian sociology is mainly an endogenous process that can be described in terms of a «vicious circle of lack of professionalism».

Keywords: Russian sociology, international sociology, sociological journals, professional culture, research methods, quantitative research, samples, methods of statistical data analysis.

УДК 316.6

НЕЛИНЕЙНАЯ ДИНАМИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В МЕГАПОЛИСЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2016 г.

Г.Е. Зборовский

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

garoldzborovsky@gmail.com

Статья поступила в редакцию 18.04.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Рассматриваются образовательные общности, их нелинейная динамика в условиях мегаполиса. Доказывается, что, будучи крупным научно-образовательным и социокультурным центром, мегаполис оказывает глубокое влияние на нелинейную динамику образовательных общностей. Дается понятие этих общностей, выявляется их центральное место в системе образования. Рассматриваются основные методологические подходы к социологическому исследованию образовательных общностей: общностный, деятельностный, системный, институциональный, темпоральный. Каждый из названных подходов конкретизируется через систему присущих ему принципов.

Ключевые слова: образовательные общности, мегаполис, нелинейная динамика, научные подходы к исследованию, система образования.

Образовательные общности в мегаполисе представляют собой статистически значимую часть его населения, к которой относятся суммарно сотни тысяч жителей. Будем относить к этим общностям тех, кто непосредственно включен в жизнедеятельность подсистем дошкольного, школьного и профессионального (среднего и высшего) образования. Это, с одной стороны, воспитанники дошкольных образовательных организаций, школьники, студенты средних профессиональных и высших учебных заведений. С другой стороны, к образовательным общностям мы относим тех, без кого процесс обучения и воспитания был бы немыслим. Своеобразную «пару» вышеназванным общностям составляют педагогические работники дошкольных образовательных организаций, учителя школ и преподаватели профессиональных учебных заведений (колледжей, вузов).

Чтобы представить себе количественные показатели перечисленных образовательных общностей и их удельный вес в общей массе жителей мегаполиса, приведем данные лишь по одному, достаточно характерному поселению этого типа – Екатеринбургу. В городе с населением почти 1.5 млн жителей воспитанников дошкольных образовательных организаций и педагогических работников в них – около 76 тыс., школьников и учителей – 140 тыс., студентов учебных заведений среднего профессионального образования и их преподавателей – чуть больше 75 тыс., студентов вузов и профессорско-преподавательских работников в них – почти 150 тыс. Отметим, что в представленных цифрах учтены данные, касающиеся образовательных организаций всех форм и видов. В совокупности это около 440 тыс. человек, что составляет почти 30% от численности населения мегаполиса (рассчитано нами по [1]). Примерно такое же (или близкое к нему) соотношение существует в иных мегаполисах страны – Нижнем Новгороде, Казани, Новосибирске и др.

Не будем забывать и о том, что, помимо самих образовательных общностей, существуют иные, прямо или косвенно с ними связанные. Среди них – в первую очередь родители (а также бабушки и дедушки) обучающихся детей, численность которых в Екатеринбурге зашкаливает за 300 тыс. Суммируя с предшествующей цифрой, получаем половину населения мегаполиса. Отсюда не трудно понять и место, занимаемое в жизни города образовательными общностями, и их роль в его социальном пространстве и инфраструктуре, и то внимание, которое необходимо им уделять в деятельности управленческих структур и властей города и региона.

Мегаполис представляется сегодня оптимальной социально-пространственной средой для развития образовательных общностей. Под ним мы понимаем крупнейшую современную городскую структуру, эволюционно возникшую в естественном процессе градообразующей практики и представляющую собой некий конгломерат близко расположенных небольших поселений с доминантой очень большого города в

центре. В России это обычно города с населением, превышающим миллион человек (таких в стране сегодня 13).

Конечно, мегаполис сосредоточивает в себе весь комплекс противоречий, которые касаются жизни и успешного функционирования образовательных общностей. Вместе с тем, он же располагает и ресурсами, возможностями и опытом для их разрешения. Мегаполис является мощным образовательным пространством, включающим ряд структур для самореализации каждой образовательной общности. При этом ресурсы и возможности связаны не только со сферой образования; они выходят далеко за ее пределы – в области искусства, культуры, физической культуры и спорта, любительских занятий, общественной деятельности, гражданской активности.

Мегаполисы, которые в своем большинстве растут сегодня чрезвычайно динамично, приобретают новые качества, превращаясь в относительно самостоятельные и самодостаточные субъекты экономического, финансового, социального, политического, культурно-образовательного, научного развития. В таком виде они представляют собой интереснейший объект изучения различных наук: экономики, урбанистики, политологии, культурологии. Не последнюю роль среди них играет социология. Она способна интегрировать знания этих наук о крупном городе, придать им особое качество через изучение конкретных городских социальных общностей.

Прежде всего социология рассматривает образовательные общности как ресурс развития мегаполиса, всех сфер его общественной жизни. Кроме того, эти общности трактуются как специфический объект городского управления, требующий учета во всех видах государственного и муниципального управления. И наконец, мегаполисы представляются особым социокультурным пространством, в которое образовательные общности вписываются органично как «градообразующие». Необходимость такого многоаспектного рассмотрения взаимосвязи городов и образовательных общностей актуализирует изучаемую проблему и требует ее специального теоретического анализа.

Мегаполисы представляют собой ведущие образовательные центры страны, в которых сосредоточено большое количество учебных заведений самых разных видов, уровней и форм. Развитие взаимодействующих в них массовых образовательных общностей (численность участников которых колеблется от нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч человек) обеспечивается соответствующей инфраструктурой, потенциалом науки, культуры и управления. При этом мегаполисы усиливают социальную неопределенность функционирования и развития образовательных общностей. Делают это они благодаря своей многоструктурности, многовекторности, чрезвычайной динамичности.

Образовательные городские общности отражают социальную неопределенность мегаполисов, тенденции их изменения, а значит, нуждаются в глубоком научном исследовании. В такой постановке проблемы вполне обоснованным является определение предмета исследования – нелинейной динамики образовательных общностей мегаполиса (крупного города) в условиях социальной неопределенности.

Почему мы говорим именно об их нелинейной динамике? Что при этом имеем в виду? Речь идет о нелинейном изменении количественных и качественных характеристик образовательных общностей: их численности, возрастной и гендерной структуры, уровня идентификации и сплоченности, характера связей и отношений с другими общностями (профессиональными, возрастными, этническими и т.д.). Нелинейная динамика образовательных общностей означает также неожиданные и непредсказуемые смены ценностных ориентаций, выборы новых путей социального поведения, слабо объяснимые (на первый взгляд) изменения траекторий и стратегий развития, социальной мобильности, переходов в другие социальные общности. Мегаполис как особый тип поселения способен существенно влиять на такие перемены, происходящие с образовательными общностями, и быть катализатором их нелинейных динамических изменений.

Анализ проблемы нелинейной динамики образовательных общностей в мегаполисах позволит получить новое социологическое знание о ситуации в образовании, о противоречиях между образовательными социальными общностями, локализованными в таких городах, между ними и социальным институтом образования в целом и его социальной системой, между участниками образовательного процесса и государством, структурами управления образованием на самых разных уровнях.

Становится все более заметным еще одно противоречие, которое следует иметь в виду в условиях нелинейности динамики образовательных общностей. Речь идет о складывающемся противоречии между насущной потребностью усиления «социальной прочности» этих образовательных общностей на фоне роста социальной неопределенности и их реальной неготовностью к новым вызовам и рискам, а также неспособностью общества и государства к решению проблем образовательных общностей.

Под «социальной прочностью» образовательных общностей мы понимаем их способность адаптироваться к резким и неожиданным изменениям, стремление к сохранению человеческого капитала, потенциала развития, прочных связей с другими участниками образовательного процесса, позитивное мировосприятие, духовную стойкость, патриотизм, в конечном счете, готовность противостоять жизненным трудностям.

Между тем запасы этой «социальной прочности» у многих образовательных общностей (либо значительной части их членов) заметно истощены, а главное, не имеют очевидных источников восполнения. Отсюда и наша оценка состояния образовательных общностей в мегаполисе как кризисного. Суть этого кризиса заключается, с одной стороны, в неподготовленности образовательных общностей (на уровне сознания и поведения) к новым реалиям, что приводит к различным деформациям в самих общностях; с другой стороны – в неготовности общества и государства к решению основных проблем образовательных общностей.

Среди наиболее значимых факторов, оказывающих на эти общности негативное воздействие, следует назвать экономический кризис и его проявления в виде уменьшения объема финансирования на образование, сокращения численности научно-педагогических кадров, дестабилизации рынка труда, скрытой и явной безработицы. Другим, не менее значимым фактором, усиливающим состояние социальной неопределенности российского образования, выступает волнообразность демографических процессов. Они влекут за собой нелинейное изменение количественных, структурных и содержательных характеристик образовательных общностей.

Вследствие снижения уровня жизни, усиления социального неравенства, отсутствия достаточных социальных гарантий трудоустройства, достойной оплаты труда, доступа к качественному образованию ухудшается самочувствие, усиливаются страхи и тревоги образовательных общностей. Их жизненные стратегии и траектории развития, детерминируемые преимущественно давлением внешних обстоятельств, становятся нелинейными, непоследовательными, хаотичными. Это, в свою очередь, затрудняет планирование и прогнозирование будущего российского образования, делает его источником социальных конфликтов, социальных рисков и для государства, и для общества, и для самих образовательных общностей.

Наряду с экономическим и демографическим факторами определяющее значение для образовательных общностей имеет социокультурная динамика. Трансформация ценностных ориентаций, культурных паттернов изменяет (и, к сожалению, не в лучшую сторону) отношение образовательных общностей к знанию и образованию как к фундаментальным основам социальной жизни. Складывается реальное противоречие между основным маркером образовательных общностей (их отношением к знанию и образованию как ценности) и отсутствием у многочисленных слоев этих общностей ориентации на знание и образование как ключевые цели жизнедеятельности. Разрушение же первоосновы формирования и сохранения социальной общности в виде стремления к получению знания и качественного образования ведет к ее социальной деградации. Это касается не только учащихся и студентов, но и определенной части педагогического сообщества.

Негативная динамика образовательных общностей фиксируется на уровне как научных исследований, так и обыденного сознания, прежде всего – самими представителями этих общностей, и отражается в негативных оценках и высокой степени неудовлетворенности происходящими изменениями: учителя школ и преподаватели вузов, колледжей из года в год отмечают снижение «качества» учащихся и абитуриентов, сами учащиеся и их родители сетуют на постоянное «вымывание» из образовательных учреждений лучших преподавателей. На этом фоне, вместо усиления взаимной и постоянной потребности друг в друге, растет взаимное отчуждение, недоверие и противостояние образовательных общностей.

Решение проблем образовательных общностей, формирование позитивной динамики возможно на разных уровнях: в масштабах всей страны, ее регионов и городов. Нам представляется особенно важным и перспективным уровень мегаполиса – наиболее крупного городского образования, обладающего самой полной и комплексной ресурсной основой для решения значительной части проблем образовательных общностей как в их статичном, так и в их динамичном состоянии.

Таким образом, появляется возможность исследовать в пространственно-временном континууме мегаполиса одновременно и во взаимосвязи все основные образовательные общности, включенные в систему общего и профессионального образования. Это обеспечит системное видение объекта исследования, возможности для сравнительного анализа динамики разных образовательных общностей и разработки комплексного похода к решению их проблем.

Отсюда возникает еще одна исследовательская возможность – в контексте динамики мегаполиса выявить взаимосвязи и взаимовлияния между

особенностями функционирования и развития городского социума и общностями горожан, вовлеченными в образовательную деятельность.

В условиях мегаполиса жизненные стратегии и траектории развития образовательных общностей становятся непоследовательными, непрогнозируемыми, хаотичными. Их динамика оказывается сложно регулируемой и зависит от ряда обстоятельств, связанных не только с развитием общества и системы образования в нем, но с изменениями, происходящими в сфере городской жизни и городского пространства. Динамично развивающийся мегаполис усиливает динамику образовательных общностей. Наоборот, слабо развивающийся мегаполис, не демонстрирующий явных признаков динамики, оказывает негативное влияние на перспективы развития образовательных общностей, поиск их нелинейного развития.

Теперь обратимся к рассмотрению третьего (вслед за нелинейной динамикой и мегаполисом) ключевого понятия статьи – образовательной общности. Что она собой представляет? По нашему мнению, в самом общем виде – это определенная взаимосвязь (совокупность) людей, которая характеризуется доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обусловливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью (гомогенностью) состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, социальными общностями.

В системе обучения и воспитания образовательные общности, будучи одним из ее элементов, тесно связаны с двумя другими ее элементами (подсистемами). Первая из них – это образовательные организации (дошкольные, школьные, относящиеся к среднему и высшему профессиональному образованию). Вторая подсистема охватывает органы управления образованием (на его различных уровнях – от образовательных организаций до правительства страны).

Из трех названных элементов системы образования основным, системообразующим являются, по нашему мнению, образовательные общности, взаимодействующие между собой в процессе обучения и воспитания в каждой конкретной образовательной организации и находящиеся в зоне регулирования их деятельности теми или иными управленческими структурами. Именно эти общности консолидируют «человеческий фактор» и определяющий его человеческий капитал, то есть то главное, чем обусловлено существование системы образования, органов управления ею, конкретных образовательных организаций.

Образование вне образовательных общностей обезличено, превращается в суммативную, механическую систему, состоящую из образовательных организаций, материально-технической среды, нормативно-правовых документов и механизмов, связывающих эти элементы, управления образованием. Давно назрела необходимость изучения содержания процессов, разворачивающихся в образовании, через исследование изменения стратегий и траекторий поведения, потребностей, интересов, ценностных ориентаций, ожиданий основных образовательных общностей и их взаимодействия. Работы такой направленности, причем выполненные на высоком уровне, в отечественной социологии есть [2–4]. Но они, во-первых, касаются только молодежи (учащейся и работающей) и совершенно не затрагивают педагогических работников, во-вторых, фактор мегаполиса (или крупного города) в его влиянии на образовательные общности и вытекающие отсюда проблемы нелинейности практически не учитываются.

Все это актуализирует разработку теоретико-методологических оснований концептуального анализа образовательных общностей, ее динамики в условиях социальной неопределенности современного российского общества и мегаполиса как его важнейшей структуры.

В социальном пространстве системы образования образовательные общности выполняют функцию его ядра, занимая основные социальные позиции, которые позволяют в процессе взаимодействия формировать интеллектуальный, культурный, нравственный капитал «людей образования». К этому «неформализованному» (точнее, не оформленному через дефиниции) понятию мы относим всех тех, кто участвует в создании, распределении, распространении, потреблении образовательного знания.

Под таким знанием мы понимаем содержание любого образовательного процесса, независимо от форм его организации, учебных заведений, уровня получаемого в них образования, его субъектов. Образовательное знание транслирует достижения науки и культуры от их творцов пользователям (потребителям) знания. Оно содержит в себе черты обыденного, доступного знания и соответствующего ему языка, с помощью которого происходит сама трансляция. Отсюда образовательное знание выступает как знание, разделяемое педагогами и учащимися в привычной самоочевидной обыденности учебных занятий. Рождаясь в процессе взаимодействия между научным, культурным и обыденным

знанием, оно проявляется через факты, суждения, теории, концепции, оформленные в систему четких, доступных, конкретных, доказательных утверждений [5, с. 367–404].

Образовательные знания и есть в первую очередь то, что объединяет вокруг себя образовательные общности. Помимо знаний, образовательные общности характеризуются наличием необходимых умений, навыков, компетенций. Следовательно, еще один признак образовательных общностей – существование в структуре их повседневной жизни такого процесса, как трансляция и освоение знаний, умений, навыков, компетенций.

От успешности функционирования этих взаимодействующих общностей во многом зависит эффективность деятельности всей системы образования, и не только ее. По существу, все общество оказывается – прямо или опосредованно, сразу или постепенно, в течение короткого либо продолжительного времени – «заложником» деятельности образовательных общностей.

Образовательные общности в их взаимодействии являются системообразующим элементом всей системы образования и потому, что определяют содержание и характер, структуру и направленность деятельности образовательных организаций. Вместе с тем, последние вкупе с органами управления образованием на самых разных уровнях призваны создавать благоприятные условия для жизнедеятельности образовательных общностей.

На динамику образовательных общностей мегаполиса, перспективы их развития и трансформации существенное влияние оказывает фактор социальной неопределенности и связанные с ним разновекторность, текучесть, вероятностность экономических, политических и социальных процессов. Научные подходы к рассмотрению образовательных общностей мегаполиса сквозь призму концепции нелинейной динамики и социальной неопределенности соответствуют современным тенденциям в развитии социологии и формируют качественно иной ракурс видения проблем образования и его субъектов, по-новому показывают причины и характер происходящих с ними трансформаций.

Сама разработка концепции динамики образовательных общностей в условиях социальной неопределенности базируется на использовании ряда методологических подходов. Среди них – общностный, деятельностный, системный, институциональный, темпоральный. Каждый из этих подходов опирается на ряд основных принципов.

Суть общностного подхода к рассмотрению динамики образовательных общностей состоит, с одной стороны, в анализе этих общностей как основных субъектов образовательного процесса (сквозь призму их структуры, типологии, взаимодействия, наличия ресурсной основы), с другой – в выявлении перспектив их трансформации и ее специфики в процессе перехода к нелинейному развитию образования в стране.

Основными принципами общностного подхода, которые следует применять к анализу динамики образовательных общностей, являются:

– рассмотрение образовательных общностей в качестве главных субъектов образовательной деятельности;

– структурирование, типология и классификация образовательных общностей;

– выявление особенностей взаимодействия в сфере образования парных общностей: преподаватели – студенты, учителя – школьники, основные – дополнительные образовательные общности (административно-управленческая общность, родители);

– характеристика ресурсов (социальных, интеллектуальных, темпоральных и др.) образовательных общностей;

– анализ связей и взаимодействий образовательных и иных социальных общностей (в сферах семьи, производства, бизнеса, культуры, науки, управления);

– трактовка выше указанных принципов в их динамике, изменении в рамках темпоральных перемен.

Второй методологический подход, который применяется нами к изучению динамики образовательных общностей, – деятельностный. Его суть сводится к трактовке особенностей форм и видов деятельности образовательных общностей, их образа жизни, к исследованию специфики именно общностной, а не индивидуально-личностной образовательной деятельности, к выявлению эмоциональных, когнитивных, мотивационных и поведенческих механизмов – под углом зрения динамических перемен, происходящих в условиях смены темпоральных характеристик на каждом этапе развития образования.

Основные принципы деятельностного подхода означают:

– обусловленность специфики образовательной общности ее образом жизни, содержанием и характером основного вида деятельности;

– рассмотрение динамики образовательной общности через изменение целей, форм, способов, результатов ее деятельности и взаимодействия с другими образовательными общностями;

– анализ специфики образовательной деятельности каждой общности, взятой в ее социальном контексте и подразумевающей выявление функциональных и статусно-ролевых характеристик;

– исследование и трактовку мотивационной, диспозиционной и поведенческой структуры деятельности и ее изменений;

– выявление связей деятельностного подхода с другими методологическими подходами к изучению образовательных общностей.

Третий методологический подход, направленный на исследование динамики образовательных общностей, – системный. Он означает их анализ в единстве, комплексности и целостности, в тесной взаимосвязи как между собой, так и с окружающей средой, включающей основные социально-экономические, политические, культурные, этнические, демографические и иные условия и факторы общественной жизни, рассматриваемые в процессе динамических изменений.

Основные принципы системного подхода, в том числе синергетического, применяемые к анализу динамики образовательных общностей, состоят в:

– комплексном охвате основных образовательных общностей мегаполиса: учащихся школ и образовательных организаций СПО, студентов вузов, учителей школ, преподавателей ссузов и вузов, а также взаимодействующих с ними общностей родителей, административно-управленческого персонала, представителей органов власти;

– комплексности качественных и количественных методов исследования динамики образовательных общностей;

– исследовании образовательных общностей в координатах системы социокультурных, экономических, политических, демографических факторов, подверженных серьёзным динамическим процессам трансформации;

– обусловленности динамики образовательной общности внутренними тенденциями ее развития и изменениями внешней социокультурной среды;

– учете пространственно-временного континуума образовательных общностей, влияющего на их функционирование и развитие;

– прогнозировании нелинейного развития образовательных общностей на основе сценарного метода, описывающего спектр стратегий их поведения и взаимодействия.

Четвертый методологический подход, применяемый к изучению динамики образовательных общностей, – институциональный. Его суть состоит в анализе влияния различных социальных институтов на происходящие с этими общностями изменения через систему механизмов, включающих в себя нормативно-правовые, организационные, финансово-экономические, социокультурные и иные. Применение институционального подхода означает выявление связей между отношением к образовательным общностям со стороны государства и реакцией на это отношение (влияние через указанные механизмы, регулирование деятельности самих общностей, контроль за их поведением) со стороны этих общностей.

Основные принципы институционального подхода к исследованию динамики образовательных общностей предполагают:

– рассмотрение образовательных общностей в системе социальных институтов образования, управления, города, семьи, вектор которых направлен на регулирование отношений и взаимодействий образовательных общностей;

– изучение динамики образовательных общностей сквозь призму изменения институциональных рамок их функционирования: экономических и материальных условий, социальных правил, норм, санкций, образовательной идеологии;

– анализ рефлексии образовательных общностей на основные линии (векторы, направления) институционального воздействия, рассматриваемые сквозь призму нормативно-правовой, организационной, финансово-экономической и иной динамики;

– выявление социальной эффективности динамики образовательных общностей в результате институционального регулирования их положения и развития.

Наконец, пятый (последний по счету, но не по значению) методологический подход, применяемый к изучению образовательных общностей, – темпоральный. Его суть состоит в том, чтобы в полной мере использовать в исследовании фактор времени как определяющий динамические процессы образовательных общностей в темпоральных границах их изменений от линейности к нелинейности.

Основные принципы темпорального подхода означают:

– необходимость учета фактора времени в развитии образовательных общностей, причем как «по вертикали», так и «по горизонтали» («вертикальность» рассматривается как хронологический срез времени образовательной общности, средней и типичной единицей измерения которого выступают годы функционирования общности; «горизонтальность» предполагает актуальный срез времени образовательной общности, выражающийся в более дробных

единицах измерения (наиболее типичны недели, дни, часы); используемый метод изучения – бюджет времени);

– рассмотрение динамики образовательных общностей как категории временно́й, и тогда сама эта динамика превращается во временну́ю перспективу образовательной общности (эту перспективу мы характеризуем как прогнозируемый временно́й горизонт, который образуется благодаря неразрывному единству объективной и субъективной сторон восприятия и понимания прошлого и настоящего образовательной общности; объективный аспект ее временной перспективы представляет собой прогноз и оценку состояния образовательной общности в количественных и качественных параметрах, которые фиксируют объективные показатели ее развития; субъективный аспект предполагает видение и понимание представителями образовательной общности своего будущего места и роли в системе общественных отношений).

Каждый из пяти названных выше и охарактеризованных методологических подходов обладает важным исследовательским потенциалом и вполне может быть «конвертирован» в методологическую и методическую программу эмпирического исследования динамики образовательных общностей мегаполиса через систему операциональных понятий, а также показателей и индикаторов, их конкретизирующих. Реализация такой возможности – задача следующего этапа исследования нелинейной динамики образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00051 «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности».

Список литературы

1. Итоги социально-экономического развития муниципального образования «город Екатеринбург» в 2014 г. Екатеринбург, 2015. URL: http://xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/file/37ad38639fddd1f5ce404d6f1f83ea98 (дата обращения: 10.04.2016).

2. Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСПиМ, 2014. 560 с.

3. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСПиМ, 2014. 548 с.

4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

5. Зборовский Г.Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013. 470 с.

NONLINEAR DYNAMICS OF EDUCATIONAL COMMUNITIES IN A METROPOLIS AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

G.E. Zborovsky

Ural Federal University, Yekaterinburg

The article's focus is on educational communities and their nonlinear dynamics in a metropolis. We argue that a metropolis as a major center of science, education and culture has a profound effect on the nonlinear dynamics of its educational communities. A definition is given of such communities and their central place in the education system is identified. Principal methodological approaches to the sociological study of educational communities are considered in detail.

Keywords: educational communities, megalopolis, nonlinear dynamics, scientific approaches to research, educational system.

УДК 316.4

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ ДИНАМИКИ ОБРАЗА ЖИЗНИ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

© 2016 г.

Г.И. Осадчая

Институт социально-политических исследований РАН, Москва

osadchaya111@gmail.com

Статья поступила в редакцию 31.08.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

С опорой на разработки ученых-предшественников обоснованы теоретические и методологические основания социологического измерения и анализа динамики образа жизни; даны определения ключевых понятий: образ, способ и стиль жизни; обоснованы объективно-субъективное происхождение образа жизни человека, группы, общности и его конкретно-исторический контекст; раскрыты факторы трансформации образа жизни: геополитические, экономические, социокультурные, национальные, биологические, формирования современной социальной реальности. Предложена методическая стратегия, включающая в себя анализ документов национальной статистики, а также публикаций специалистов, связанных с показателями включенности людей в основные сферы жизнедеятельности общества; всероссийский опрос населения РФ по вопросам, продемонстрировавшим наибольшую динамику оценок, суждений, мнений в ходе опроса 1982 и 2008 гг.; опрос жителей гг. Москвы, Нижнего Новгорода и Сыктывкара, структурированные интервью мигрантов из стран – членов Евразийского экономического союза в Москве; определены познавательные возможности данной методики.

Ключевые слова: образ жизни, методология, теория, методическая стратегия, Евразийский экономический союз, измерение динамики.

Образ жизни россиян активно влияет на дееспособность не только нашей страны, но и нового интеграционного евразийского пространства. Он может оказывать как стимулирующее, так и сдерживающее влияние на развитие РФ и ЕАЭС. Заинтересованность общества и государства в позитивной направленности, в созидательной активности народа в современных условиях геополитической нестабильности, глобальной финансово-экономической турбулентности и антироссийских санкций усиливает значение исследования этого феномена социальной реальности. Сравнительный анализ механизмов функционирования и развития образа жизни, его динамики дает основания для понимания социальных изменений в обществе, в конкретных группах и структурах жизнедеятельности индивидов и принятия управленческих решений.

В России и странах Восточной Европы тематика «образа жизни» начала разрабатываться в 70-е–80-е гг. XX в. [1; 2]. Это было связано, с одной стороны, с неудачами экономических реформ, снижением темпов экономического развития и необходимостью преодолеть эти проблемы в рамках существующего строя, для чего потребовался прогноз изменения образа жизни; а с другой стороны, с переходом к строительству развитого социализма, формированием и развитием социалистического образа жизни. И реальные изменения, предположения ученых требовали эмпирической верификации.

В эти годы в Советском Союзе в ИСИ АН СССР, ИМРД АН СССР, ЦЭМИ АН СССР, в институтах философии и экономики АН СССР, ИЭОПП СО АН СССР, АОН при ЦК КПСС и других научных учреждениях были созданы секторы, группы по изучению различных сторон жизнедеятельности человека, прошли дискуссии о содержании и объеме понятия «образ жизни», системе показателей, его описывающих. Однако они не давали целостного представления о многообразных социальных связях и отношениях человека и общества.

ЦК КПСС и АН СССР приняли решение о проведении масштабного исследования «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни» Институтом социологических исследований Академии наук. В рамках данного исследования было опрошено более десяти тысяч человек в 29 регионах страны. Это было глубокое, фундаментальное сравнительное исследование, позволившее дать оценку социальных реалий того времени, выявить тенденции повседневной жизни, противоречия между сознанием и реальным поведением людей,

между социальными обещаниями государства и реальными условиями жизни.

В 2008 г. исследование было повторено Академическим институтом социальных исследований РГСУ. Это дало возможность по истечении более двадцати лет оценить, как радикальные изменения социально-экономического и политического контекста жизни и деятельности россиян (очень точно названные П. Штомкой травматичными) повлияли на их повседневную жизнь, ответить на вопросы «Как изменился и чем отличается позднесоветский образ жизни от постсоветского как феномен социальной практики?»; «Каковы факторы его изменения и качество современного образа жизни?».

Результаты сравнительного анализа трансформации образа жизни людей в доперестроечной и постперестроечной России изложены в монографии «Социокультурные характеристики повседневных практик россиян» [3], где предложена дескриптивная и объяснительная модель видоизменения образа жизни россиян как форм социальной практики и социальных представлений. Однако стремительные перемены продолжаются и оцениваются противоречиво. Они требуют понимания и объяснения.

Одним из новых и важных факторов трансформации образа жизни людей в российском обществе стало создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в составе Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргыстана и России.

В базовом документе, определяющем порядок интеграции – Договоре о ЕАЭС [4] – декларированы приоритетные цели, которые окажут влияние на трансформацию образа жизни населения в новом интеграционном объединении:

– создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;

– стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;

– всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Гарантия свободы движения рабочей силы в пределах Евразийского Союза, активизирует миграционные процессы в рамках нового интеграционного пространства, открывая для человека возможность на более широком профессиональном пространстве найти работу, которая создавала бы условия для профессиональной самореализации, обеспечения достойного уровня жизни в соответствии с его квалификацией и притязаниями. Она способствует обеспечению более благоприятных условий труда, больший доступ к медицинскому и социальному облуживанию граждан ЕАЭС; упрочивает позиции работника на рынке труда. Создаются условия для более эффективного решения демографических проблем в принимающем регионе (приток молодых на рынок труда будет способствовать улучшению возрастной структуры населения принимающего общества).

Однако при всей общности исторических корней, население стран – членов ЕАЭС обладает значительными различиями в культуре, повседневных практиках, менталитете. Перемещение мигрантов в пределах нового интеграционного сообщества связано с преодолением ими состояния культурного шока, восстановлением разрушенных устойчивых бессознательных сценариев поведения и реагирования, формированием новой идентичности, приемлемой как для них, так и для принимающего общества. Риски принимающего общества могут быть связаны с ростом спроса на рабочие места; с увеличением конкуренции рабочей силы в отдельных регионах; с появлением социальной напряженности в борьбе за рабочие места в наиболее благоприятных (с позиции оплаты труда) регионах; с увеличением социальной нагрузки на бюджеты принимающих регионов; с ростом ксенофобии, этнокультурных противоречий, межэтнических противостояний, националистических проявлений; правонарушений; с усилением давления на власть противников либерализации миграционных процессов и противников интеграционных процессов. Могут иметь место риски социальной дестабилизации.

Как показывает наш анализ, вектор миграции, связанной с переездом на постоянное местожительство, и трудовой миграции направлен сегодня и, по прогнозам экспертов, несмотря на экономические сложности, будет направлен из всех государств – членов ЕАЭС в Россию. Привлечение значительного числа трудовых мигрантов ведет к усложнению этнокультурной и этносоциальной дисперсности в стране, особенно в крупных городах, и, по мнению населения, создает угрозу безопасности регионов, является причиной роста преступности, межнациональной напряженности (опасаются вытеснения местных жителей с престижных рабочих мест, роста социальной напряженности).

Теоретические и методологические основания социологического анализа образа жизни формировались в Советском Союзе усилиями таких ученых, как И.В. Бестужев-Лада [5; 6], Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина [7], Ж.Т. Тощенко [8], И.Т. Левыкин [9], А.А. Возьмитель [10], и ориентировались прежде всего на марксистскую парадигму объяснения социальной реальности. В качестве главного условия воз-

никновения многообразных форм жизнедеятельности членов общества рассматривался господствующий способ производства.

Дальнейшее развитие теория и методология социологического анализа образа жизни получили в ходе эмпирических исследований «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни» [9], «Таганрог – 2» [11], «Советский простой человек» [12].

Предложенные учеными методология и методики изучения повседневной жизни позволяли решать важные теоретические и практические проблемы становления личности в конкретных социально-исторических условиях. В ходе этих исследований уточнялись дефиниции, методическая стратегия изучения образа жизни советских людей, выявлялись и интерпретировались условия их формирования и функционирования, давалась характеристика базовых качеств. Повседневная жизнь признавалась самым наглядным, самым доказательным проявлением существа той или иной социальной системы, самым главным – человеческим результатом ее развития и функционирования. Результаты этой работы и сегодня имеют важное значение для понимания новой социальной реальности.

Однако реализация исследовательского замысла компаративного исследования динамики образа жизни за 34 (непростых для российского общества) года невозможна без разработки оригинальных методологии и методической стратегии. Такие методология и стратегия призваны, с одной стороны, сохранить возможность сравнения образа жизни человека в 1982 г., 2008 г. и втором десятилетии XXI в., с другой стороны – адекватно отразить усложняющуюся динамику социума, создать условия для рассмотрения производства и изменения образа жизни как социального процесса, детерминированного культурой, являющегося результатом деятельности личности, новыми евразийскими интеграционными процессами. В этой связи главными принципами, на которые опирается методология сравнительного анализа транзитивности образа жизни в постсоветский период, являются принципы процессуальности, субъектности, самоорганизации.

Признавая важность детерминации образа жизни людей принадлежностью к той или иной социально-демографической, социально-профессиональной группе или даже к социальной группе, характеризующейся различным доходным и имущественным статусом (в этом смысле мы говорим – «образ жизни пенсионеров, олигархов, учителей»), в методологии учитывают его консервативность. Учет этого принципа приобретает особое значение в условиях стремительных изменений, произошедших в социально-политической и социально-экономической жизни страны.

Методология предусматривает возможность выявления и характеристики механизмов, опосредующих взаимодействие общества и личности, а также моделей, описывающих эти опосредования с учетом активной роли личности в формировании и изменении образа жизни, предполагает многофакторный анализ динамики такого важного феномена, как «образ жизни», и опирается на интегративный подход.

Фундаментальность и сложность категории «образ жизни», ее теоретическая и практическая значимость, обусловленность культурой создают некоторые сложности в определении и сохраняют различия в толковании.

В исследовании под категорией «образ жизни» понимаются типичные конкретно-исторические формы многообразной повседневной жизнедеятельности индивидов, формы социального бытия.

Образ жизни как система общезначимых социальных практик, формирующих, отражающих и выражающих базовые мотивы, предпочтения и вкусы, отношения предметов, ценностей и людей, зачастую описывается и объясняется через систему понятий «образ жизни», «способ жизни» и «стиль жизни», используемых как синонимы. На самом деле они таковыми не являются. Категория «образ жизни» по сравнению с остальными представляет собой более общую как по объему, так и по характеру, функциям категорию. А сам образ жизни формируется в процессе взаимодействия доминирующих способов и стилей жизни, продуцируемых личностями определенных социальных типов. Причем способ жизни выступает в качестве опосредующего отношения образа и стилей жизни как их объединяющее начало; а процесс познания сущности образа жизни представляет собой движение от анализа стилей к способам жизни, а от них к складывающейся характеристике образа жизни как единства в многообразии.

В этом контексте стиль жизни понимается как личностное самоопределение в рамках социального. Он представляет собой особые, сознательно избираемые способы самоорганизации жизни, присущие, как правило, близким социальным субъектам, результат взаимодействия человека с конкретной жизненной ситуацией. Стиль жизни характеризует лишь ту часть повседневного поведения, ценностных ориентаций и создаваемой человеком среды обитания, которая способствует его идентификации с образом жизни определенной группы и отличает от других групп. Это социокультурное понятие,

характеризующее микросреду и специфические модификации способа жизни.

Способ жизни – это особый тип жизнедеятельности, складывающийся под влиянием как объективных условий, реальной социальной ситуации, так и внутренних представлений, потребностей, интересов, активности личности. Он характеризует специфические черты жизнедеятельности людей, а также пути их социального самоопределения.

Образ жизни – способы самоорганизации людей, «качественно характеризующие данное общественное устройство». По сути, «образ жизни» – это способ функционирования общества на личностном уровне, визитная карточка группы, общности. Он возникает в результате реализации и последующей объективации тех или иных способов и стилей жизни, появления модальной личности, воспроизводит определенное отношение к миру, представляет собой доминирующие модели жизнедеятельности и консолидирующие сегменты социального пространства. Наиболее общие черты образа жизни маркируют образ жизни конкретного общества: советского, российского, американского.

Носителем этих форм является модальная личность, воспроизводящая характерные для большинства социальные представления и социальные практики. «Образ жизни» индивида обладает внутренним единством в силу целостной природы субъекта, разделяемых им ценностей, социальных установок и ориентаций, регулирующих социальное поведение личности, групп, общности.

Он представляет собой специфический срез жизни, является продуктом не только существующих отношений, но и всей предшествующей истории. Исчезновение советского образа жизни говорит о специфичности этой категории, ее применимости прежде всего к стабильным, устоявшимся обществам, о ее детерминированности социальным временем.

При этом постоянно развивающееся знание, взаимодействуя с уже существующими системами социальной практики и социальных представлений человека, придает им новые смыслы. Новые свойства личности или черты образа жизни в результате могут стать новаторскими или остаться консервативными. Консерватизм и инновационность в формировании и развитии образа жизни постоянно находятся в диалектической взаимосвязи. Изменяясь вместе с изменением общества, образ жизни обладает относительной самостоятельностью, представляя результат своего собственного развития и самосознания. Именно он определяет поле коммуникаций, задает ограничения коридора возможностей, регулирует групповые взаимодействия, формы конфликтов, эффекты кооперации.

Повседневная жизнь человека зависит не только от господствующих институтов и структур; она образует достаточно автономные пласты обыденной жизни, сочетание жизненных миров, во многом определяющих специфику социального производства и воспроизводства. Диверсификация образа жизни, становление его принципиально новых форм происходят под воздействием ряда факторов. С одной стороны, образ жизни детерминирован социальным контекстом, каналами циркуляции информации, функциями, которым он служит. С другой стороны, каждый человек сам формирует свой образ жизни. Упорядоченная реальность повседневной жизни возникает в результате деятельности человека. Эти представления подчеркивают значимость одного из принципов нашего исследования – субъективно-деятельностного.

Стиль, способ и образ жизни детерминированы двумя группами факторов. К первой из них следует отнести факторы, формирующие социальный контекст: геополитические, экономические, социально-культурные; ко второй – личностные: биологические, социально-психологические.

Социетальные условия имеют самое общее и определяющее значение для формирования образа жизни. Так, геополитические факторы связаны с климатом, географическими особенностями, которые оказывают влияние на поведение социальных групп, формируют различные уклады повседневной жизни. Не менее важную роль в формировании образа жизни играют экономические факторы, к которым относится уровень экономического развития страны, социальной инфраструктуры. Наибольшее влияние на образ жизни личности, групп оказывают социокультурные факторы. Они проявляются прежде всего в освоении принятых в обществе и в референтных группах культурных образцов. Но в последнее время особое значение в формировании образа жизни стали играть средства массовой информации и Интернет как важная составляющая СМИ. Именно они задают нормативно одобренный способ поведения личности. СМИ в условиях глобализации существенно модифицировали повседневную жизнь человека. Теперь основой конструирования образа жизни стал не только личный опыт, опыт близких, но усвоенные и трансформированные черты образа жизни мирового сообщества.

Следует подчеркнуть, что национальные факторы опосредуются региональными условиями, которые создают свой, особый контекст для конструирования каждым человеком собственного

образа жизни. Внешняя детерминированность образа жизни преломляется также через личные условия жизни человека, определяемые принадлежностью к конкретным группам: социально-демографической, профессиональной, статусной, доходной, семейной и т.п. При этом для конструирования образа жизни очень важно, как сконструирована группа, какова ее динамика, какова динамика социальной структуры общества в целом.

На конструируемый образ жизни личности большое влияние оказывает биологическая наследственность. Она прямо или косвенно влияет на индивидуальные особенности личности, детерминирует задатки. Разнообразие здоровья, характеров, способностей, темпераментов придает человеку индивидуальность, содействует или препятствует жизненному успеху. Социально-психологические факторы (волевые устремления, эмоции, память) проявляются в уникальном индивидуальном опыте и личных предпочтениях, определяющих личный выбор образа жизни.

Следовательно, по своему происхождению образ жизни имеет объективно-субъективный характер. Такое взаимодействие общества и повседневной жизнедеятельности людей составляет основу понимания категории «образ жизни».

Поскольку каждый индивид в повседневной практике выполняет многообразные роли: отца и сына (матери и дочери), руководителя и исполнителя, ученика и учителя, то образ жизни можно представить как сложную систему типичных для людей структур жизнедеятельности. При этом каждый социальный субъект обладает одновременно чертами образа жизни, которые присущи только ему, и чертами, присущими большинству. Разделяемость членами группы, сообществом конкретных черт повседневной практики становится основой консенсуса, конструирования единого образа жизни и является определяющим в понимании этого феномена.

Возможно, для изучения образа жизни групп и общностей была бы продуктивной аналогия с подходом, выделяющим при изучении социальных представлений ядро и периферию. В таком случае мы в конструкции образа жизни смогли бы выделить ядерные элементы, которые обеспечивают его целостность, и периферические, несущие в себе индивидуальные различия. В нашем случае мерой плотности, связанности элементов ядра мы полагаем консенсус представлений и исследовательских практик 60 и более процентов респондентов. Конечно, сейчас это условная величина, характеризующая принадлежность к ядру. Очевидно, что нужно искать более адекватные техники эмпирического и статистического анализа конструирования и функционирования образа жизни народа. В нашем исследовании мы также учитываем, что представляемый в анкете образ жизни опрашиваемых подвижен и подвержен ситуативным изменениям. Следовательно, мы можем говорить об образе жизни индивида, группы, общности, сообщества в конкретно-историческом контексте.

Образ жизни проявляется в потребностях, интересах, целях, мотивах, установках, ценностях, социальных представлениях, ожиданиях, предпочтениях, личностных смыслах, привычках, в реальных поступках. Как особый вид деятельности он характеризуется активностью. Ее мерой является степень практической и эмоциональной включенности человека в созидание условий для накопления высокого потенциала, а затем его реализации в интересах прогресса. Именно активность человека помогает ему преодолеть негативные факторы внешнего воздействия, сдерживающие его действия. При этом активность может быть созидающей или разрушающей, направленной только на достижение личных целей или сочетание личных и общественных.

Показатели практической включенности человека в различные виды деятельности (трудовую, семейную, досуговую, бытовую) специфичны для каждой из них. Но в целом ее можно охарактеризовать практической включенностью в конкретный вид деятельности; мотивацией деятельности; характером, содержанием и условиями деятельности; степенью удовлетворенности различными сторонами своей жизнедеятельности; мерой активности в повседневной жизни, установками на перспективу.

Любое общество заинтересовано в формировании такого образа жизни народа, который воспроизводит черты или свойства личности, соответствующие интересам его устойчивого развития. В советское время идеальная модель личности должна была обладать следующими социальными качествами, проявляющимися в образе жизни: высокая трудовая активность на основе развитой материально-технической базы и развитых социалистических общественных отношений; политическая и общегражданская активность каждого труженика, релевантная высокому политико-общественному сознанию и общепринятым социальным ценностям и целям; высокий уровень духовной культуры; высокий жизненный уровень и высокий уровень бытовой культуры.

Некоторые исследователи полагают, что «никому не дано знать, какой человек понадобится человечеству…». Соглашаясь с их критикой аналитической модели современного чело-

века, разработанной под эгидой Гарвардского проекта по социальным и культурным аспектам развития [13, с. 6], рискнем предположить, что идеальную модель современного россиянина, его образа жизни представляют такие черты или свойства личности, как хорошее образование и владение профессией, востребованной на рынке труда; социальная ответственность; созидательная активность; хорошее здоровье; семейная ориентированность; толерантность. Такая идеальная модель принимается нами в качестве нормативной базы при оценке реального образа жизни.

Итак, теоретическая модель изучения динамики образа жизни предстает перед нами как система понятий, факторов, показателей включенности людей в основные сферы жизнедеятельности. Понимая, что образ жизни как характеристика динамики повседневной жизни россиян имеет определенные ограничения, мы полагаем ее важным инструментом изучения повседневного поведения людей и его форм.

Изменение повседневной жизни людей, способов ее организации привлекает внимание многих ученых, писавших и пишущих о современном нам обществе и человеке. Среди них Э. Гидденс [14], Р. Сеннет [15], З. Бауман [16; 17; 18], П. Бурдье [18; 19; 20], П. Сорокин [21], З.Ж. Бодрийяр [22; 23; 24], Г.В. Осипов [25], Ж.Т. Тощенко [26; 27], Н.Ф. Наумова [13]. В исследованиях царят порой прямо противоположные суждения. Назовем характерные черты и тенденции изменения стилей и способов жизнедеятельности людей, выделенные ими. Учитывая разнообразие характеристик динамики образа жизни индивидов и групп современных нам обществ, систематизируем их в рамках предложенной нами теоретической модели, включающей потребности, интересы, цели, мотивы, установки, ценности, социальные представления, ожидания, предпочтения, личностные смыслы, привычки, реальные поступки в различных видах деятельности (табл. 1).

Наиболее полно замыслу исследования динамики образа жизни россиян соответствует методическая стратегия исследования, учитывающая опыт 1982 и 2008 гг., особенности сложившийся социальной реальности 2016 г. и финансовые возможности проекта, включающая в себя следующее.

1. Анализ документов национальной статистики, а также публикаций специалистов, связанных с показателями включенности людей в основные сферы жизнедеятельности общества (труд, семья, уровень и условия жизни, досуг).

2. Всероссийский опрос населения РФ, выборка которого репрезентирует городское и сельское население Российской Федерации в возрасте от 18 лет. Будет опрошено (структурированное интервью) 1500 человек, мужчин/женщин, постоянно проживающих в России в 9 федеральных округах, 41 субъекте РФ, 105 населенных пунктов с ошибкой выборки ~+-2.6%. В анкету планируется включить вопросы, продемонстрировавшие наибольшую динамику оценок, суждений, мнений в ходе опроса 1982 г. и 2008 г., что позволит дать компаративный анализ по наиболее чувствительным показателям образа жизни россиян по результатам опроса в 2016 г. по сравнению с 1982 г. и 2008 г.

3. Опрос жителей Москвы, Нижнего Новгорода и Сыктывкара, выборка которого репрезентирует мужчин и женщин данных городов в возрасте от 18 лет, пространственную локализацию населения. Будет опрошено (структурированное интервью) в Москве 650 человек, в Нижнем Новгороде 500 человек, в Сыктывкаре – 400 человек с ошибкой выборки ~+-5.0 %. Анкета для опроса населения включает в себя блоки вопросов о повседневном поведении укорененных жителей городов о работе, семье, ценностях, социальном самочувствии и социальных настроениях, оценках конкретных условий их жизни и жизни референтных групп, самоидентификации и общественно-политические суждения и обеспечивает сравнение результатов опроса населения этих городов в 1982 г. и 2016 г. по блокам вопросов о трудовых и семейных отношениях, терминальных и инструментальных ценностях, установках, конкретных условиях жизни и социальном самочувствии.

4. Структурированные интервью мигрантов из стран – членов Евразийского экономического союза: Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии. Будет опрошено 100 мигрантов из каждой страны, приехавших в Москву после 2000 г. и отобранных по методу «снежного кома».

Анкета для опроса мигрантов из стран ЕАЭС в Москве включает вопросы о работе, семье, ценностях, социальном самочувствии, уровне аккультурации в московский социум, потребностях в социальных услугах и удовлетворенности полученными услугами, о сложившихся отношениях с принимающим обществом, самоидентификации и возвратных миграционных настроениях.

Сравнимость элементов образа жизни укорененных москвичей и приезжих из стран – членов ЕАЭС будет обеспечена по блокам вопросов, характеризующих терминальные и инструментальные ценности, установки, конкретные условия жизнедеятельности и самоидентификацию.

Таблица 1

Показатели видов деятельности

	Потребности, интересы, цели, мотивы, установки, ценности, социальные представления, ожидания, предпочтения, личностные смыслы, привычки, реальные поступки в различных видах деятельности и их характеристики
Ценности, нормы повседневного поведения и установки	– утрата абсолютных ценностей; – изменчивость, гедонистичность, эгоистичность ценностей; – господство ценностей потребления; – игнорирование идеологических ценностей; – размывание нормативности; – противоречивость, амбивалентность морали; – отсутствие моральных принципов; – отсутствие механизмов морального контроля; – автономия от внешнего мира; – отрицание коллективизма; – отсутствие авторитетов; – социальная некорректность отношений между людьми, стремление обременить их своими проблемами; – разрушение единства морали и нравов; – стремление отойти в сторону, а не изменять мир; – поиск целей, но не поиск средств их достижения – созерцательность; – вынесение частных проблем на публичное обсуждение; – мобильность и гибкость идентификации; – формирование этнической системы межличностного взаимодействия; – жизнь как последовательность эпизодов; – усиление тяги к иррациональному, мистическому; – антирациональная патология; – разрушение традиционных социальных отношений; – стирание грани между реальностью и вымыслом, между истиной и заблуждением; – лишение полового инстинкта; – жестокость, тяга к убийству; – дефицит сострадания; – симбиоз взаимоисключающих ориентаций; – парадоксальность сознания; – парадоксальность поведения; – варваризация языка; – вульгаризация образа жизни; – примитивизация повседневности; – смешение стилей; – обеднение культуры; – изоляция в социальном пространстве; – рост иррационального доверия к другим; – слабость связей в личностной системе норм и ценностей; – рост непредсказуемости поведения человека; – стремление выступать в роли судьи; – поиск врага; – рациональность и мудрость как результат неустойчивости и неопределенности социальных событий; – формирование временных узкогрупповых нормативных систем; – начало нового массового процесса объединения в новые большие группы на основе однородных ценностей; – отрицательная идентификация; – медленное созревание новой позитивной системы ценностей и норм, необходимой для перехода в новое социальное состояние
Работа и социально-трудовые отношения в организации	– смена неделимого образа жизни, основой которого был труд; – работа как игра, а не призвание; – краткосрочность целей, поверхностный характер работы; – падение трудовой морали; – жесткая конкуренция; – неуверенность в рабочей жизни; – ненадежность работы, прав

Окончание таблицы 1

	Потребности, интересы, цели, мотивы, установки, ценности, социальные представления, ожидания, предпочтения, личностные смыслы, привычки, реальные поступки в различных видах деятельности и их характеристики
Домохозяйства и семейные практики россиян	– эмоциональная закрытость; – фокус для эмоциональной энергии – в приватном; – укрепление солидарности семьи; – покупательский образ жизни; – жизнь как последовательность эпизодов; – ненадежность средств существования; – отсутствие безопасности; – девальвация ценности образования и знаний; – увеличение числа «семей с одним родителем и внебрачными детьми»; – разрыв связей поколений; – безпризорность, безнадзорность детей; – обездоленность
Здоровье и здоровый образ жизни	– постоянное изменение представлений о здоровом образе жизни; – распространение СПИДа; – гомосексуальный промискуитет; – распространение наркомании; – половые аномалии; – формирование всевозможных фобий; – страх, отчаяние; – неверие; – безнадежность; – одиночество
Идеология и общественно-политическая активность	– изменение баланса между публичным и приватным; – публичная жизнь как формальная обязанность; – отказ от веры в классовую солидарность; – укрепление межгрупповой и межэтнической солидарности; – отказ от принесения в жертву настоящего во имя будущего счастья, ради увеличения мощи; – изменение стилей жизни элиты под влиянием электронной обработки; – иллюзорное равенство; – падение доверия; – падение активности; – снижение солидарности; – манипуляция сознанием людей; – деидеологизация общества; – лишение государственного инстинкта; – неопределенность ситуации; – индифферентность индивидов времени и пространству; – безразличие к человеческому достоинству и судьбе личности; – равнодушие к происходящему; – безответственность гражданской позиции человека; – рост недоверия к социальным институтам
Религия и образ жизни россиян	– смешение стилей религий; – разрушение единства политики и религии; – неразборчивая тяга к разным религиям, тяга к иррациональному, мистическому

В результате исследования образ жизни россиян предстанет как открытые формы повседневного поведения, субъективные оценки и суждения о своей жизнедеятельности, детерминированные, наряду с предшествующими условиями жизни, такими факторами, как пол, возраст, образование, социально-профессиональный статус. Именно эти факторы обусловливают основные социальные функции и роли человека, определяют их обязанности, цели, нормы, пределы повседневного поведения.

Фактическая основа нашего исследования позволит нам проанализировать только групповые и социальные особенности людей, влияние их статусов в социальной структуре общества на образ жизни, описать общественно значимые свойства групп, к которым принадлежат те или иные люди.

Однако индивидуальные свойства людей в нашем исследовании также проявляются как предпосылки жизнедеятельности, которые соединяют жизненные обстоятельства с непосредственными поступками и действиями человека.

Наиболее широкие возможности для выявления закономерностей изменения ценностей и ценностных ориентаций как основы динамики образа жизни россиян открывает нам всероссийский опрос, а для выявления динамики уровня жизни, условий жизни, занятости насе-

ления РФ – анализ статистики. Результаты исследования в городах Москва, Нижний Новгород, Сыктывкар дают нам основания не только оценить изменение образа жизни жителей этих городов по сравнению с 1982 г., но и использовать качественные выводы для жителей типичных городов. Результаты эмпирического исследования открывают возможность более широкого толкования полученных выводов и для России в целом, потому что в ходе предыдущих исследований, в частности по проблемам Евразийской интеграции, соблюдались правила репрезентативной выборки. Они могут служить контрольной совокупностью, позволяющей проверять заключения в отношении образа жизни населения России. К этим исследованиям следует отнести:

– структурированные интервью с мигрантами из Армении и Грузии (2009 и 2012 гг.) (в каждом из опросов проинтервьюировано 200 мигрантов из Армении и 200 мигрантов из Грузии, отобранных методом «снежного кома» по одному признаку – мигранты из Армении или Грузии, прибывшие в Москву после 1990 г.);

– мониторинг социальной сферы России 1992–2009 гг. (выборка репрезентирует городское и сельское население Российской Федерации в возрасте от 18 лет; опросы (структурированное интервью) проводись ежегодно; выборка 2500 человек мужчин/женщин, постоянно проживающих в России в 9 федеральных округах, 41 субъекте РФ, 105 населенных пунктах; ошибка выборки ~+-2.6%);

– опросы населения России, проведенные в рамках реализации ГЗ ИСПИ РАН по теме «Социально-политическое измерение евразийской интеграции» с февраля 2014 г. по февраль 2016 г. (выборка репрезентирует городское и сельское население Российской Федерации в возрасте от 18 лет; было опрошено (структурированное интервью) 1500 человек мужчин/женщин, постоянно проживающих в России в 9 федеральных округах, 41 субъекте РФ, 105 населенных пунктах; ошибка выборки ~+-2.6%);

– полуформализованное интервью по теме «Мигранты из стран-членов ЕАЭС на московском рынке труда» (опрос проведен в июне 2015 г.; опрошено по 100 мигрантов из Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии, отобранных методом снежного кома по одному признаку – приехавшие в Москву после 2000 г.).

Такая эмпирическая и статистическая информация открывает возможность объяснения реальных изменений образа жизни россиян, понимания формирующих их процессов, причинно-следственных связей, разработки управленческих инструментов, которые позволят влиять на стихийные изменения правил, норм и образцов поведения различных групп, принять меры, гарантирующие обществу социальный порядок, гармоничное будущее страны.

В целом исследование динамики образа жизни людей в России создает условия не только для дескриптивного анализа событий, но и для теоретического осмысления глубинных процессов, выявления трендов их изменений, оценки направленности этих изменений на долгосрочное будущее страны. Оно формирует основания для разработки концепции и модели регулирования социальных трансформаций российского общества в интересах обеспечения социальной стабильности в стране и сплоченности нового интеграционного объединения Евразийского экономического союза.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00841 «Образ жизни россиян в советской и постсоветской России: сравнительный анализ и оценка изменений», 2016 г.

Список литературы

1. Ципко А.С. Философский смысл проблемы образа жизни // Проблемы методологии исследования образа жизни в социалистических странах / Под ред. З. Суфина и А. Ципко. Варшава, 1979. 136 с.

2. Социология в странах Центральной и Восточной Европы. Хрестоматия / Авт.-сост. З.Т. Голенкова, Н.П. Нарбут. М.: Изд-во РУДН, 2005. 719 с.

3. Осадчая Г.И. Социокультурные характеристики повседневных практик россиян. М.: Рос. гос. соц. ун-т, 2013. 509 с.

4. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014) (29 мая 2014 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/ (дата обращения: 03.03.2015).

5. Бестужев-Лада И.В. Содержание, структура и типология образов жизни // Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности / Под ред. Л.П. Буевой. М.: Наука, 1983. С. 93–96.

6. Социальные показатели образа жизни советского общества / Под ред. И.В. Бестужева-Лады. М.: Наука, 1980. 216 с.

7. Методология и методика системного изучения советской деревни / В.А. Артемов, В.А. Калмык, Л.А. Хахулина [и др.]; Отв. ред.: Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина; АН СССР, Сибирское отделение, Ин-т экономики и организации промышленного производства. Новосибирск: Наука, 1980. 344 с.

8. Тощенко Ж.Т Социалистический образ жизни. Политико-экономический справочник. М.: Политиздат, 1985. 214 с.

9. Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни. Вопросы методологии и методов исследования / Отв. ред. И.Т. Левыкин. М.: ИСИ АН СССР, 1980. 197 с.

10. Возьмитель А.А. Образ жизни: от старого подхода к новому // Социально-политические науки. 1991. № 1. С. 43–51.

11. Народное благосостояние: методология и методика исследования / Отв. ред. Н.М. Римашевская, Л.А. Оников. М.: Наука, 1988. 302 с.

12. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Интерцентр, 1993. 300 с.

13. Наумова Н.Ф. Человек и модернизация России. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2006. 592 с.

14. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004. 120 с.

15. Сеннет Р. Падение публичного человека / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софонова, К. Чухрукидзе. М.: Логос, 2002. 424 с.

16. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

17. Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford: Basil Blackwell, 1993. 264 p.

18. Bauman Z. Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality. Oxford. Blackwell, 1995. 293 p.

19. Bourdieu P. Centre-feux; Propos pour serrir a la resistance centre invasion neo-liberale. Paris: Liber, 1998. 123 p.

20. La Misere du monde, ed. Pierre Bourdieu. Paris: Seuil, 1993. 960 p.

21. Сорокин П. Социокультурная динамика // Сорокин П. Человек, культура, общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

22. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: РУДОМИНО, 2001. 212 с.

23. Бодрийяр Ж. Америка / Пер. с фр. Д. Калугина. СПб.: Влад. Даль, 2000. 204 с.

24. Baudrillard J. Selected Writings. California, Stanford University Press, 1988. 230 p.

25. Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / Ин-т социально-политических исследований Рос. акад. наук; Отв. ред. Г.В. Осипов. 2-е изд., доп. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 528 с.

26. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардерит, 2001. 398 с.

27. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема. М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR SOCIOLOGICAL MEASUREMENT OF THE DYNAMICS OF RUSSIANS' WAY OF LIFE IN THE EMERGING NEW EURASIAN SOCIAL REALITY

G.I. Osadchaya

Institute for Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Drawing on previous research, this article provides a theoretical and methodological substantiation for sociological measurement and analysis of the dynamics of people's way of life. Definitions are given of the key concepts: way of life, mode of living, lifestyle. The objective and subjective origin of a person's, a group's or a community's way of life and its specific and historical context are substantiated. Some factors contributing to the transformation of people's way of life are revealed: geopolitical, economic, socio-cultural, national, biological, as well as the factors of formation of modern social reality. A methodological strategy is proposed, including the analysis of the national statistics documents and publications by experts in the field, which present the indices of people's involvement in the main spheres of society's life, the nationwide survey of the Russian Federation's population on the issues, which demonstrated the largest dynamics of the estimates, views and opinions during the surveys of 1982 and 2008, the interviews with the citizens of Moscow, Nizhni Novgorod and Syktyvkar and the structured interviews with migrants from the member countries of the Eurasian Economic Union in Moscow. Cognitive potential of this methodology has been determined.

Keywords: way of life, methodology, theory, methodical strategy, Eurasian Economic Union, measurement of dynamics.

УДК 316

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕШЕНИЯ В ОНТОЛОГИЯХ «СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта) Часть 2: Децизионизм К. Шмитта

© 2016 г.

***К.Г. Мальцев,*[1] *Е.А. Зайцева*[2]**

[1]Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
[2]Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

maltsevaannav@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.05.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Проводится сопоставительный анализ методологических принципов теорий социального познания М. Вебера и К. Шмитта; доказывается, что трансцендентализм и децизионизм являются необходимыми условиями возможности теории «социального порядка»; предлагается новая интерпретация процедуры каузального сведения М. Вебера и радикальной понятийности К. Шмитта; выявляются структурные тождества в описаниях трансцендентального субъекта познания и суверена – в их отношении к «социальному порядку»; определяется принцип различения дискурса и теории. В результате анализа способов репрезентации социальной действительности в «понимающей социологии» М. Вебера и в «радикальной понятийности» К. Шмитта приводятся аргументы в пользу утверждения К. Шмитта о конститутивности решения для «социального порядка».

Ключевые слова: социальный порядок, трансцендентализм, децизионизм, причинность, решение, случай, радикальная понятийность, очевидность, суверен, репрезентация.

Децизионизм К. Шмитта

На децизионизм К. Шмитта как определяющую характеристику его методологии (методологической установки, последовательно реализованной во всех его теориях) указывает большинство знатоков и исследователей его творчества[1]. Доказать, что децизионизм необходимо связан с социальным порядком, что решение встроено в онтологию социального порядка (самое первое решение – захват земли, оно же – начало права, по Шмитту: эту тему мы намеренно опускаем в дальнейшем изложении [1]; номос есть установление в смысле изначального решения, установления, и здесь существенная связь между номосом и сувереном [1, с. 50]; но номос также существенно связан с границей, отграничением области мира от области войны, то есть существенно связан с понятием *политического*; таким образом, номос – суверен – политическое есть *форма* репрезентации социального порядка), как он представляется К. Шмитту[2] – задача, которая в настоящей статье будет решаться двумя связанными, но формально различными последовательностями рассуждения. Критика Шмиттом окказионализма в «Политическом романтизме» позволяет ему высказывать собственную позицию против установок романтического субъекта на произвол в фантазии и практическое уклонение от любого социального и политического действия: «романтик не делал выбора, не принимал решения даже в теории» [2, с. 207], но не элиминирует действие из социального порядка, «передает» его правительству, государю и т.п. Теория суверена Шмитта встраивает решение в социальный порядок как его конститутивный момент (здесь мы будем основываться на «Политической теологии», а также работе «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса»)[3]. Случай в социальной действительности необходимо предполагает конститутивное значение для нее (реальности) решения[4] (кроме хаоса: но применительно к «действительности» нельзя говорить о хаосе – только о порядке; мы намеренно не говорим о социальной «реальности»: с «реальностью», благодаря, прежде всего, Ж. Лакану, можно связать хаос, и мы должны учитывать это различение, удержание которого позволит сделать обобщающие выводы по всем рассматриваемым нами в настоящей статье случаям вписывания решения в онтологию социального порядка); случай в представлении о социальной реальности обусловливает необходимость решения при *определенном отношении* к этой реальности, противоположном романтическому, предполагающем действие (решение о воздержании от действия, принятое романтиками, как показывает

Шмитт, ведет к тому, что решение принимает другой, например, «меттерниховское полицейское государство»); для теории социального порядка, включающей случай и решение, определяющей является точка зрения, с которой строится теория социальной реальности[5].

Рассуждения Шмитта о суверене относятся к теории онтологии социального порядка в не меньшей степени[6], чем к теории права. Для доказательства этого утверждения мы должны определить особенности методологии К. Шмитта, что сделать тем удобнее, что он сам убедительно свидетельствовал в пользу обоснованности нашего утверждения. Шмитт так характеризовал особенность своего метода: «Метод, свойственный мне, таков: не торопиться с феноменами, подождать и, так сказать, мыслить исходя из материала, а не исходя из прежде составленных критериев. Вы можете именовать это феноменологическим подходом, но я неохотно занимаюсь такими общими методологическими предварительными вопросами» [3, с. 149–150]. Эту самохарактеристику не следует понимать ни как тяготение к индукции, ни тем более как разновидность позитивизма, тем более что сам Шмитт говорит о «феноменологичности» своего подхода. Ключевым понятием методологии К. Шмитта является «радикальная понятийность» [4, с. 69], которая необходимо, по Шмитту, связана с социологизацией понятий, переходом от чистой нормативности к онтологии социального порядка. Социальная структура эпохи необходимо перерабатывается в понятиях; при этом «тут не важно, является ли при этом идеальное радикальной понятийности отражением социологической действительности или же социальная действительность понимается как следствие определенного вида мышления, а потому также и действования» [4, с. 70]; радикальная понятийность доходит до предела, до основной структуры, до очевидности: например, для восемнадцатого столетия «социология понятия суверенитета этой эпохи предполагает демонстрацию того, что исторически-политическое существование монархии соответствовало всему тогдашнему состоянию сознания западно-европейского человечества и что юридическое оформление исторически-политической действительности смогло найти такое понятие, структура которого совпадала со структурой метафизических понятий. Вследствие этого монархия обретала в сознании этой эпохи ту же самую очевидность, какую для более поздней эпохи имела демократия» [4, с. 71]. Предельной очевидностью Шмитт называет метафизическую и теологическую очевидность: «Таким образом, предпосылкой этого рода социологии юридических понятий является радикальная понятийность, то есть дошедшая до теологического и метафизического последовательность мысли. Метафизическая картина мира определенной эпохи имеет ту же структуру, как и то, что кажется очевидным этой эпохе как форма ее политической организации. Установление такого тождества и есть социология понятия суверенитета» [4, с. 71]. Существенно, по Шмитту, не то, что действительность отразилась в понятиях или что понятия оформили действительность: «Тут не важно, является ли при этом идеальное радикальной понятийности отражением социологической действительности или же социальная действительность понимается как следствие определенного вида мышления, а потому также и действования. Напротив, необходимо указать на два духовных, но субстанциальных тождества» [4, с. 69]. Если в радикальной понятийности удалось достичь «духовного, но субстанциального тождества» действительности и «последней систематической понятийной структуры», которое стало очевидным, то мы получаем доступ к «самой реальности» в ее понятийном исследовании; исследователь получает возможность «не торопиться с феноменами» и не строить «внешних схем». Доступ к изучению социального порядка исследователь получает в том числе через некоторые, выдающиеся в этом отношении, произведения интеллектуального творчества; среди них Шмитт выделяет «Левиафан» Томаса Гоббса, который и для задач нашего исследования представляет особенный интерес. Дело в том, что Гоббс и Шмитт совпадают в конститутивной установке своего метода и, следовательно (мы исходим из того, что Шмитт реализовал собственное требование радикальной понятийности), имеют в этом отношении принципиально сходное понимание действительности: речь идет именно о децизионизме[7] как методологическом принципе и, соответственно, о социальном порядке, для которого конститутивным является решение.

Мы уже отметили, что впервые Шмитт обнаружил свой децизионизм в 1912 г., но пока только в области права в отношении к одной из основных правовых проблем применения общей нормы к индивидуальному случаю (вопрос, правда, имел и философское значение: Кант с него начинает свою работу «Метафизика нравов»). В 1919 г. в работе «Политический романтизм» Шмитт поставил вопрос о решении в отношении к социальному порядку в связи с определением сущности романтической установки субъекта и характеристикой отношения романтического субъекта к социальной действительности. В этой связи Шмитт указал на сущест-

венную связь между случаем и решением и продемонстрировал, что децизионизм не есть только метод и точка зрения в теории права и правовом универсуме, но есть метод социальной теории и укоренен в онтологии социального порядка.

Радикальная понятийность требует метафизической формулы, которая единственно приводит к очевидности. Шмитт дает такую формулу в отношении романтиков: «Как во всяком подлинном объяснении, и здесь метафизическая формула является наилучшим пробным камнем. Любое движение зиждется, во-первых, на определенном, характерном отношении к миру и, во-вторых, на определенном, даже если и не всегда осознанном, представлении о последней инстанции, об абсолютном центре. Романтическое отношение к миру яснее всего обозначается своеобразным понятием — occasio. Можно описать его с помощью таких представлений, как «повод», «возможность», вероятно, также «случай». Но истинное значение оно обретает в результате противопоставления: оно отрицает понятие causa, то есть принуждение исчисляемой причинности, а также любую привязку к норме. Это отменяющее понятие, так как все, что придает жизни и происходящему последовательность и порядок, — будь то механистическая исчисляемость причинного или же целесообразная или нормативная связь, — несовместимо с представлением о просто окказиональном. Там, где вероятное и случайное возводятся в принцип, возникает пренебрежение такими связями» [2, с. 29]. Определение романтизма в связи с этим звучит так: «романтизм — это субъективированный окказионализм, то есть в романтизме романтический субъект рассматривает мир как повод и возможность своей романтической продуктивности» [2, с. 30]. Отрицание «исчисляемой причинности» в природе и «целесообразной нормативной связи» (ее мы имеем в праве, то есть форме социальности) ведет у романтиков к произволу фантазии, так называемой романтической продуктивности: «Здесь и заключен решающий пункт. Если чем и можно тотально определить романтизм, то это отсутствием какого бы то ни было отношения к causa. Он сопротивляется не только абсолютной причинности, то есть абсолютно исчисляемому, адекватному отношению причины и следствия, как его предполагает научная механика: и господствующее в науках об органической жизни отношение раздражения и следствия все же в известной степени остается исчисляемым и адекватным. В значении «вещь» («Sache») слово causa имеет еще и смысл телеологической или нормативной связи и духовного или морального принуждения, знающего адекватное отношение. Напротив, мы видим абсолютно неадекватное отношение между occasio и следствием (Wirkung); оно – поскольку каждая конкретная частность может служить occasio непросчитываемого эффекта, как, например, внешний вид апельсина для Моцарта – поводом сочинить дуэт «la ci darem la mano», – абсолютно несоизмеримо, ускользает от всякой целесообразности и объективности, а-рационально, является отношением фантастического» [2, с. 151–152].

Варианты «объективного» (в противоположность «субъективированному») окказионализма, как, например, философия Мальбранша, утверждают, что причинности («исчисляемой причинности») нет именно в действительности. Начало этой позиции положено знаменитым декартовским дуализмом, его делением на несводимые друг к другу мыслящую и протяженную субстанции, таким образом, что стал необходим посредник, третий, для взаимодействия между ними. У романтиков, по утверждению Шмитта, функцию этого посредника в продуктивной романтической фантазии выполнял произвольно избранный «третий», соблюдалось только условие: романтические антитезы[8] должны, по правилам риторики, например, быть максимально контрастными, а «третий», всегда не «высшее», но «иное» третье, уклонение от выбора, по Шмитту, должен удерживать «высшую ценность» опять же в риторическом прежде всего значении (произвести впечатление на слушателя/читателя). Принимая случай и помещая его в центр своего представления о действительности, романтики отрицали необходимость связи случая и решения, решительно уклонялись от любого действия, полагали для себя важнейшим «сопровождать» мышлением реальность (Шмитт описывает понимание Шлегелем задач романтика в отношении политических «антитез» и действий правительства в связи с ними [2, с. 205][9]); романтики держались одного решения – отказаться от решения: «В романтическом смысле речь идет о чем-то Высшем, нежели решение. Самоуверенный ранний романтизм, охваченный порывом к иррациональным движениям своего времени и продуцируемый абсолютным, творящим Я, воспринимал это как превосходство» [2, с. 212]. Политический романтизм, по Шмитту, «это аффект, сопровождающий романтика в его отношениях с политическим процессом, который окказионально вызывает к жизни романтическую продуктивность. Впечатление, внушаемое историко-политической действительностью, должно стать поводом для субъективного творчества» [2, с. 279]. Шмитт с сарказмом описывает «жизнен-

ную установку» романтического субъекта[10] и в отношении к ней недвусмысленно демонстрирует свою позицию ценности политического решения и морального выбора[11], утверждая, как мы видели, что «вещь» имеет смысл духовного и морального принуждения, то есть заставляет «в горизонте случая» принять решение.

Однако, именно романтический субъект открыл окказионализм широкой публики, сделал его значительным фактором общественного сознания своей эпохи. Романтики достаточно долго удерживали случай в своем представляющем сознании и были достаточно искусны для того, чтобы сделать это свое представление публичным и влиятельным, демонстрировали поведение, ориентированное на случай – после романтиков со «случаем» приходилось считаться в рассуждениях о социальной действительности. В той степени, в какой романтическая манифестация социального порядка была репрезентативной, а в этом, несмотря на сарказм, не сомневался и Шмитт, мы можем обоснованно предполагать, что случай «имеет место» в онтологии социального порядка.

Оставим пока романтического субъекта, вернемся к Т. Гоббсу и проследим, какие аргументы в пользу децизионизма, в интерпретации Гоббса Шмиттом, может предоставить достигшее радикальной понятийности гоббсовское учение о Левиафане. В своей поздней работе «Номос земли в праве народов jus publicum europaeum» Шмитт констатирует: «Из всех научных конструкций свою наибольшую духовно-историческую силу и истину доказало учение Гоббса о естественном состоянии magni homines» [1, с. 176]; современное состояние, по Шмитту, характеризуется переходом от одного номоса к другому, но конститутивная роль решение при этом не утратит, и это в том числе делает вполне оправданным основывать теорию решения на рассмотрении совершенного и в историческом смысле уже завершенного номоса.

Учение Т. Гоббса о Левиафане является по своей сути «политическим мифом» [5, с. 143][12]; социальная действительность гражданского порядка является рукотворной[13], но имеет все черты Бога[14]; Левиафан – земной бог. Он сотворен как «государственная антитеза монополии римской церкви в деле принятия решений» [5, с. 287] для учреждения безопасного гражданского порядка: «В «гражданском», государственном состоянии все граждане государства защищены в своем физическом бытии; здесь царит покой, безопасность и порядок. Как известно, таково определение полицейской власти» [5, с. 144–145][15]. Для Гоббса, по Шмитту, «Бог – это прежде всего власть (potestas). Он использует пришедшую из христианского средневековья формулу «наместник Бога на земле» для характеристики суверенного государя, так как в противном случае последний оказался бы «наместником папы»[16]. Таким образом, «божественный характер» «суверенной» и «всеобъемлющей» государственной власти вытекает здесь вовсе не из какого-либо обоснования, мыслимого как разумное доказательство. Суверен не является «защитником» мира и спокойствия, исходящего от Бога; он является творцом земного – и никакого другого – мира и спокойствия» [5, с. 148]. И хотя «ход мысли при обосновании тут обратный в сравнении с «божественным» правом: поскольку государственная власть всеобъемлюща, постольку она носит божественный характер» [5, с. 148–149], радикальная понятийность достигает здесь высшей очевидности метафизики и выражена в форме теологии. Всевластие земной бог получает вследствие заключенного «договора» [5, с. 149]. Как мы уже писали, предпосылкой достижения радикальной понятийности в репрезентации социальной реальности в мифе о Левиафане Гоббса является появление определенной метафизической системы идей: «Первое метафизическое решение, разумеется, было принято Декартом в тот момент, когда человеческое тело стало мыслиться как машина, а состоящий из тела и души человек в целом – как управляющий машиной интеллект. Отсюда было рукой подать до того, чтобы перенести это представление на «большого человека», на «государство». Такой перенос и был осуществлен Гоббсом» [5, с. 159]. Мы сказали, что миф о Левиафане был, согласно Шмитту, первой репрезентацией современного социального порядка средствами радикальной понятийности. Дальнейшая разработка проблемы, совпадающая, кстати, с эволюцией самой действительности (иначе не может быть: духовное единство реальности и ее представления в радикальной понятийности зафиксировано в методологии К. Шмитта) велась (и шла) в необходимо определенном направлении: перенос, осуществленный Гоббсом, «привел к тому, что теперь и душа этого большого человека сделалась частью машины. После того, как большой человек с его телом и душой стал машиной, сделался возможным обратный перенос, и тогда маленький человек, индивидуум, получил возможность стать «человеком-машиной». И только механизация представления о государстве завершила процесс механизации антропологического представления о человеке» [5, с. 159–160].

Антропология, определенная технически-механицистским принципом, нас сейчас не интересует – мы упомянули о ней, вслед за Шмит-

том, лишь для подкрепления важного для нас тезиса о принципиальном единстве репрезентации действительности радикальной понятийностью. Технический принцип, принцип функциональной рациональности, конститутивный для социального порядка и его репрезентации в форме этого порядка – системе права ставит под сомнение возможность встроить в подобный социальный порядок решение в качестве конституирующего ее момента. Собственно говоря, именно этот вывод и был сделан в современной Шмитту теории правового государства, с одним из виднейших представителей которого, Кельзеном, Шмитт полемизирует в «Политической теологии», отстаивая децизионизм как конститутивный принцип правовой реальности и следовательно, конститутивность решения для социального порядка, формой которого является система права. Особое значение имеет уже указанное нами обстоятельство: Кельзен называется Шмиттом неокантианцем. Мы ранее сформулировали вопрос, значит ли это, что неокантианская точка зрения несовместима с децизионизмом. Поэтому мы не можем уклониться от некоторых специальных правовых вопросов полемики Шмитта с Кельзеном, но затронем их лишь в перспективе темы нашего исследования.

Итак, что означает принцип «техники» для формы права? Радикальность приводимых ниже формулировок Шмитта, на первый взгляд исключающих решение из онтологии социального порядка, придает больший вес последующему утверждению Шмитта о конститутивном значении решения даже в охарактеризованной им самим в качестве «технически рациональной» социальной действительности. Шмитт говорит об «очевидности» и о «нейтральности» технического принципа организации: «Отлаженность функционирования и имманентная точность современной техники выглядят самостоятельными качествами, очевидными для каждого и независимыми от каких бы то ни было религиозных, метафизических, юридических или политических соображений и целей» [5, с. 163]; и включение Гоббсом в образ Лефиафана черт грандиозной машины привело к тому, что именно его «понятие государства становится существенным фактором в великом четырехвековом процессе, в ходе которого с помощью технических идей произошла всеобщая «нейтрализация» и, в частности, государство превратилось в нейтральный технический инструмент» [5, с. 162], с чем согласны и либералы, и большевики [5, с. 164]. Государство можно рассматривать как совершенный механизм, одушевленный суверенной личностью, примером такого государства может быть Пруссия Фридриха Великого [5, с. 169], нейтралитет здесь – «только функция технически рационального государственного администрирования» [5, с. 169], но именно необходимость для такого государства суверена ставит под сомнение само существо принципа технической рациональности: функциональность объективных законов «сама по себе вполне логичная, элиминирует представление о личном решении, причем происходит это «само собой», согласно ее собственной логике, без самостоятельного принятия каких-либо решений» [5, с. 291], и в результате мы имеем «нейтральное по отношению ко всякой ценности и истине технико-позитивистское мышление, отделяющее содержание религиозных и метафизических истин от функциональной ценности приказов и придающее этой ценности самодостаточный характер» [5, с. 170–171], да и приказ, собственно, как мы видим, на первый взгляд становится совершенно излишним. А поскольку современное правовое государство и есть государство закона [5, с. 207], в системе которого реализован принцип технической рациональности – то в нем нет места для суверена, а в социальном порядке нет места для решения. Наша задача, следуя за рассуждениями Шмитта, указать на эти места. Таких «мест» три: во-первых, решение об учреждении порядка («общественный договор» Гоббса), который, в силу ряда обстоятельств, нуждается в переустановлении, для чего требуется либо новое решение, либо подтверждение старого; во-вторых, решение о чрезвычайном положении, которое принимает суверен, и которое находится вне рамок правового универсума; в-третьих, решение о применении права к конкретному случаю (рассматривается в правовой теории, но не «вытекает» из содержания правовой системы и требует начала власти). Все три случая связаны между собой и конститутивны для социального порядка.

Начнем рассмотрение с третьего, самого изученного в науке права случая, по которому, однако, ни во времена Шмитта, ни в настоящее время нет принципиального согласия (то есть не достигнута очевидность). Основой правового интереса к решению является, по утверждению Шмитта, то обстоятельство, что «его основа – в своеобразии нормативного, и происходит он от того, что необходимо бывает дать конкретную оценку конкретному факту, хотя в качестве критерия оценки дан только правовой принцип в его совершенной всеобщности. Таким образом, каждый раз налицо трансформация. То, что правовая идея не способна сама себя провести в жизнь, явствует уже из того, что она ничего не говорит о том, кто ее должен применять. В каж-

дой трансформации заключена auctoritatis interpositio. Различающее определение того, какое индивидуальное лицо или какая конкретная инстанция может пользоваться таким авторитетом, невозможно вывести из одного лишь правового качества формулы права» [4, с. 50–51]. Решение с нормативной точки зрения возникает из «ничто», то есть извне по отношению к системе права: «То, что это была инстанция, компетентная принимать решение, делает решение относительно, а при определенных обстоятельствах и абсолютно, независимым от правильности его содержания и отсекает дальнейшие дискуссии о том, могут ли еще быть сомнения. Решение мгновенно становится независимым от аргументирующего обоснования и обретает самостоятельную ценность. Во всем своем теоретическом и практическом значении это проявляется в учении об ошибочном государственном акте. Неправильные и ошибочные решения должны иметь правовые последствия. Неправильное решение содержит конститутивный элемент, именно в силу своей неправильности. Но в самой идее решения заключено, что вообще не может быть никаких абсолютно декларативных решений. С точки зрения содержания основополагающей нормы, этот конститутивный, специфический момент решения есть нечто новое и чуждое. С нормативной точки зрения, решение родилось из ничто» [4, с. 51]. И далее, продолжает Шмитт, «вменение происходит не с помощью нормы; напротив, лишь исходя из некоторой точки вменения, определяется, что есть норма и какова нормативная правильность. Из нормы следует не то, какова точка вменения, но только качество содержания. Формальное в специфически-правовом смысле противоположно этому содержательному качеству, а не количественной содержательности каузальной взаимосвязи» [4, с. 52]. Для нас очевидна аналогия (пока воздержимся от констатации совпадения) определения Шмиттом «точки вменения» и веберовского определения «отнесения к ценности». Закон, в предельном случае, не говорит о том, кому он дает авторитет вменения: «закон не говорит, кому он дает авторитет. Не всякий же может исполнять и осуществлять какую угодно формулу права. Формула права как норма решения только определяет, как должно решать, но не кто должен решать. Если бы не существовало последней инстанции, каждый мог бы ссылаться на содержательную правильность. Но последняя инстанция не возникает из нормы решения. Поэтому вопрос стоит о компетенции; этот вопрос невозможно даже поставить, исходя из содержательного правового качества формулы права, и на него тем более нельзя ответить, исходя из этого качества. Отвечать на вопросы о компетенции, указывая на материальное, значит считать (вопрошающего) дураком» [4, с. 52][17]. Нас интересует именно «предельный случай», так как в при обычном течении дел обычно известно, кто обладает правом вменения, что, впрочем, не отнимает значения у решения: применение нормы к случаю требует решения. Предельный случай – «чрезвычайное положение», которое «имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии» [4, с. 57][18]. Определение Шмитта таково: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [4, с. 15]. Эта дефиниция справедлива как «предельное понятие» [4, с. 15]; Шмитт подчеркивает, что «чрезвычайное положение в высшей степени пригодно для юридической дефиниции суверенитета, имеет систематическое, логически-правовое основание» [4, с. 15]; при этом «решение об исключении есть именно решение в высшем смысле» [4, с. 15]. Решение о чрезвычайном положении ни в каком случае не является производным от содержания нормы; под суверенитетом, таким образом, понимается «высшая, не производная власть правителя» [4, с. 16]; момент чрезвычайного положения есть разрыв универсума правовой реальности; суверен стоит вне правового порядка и проявляет это в чрезвычайный момент[19]: «Он принимает решение не только о том, имеет ли место экстремальный случай крайней необходимости, но и о том, что должно произойти, чтобы этот случай был устранен. Суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть в целом приостановлено действие конституции» [4, с. 17]. Отметим, что суверен занимает по отношению к правовой системе структурно то же место, что и исследователь как *свободный* и *культурный* человек по отношению к социальной реальности как объекту своего познания. К существенным чертам решения о чрезвычайном положении Шмитт относит абсолютность: «Решение освобождается от любой нормативной связанности и становится в собственном смысле слова абсолютным» [4, с. 25].

Связь решения со случаем (суверена и чрезвычайного положения) представляется Шмитту очевидной: здесь достигнута радикальная понятийность относительно социальной действительности. Вопрос о том, «устраним ли случай», «можно ли покончить с экстремальными исключительными случаями, – это вопрос не юридический. И если кто-то верит и надеется, что такое действительно возможно, то это зависит от его философских убеждений, особенно

относящихся к философии истории или метафизике» [4, с. 18]. Одновременно, по Шмитту, исключительный случай конститутивен для познания, стремящегося в радикальной понятийности к репрезентации реальности: «Именно философия конкретной жизни не должна отступать перед исключением и экстремальным случаем, но должна в высшей степени интересоваться ими. Для нее исключение должно быть более важно, чем правило, не из-за романтической иронии парадокса, но ввиду совершенно серьезного взгляда, который проникает глубже, чем ясные обобщения усредненных повторений. Исключение интереснее нормального случая. Нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению. В исключении сила действительной жизни взламывает кору застывшей в повторении механики» [4, с. 29].

Итак, случай как разрыв в универсальности (можно сказать – тотальности) «обычного порядка» актуализирует, предоставляет место решению. Однако, по Шмитту, решение является самим необходимым условием порядка как такового: «Ибо каждый порядок покоится на некотором решении, и даже понятие правопорядка, которое необдуманно употребляется как нечто само собой разумеющееся, содержит в себе противоположность двух различных элементов юридического. Так же и правопорядок, подобно любому порядку, покоится на решении, а не на норме» [4, с. 21]; таким образом, «суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности. Он обладает монополией этого последнего решения. В этом состоит сущность государственного суверенитета» [4, с. 26]. Таким образом, решение конститутивно для социального порядка[20].

Выводы

Выводы, которые позволяет нам сделать проведенное исследование имеют отношение к методологии теоретического познания социальной действительности[21]; основания (трансцендентальный субъект М. Вебера и радикальная понятийность К. Шмитта) для заключения от методологии познания к социальной действительности предоставлены в статье. Во-первых, теоретическое познание социальной действительности предполагает необходимость для субъекта точки зрения вне универсальной причинной/нормативной обусловленности социальной действительности. В свою очередь, можно предположить, что в самой социальной действительности имеется место «разрыва», который опознается как «случай» и условием возможности которого является субъект (это заставляет вспомнить изначальное определение субъекта как «имеющего причину/основание себя в себе» и объекта как «имеющего причину/основание вне себя»). Во-вторых, случай необходимо предполагает решение; децизионизм есть принцип теоретического познания социальной действительности; объективность теоретического познания социальной действительности требует решения познающего субъекта. В-третьих, элиминирование случая и решения делает невозможной теорию: тотальность причинной/нормативной обусловленности не предполагает возможности теоретической точки зрения; субъект познания в ситуации универсальной причинной обусловленности (исторических обстоятельств, биографии, тотальности правовой формы социального порядка и т.п.) неспособен к процедуре отнесения к ценности / радикальной понятийности (М. Вебер в своих последних лекциях особенно подчеркивал важность «отстраненности» для теоретического познания). В этом случае вместо *теории* мы имеем *дискурс* (дискурс есть необходимое следствие *имманентизма* – невозможности обрести точку зрения вне универсальной причинной обусловленности, трансцендентализм является условием возможности теории; можно было бы сказать иначе: условием возможности теории является субъект, – если удерживать *понятие* субъекта). В-четвертых, проведенное нами исследование дает основание предположить конститутивное значение решения для социального порядка как такового (социальный порядок *репрезентирован* в трансцендентальной теории М. Вебера и радикальной понятийности К. Шмитта, по крайней мере они привели убедительные аргументы в пользу этого вывода), – однако для уверенности в справедливости этого суждения нам необходимо исследовать названные нами ранее случаи «предельной репрезентации» социального порядка.

Примечания

1. Автор сопроводительных статей почти ко всем изданиям К. Шмитта на русском языке А.Ф. Филиппов указывает на децизионизм Шмитта в статье к изданию «Политического романтизма» [2]; в статье к «Диктатуре» [6] Филиппов утверждает, что к концу 30-х гг. Шмитт дистанцировался от этой своей «основной установки», которая, как следует из контекста Филиппова, была скомпрометирована политическими реалиями Германии того времени и участием в них Шмитта [7, с. 281]. Современные авторы (за исключением, пожалуй, В.В. Бибихина, который не убоялся сказать о том, что вопрос «платил или не платил Хайдеггер партийные взносы» не имеет никакого отношения к значению его философии) край-

не уклончивы и осторожны (чтобы не сказать политичны) в вопросах, связанных с теоретической и практической деятельностью К. Шмитта и М. Хайдеггера (К. Юнга, как правило, не упоминают в этой связи: предполагается, что его обособление от широкого течения психоанализа никак не связано с его политическими симпатиями, но имеют достаточные «чисто научные» объяснения) в этот период. Хорошо известно, что ни Шмитт, ни Хайдеггер никогда так и не произнесли требуемых от них покаянных речей, ни даже нисколько не дистанцировались от своей, по крайней мере теоретической, деятельности того периода; по-видимому, это обстоятельство считается настолько скандальным и неприемлемым, что сверхзадачей становится доказать, что *фактически (объективно)* они изменили (или откорректировали) свои ошибочные (другими они быть квалифицированы не могут) установки «периода сотрудничества» или «попутничества». Доказать не слишком получается: нет соответствующих текстов, – но и не сказать об этом нельзя: все-таки речь идет о значительнейшем теоретике права и политики в XX веке и о крупнейшем без сравнения философе XX века. Мы исходим из того, что децизионизм Шмитта был серьезной методологической установкой (помимо этого, К. Шмитт разработал *теорию решения* применительно к предметным областям права, политики), которая не может быть «скомпрометирована» никаким «соучастием/неучастием», отказ от произнесения даже формальных «покаяний» свидетельствует о серьезном отношении к теории и философии и доброкачественности методологии (даже при ошибочности или преступности – как угодно – общественной деятельности), а поскольку доказательств «дистанцирования» от «установки децизионизма» Шмитта, зафиксированного в текстах, мы не знаем, то и будем придерживаться мнения о ее (установки) конститутивном значении для методологии Шмитта. В подкрепление этой нашей точки зрения сошлемся на беседу К. Шмитта с И. Шикелем (1969 г.) о теории партизана, в предисловии к которой Шикель без сомнения называет Шмитта децизионистом [3, с. 147]. Наконец, следует специально оговорить, что теория децизионизма Шмитта и децизионизм как методологический принцип теоретизирования самого Шмитта (которые методически следует различать, в том числе когда речь идет о различении методологии социального познания и онтологии социального порядка, но корректное различение которых возможно лишь в горизонте «парадигмы», к которой принадлежит теоретик, в нашем случае – М. Вебер и К. Шмитт) существенным образом никак не связаны с *политическими симпатиями* самого Шмитта, как бы мы их ни оценивали («соблазн», «ошибка», «преступление» и т.п.). В обоснование этого нашего утверждения сошлемся на шмиттовскую теорию демократии, относительно которой (демократии как политической формы) он утверждал, что «согласно демократическому пониманию, любая конституция в своей части, посвященной правовому государству, также основывается на конкретном политическом решении политически дееспособного народа» [8, с. 89], то есть решение – элемент социального порядка, децизионизм – методологический принцип, имеющий конститутивное значение в том смысле, что радикальная понятийность (дальше мы об этом скажем подробнее) есть место *репрезентации*, то есть, в числе прочего, различенного единства метода и действительности (кстати, здесь можно говорить именно о *парадигме*: децизионизм есть *парадигматический* принцип).

2. Работа Gesetz und Urteil: Eine Untersuchung zum Problem der Rechtspraxis (Berlin: Liebmann, 1912) переиздана с новым предисловием автора (Schmitt C. Gesetz und Urteil. München: Beck, 1969). В Предисловии Шмитт указывает на то, что в этой книге он впервые поставил в центр внимания проблему решения, которая впоследствии стала главной в его знаменитом «децизионизме» [9, с. VI].

3. В статье мы ограничиваемся проблемами, связанными с социальной онтологией; правовой и политический аспекты данной темы – вне рамок нашего рассмотрения. В статье А.Ф. Филиппова читатель может найти изложение результатов политико-правовой тематизации «решения» по Шмитту; в этой же статье даны важные указания о связях между теориями М. Вебера и К. Шмитта [7, с. 317–382].

4. Случай можно истолковывать как «чудо» [4, с. 57], которому нет места в универсальной причинной взаимосвязи природы; и если мы в социальной действительности с необходимостью постулируем «разрывы», – а мы делаем это просто потому, что из принятия точки зрения культурного (ценности) и свободного (долг) человека *следует* разрыв в универсальной природной необходимости, разрыв, «выход за», – то полагаем и решение, и его «онтологический» статус. Случай также может истолковываться из конечности и несовершенства нашего сознания – этот *позитивистский* вариант не рассматривается в статье, – характеризовать специфическую (в отношении неокантианства) позицию К. Шмитта (конститутивное значение решения и суверена) есть наша задача.

5. Важное для специальных целей нашей статьи значение имеет то обстоятельство, что в «Политической теологии» К. Шмитт полемизирует с Кельзеном, который, по словам Шмитта, отказывается в теории от понятия суверенитета – и при этом характеризуется Шмиттом как последовательный неокантианец [4, с. 37, с. 38]. Значит ли это, что Кельзен, по мнению Шмитта, высказывает позицию неокантианства как таковую и распространяются ли приведенные им аргументы (и в какой степени) на М. Вебера в части интересующих нас в этой статье рассуждений? Последовательное различение социологии и права, проведенное Кельзеном и отмеченное Шмиттом [4, с. 33–34], утверждение М. Вебера о социологии как о «науке о действительности» и наше устранение от рассмотрения правовых аспектов теории суверена дает нам возможность уклониться от подробного обсуждения проблем, связанных с поставленным выше вопросом – указанием на *социологический*, социофилософский характер нашего исследования.

6. Любой порядок «должен быть формальным; ибо всякий порядок – это правовой порядок, а всякое государство – это правовое государство» [10, с. 133];

создание порядка есть удовлетворение требования формы [10, с. 141]; «общественный строй существует как публичность» [3, с. 111], то есть по крайней мере как выраженность, «право есть единство порядка и местоположения» [3, с. 106], то есть право есть форма для порядка; наконец: «ни одна эпоха не существует без формы, какой бы экономический облик эта эпоха ни принимала» [2, с. 26].

7. Шмитт так пишет про Гоббса: «Гоббс, этот великий децизионист» [5, с. 187]. В целом, характеризуя учение (мы приведем только те характеристики, которые связаны с проблематикой нашего исследования и обеспечивают дальнейшее рассуждение) Гоббса, Шмитт писал: «То, что отличает Гоббса – это систематическая философская теория государства, делающая его основоположником естественнонаучной доктрины Нового времени и присущего ей идеала технической нейтральности» [5, с. 167]; «С отвагой и интеллектуальной прямотой он восстановил прежние, вечные взаимосвязи между обеспечением защиты и повиновением, приказанием и принятием риска, властью и ответственностью, выступив против дистинкций и ложных понятий potestas («косвенной власти»), которая требует повиновения, не будучи в состоянии обеспечить защиту, хочет приказывать, не принимая на себя политических рисков, и властвует в обход других инстанций, на которых оставляет всю ответственность» [5, с. 238]; Гоббс «неумолимо вновь и вновь поднимает вопрос: Quis jadicabit, кто принимает решение?» [5, с. 285]: «Это «Quis jadicabit?» и властвует над мышлением Гоббса. Вопрос этот вновь и вновь возникает в качестве решающей черты, десятки, если не сотни, раз повторяясь, то открыто, в форме вопроса о последней инстанции в принятии решений, то в виде вопроса: Quis interpretabitur («кто будет истолковывать»)? Это вопрос не о субстанции, а о лице или инстанции, осуществляющей интерпретацию в законном порядке, то есть безапелляционно, и поэтому – безошибочно. Стало быть, он формальный, а не содержательный. Однако он не является научным в смысле математики, геометрии или функционалистского естествознания. Он целиком остается философско-практическим, морально-юридическим и ставится в том же направлении, что и вопрос о суверенном лице, принимающем окончательные решения. «Ибо подчинение, господство, право и насилие – это свойства не властей, а лиц» («Левиафан», гл. XL11)» [5, с. 285], это – вопросы и самого Шмитта. Наконец, Шмитт дает такую оценку Гоббсу: «Он хотел стать Галилеем политической науки» [5, с. 277].

8. Шмитт для примера сводит наиболее популярные романтические антитезы в таблицу, демонстрируя, как, в зависимости от цели, захватившей романтического субъекта в данный момент (как реакция на внешний аффект, на случай, повод) эти антитетические «характеристики» формируются в дискурс (мы видим в описании Шмитта процесс «формирования дискурса», как он описывался в дальнейшем у Жижека, – кристаллизация дискурса, то есть объединение плавающих означающих относительно одного, в данном случае – господствующего означающего; этот же процесс описывался у Лаклау и Муфф [11], в работе 1985 г., считающейся основополагающей для «ассимиляции» понятия дискурса в социальной теории.

9. Шмитт: «Ядро всего политического романтизма: государство – это произведение искусства, государство историко-политической действительности – это occasio для продуцирующей произведение искусства творческой деятельности романтического субъекта, повод для поэзии и для романа или просто для романтического настроения» [2, с. 212–213]. Романтику безразлично содержание политики, вернее, в каждый момент, аффектированный событием, он вполне свободно комбинирует свое содержание, конструируя новый дискурс: «Так суматошная пестрота романтического растворяется в своем простом принципе субъективированного окказионализма, а таинственное противоречие разного рода политических направлений так называемого политического романтизма объясняется моральной недостаточностью лиризма, способного использовать любое содержание как повод для эстетического интереса. Для сущности романтического все равно, романтизируются ли монархические или демократические, консервативные или революционные идеи, – они означают только окказиональные точки привязки для романтической продуктивности творящего Я. Но в сердцевине этого фантастического превосходства субъекта находится отказ от всякого активного изменения реального мира, пассивность, приводящая к тому, что отныне и сам романтизм используется как средство неромантической активности. Несмотря на свое субъективное превосходство, романтизм — это, в конце концов, только сопровождение активных тенденций своего времени и их окружения, их среды» [2, с. 282].

10. Интегральная характеристика Шмиттом политического романтизма выглядит так: «Как субъективированный окказионализм, он и вопреки самому себе, несмотря на многие психологические и вероисповедные тонкости, не имел силы объективировать свою духовную сущность в теоретическом или практически-объективном контексте связей. Его субъективизм толкал его не к понятиям и философским системам, а к особому виду лирического описания переживания, к описанию, связанному с упомянутой органической пассивностью, или, если отсутствовало художественное дарование, к выше описанному, отчасти лирическому, отчасти интеллектуалистскому сопровождению чужой активности, которое следует за политическими событиями с описывающими характеристиками, репликами и мнениями, подчеркиваниями и противопоставлениями, намеками и комбинаторными сравнениями, зачастую взволнованно и суматошно, но всегда без собственного решения, без своей ответственности и всегда безопасно. Таким образом, невозможна политическая активность, но, пожалуй, возможна критика, которая может везде завязать дискуссию и способна все идеологически раздуть – как революцию, так и Реставрацию, войну и мир, национализм и интернационализм, империализм и отказ от него. Ее методом и здесь было окказионалистское уклонение от области противоречия, от Политического в высшую реальность, то есть в эпоху Реставрации — в религиозное; результат: аб-

солютно проправительственная позиция, то есть абсолютная пассивность; достижение: лирико-резонирующее тремолирование идеями, которые исходили из решения и ответственности других. Там, где начинается политическая активность, иссякает политический романтизм» [2, с. 278–279].

11. «Из структуры романтического – как обращенного к эстетической продуктивности окказионалистического consentement – вытекает решение: полная несовместимость романтического с какой бы то ни было моральной, правовой или политической меркой» [2, с. 216].

12. Миф не есть сказка, не есть выдумка, не есть прежде всего (хотя отчасти и это тоже) первоначальная попытка в до-научной форме осознать «условия и причины своего бытия». Шмитту было свойственно *серьезное* отношение к мифу как к «самодостаточной исторической силе» [5, с. 143]. Миф был предметом размышлений многих: Шеллинга, Кассирера, Лосева (специально называем авторов, отличавшихся в понимании «мифологической реальности»), – важным для нас выводом является то, что миф есть один из свойственных человеку как таковому способов взаимодействия с миром (по Лосеву, например, «непосредственное, до-рефлективно-интуитивное взаимообщение человека с вещами» [12]). Ничего удивительного, что в мифе о Левиафане мы имеем дело с радикальной, дошедшей до очевидности, понятийностью, в которой представлена социальная действительность, в случае Гоббса – действительность, началом которой является семнадцатый век и которая существует поныне (способов «представленности» может быть несколько; значит ли это, что и реальностей несколько – вопрос, который нами пока оставляется без ответа). В работе «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» Шмитт, в связи с оценкой идеологий прямого действия (непосредственно – анархизма Сореля) пишет, что в мифе мы имеем «учение о непосредственном активном решении» [13, с. 240], то есть решении как таковом. Вообще же вопрос о мифе как понятийности, достигшей радикальности, – и тем не менее преодолении рационализма и области иррациональности, может быть и о снятии в мифе этой противоположности – является предметом вполне самостоятельного исследования.

13. «Государство, возникшее в XVII веке и затем распространившееся по Европейскому континенту, действительно является делом рук человеческих и тем отличается от всех предшествующих видов политического единства. Его можно даже рассматривать как первое порождение технической эпохи, как первый из великолепных механизмов Нового времени» [5, с. 151–152]. В работе «Римский католицизм и политическая форма» Шмитт утверждает, что современный «экономический порядок» есть порядок технический, то есть в вопросе о современности Левиафана сомнений у него нет. Другое дело, что мы имеем дело с первой по времени репрезентацией этой современности – в мифе о Левиафане Гоббса.

14. «Немецкие историки Гисберт Бейергауз и Карл Теодор Буддеберг показали, что в принятом в современном государственном праве понятии суверенитета в секуляризованной форме проступает кальвиново понятие Бога» [5, с. 147].

15. В качестве подкрепления утверждения о «полицейском» понимании гражданского состояния сошлемся на работу М. Фуко «Безопасность. Территория. Население» (курс лекций 1977–1978 уч. года) [14], в которой Фуко подробнейше описывает вызовы государственной власти в Новое время и мотивы принятия решений, вводящих порядок, который понимался как полицейский и репрезентировал себя в знании именно как «полицейское государство»; тогда не только наименование, но и суть имели явно положительные коннотации.

16. Мы указали выше на анти-римско-католический характер гоббсовского мифа Левиафана.

17. Шмитт истолковывает специфику правовой ситуации – специфической реальности правовой жизни, заключающейся в правовой форме. Форма, которую он ищет, заключается в конкретном решении, исходящем от определенной инстанции. При самостоятельном значении решения субъект решения имеет самостоятельное значение наряду с содержанием решения. Для реальности правовой жизни важно то, кто решает. Наряду с вопросом о содержательной правильности стоит вопрос о компетенции. Проблема юридической формы заключается в противоположности субъекта и содержания решения и в самостоятельном значении субъекта. Юридическая форма не имеет априорной пустоты трансцендентальной формы, ибо она возникает как раз из юридически конкретного. Она также не является формой технической точности; ибо последняя подчинена объективному по сути своей, безличному целевому интересу. Наконец, она не является также формой эстетического придания образа, которое не ведает решения» [4, с. 56].

18. Шмитт отмечает, что «для Канта право крайней необходимости – это вообще уже не право» [4, с. 27]; поэтому неокантианец Кельзен, по Шмитту, «не способен систематически рассмотреть чрезвычайное положение» [4, с. 27].

19. «Исключительный случай, случай, не описанный в действующем праве, может быть в лучшем случае охарактеризован как случай крайней необходимости, угрозы существованию государства или что-либо подобное, но не может быть описан по своему фактическому составу. Лишь этот случай актуализирует вопрос о субъекте суверенитета, то есть вопрос о суверенитете вообще» [4, с. 16–17]; «исключение невозможно подвести под более общее понятие; ему нельзя придать вид всеобщности, но вместе с тем оно с абсолютной чистотой раскрывает специфически юридический формальный элемент решения» [4, с. 25–26].

20. Возвращаясь к полемике Шмитта с Кельзеном, ограничимся лишь утверждением Шмитта о том, что Кельзен не видел «места» для решения – и потому должен был отказаться от идеи суверенитета: «Самые разные теории, трактующие понятие суверенитета – Краббе, Пройса, Кельзена – требуют подобной объективности, причем они едины в том, что все личное должно исчезнуть из понятия государства. Личность и приказ для них очевидно связаны друг с

другом. Согласно Кельзену, представление о личном праве приказа – настоящая ошибка учения о государственном суверенитете; теорию о примате государственного правопорядка он называет «субъевтивистской» и считает ее отрицанием идеи права, поскольку субъективизм приказа ставится на место объективно значимой нормы. У Краббе противоположность личного и безличного связывается с противоположностью конкретного и общего, индивидуального и всеобщего, и ее можно продолжить, противопоставляя начальство и формулу права, авторитет и качество, а в общефилософской формулировке, – лицо и идею. Это отвечает традиции правового государства: противопоставлять таким способом личный приказ объективной значимости абстрактной нормы. В философии права XIX в., например, это особенно отчетливо заявлял и интересно формулировал Аренс [Ahrens]. Для Пройса и Краббе все представления о личности являются историческими последствиями абсолютной монархии. Во всех этих возражениях упускается из виду, что представление о личности и его связь с формальным авторитетом возникли из специфически-юридического интереса, а именно, из особо ясного сознания того, что составляет сущность правового решения» [4, с. 48–49].

21. Для того чтобы аргументировать утверждение о конститутивности случая и решения для онтологии социального порядка, нам необходимо, во-первых, к двум, исследованным в данной статье, теориям социального порядка, добавить изложение выводов из рассмотрения еще двух: теории интерпелляции А. Бадью и герменевтики субъекта М. Фуко (вместе они образуют законченное единство всех имеющихся и реализованных возможностей радикальной понятийной репрезентации социального порядка – этот тезис, без доказательств, может рассматриваться как *обещание*); во-вторых, для достижения высшей метафизической очевидности (по К. Шмитту) следует продолжить представленное в данной статье рассуждение предметным рассмотрением философий еще четырех авторов: Гегеля, Хайдеггера (например, Хайдеггер в лекционном курсе 1928 г., посвященном немецкой классической философии, писал: «Человек существует только так, что ему при этом – а точнее говоря, при его таком-то и таком-то бытии – всегда надо что-то решать; он всегда на что-то решается. Он всегда уже куда-то попал и либо заполняет это «куда-то», либо оставляет пустым» [15, с. 28], – и далее, проясняя тенденцию к антропологии как одну из двух основных философских тенденций современности, отмечал, что «в конечном счете тяга к антропологии – это, в конце концов, вообще стремление решать, что действительно есть, а чего нет; что означает действительность и бытие, а тем самым – решать и о том, что означает истина» [15, с. 31]), Витгенштейна и Лакана, – что, конечно, превышает возможности, предоставляемые статьей. Для современных исследований, как мы уже указывали, едва ли не определяющей является «сверхзадача» нивелировать идейный и теоретический радикализм Шмитта, редуцировать к форме, которая была бы приемлема для либерального сознания. Одним из способов, который широко применяется для решения этой задачи, является сравнение Шмитта с другими, более респектабельными и благонадежными, его современниками, желательно из числа тех, кто изначально «распознал сущность» режима (еще задолго до того, как она «проявилась»); здесь мы должны обратить особое внимание на книгу Х. Майера [16].

Список литературы

1. Шмитт К. Номос земли в праве народов jus publicum europaeum. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.

2. Шмитт К. Политический романтизм. М.: Праксис, 2015. 460 с.

3. Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. 301 с.

4. Шмитт К. Политическая теология // Политическая теология: Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 7–99.

5. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006. 300 с.

6. Шмитт К. Диктатура. СПб.: Наука, 2005. 328 с.

7. Филиппов А.Ф. Техника диктатуры // К логике политической социологии. СПб.: Наука, 2005. С. 277–322.

8. Шмитт К. Учение о конституции (фрагмент) / Государство и политическая форма. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 272 с.

9. Schmitt C. Gesetz und Urteil: Eine Untersuchung zum Problem der Rechtspraxis. Berlin: Liebmann, 1912.

10. Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма // Политическая теология: Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 99–155.

11. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Redical Democratic Politics. Second Edition. London – New York: Verso, 2001. 217 p.

12. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 5–217.

13. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Политическая теология: Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 155–259.

14. Фуко М. Безопасность. Территория. Население. СПб.: Наука, 2011. 544 с.

15. Хайдеггер М. Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности. СПб.: Владимир Даль, 2016. 497 с.

16. Майер Х., Шмитт К. Л. Штраусс и «Понятие политического». О диалоге двух отсутствующих. М.: Скимень, 2012. 192 с.

ABOUT THE STATUS AND INTERPRETATION OF DECISION IN «SOCIAL ORDER» ONTOLOGIES (M. WEBER'S TRANSCENDENTALISM AND C. SCHMITT'S DECISIONISM)

Part 2: C. Schmitt's decisionism

***K.G. Maltsev,*[1] *E.A. Zaitseva*[2]**

[1]Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
[2]Alekseev State Technical University of Nizhni Novgorod

The article provides a comparative analysis of M. Weber's and C. Schmitt's methodological principles for social learning. The authors prove that transcendentalism and decisionism make the key conditions for the «social order» theory and suggest a new interpretation of M. Weber's causal reduction and C. Schmitt's radical conceptuality. Structural similarities in the descriptions of the transcendental subject of knowledge and the sovereign are identified – in their relation to the «social order». The principle of distinction between discourse and theory is also defined. Based on an in-depth analysis of the ways to represent social reality in M. Weber's «understanding sociology» and C. Schmitt's «radical conceptuality», the paper provides grounds to confirm C. Schmitt's statement about the constitutional nature of decision for «social order».

Keywords: social order, transcendentalism, decisionism, causality, decision, case, radical conceptuality, evidence, sovereign, representation.

УДК 316

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

© 2016 г.

С.В. Попова, М.Е. Попов

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

s_popova80@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.03.2016
Статья принята к публикации 08.11.2016

Изучается проблема формирования российской нации и специфики ее проявления на региональном уровне. В качестве методологической базы используются социокультурный подход, сравнительный и исторический методы. Показано конфликтогенное влияние этноэтатизма и роста отчужденности в различных аспектах жизнедеятельности, препятствующих интеграции северокавказских народов в общероссийское сообщество. Указывается на необходимость формирования устойчивой российской самоидентификации у всех национальных сообществ как базы для возникновения общероссийской национальной идентичности и преодоления дезинтегрирующих аспектов. Кроме того, отмечается, что в общественном сознании должно произойти признание «российскости» каждого из этносов, проживающих на территории нашей страны.

Ключевые слова: интеграция, общероссийская национальная идентичность, Северный Кавказ, национализм, кавказская идентичность.

Введение

Современный этап российской истории является достаточно сложным, что обусловлено недостаточным преодолением советского модуса социально-культурного развития и далеко не во всем удачными социально-экономическими реформами, которые к тому же разворачиваются в условиях глобализации мира. Эта ситуация ставит страну перед лицом множества новых вызовов и острых вопросов, в числе которых и проблема российской национальной идентичности.

Ответом на вызовы для современной России, на наш взгляд, могут стать подход и стратегия интеграции, которые должны основываться на диалектике культурного самоосмысления, выступающей в качестве альтернативы логике доминирования и конфликта.

Поиск новых интеграционных ресурсов и возможностей обусловлен прежде всего ситуацией этнической напряженности, приобретающей особую остроту на Северном Кавказе. Следует отметить, что конструирование общероссийской идентичности в условиях полиэтничности – неоднозначный, болезненный и противоречивый процесс, поскольку для этого необходимо преодоление ситуации глубокого мировоззренческого кризиса, а также трансформации иерархии и смыслов множества идентичностей.

Общероссийская национальная идентичность является важнейшим ресурсом государства и страны в целом, поэтому следует обращать особое внимание на ее роль в обществе. Целью формирования российской нации является способствование преобразованию ценностно-ментального мира россиянина, социокультурных форм его бытия с целью достижения социального согласия в обществе. При этом актуализация проблемы социокультурной интеграции российского общества предполагает конкретизацию смыслообразующего и консолидирующего потенциала этносоциального пространства России в синхронно-диахронном срезах. Огромную роль при изучении данной проблемы играет исходная мировоззренческо-концептуальная направленность сознания, через которую структурируется реальность. В этом плане формирование идентичности России может осуществляться в разнообразных модусах: прошлом, настоящем и будущем – и через различные формы: социокультурную, политическую, экономическую.

Главная роль здесь принадлежит проблеме выработки национальной идеологии, которая интерпретировалась в различных ипостасях, таких как «национальная идеология России», «русская идея», «национальная идея» и др. [1]. В качестве идей, объединяющих общество, президентом России были выбраны «сильная Россия», «сильное государство» [2], которые позже дополнялись идеями державности и такими геополитическими идеологемами, как «возвращение и сохранение позиций в мире», «возвращение России в ряды богатых, развитых, сильных и уважаемых государств мира» [3].

Для полиэтничной России особую актуальность имеет проблема соотношения националь-

но-государственного и этнического в идентичности граждан страны. В этом плане С.Ю. Иванова справедливо замечает, что концепции нации присуща довольно ярко выраженная нечеткость, которая сопровождается колебаниям между двумя полюсами – этноса и нации (государства). На сегодняшний день очень немногим современным нациям удалось преодолеть эту полярность и достичь полного совпадения данных феноменов [4].

Анализируя существующую в этой области ситуацию, приходится констатировать, что реальное формирование общероссийской гражданской нации предполагает серьезную трансформацию общественного сознания значительного числа этнических обществ РФ, коррекцию иерархии их самоидентичностей.

1. Теоретико-методологическая основа исследования

Для начала определимся с терминологией нашего исследования. Под общероссийской национальной идентичностью мы будем понимать комплексную характеристику общественного сознания, основанную на общих ценностно-мировоззренческих ориентирах граждан страны, которая объективируется в политической, экономической, социально-культурной сферах взаимодействия. В этом плане мы считаем нецелесообразным употребление категории «нация» в этническом смысле, уже ставшем традиционным для нашей страны. Сама фраза «мы, многонациональный народ Российской Федерации», упомянутая в конституции, уже предполагает разделение общества на отдельные нации (этносы). Это, безусловно, необходимо, учитывая факт полиэтничности России, но при актуализации вопроса о формировании единой нации данные дефиниции нужно разграничивать. Под этносом мы будем понимать общность людей, объединенную спецификой традиционной культуры, которая закреплена в этническом самосознании.

В качестве механизма формирования национальной идентичности выступает процесс интеграции, который в нашем исследовании эксплицируется как объединение индивидов в надперсональную общность (российскую нацию), когда объект становится органической частью другого целого без потери собственной идентичности.

Значимым понятием, отражающим специфику данной работы, является понятие «кавказская идентичность». Наиболее значимым здесь является следующий вопрос: существует ли кавказская цивилизация как самостоятельный онтологический феномен или мы имеем дело с отдельными проявлениями общности кавказских народов. В научной литературе спектр ответов на данный вопрос весьма широк – от признания существования особой кавказской цивилизации, не тождественной ни одной из существующих, до полного отрицания ее самой и даже возможности рассуждать о ней. Мы больше склоняемся к позиции преобладания региональной идентичности на Северном Кавказе, которая в большей степени соотносится с кавказской культурой и менталитетом, нежели с цивилизацией. Действительно, современные кавказские этносы отличаются схожим укладом хозяйственной и бытовой культуры, спецификой одежды, общими нормами и формами коммуникативной культуры, общей мифологической основой, музыкальной культурой. Поэтому кавказские народы объединяет, прежде всего, единство культурных особенностей.

В качестве теоретической основы при написании данной статьи использовались подходы, разработанные в трудах исследователей, занимавшихся проблемами российской идентичности, интеграции, кавказской культуры и цивилизации. При исследовании специфики понимания феноменов «кавказская цивилизация» и «кавказская культура» мы опираемся на труды А.Ю. Шадже, А.А. Саидова, В.А. Авксентьева, Х.Г. Тхагапсоева, при иссследовании региональной идентичности – на труды Э.А. Гурбанова, А.Ф. Поломошнова, А.А. Цуциева, Р.Ф. Туровского, Н.А. Смирновой, С.В. Рязанцева; анализ проблем формирования гражданской идентичности на Северном Кавказе предполагал опору на исследования В.А. Авксентьева, Н. Зубаревич, С.Я. Сущего, В.В. Черноуса.

Целью нашего исследования является определение специфики формирования российской национальной идентичности на Северном Кавказе. Данная цель предполагает анализ особенностей кавказской идентичности; проблем, затрудняющих демократические реформы в кавказских обществах; специфики социально-экономической, политической и социокультурной интеграции северокавказских народов в общероссийское пространство.

Определяющими для данной работы явились социокультурный подход, сравнительный и исторический методы, диалектический и предметно-деятельностный подходы. В статье, в частности, используются следующие принципы: единства субъективного и объективного в обосновании содержания идентичности; системности в изучении социальных объектов.

2. Актуальность темы и ключевые проблемы

Глубинную основу происходивших в последние десятилетия сложных и неоднозначных

конфликтных процессов составил быстрый, стремительный распад советской культурной системы и кризис советской идентичности, последовавший за ним. Это актуализировало все формы самоидентификации социальных групп, среди которых именно этническая вышла на первый план. В развитии процессов самоидентификации на постсоветском пространстве в целом можно обозначить две стадии, которые резко различаются по своим целям и последствиям. Первая представляет собой стихийный, спонтанный и ненаправленный процесс усиления этнического самосознания, с доминированием стремления возрождения культуры, традиций, родного языка и т.д. Внутреннюю основу этого процесса составляла манифестация различий, дивергенция идентичностей. Вскоре эта стадия сменилась периодом политизации этничности, который не просто характеризуется поиском культурной специфичности своего этноса, но сопровождается мобилизацией этнополитических ресурсов с уникализацией специфики народа, реинтерпретацией и мифологизацией этнической истории.

В этом смысле социально-политические процессы на постсоветском пространстве превратились в своего рода «войну идентичностей», крайней степенью которой были стремления к суверенизации республик. Особый интерес в этом плане представляет кавказская идентичность и ее место в современных процессах формирования общероссийской национальной идентичности. Речь идет прежде всего о средствах и путях преодоления так называемого «кавказского культурного фактора» в социокультурном бытии современной России, о механизмах интеграции кавказских народов в российское общество, о способах сосуществования различных типов ментальности.

Современные политические процессы в северокавказских республиках проявляются через политизацию этничности, повышение уровня этнополитической идентичности, что, в свою очередь, является следствием столкновения интересов различных групп, а также неурегулированности многих территориальных, социально-экономических, политических, кадровых вопросов, что затрудняет проведение демократических реформ в данных обществах. Утверждение мира и стабильности в процессах межэтнического взаимодействия возможно через координацию интересов всех этносов, проживающих в данном регионе; ущемление же прав, интересов, достоинства даже какой-либо одной этнической группы может свести к нулю социальный мир и единство любой республики [5].

Для большей части народов Северо-Кавказского региона этнокультурная идентичность является приоритетней общероссийской принадлежности. А.А. Цуциев следующим образом описывает специфику кавказского восприятия современной российской государственности: Россия – это государство русского народа, «с которым “наши” республики находятся в исторической связи и зависимости; другой вектор – становление России как общего государства, государства исторического соучастия (имеющего в своем составе республики в качестве «балансира», назначение которого – нейтрализовать естественное русское доминирование в общегосударственном масштабе)». Предполагается, что «Россия как федеральный центр» должна обладать ярко выраженной надэтнической спецификой. Акцентирование же русскости в этническом плане, «русификация» России содействует отдалению кавказских народов от российского общества. Российское государство для них становится «чужим». «Но в отличие от эпохи “покровительства”, такое государство наблюдается кавказцами, уже обладающими собственными почти государствами, т.е. институционально оформленной матрицей самоопределения» [6].

Это высказывание обнажает центральную проблему в отношениях северокавказских этносов к российской государственности и российскому обществу в целом, которая обусловлена несколькими моментами.

Во-первых, это реально существующие идентификационные сложности этнических сообществ РФ, вызванные распадом СССР. Нет сомнений в том, что в сознании кавказских народов сохранилась память о негативных итогах советского идентификационного эксперимента, которая, так или иначе, в качестве значимой информации будет проецироваться на все аспекты деятельности федеральной власти по формированию общероссийской идентичности.

Во-вторых, способность северокавказцев самоидентифицироваться с Россией зависит от уровня ее собственной надэтничности, способности выступать социальным интегратором самых разных локальных сообществ. Между тем, как показывает реальность последних двух десятилетий, в стране с общей долей одного народа в населении более 80% «надэтничность» значительно затруднена. Современная Россия в своих базовых характеристиках обладает большей «русскостью», нежели чем в свое время СССР (следует отметить, что в советский период русский народ составлял только половину населения страны). Возрастание «русскости» в различных аспектах жизнедеятельности объективно усложняет идентификацию кавказских народов с российским обществом в целом [7, с. 103].

Кроме того, этнизация различных аспектов жизнедеятельности этнических групп также препятствует их интеграции с «большой» Россией. Рост отчужденности становится важнейшим показателем, работающим против мигрантов из южнороссийских республик. Поэтому доминирование российской самоидентификации в структуре идентичности северокавказских народов – это определяющее условие решения проблемы урегулирования межэтнических противоречий на Юге России. Как справедливо замечает С.Я. Сущий, именно восприятие себя в качестве самостоятельных этносоциальных общностей со своими политическими, социально-экономическими, культурными интересами, отличными от интересов соседских народов (а зачастую прямо им противоречащими), в постсоветский период является главнейшей причиной межнациональных конфликтов внутри республик и на межреспубликанском уровне [7].

Вероятно, нескольких десятилетий постсоветской эпохи недостаточно, чтобы мы с уверенностью могли говорить о каких-либо устойчивых закономерностях нового этапа этнокультурного развития в региональных обществах; однако на лицо доминирование некоторых тенденций, имеющих системные последствия для всех аспектов социокультурного бытия на постсоветском пространстве.

На фоне архаизации региона стали возрождаться многие, казалось бы, уже начавшие уходить в прошлое социальные институты, такие как этнокланы. Этничность из сферы культурной идентичности стала проникать во все сферы жизнедеятельности общества, превратившись в важнейший социально-политический институт на Северном Кавказе. Произошла политизация этничности, породившая феномен этатизма, что во многом объясняет тенденцию к росту национализма на фоне снижения остроты сепаратизма.

Система этноэтатизма, образовавшаяся в национальных республиках (политическая мобилизация этнических специфик культуры) возрождает и активно использует не самые лучшие традиционалистские элементы культуры, в частности достаточно жесткие регулятивные нормы, в целях повсеместного насаждения «дисциплины послушания» (разумеется – властям). При этом на первый план выходит прежде всего принцип «первичности естественных связей» (этнических, родственных, земляческих, клановых) по сравнению с любыми иными (профессиональными, политическими и т.д.). Отсюда при решении любых важных проблем широко используются неформальные связи, которые находятся в приоритете по отношению к формальным, «законническим» процедурам. Этноэтатизм, первоначально декларирующий в качестве своей ведущей цели «национально-культурное возрождение», на деле поставил потенциал этнических культур на службу своим узкогрупповым (клановым) интересам [8]. Такого рода тенденции обрекают политическую культуру на аморализм, социальное бытие – на анархизм, а культуру этноса в целом – на деградацию. При этом в российском общественном (политическом) сознании образ этноэтатизма некритично переносится на этнические культуры, что порождает и подпитывает межкультурную конфронтацию и этнофобию.

Вышеуказанные процессы в значительной мере уменьшили влияние русской духовной культуры на мир этнических культур региона, а реформы последних лет не изменили к лучшему эту ситуацию. Более того, исследователи Кавказа считают, что существующая культурная ситуация на юге России пока еще балансирует между взаимодополняемостью, конфликтными отношениями на местном уровне и консенсусом культур, существующих в регионе. Улучшение данной ситуации в перспективе возможно через объединяющее влияние русской культуры, сочетающей в своей основе традиционалистские и модернистские ценности, а главное – имеющей опыт комплиментарных отношений с исламом и этническими культурами региона [9].

На это также указывает В.В. Путин в статье «Россия: национальный вопрос», отмечая, что русские – это «стержень», скрепляющая основа «уникальной цивилизации». Самоосуществление русских возможно через конструирование полиэтничной цивилизации, объединенной «русским культурным ядром», о чем свидетельствует многотысячелетняя история русского народа. «Великая миссия русских» как государствообразующего народа – «объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар… Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознавания «свой-чужой» определяется общей культурой и общими ценностями» [10]. При этом президент вновь подчеркивает полиэтничность России, которая формировалась столетиями: «Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство… в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими» [10].

Сказанное выше, конечно, не значит, что Северо-Кавказский регион удален от российской

нации. Имея сложную этническую структуру, внутреннее размежевание и сегментированность, Кавказ все более значительно продолжает включаться в российское общество. В настоящее время одни этносоциальные группы уже в достаточной степени интегрированы и органично вписаны в российское общество; другие находятся в активном процессе объединения; третьим необходима еще большая работа на этом пути [7, с. 106].

Северный Кавказ, по классификации Н. Зубаревич, с точки зрения модернизации, индустриализма и постиндустриализма относится к «четвертой России», включающей также юг Сибири [11]. В социокультурном плане «четвертая Россия» – это архаичный регион с влиянием традиционалистских тенденций, которые поддерживаются социально-политическими институтами. Объективность данной оценки принимается политическими элитами. Для преодоления социокультурных противоречий и конфликтов необходимо уйти от феномена «четвертой России», для чего нужна скорейшая модернизация этих регионов [12].

Экономические возможности национальных республик Кавказа в советский период также были значительно ниже общероссийского уровня, а в 1990-х гг. в ситуации всестороннего экономического кризиса этот разрыв стал еще сильнее. Негативный характер этнодемографическим процессам в данном регионе во многом создала именно деиндустриализация экономики Кавказа. Важный фактор, повлиявший на эти процессы, – отток русского населения и стойкая тенденция к уменьшению его доли в национальных республиках региона. В итоге этнокультурный водораздел между Северным Кавказом и остальной Россией становится более явным. Параллельно ухудшается социально-профессиональная структура населения, так как выезжают прежде всего люди трудоспособного возраста с более высоким уровнем образования. Усугубляются проблемы земледельческой перенасыщенности, которые в отдельных случаях сводят на нет процесс урбанизации общества. Кроме того, изменение возрастной структуры населения в пользу более молодых поколений при крайне низкой обеспеченности работой сдерживают потенциал социально-конструктивных форм индивидуального и группового поведения.

3. Выводы и условия решения проблемы

В ходе нашего исследования мы выявили, что на сегодняшний день процессы интеграции кавказских этнических общностей в российскую нацию идут стихийно, противоречиво и конфликтно, требуя системного и мотивирующего политического регулирования.

Главным фактором формирования и сохранения социально-политической и экономической устойчивости, стабильности, преодоления конфликтогенного потенциала в северокавказском регионе является его дальнейшая интеграция в российское пространство. В ходе реализации данного процесса крайне важно совместными усилиями добиваться учреждения в государстве единой правовой системы, которая бы поддерживалась единой социально-экономической политикой Центра. В ходе же осуществления региональной политики, необходимо учитывать геополитическое положение, социально-экономические, политические особенности того или иного региона [5]. Кроме того, преодоление таких деструктивных явлений, как этнический национализм, шовинизм, сепаратизм или религиозный фундаментализм, может быть достигнуто лишь через дальнейшую ускоренную модернизации местных обществ, при сохранении их социокультурной идентичности в гармонии с общероссийской гражданской консолидацией.

Одна из основных проблем в процессе становления российской гражданской нации – это также вопрос формирования стабильной взаимоидентификации всех граждан РФ как «своих». Этот процесс предполагает, с одной стороны, усиление у всех этнических обществ устойчивой российской самоидентификации, которая по степени важности не уступала бы их собственной этнокультурной идентичности. С другой стороны, в общественном сознании граждан страны должно произойти признание «российскости» каждого из этносов, проживающих на территории нашей страны.

Заключение

В процессе формирования национальной идентичности на Северном Кавказе важно в первую очередь выявить возможные противоречия в характере политического, экономического и социокультурного развития данного региона и остальной России. Здесь требуется долговременная, целенаправленная и последовательная политика совокупной региональной модернизации в контексте развития всей страны. Для народов кавказского региона наиболее органичным способом полноценного включения в мировое пространство и полилог цивилизаций является активная причастность к процессам модернизации и демократизации российского культурного и политического пространства. Важно, чтобы именно в этой социо-

культурной среде они могли одновременно строить свое бытие по меркам современности и поддерживать этнокультурные традиции.

Отсюда актуальными задачами на сегодняшний день представляются решение проблем формирования новых механизмов государственно-правового, хозяйственно-экономического развития северокавказского региона. Необходимо создание новых производств, соответствующих специфике данного региона; принятие законодательных и материально-технических мер по развитию и обустройству горных районов. Важны исследование и реализация новых механизмов регулирования всего комплекса общественно значимых проблем с учётом социокультурной специфики, геополитического положения Северного Кавказа. В то же время представляется целесообразным сохранение за центральными органами власти права на руководство, управление и контроль за важными для страны сферами жизнедеятельности.

Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», Грант Президента МД-7429.2015.6.

Список литературы

1. Попова С.В. Социально-интеграционные процессы в российском полиэтническом обществе // В мире научных открытий. 2012. №7.1(31) (Гуманитарные и общественные науки). С. 27–42.

2. Путин В.В. Телевизионное обращение к гражданам России. 17 мая 2000 г.

3. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (2003 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml (дата обращения: 20.01.2015).

4. Иванова С.Ю. Проблема патриотизма в поликультурных государствах // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. С. 15–17.

5. Сиражудинова С.В., Саидов А.А., Алигаджиева М.А. Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты: Монография / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, С.В. Сиражудиновой. М.: Перо, 2014. 196 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.center-kmr.ru (дата обращения: 15.02.2016).

6. Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий // Научная мысль Кавказа. 2001. № 3. С. 47–55.

7. Сущий С.Я. Народы Северного Кавказа и проблема формирования российской гражданской нации // Научная мысль Кавказа. 2010. №3. С. 101–107.

8. Тхагапсоев Х.Г. Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития: Монография. СПб.: Астерион, 2008. 224 с.

9. Черноус В.В. Поликультурность Северного Кавказа: философия сотрудничества // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Труды третьего Российского философского конгресса. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. Т. 2. С. 294–295.

10. Путин В.В. Россия: национальный вопрос. Независимая газета. 2012. 23 января [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 15.02.2016).

11. Зубаревич Н. Четыре России // Электронное периодическое издание «Ведомости». 2011. 30 декабря [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii?full#cut (дата обращения: 15.08.2015).

THE PROBLEM OF FORMATION OF RUSSIAN NATIONAL IDENTITY IN THE NORTH CAUCASUS

S.V. Popova, M.E. Popov

North-Caucasus Federal University, Stavropol

The purpose of this paper is to study the problems of formation of the Russian nation and the specific features of its manifestation at the regional level. Socio-cultural approach, comparative and historical methods provide the methodological basis for the research. We show the conflictual impact of ethnic etatism and growth of alienation in various aspects of life that prevent integration of North Caucasian peoples in the Russian community. Hence, it is necessary to form a stable Russian self-identification in all national communities to achieve a uniform all-Russian national identity and to overcome disintegrating trends. At the same time, the «Russianness» of each of the ethnic groups living in the territory of our country should be recognized in the public consciousness.

Keywords: integration, Russian national identity, North Caucasus, nationalism, Caucasian identity.

УДК 316.7+291.13

«СТАЛИНСКИЙ МИФ» В РЕЛИГИОЗНОМ И ПАРАРЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСАХ: ПРОБЛЕМА МОДАЛЬНОСТЕЙ

© 2016 г.

А.М. Прилуцкий

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

alpril@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Выявляются типологии модальности различных форм «сталинского мифа». Сталинский миф определяется как особый нарратив, который предполагает религиозную или квази-религиозную интерпретацию реальных или мнимых поступков И.В. Сталина. В качестве исследовательского метода выявления модальностей использован контекстуальный анализ отношения повествователя к информации, образующей содержание мифологического дискурса. Делается вывод о том, что интерпретация мифологем в дискурсах мифа имеет, как правило, социо-религиозную направленность, а сам сталинский миф включает в себя элементы имперского (царского) мифа. Отмечается, что последнее делает сталинский миф притягательным для сторонников имперского идеодискурса.

Ключевые слова: сталинский миф, социальная мифология, мифологический нарратив, модальность, имперский дискурс, эсхатология.

Сталинский миф как предмет исследования

«Сталинский миф» сегодня представлен в различных гуманитарных дискурсах. Идеализация, равно как и предельная демонизация «исторического Сталина», сегодня является отличительной чертой не только общественно-политических дискуссий, но и диспутов, претендующих на научность. В результате И.В. Сталину приписываются черты мифологического героя – победителя демонического противника или же напротив – мифологического антигероя, богоборца, злодея, обладавшего едва ли не демоническим сверхмогуществом.

Сталин-победитель в Великой Отечественной войне, гениальный и прозорливый инициатор индустриализации и единоличный архитектор послевоенного мира соседствует в этой мифологии со Сталиным-палачом, кровопийцей, наслаждающимся агониями миллионов человеческих жертв. В одних текстах сталинского дискурса мифологический Сталин выступает как «великий человек, который сумел аккумулировать все силы страны и эпохи, и выиграть самую страшную в истории человечества войну и обеспечить миру и России, в том числе, *мистическое* (курсив наш. – *А.П.*), ослепительное величие, достичь которого вряд ли нам еще придется когда-нибудь» [1], а в других, в силу явного недоразумения, Сталину инкриминируется *миллиард* репрессированных [2]. Подобный образ Сталина явно мифологичен, но подобные мифологические дискурсы нами рассматриваться в данном исследовании не будут, так как настоящее исследование вынужденно ограничено современным религиозным пространством. Соответственно, в данной статье не будет рассматриваться мифология политическая, военная, экономическая.

Изучение сталинского мифа предполагает рассмотрение следующих вопросов:

– генезиса его основных установок;

– специфики задействованных мифологем;

– особенностей их синтагматики в рамках соответствующего дискурса;

– специфики выражения в мифологическом дискурсе отношения автора (транслятора) мифологического нарратива к сообщаемой информации.

Последней проблеме и посвящена настоящая статья.

Объем понятия «сталинский миф»

Предмет нашего исследования – «сталинский миф» – в религиозном и парарелигионых дискурсах современности может быть определен как **нарратив**[1]**, апеллирующий к квазирелигиозным мотивам или предполагающий наличие иррациональных последствий реальных либо мнимых поступков И.В. Сталина.** Как таковой, сталинский миф во многом восходит к жанру «устной истории» [3], но не ограничен им: сегодня тексты сталинского мифа можно встретить в различных публикациях,

в составе литургической литературы (различные неканоничные молитвы и акафисты), в качестве устойчивых апокрифов церковной истории. В связи со сказанным возникает необходимость конкретизировать понимание термина «миф». Сделать это необходимо еще и потому, что в современной гуманитаристике представлены различные понимания соответствующего концепта. В данной статье мы будем придерживаться семиогерменевтического понимания мифа как **сюжетного повествования о действиях, поступках и ситуациях, сопряженных с сакральными акторами**. На формирование сталинского мифа повлиял и советский идеодискурс 1930-х – начала 1950-х гг., агитационное искусство, в котором манифестировалось «мифическое воплощение божественного принципиального начала на земле в лице нового героя, который готов приступить к выполнению своей миссии» [4, с. 105]. Многие элементы сталинского мифа в дискурсах народной веры участвуют в семиотических процессах трансформации теологем в формат мифологем [5]. Кроме того, сталинский миф, в той части, в которой изображает И.В. Сталина конструктором общества социальной справедливости, сближается с конструктами утопического сознания, которое «направлено на формирование идеала совершенного общественного устройства» [6, с. 42].

Сталинские мифологемы воспроизводятся как в собственно религиозном дискурсе (например, т.н. альтернативное православие, некоторые течения которого почитают Сталина как святого), так и в дискурсах пararелигиозных, которые представляют собой устойчивые тенденции в духовной жизни, не подпадающие под обычное определение религии [7, с. 60]. Проблема разграничения собственно религиозных и пararелигиозных дискурсов в данном исследовании не является для нас актуальной. Нашей основной задачей является рассмотрение различных модальностей, реализуемых сталинским мифом.

Профетическая модальность сталинского мифа

Одной из основных модальностей сталинского мифа является модальность профетическая. Профетизм в сталинской мифологии традиционно представлен как проявление прозорливости отдельных религиозных деятелей (обычно это не иерархи, но старцы, монахи, подвижники – как реальные, узнаваемые, так и анонимные), предсказывавших особую роль, которую предстоит сыграть молодому семинаристу в будущих судьбах России. Профетическая модальность реализуется в контексте мифологической самоидентификации части общества в отношении к истории, в которой таким образом раскрываются мистические смыслы: «В мае 1899 г. знаменитый архимандрит Иерон (Васильев), настоятель Ново-Афонского монастыря сказал семинаристу Иосифу Джугашвили: «Грядет царство «зверя» на Россию. Жиды будут уничтожать Русский Народ, а ты будешь уничтожать их! Иди!». Игумен Иерон благословил Иосифа иконой «Избавительница» [8].

Данную модальность нельзя рассматривать как модальность возможного – это то, что определяется как «будущее обязательное», то, что происходит независимо от воли человека и не является следствием его поступков. Такое представление о модусах пророчества предполагает не только «детерминированность будущего прошлым и настоящим» [9, с. 181], но и деформационные изменения содержания основных когнитивных структур, вызванные эсхатологическим страхом. Так формируются идиосинкразические когнитивные схемы, которые формируют как особый мрачный эмотивный тон сталинской профэтики, так и неожиданные герменевтические приемы, позволяющие включить события социальной истории в контекст сталинского мифа.

Профетическая модальность является не только способом мистического постижения будущего, но и основой мифологической герменевтической диахроники: события прошлого интерпретируются на основании мифологической интерпретации последующих событий. Так, абсолютно мифические предсказания фантастических «врагов» – «кабалистов» (о рождении в начале 50-х годов «грядущего Царя-Победителя»), бытовавшие в среде маргинального (неканонического) православия, дискурсы которого сочетают элементы, свойственные как фундаментализму, так и модернизму [10], позволяют адептам интерпретировать в контексте «сталинского мифа» знаменитое «дело врачей», которое в мифологическом дискурсе как раз и запускает такую идиосинкразическую когнитивную схему: «Первая, такая наиболее серьезная попытка (воспрепятствовать грядущему царю. – *А.П.*) была предпринята каббалистами в начале 50-х годов в России, когда родился Царь-Победитель. Это так называемое «дело врачей», когда, по наущению диавола, слуги грядущего антихриста (и пошедшие у них на поводу предатели иуды) в «белых халатах» (т.е. медицинские работники) убивали в России новорожденных младенцев мужеского пола. Так они думали убить грядущего Русского Царя. Но... эта попытка не удалась – Господь руками Иосифа Виссарионовича Сталина пресек осу-

ществление этого замысла: часть этих «врачей» – людоедов в «белых халатах» упрятали за решетку, часть по заслугам «поставили к стенке», остальные были вынуждены скрывать свою волчью натуру под прикрытием «белых халатов» [11]. Таким образом, профетика становится инструментом включения Сталина одновременно в имперский и новозаветный (квазиновозаветный) дискурсы. Мифологическая интерпретация монархических идеологем в маргинальном православии породила т.н. «царебожническую ересь», в которой происходит фактическое отождествление смерти Николая II и голгофской смерти Спасителя (Царь-Искупитель); в данном случае мы видим аналогичное явление: Сталин включается не только в монархический дискурс (спаситель Царя), но и в квази-новозаветный – очевидна параллель с убиением детей Иродом.

Таким образом, формируется семиосфера мифа, наполненная внутренними противоречиями, которые, однако, не являются ни очевидными, ни существенными для носителей мифологической культуры. Как известно, миф не стремится к систематизации и категоризации знания. В данном случае же происходит взаимодействие нескольких мифологем.

1. Николай II – Царь-Искупитель, совершивший христоподражательный подвиг и искупивший грехи русской революции, его образ сближается с Христом Спасителем.

2. «Тайный Царь» – уже сейчас существует Царь, которому предстоит восстановить и возглавить русскую монархию[2]. До надлежащего времени ему предстоит скрываться (в принципе, это ностальгическая мифологема).

3. Сталин – спаситель «тайного Царя», инструмент богоугодного торжества монархии.

4. «Тайный царь», подобно Иисусу Христу, подвергался опасности: по приказу Ирода, узнавшего о Его рождении, были умерщвлены дети, родившиеся одновременно с Ним. Если Царем-Искупителем считается Николай II, то было бы логично искать новозаветные параллели с описанием Рождества Христова применительно к нему. Но в данном случае достаточно неожиданно убиение детей Иродом символически соотносится не с ним, но с «тайным царем».

В итоге получается, что и Николай II, и нетождественный ему анонимный «тайный Царь» – оба сближаются со Спасителем – первый через мифологему «царя Искупителя», второй – через аналогии с убиенными младенцами. Оба они включаются и в «царебожнический», и в квазиновозаветный дискурс, причем разграничить их образы зачастую оказывается сложно. Не случайно высказывалась совсем уже маргинальная для православного дискурса точка зрения, что Николай II воскрес, воплотился в человеческом теле и сейчас тайно путешествует по России[3] [12]. Данная тема, вопреки ее очевидной нелепости и явному несоответствию православному вероучению, серьезно обсуждалась на интернет-ресурсах фундаменталистской направленности, что можно рассматривать как еще одно подтверждение тому, что религиозный фундаментализм вовсе не тождествен традиционализму.

Использование профетической модальности и перечисленных мифологем не только включает Сталина в перечисленные дискурсы, но и выстраивает дискурсивные отношения между его мифологизированным образом и аналогичным образом Николая II. Полагаем, последнее преследует в том числе и апологетическую цель – дезавуировать, сделав на мистико-символическом уровне невозможными, неоднократно артикулированные историками обвинения Сталина в причастности к убийству царской семьи.

Эпистемическая модальность сталинского мифа

Эпистемическая модальность**,** выражающая возможность, вероятность утверждений с точки зрения наличествующего знания, в дискурсах сталинского мифа обычно представлена в формате модальности субъективной; причем отграничить суждения, основанные на вере, от суждений, основанных на знании, в большинстве случаев оказывается затруднительным или прямо невозможным. Даже в тех случаях, когда дискурс ориентирован не на мифологический нарратив, а на научную аналитику, эпистемическая модальность суждений задается априорными прагматическими установками – убедить читателя не только в истинности предлагаемой информации, но и в том, что существует единственная возможность ее интерпретации. Всякое сомнение в достоверности предложенной информации исключается.

Субъективная эпистемическая модальность дискурсов сталинского мифа формируется при помощи нескольких способов.

Во-первых, верными объявляются те суждения, которые таковыми считает автор повествования, раскрывающий перед читателем мифологическую мистерию. Иногда это заявляется совершенно открыто: «Что написано – считаю Правдой, а Истина может быть только в Боге, кто в Истине – тот с Богом» [13]. Подобное представление о том, что «правда» существует не в «реальности», а в дискурсе, должно быть признано характерным именно для мифологического нарратива – последний претендует на

истину именно в силу своего жанра, не требующего доказательств и аргументации, но апеллирующего к вере.

Во-вторых, используется обобщенные утверждения, вводимые модальными словами «доказано», «известно» без конкретизации кем и когда доказано и кому и из каких источников известно. Например: «Известно, что в 22-м году, когда Сталин приезжал в Грузию, к нему подошла мать и спросила его: – Сынок, на твоих руках нет Царской Крови? – Вот тебе Крест! Истинно нет! – ответил Сталин. И на глазах у всех перекрестился» [14] или «Открываются новые факты, новые документы, ранее не известные обстоятельства, которые вбивают "осиновый кол" в сердце множества лживых химер, во власти которых мы пребывали ещё некоторое время тому назад» [8]. Иными словами, в качестве достаточно обоснованных суждений рассматриваются такие, которые с точки зрения теории аргументации и даже требования банальной доказательности могут быть признаны не более чем гипотетическими. Отсылки к псевдоисторическим источникам – как реальным, так и вымышленным (пример последнего – т.н. «завещание Сталина», в котором провозглашается высшая ценность монархии) – позволяют установить свойственные мифологическому мировосприятию отношения между содержанием дискурса и факторами, формирующими его когнитивный контекст. Миф становится неотличимым и не выделяемым из окружающего его когнитивного и герменевтического пространства, границы мифологического дискурса становятся трудно определяемыми.

Деонтологическая модальность сталинского мифа

Деонтологическая модальность**,** выражающаяся в предписаниях, разрешениях и запрещениях, обычно бывает связана с такими понятиями, как мораль, долг, нормы поведения; она передает отношение говорящего к степени необходимости того или иного действия [15]. В субдискурсах сталинского мифа деонтологическая модальность выступает во взаимодействии с телеологической: «предание (т.е. основные положения сталинского мифа) нужно знать для тому (так в оригинале. – *А.П.*), кто хочет действительно понять Истину, послужить своими, Богом дарованными талантами, России!» [8]. Соответственно, принятие сталинского мифа налагает требования, выраженные в категории долженствования: «нам, Православным людям, испытавшим гонение за Веру, нужно забыть обиду, как и подобает Христианам, и с должным вниманием и любовью посмотреть на все» [8]. Запрет критического отношения к личности Сталина, равно как и осуждения его внутренней политики, часто бывает представлен в сталинском нарративе в виде новозаветного парафраза «не судите, да не судимы будете». Подобное модальное высказывание при помощи внеконтекстуальной упрощенной герменевтики позволяет утверждать, что всякая критика политики Сталина противоречит требованиям Нового Завета, а значит, и неприемлема для христиан. Неожиданным образом модальное высказывание «мы должны искать причину в самих себе», являющееся этическим трюизмом, используется в субдискурсах сталинского мифа для реабилитации репрессивной политики, проводимой Сталиным – причины репрессий нужно, таким образом, искать не во внешних факторах (Сталин), но в самих репрессированных, их «греховности» [16].

Другая стратегия подобной апологетики тоже задействует деонтологическую модальность. Опять герменевтическим инструментом является парафраз, на этот раз – знаменитого высказывания Филарета Московского: «*Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша*». Кстати деонтологическая модальность в данном высказывании выражена тремя глаголами в форме императива и усилена афористичностью высказывания. В результате несложного механизма герменевтической актуализации получаем следующее: «Да, каждый из нас обязан (если хотим, чтобы Господь оставил нам наши грехи) прощать своих личных недругов. Однако, между личными врагами и врагами Отечества есть две большие разницы (так в оригинале. – *А.П.*) …Иосиф Сталин не был палачом и никого никогда специально в крови не топил. Он был строг, но справедлив. Если он и принимал казни (так в оригинале – *А.П.*), то только преступников. Без вины, просто так, по личным корыстным мотивам Иосиф Виссарионович Сталин никого никогда не казнил. Кого казнил – казнил за дело» [12]. Таким образом, высказывания с выраженной деонтологической модальностью в субдискурсах сталинского мифа используются при реализации различных герменевтических стратегий реабилитации репрессий, предлагая такую их интерпретацию, которая благодаря апелляции к категориям морали, долга, поведения, предписанного православными иерархами, не находится в конфликте с христианской этикой.

Гипотетическая модальность сталинского мифа

Гипотетическая модальность, выражающая авторскую оценку сообщаемого с точки зрения

возможного, в дискурсах сталинского мифа выражена наименее отчетливо. И это легко объяснить идеосемантикой: содержание сталинского мифа представлено как предмет религиозной веры, не предполагающей сомнений. Поэтому предположениям в таком нарративе нет места, особенно когда воспроизводятся основные мифологемы.

Некоторая гипотетичность, впрочем, присутствует, но она касается второстепенных деталей – возможного объяснения причин второстепенных, с точки зрения мифа, поступков, раскрытия глубинного смысла отдельных совпадений. Так, например, при помощи высказываний, обладающих гипотетической модальностью, объясняется утверждаемое мифом влияние на Сталина митрополита Илии (Карама), экзарха гор Ливанских: «Немаловажным обстоятельством было то, что к архиерею древнего Антиохийского Патриархата, в самом названии кафедры которого дышала, казалось, сама Библейская древность, Сталин, **возможно**, испытывал большее доверие» [17].

Включая высказывания, обладающие гипотетической модальностью, субдискурсы сталинского мифа апеллируют к мистике совпадений, вовлекая читателя/слушателя в мифологический хронотоп – герменевтическое пространство, в котором пространство и время подчиняются закономерностям мифологическим. Например, семиотизируя Новый Афон как символический оплот особой духовности, мифологический дискурс провоцирует образование сложных метафорических структур: «**Наверно, не случайно** на Новом Афоне была южная дача Сталина» [8] – таким образом «святость» Новоафонского монастыря метафорически переносится по смежности на хозяина «дачи»…

Другой подобный текст при помощи тождественного семиотического механизма метафорически включает Сталина в контекст новозаветных событий, выполняя аналогичную функцию, что и разобранные примеры с высказываниями, обладающими профетической модальностью: «**Наверное, неслучайно** он был крещен в память Иосифа Обручника, сохранившего Пресвятую Деву и Ее Божественного сына в страшные времена гонений царя Ирода» [12].

Анализ модальности сталинского мифа позволяет сделать вывод о том, что интерпретация мифологем в дискурсах мифа имеет, как правило, социо-религиозную направленность, а сам сталинский миф включает в себя элементы имперского (царского) мифа. Последнее делает сталинский миф притягательным для сторонников имперского идеодискурса, которые, интерпретируя личность Сталина, вопреки данным истории представляют его не как революционера и коммуниста, а как носителя и выразителя монархического социо-религиозного идеала.

Примечания

1. Здесь и далее под «нарративом» будем понимать такую разновидность повествования, которая реализует не только информативную, но и экспрессивную функцию, позволяет формировать различные субъективные оценки предмета повествования.

2. Мифологема «тайный царь, которому предстоит открыться в надлежащее время».

3. Эта мифологема активно обсуждалась сторонниками епископа Диомида.

Список литературы

1. Гальперина А. Сталин как персонаж [Электронный ресурс] // Православие и мир. URL: http://www.pravmir.ru/stalin-kak-personazh/ (дата обращения: 05.02.2016).

2. Именем Сталина. Лаврентий Берия – верный соратник? [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. URL: http://echo.msk.ru/programs/staliname/677212-echo/ (дата обращения: 05.02.2016).

3. Крылов П.В. Обретение исторического слуха: парадигмы изучения неофициальной памяти // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 446–453.

4. Щербинина Н.Г. Герой воспетый. Политологический анализ песен о Сталине // Полис. Политические исследования. 1998. № 6. С. 103–112.

5. Прилуцкий А.М. Структура религиозного дискурса: от мифологии к теологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2007. № 2(7). С. 163–169.

6. Митина Н.Г. Миф, идеал, утопия. Проблема времени // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 2. С. 42–46.

7. Золотухина-Оболина Е.В. Что могут дать человеку современные «парарелигиозные тренды»? // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 58–67.

8. Фильм Анны Москвиной «Бич Божий» (рецензия) [Электронный ресурс] // Москва – Третий Рим. URL: http://www.ic-xc-nika.ru/texts/2010/jun/n783b.html (дата обращения: 05.02.2016).

9. Михайлова Т.В. Будущее обязательное в профетических контекстах Ивана Пересветова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 1(23). С. 181–185.

10. Головушкин Д.А. Религиозный фундаментализм/религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. 2015. № 1. С. 87–97.

11. Воскрешение Богом Государя и Царской Семьи? [Электронный ресурс] // Форум сайта diomid.info – Епископ Анадырский и Чукотский Диомид. URL: http://diomid.info/forum/index.php?topic=1365.0 / (дата обращения: 05.02.2016).

12. Чем Иосиф Виссарионович заслужил признательность русского народа? [Электронный ресурс] //

Москва – Третий Рим. URL: http://www.ic-xc-nika.ru/texts/2008/nov/n326.html/ (дата обращения: 05.02.2016).

13. О святости Сталина. Блаженная Матрона и Сталин [Электронный ресурс] // Покаяние. Восстановление монархии в России. URL: http://www.pokaianie.ru/article/stalin/read/8781 (дата обращения: 05.02.2016).

14. Кто же такой Сталин? Сталин и православие. [Электронный ресурс]. URL: http://desert-man.org.ua/post253328399/ (дата обращения: 05.02.2016).

15. Мильруд Р.П., Антипов И.В. Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте // Язык и культура. 2009. №1. С. 32–33.

16. Иосиф Сталин в Свете Слова Божия: исторические параллели и уроки из Священного Писания [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-738578_22921388/ (дата обращения: 05.02.2016).

17. Война, Церковь, Сталин и великий молитвенник за Русь православную митрополит Гор Ливанских Илия (Карам) [Электронный ресурс] // Искупитель. URL: http://www.iskupitel.info/node/245 (дата обращения: 05.02.2016).

THE STALIN MYTH IN THE RELIGIOUS AND PARA-RELIGIOUS DISCOURSE: THE PROBLEM OF MODALITIES

A.M. Prilutskii

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

The aim of this article is to identify the modality typologies of different forms of the Stalin myth. The author defines the myth of Stalin as a kind of narrative that presumes religious or quasi-religious interpretation of Stalin's real or imaginary actions. The research method used to identify the modalities is based on the contextual analysis of the narrator's attitude to the information that forms the content of the mythological discourse. Our analysis of the Stalin myth's modality leads us to the conclusion that the interpretation of the mythologems in the discourses of myth often has a socio-religious orientation, and the Stalin myth itself includes some elements of the Russian imperial myth, which makes it attractive for the supporters of the imperial ideological discourse.

Keywords: Stalin myth, social mythology, mythological narrative, modality, imperial discourse, eschatology.

УДК 316.3

РОДЯТСЯ ДЕТИ, И ЖИЗНЬ ПОВТОРИТСЯ СНАЧАЛА… ПОЖИЛОЕ РОДИТЕЛЬСТВО КАК СТРАТЕГИЯ «ПРЕОДОЛЕНИЯ ВОЗРАСТА»

© 2016 г.

П.А. Амбарова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

borges75@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.05.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Раскрываются социальные характеристики родителей «серебряного возраста»; выбор позднего деторождения представляется как способ «преодоления возраста». Позднее деторождение и пожилое родительство определяются в качестве одной из стратегий преодоления темпоральных противоречий возрастной общности – между биологическим, психологическим и социальным временем. Раскрываются социальные предпосылки возникновения и распространения данной поведенческой стратегии у людей «серебряного возраста» в современном обществе. Определяются мотивы выбора пожилого родительства и такие социальные характеристики пожилых родителей, как их семейно-брачный статус, профессия, степень активности в публичном пространстве, ориентация на мнение социального окружения. Представляется авторская методика социологического изучения данного феномена, основанная на стратегии кейс-стади.

Ключевые слова: отложенное деторождение, позднее деторождение, пожилое родительство, стратегии преодоления возраста, «социальные часы», темпоральный дисхроноз.

«Социальные часы» в традиционном обществе и обществе модерна достаточно жестко предписывают возраст рождения детей – первого, последующего, последнего. Известно, что в некоторых восточных и северокавказских регионах брачный возраст для женщины наступает в 13–15 лет и примерно в это же время – возраст рождения ею первого ребенка. Известно также, что в советском обществе нормативным считалось рождение первого ребенка в 22–25 лет. Рождение первенца после этого возраста делало родителей старородящими, оттягивание деторождения вызывало общественное неодобрение.

В современном обществе (назовем ли мы его постиндустриальным или переходным к постиндустриальной стадии развития) временны́е предписания в отношении рождения детей становятся все более размытыми, неопределенными в отношении как нижней, так и верхней границы. Раннее материнство и феномен отложенного или позднего деторождения все чаще становятся предметом изучения в психологии и социологии.

На наш взгляд, современное общество, предоставляющее возможности свободного конструирования жизненной траектории, становится все более толерантным к рождению детей как в очень юном, так и очень зрелом возрасте. Однако если в юном возрасте рождение ребенка, как правило, является случайным, незапланированным, то деторождение в зрелом и позднем возрасте – это осознанный шаг, основанный на определенных социальных установках и мотивах. Именно последний феномен является объектом нашего исследования, а поведенческая стратегия пожилых родителей – его предметом. Предваряя изложение результатов анализа введением, мы хотели бы подчеркнуть, что позднее деторождение в социальном плане есть особая стратегия преодоления возраста. Возможности ее реализации обеспечены, с одной стороны, терпимым отношением к размытости темпоральной нормы рождения детей, с другой – развитием медицинских технологий. Цель статьи состоит в раскрытии социальных характеристик родителей «серебрянного возраст» и обосновании выбора ими позднего деторождения как стратегии преодоления возраста.

В позднем деторождении мы различаем две разновидности – рождение детей в зрелом и пожилом возрасте. Разведение этих двух типов репродуктивного поведения имеет существенное значение. Первый тип постепенно стал массовым явлением, особенно в западноевропейских странах, отчасти – и в России [1, с. 325]. Второй тип не является столь распространенной практикой, но все чаще становится предметом обсуждения в рамках журналистского дискурса. Если не затрагивать такие предпосылки отложенного деторождения, как развитие медицины и повышение качества жизни, то, без сомнения, одной из основных причин рождения детей в зрелом возрасте является стремление родителей ребенка обеспечить себе, прежде

всего, материальную независимость и возможности самореализации. В основе рождения детей в пожилом возрасте (мы не берем во внимание уникальные случаи незапланированной беременности) лежит, на наш взгляд, решение стратегически важной жизненной задачи – преодоление возраста и тех темпоральных противоречий, которые с ним связаны.

Понятие преодоления возраста было введено в научный оборот в рамках антропологии [2], но в силу своей продуктивности быстро распространилось на другие социальные науки, в том числе социологию. Преодоление возраста в социологическом понимании означает формирование поведенческой стратегии, которая позволяет снимать барьеры, вызванные темпоральными противоречиями возрастной общности. Как уже отмечалось, в отношении каждого возраста действуют специфические социальные предписания, которые, в совокупности с биологическими факторами, ограничивают жизненную активность и жизненные возможности человека. Они могут быть определены понятием жизненных трудностей в том случае, если становятся препятствием на пути к достижению цели и требуют напряжения и усилий для их преодоления. В современном обществе действует множество социальных и культурных факторов, стимулирующих поиск (как на индивидуальном, так и на общностном уровнях) способов преодоления этих темпоральных противоречий.

Как мы уже отмечали в наших предыдущих публикациях [3; 4], развитие возрастных общностей является отражением противоречий между биологическим, психологическим и социальным временем социальной общности. У одних людей их биологическое время может идти более быстрыми темпами, чем психологическое или социальное, у других, наоборот, время биологического развития отстает, замедляется по сравнению с психологическим и социальным временем. На общностном уровне темпоральный дисхроноз (рассогласование биологического, психологического и социального времени) трансформируется в устойчивые поведенческие тенденции, и в ответ на складывающиеся противоречия между тремя видами времени возрастная общность формирует специфические стратегии поведения, в том числе – стратегию позднего деторождения.

В современной социологической литературе практически отсутствуют упоминания каких-либо исследований данного явления в силу его редкости и уникальности (а значит, и доступности для изучения), а также методических трудностей его эмпирического изучения. На наш взгляд, наиболее продуктивной стратегией исследования в этом случае является кейс-стади, включающая нарративное интервью (биографический нарратив) непосредственно с родителями ребенка и глубинные интервью с представителями их ближайшего социального окружения. Мы полагаем, что установки и мнения этого ближайшего окружения (родственников, друзей, предыдущих детей, коллег) оказывают существенное влияние на представления родителей о допустимости и правильности выбранной поведенческой стратегии, характер позиционирования такого решения и поведения в публичном пространстве.

Нами разработана и апробирована еще одна стратегия исследования феномена позднего деторождения, альтернативная (или дополнительная) к названной выше. Первоначально ее выбор был основан на предположении о том, что исследуемая стратегия преодоления возраста отражает жизненные стратегии представителей творческой элиты (известных актеров, певцов, шоуменов, «звездных» семей), частная жизнь которых, как правило, не доступна исследователям, но открывается публичному пространству через интервью, фильмы, публичные дневниковые записи и блоги, т.е. через сферу журналистского дискурса. Через эти каналы может быть презентирована и стратегия преодоления возраста представителей названной социальной общности, решивших родить позднего ребенка. Далее наше исследование показало, что методика «работает» на любом эмпирическом материале, представленном средствами массовой информации – не только в отношении «звездных» родителей, но и в отношении любых обнаруженных в СМИ случаев пожилого родительства.

Безусловно, данная стратегия исследования имеет свои плюсы и минусы. Плюсы заключаются в том, что СМИ предоставляют широкое поле для поиска конкретных случаев рождения детей родителями в пожилом возрасте. Статистических данных по этому вопросу нет, случаи единичны, встречаются в самых разных уголках России и других стран. Это означает возникновение проблем в организации исследования, связанных с обнаружением интересующих нас случаев. Поскольку рождение детей в пожилом возрасте – ситуация нетривиальная, журналисты мгновенно реагируют на нее и помещают материалы о ней в широкий доступ. Именно эти материалы, консолидированные в потоке исследовательского поиска, становятся эмпирической базой социологического исследования.

Минусы предлагаемой методики связаны с неполнотой информации, представленной в СМИ, отсутствием возможности отследить влияние всех факторов, изначально гипоте-

Таблица 1

Бланк для анализа социальных характеристик пожилых родителей (матрица социальных характеристик родителей)

Социальные характеристики родителей	1 случай	2 случай	3 случай и т.д.
Возраст родителей: *Отца* *Матери*			
Семейное положение (форма брачных отношений)			
Профессия, сфера занятости			
Осознанный характер принятия решения о рождении ребенка /случайная беременность			
Намерения, мотивы рождения ребенка			
Наличие в семье других детей, внуков			
Презентация стратегии в публичном пространстве: – *на стадии планирования* – *после рождения детей*			
Отношение ближайшего окружения к появлению позднего ребенка			
Способ рождения: – *естественный* – *искусственный*			

тически устанавливаемых исследователем. Кроме того, достаточно сложно отделить истинные мотивы поведения людей от их имиджевых намерений (особенно в ситуациях со «звездными» родителями), выявить в полной мере глубинные установки родителей на позднее рождение ребенка и глубинные мотивы такого поведения. Между тем в любых ситуациях хорошо просматриваются социальные характеристики и факторы поведения, имеющие объективный характер: семейно-брачный статус, профессия, наличие предыдущих детей, влияние социального окружения и ориентация на его мнение и т.д. В таблице 1 представлен бланк для анализа изучаемых случаев, с помощью которого фиксировались те или иные социальные характеристики пожилых родителей.

Пока что по данной методике было исследовано 10 случаев, анализ которых позволил сделать некоторые предварительные выводы. Учитывая ограниченное пространство журнальной статьи, ниже представим краткое описание 5 случаев из 10.

1 случай. «Звездные двойняшки» Аллы Пугачевой и Максима Галкина.

18 сентября 2013 г. у «звездной» пары А. Пугачевой и М. Галкина родились двойняшки – мальчик и девочка. На момент рождения матери исполнилось 64 года, отцу – 37 лет. Семейно-брачный статус родителей: состоят в гражданском браке с 2005 г., в официально оформленном браке – с 2011 г. Оба родителя являются представителями шоу-бизнеса. Рождение детей имело запланированный характер. По словам матери, за 12 лет до рождения детей она сохранила свой биологический материал, которым смогла воспользоваться. Приводим фрагменты ее интервью, комментирующие момент выбора: *«когда я стала уверена, что наш семейный союз с Максимом надежный, я призналась своему молодому мужу, что у нас может быть потомство. Максим был очень счастлив, узнав об этом...»* [5]. Таким образом, принятие решения о рождении детей носило полностью осознанный, тщательно спланированный характер, особенно со стороны матери.

То, что рождение детей для одного из родителей – матери – стало элементом стратегии преодоления возраста, свидетельствует следующий отрывок из интервью: *«Сейчас купаюсь в этой теплой, младенческой энергии. Они дают мне силы держаться на плаву. Хочу дожить до того, как им будет 13 лет, и выйти с ними в свет»* [5]. Отметим, что для певицы характерны и другие элементы стратегии преодоления возраста: поздний уход со сцены (из активной профессиональной деятельности), применение множества пластических операций, постоянные попытки держать себя в хорошей, привлекательной физической форме с помощью диет, стремление окружать себя молодыми поклонниками и учениками. По-видимому, рождение детей стало еще одним способом преодоления возрастных барьеров.

«Семейный бэкграунд» родителей таков. У А. Пугачевой брак с М. Галкиным пятый по счету. Есть дочь, два внука и одна внучка. Для М. Галкина брак стал первым, а новорожденные –

его первенцами. Биологические родители детей – звездная пара, дети были выношены и рождены суррогатной матерью, хотя А. Пугачева постоянно подчеркивает, что ее организм обладает всеми биологическими возможностями рождения детей естественным способом.

На стадии планирования и рождения детей намерения родителей тщательно скрывались: *«Коллеги, а также поклонники примадонны и шоумена были обескуражены: никто не мог подумать, что в звездной семье планируется прибавление»* [6]. Посвящены были только представители самого ближайшего окружения: «*близкая подруга и названная сестра Пугачевой бизнес-леди Алина Редель, дочь Аллы Борисовны Кристина Орбакайте и старший брат Максима Галкина Дмитрий – бывший офицер, а сейчас – бизнесмен и продюсер»* [5]. Зато после рождения двойняшек родителями была реализована активная стратегия презентации факта их рождения в публичном пространстве. Сюжеты с личным участием Пугачевой и Галкина прошли по центральному телевидению, радио, в печатных и электронных СМИ, в форме документального фильма.

Контент комментариев к материалам, выложенным в Интернете по данному сюжету, свидетельствует о неоднозначности общественного мнения по поводу рождения детей Галкина и Пугачевой. Однако сами родители в своих блогах постоянно презентуют сюжеты о многочисленных подарках и реакциях восхищения как самими детьми, так и «героическим» поступком родителей со стороны ближнего социального окружения: *«Двойняшек завалили подарками. Стало известно, что на свой первый день рождения дети Галкина и Пугачевой получили дорогие, а иногда чересчур помпезные презенты. Отличился Борис Моисеев, который потратил на единичный подарок практически миллион рублей. Зато теперь двойняшки будут гулять в колясках, обитых мехом шиншилл. Хороший друг семьи Игорь Николаев, ориентируясь на творческое наследие и уже появившиеся пристрастия детей, подарил именинникам профессиональные микрофоны. Валентин Юдашкин остался верен своей профессии: получили дети Пугачевой и Галкина последние трендовые вещи осеннего сезона (естественно, из личной коллекции кутюрье). Дорогие подарки для юных Гарри и Лизы не в новинку»* [6].

2 случай. «Дочь поп-идола Валерия Леонтьева».

Данный случай, обнаруженный в электронных СМИ, дает иную «картину» стратегии преодоления возраста представителем шоубизнеса. Контент СМИ отражает немногочисленные факты, из них только один обладает высокой степенью достоверности: в ноябре 2010 г. у 60-летнего певца родилась дочь. Возрастной родитель, никогда не выставляющий свою личную жизнь напоказ, не заостряет внимания на обстоятельствах рождения ребенка, но факт его рождения публично подтвердил: *«Про ребенка имеет право рассказывать только мать, а я лучше промолчу. Не хочу нервировать ни бедняжек папарацци, ни своих фанатично настроенных поклонниц»* [7].

Ребенок рожден суррогатной матерью, подробности рождения не освещаются в СМИ. Мотивы рождения дочери «просвечиваются» в одном из интервью, в котором певец признался, что порой чувствует себя очень одиноким [8] и хочет, чтобы рядом был родной маленький человек: *«А если говорить серьезно, то сейчас я уже начинаю жалеть, что у меня до сих пор нет детей. Ловлю себя на мысли, что мне этого не хватает, и все чаще думаю о том, как исправить ситуацию и не поздно ли это делать»* [9].

Скажем кратко о «семейно-брачном бэкграунде». Певец состоит в официальном браке, который по существу является фиктивным (супруга, артистка Людмила Исакевич проживает много лет в Америке, видится с мужем два раза в год). Супруга постоянно заявляла о нежелании иметь детей. Так же, как и в предыдущем случае, певец демонстрирует активную стратегию преодоления возраста – через сохранение профессиональной активности, отличной физической формы и внешнего вида, достигаемых путем пластических операций. Из-за отсутствия полной и достоверной информации можно пока говорить о сложном переплетении мотивов рождения дочери в «серебряном» возрасте – желании иметь опору и близкого человека в пожилом возрасте и стремлении фертильностью доказать свою претензию на статус более молодого человека.

3 случай. «Москвичка должна прожить еще долгое время за сына, которого потеряла».

60-летняя москвичка Галина Шубенина в январе 2015 г. родила дочку, побив официальный российский рекорд 1996 г., когда женщина родила в 57 лет. Муж Галины – также возрастной отец, хотя немного моложе жены (52 года). Состоят в официальном браке. В «семейно-брачном бэкграунде» супругов – браки и рождение одного ребенка у каждого.

Оба родителя – преподаватели вуза, представители научно-педагогического сообщества в нескольких поколениях. По поводу будущей профессии дочери Г.Ш. высказывается в интервью: *«Может, как папа, наукой будет заниматься – он у нас физик. Лешина мама тоже*

физику в МГУ преподавала. Дедушка мужа с Сахаровым работал, участвовал в разработке ядерной бомбы» [10].

Рождение ребенка было не случайным, спланированным, с использованием технологии ЭКО. Согласно материалам интервью, *«муж всячески поддерживал Галину в ее стремлении к рождению совместного ребенка, даже несмотря на преклонный возраст. Они вместе серьезно готовились к этому событию. Галина, еще не будучи беременной, прошла полное медицинское обследование. Ведь ее главная цель – не только родить ребенка, но и вырастить, дать ему достойное воспитание и образование»* [11]. Более того, по заявлению Галины, она не собирается останавливаться и планирует родить второго ребенка.

Известны мотивы рождения ребенка матери: 10 лет назад она потеряла единственного сына, которому на момент рождения дочери было бы 39 лет. Галина позитивно настроена на будущее, планирует растить ребенка до *«нужного времени» (в крайнем случае она рассчитывает на своих племянников, у которых есть маленькие дети)*. По словам женщины, она *«должна прожить еще долгое время за сына, которого потеряла»* [11]. По отрывкам из интервью с мужем Галины можно установить его собственные мотивы позднего отцовства: *«У меня есть старшая дочь, но мы из-за тещи развелись с женой, когда дочке было несколько месяцев, и я не видел, как она росла»* [10]. Таким образом, решение о рождении совместного ребенка, по-видимому, продиктовано неудовлетворенностью «родительского инстинкта», т.е. нереализованностью в полной мере роли матери и отца, а также отчетливо прослеживающейся стратегией преодоления возраста. Галина и ее муж Алексей до сих пор работают преподавателями московских вузов, ведут активный образ жизни (ходят на танцы), отличаются позитивным мироощущением: *«Мы с Галей познакомились в школе танцев в 2008 году. Я сразу ее приметил. Когда зазвучала песня «Эти глаза напротив», пригласил на вальс. Но она фыркнула и долгое время танцевала с другим партнером. А раз я пожаловал на танцы в костюме, при галстуке – тут и завоевал ее внимание»* [10].

Факт беременности тщательно скрывался обоими супругами от окружения – родных, друзей и коллег. Супруги чутко реагировали и продолжают реагировать на реакцию социального окружения. Алексей, муж Галины, отмечает в своем интервью: *«Когда появилась Клеопатра, на работе все онемели. Кто-то осуждает, кто-то поддерживает»*. Отрывок из интервью с Галиной: *«Целый месяц мы жили спокойно, пока не начали оформлять документы. Вот тут и начались звонки, вопросы. А я не Алла Пугачева и не хотела, чтобы об этом знали. Мы даже родственникам не сообщали до самих родов»* [10].

После рождения ребенка родители, несмотря на то, что сами не инициируют презентацию своей семейной ситуации в публичном пространстве, охотно идут на контакт с журналистами, дают интервью, материалы которых свидетельствуют о том, что они испытывают чувство гордости, ощущают себя молодыми, активными, испытывающими все ощущения молодого возраста. Вот отрывок из интервью с Галиной: *«У меня после поздних родов открылось второе дыхание (смеется). Рисую, занимаюсь резьбой по дереву. С мужем решили английский выучить. Словно вторая молодость пришла. Ничего не делаю с лицом, а морщинок меньше стало. Даже седины, кажется, меньше становится. И нагрузку себе физическую даю. Мы уже с мужем Клеопатру на танцы брали. Мы танцевали, она наблюдала за нами. Да что там танцы – у папы именно сейчас карьера на взлет пошла. Готовится защищать диссертацию. 52 года – это же самый расцвет!»* [10]. Более того, Галина ощущает себя конкурентоспособной по сравнению с молодыми мамами: *«Была в поликлинике. Смотрю, грудничок заплакал, молодая мама развела смесь. Я говорю: «Почему грудь не даете?» – «Не берет». А у нас с Клеопатрой полное понимание»* [10].

4 случай. «Сын и наследник» счастливых индийцев.

Индианке Омкари Панвар на момент рождения детей-близнецов в 2008 г. исполнилось 70 лет, ее мужу Чаран Сингху – 77 лет. Рождение детей (изначально ожидали одного ребенка мужского пола) планировалось в связи с отсутствием мальчиков в семье. В Индии иметь сыновей престижно и необходимо (например, обряд похорон должен совершать именно сын усопших, сын приносит в семью приданое своей жены, он имеет право работать на родовой земле).

Беременность Омкари не была случайной, супруги планировали ее, годами откладывая деньги на процедуру искусственного оплодотворения (использовались донорская яйцеклетка и биологический материал мужа). Муж к тому же заложил участок земли, продал буйволов, взял ссуду в банке. Представим «семейно-брачный бэкграунд». Омкари и Чаран Сингх Панвар состоят в браке, у них уже есть две взрослых дочери и пять внуков. Основной вид деятельности – фермерское хозяйство. В силу особенностей образа жизни в сельской местности от своего социального окружения супруги

не могли скрыть и не скрывали своих намерений, хотя они вызывали неодобрение со стороны соседей и собственных дочерей. Свои намерения они осуществляли, преодолевая давление общественного мнения и отношения родных.

В своем интервью отец новорожденных признается, что *«теперь он чувствует себя счастливым – его молитвы были услышаны, и у него появился сын. Теперь он может умереть спокойно, счастливым человеком и гордым отцом»* [12]. По словам врача, принимавшегося роды, Омкари выглядела на момент рождения детей не старше 65 лет, а сама мать заявила: *«Даже если это правда, и я действительно самая старая мать в мире, – это ничего для меня не значит. Все, чего я хочу, – это увидеть своих детей и заботиться о них, пока на это есть силы»* [12].

5 случай. «Быть успешной, написать 25 книг и… родить дочь».

В январе 2005 г. румынская пенсионерка Адриана Илиеску в возрасте 66 лет родила дочь. Беременность наступила вследствие искусственного оплодотворения (использовался донорский биологический материал).

Опишем «семейный бэкграунд». Илиеску родилась в богатой, образованной семье. Замуж вышла в 20 лет. После аборта по медицинским показаниям детей не имела. В 24 г. развелась с мужем и никогда больше не выходила замуж, посвятив всю свою жизнь академической карьере. По профессии она писательница (написала 25 книг) и по совместительству – преподаватель румынской литературы в университете. В 37 лет Адриана защитила докторскую диссертацию и была готова завести ребенка, но у нее не было партнера, а в Румынии в то время не было специалистов по ЭКО. Технология появилась в стране, когда Илиеску было уже 57 лет, и после нескольких неудачных попыток в 66 лет она родила дочь Элизу.

Материально Илиеску обеспечена. У нее есть двухкомнатная квартира в Бухаресте, земля, зарплата и сбережения, которые позволяют ей покупать дочери все, что она захочет, и обеспечить ей дальнейшее безбедное существование.

В своем интервью пожилая мать сообщает, что *«она осознает, что выглядит точно на свой возраст – у нее многочисленные морщины и старая кожа, поэтому она не любит смотреться в зеркало (это единственное, что напоминает ей о возрасте), но она обожает свою позднюю дочь»* [13]. При этом она уверяет, что *«чувствует себя очень молодой, лет на 27, максимум на 37, когда очень сильно устает, и полной энергии, при этом она здоровее, чем большинство женщин вдвое ее моложе»* [13]. Румынка надеется, что проживет хотя бы до 20-летия дочери. В своем возрасте она видит определенные преимущества перед молодыми мамами: *«Молодым мамам труднее найти работу, к тому же они мало видят своего ребенка»* [14].

Социальное окружение осуждает Адриану, утверждая что *«она идет против законов природы»,* что *«она эгоистка, так как не думает о том, что дочь ее рано ее потеряет»* [14]. Порой она сталкивается с оскорблениями на улице, они звучат за ее спиной. Представители православной церкви осудили ее поступок: при крещении дочери монахини назвали ее «ребенком от дьявола», митрополит Адриан подчеркнул, что желание женщины иметь детей в таком возрасте показывает ее эгоизм: *«Этот случай поверг всех нас в шок. Это акт эгоизма»* [15]. Адриана стойко держится и уверена в правильности выбранной стратегии: *«Всегда найдутся люди, жаждущие осудить. Они невежды, они просто ничего не понимают. Им просто нравятся сплетни и скандалы. Они видят, что я многого добилась. А сейчас я еще и мать. И при этом мать счастливая. Это настоящее торжество для женщин, которые не смогли забеременеть во время их плодородных лет»* [14].

Анализ представленных ситуаций пожилого родительства, переведенных в матрицу социальных характеристик, позволяет сделать следующие выводы.

1. Пожилое родительство отнюдь не является для современного общества сенсацией. Наше исследование показывает, что сохранение фертильности мужчин и женщин в пожилом возрасте не является привилегией уникальных в биологическом плане личностей и уделом только известных людей. Медицинская статистика Германии и Японии (стран с различными культурными и социальными нормативными системами!) показывает, что возраст отцов новорожденных детей в этих странах достаточно часто превышает 50 лет [16]. Отмечается также популяризация намерения возрастных женщин иметь детей, хотя бы с использованием гормональной терапии и искусственного оплодотворения. Такая ситуация не обходит стороной и Россию. По мнению главного московского акушера-гинеколога Марка Курцера, в клиниках столицы в 2015 г. наблюдалось около 15–20 женщин преклонного возраста, ожидающих рождения ребенка. Благодаря процедуре ЭКО они совершают зачатие, благополучно вынашивают и рожают ребенка [17].

2. Как правило, пожилое родительство характерно для семейных пар, а не для одиноких людей. Рассмотренные выше случаи 2 и 5 показывают, что социальное окружение более благосклонно к такому семейному типу роди-

тельства, поскольку одна из его задач – обеспечить социальную защиту позднему ребенку, который объективно останется без родительского попечения раньше, чем дети, родившиеся у более молодых родителей.

При этом мы видим, что решение о рождении позднего ребенка зачастую возникает в асимметричном по возрасту браке. Во-первых, вынашивание и рождение ребенка в таком браке легче осуществить по биологическим и финансовым причинам (особенно если мама моложе своего супруга). Во-вторых, социальное окружение более толерантно относится к такой семье, так как она обеспечивает, с точки зрения общественного мнения, минимальные гарантии материальной и социальной защиты ребенка.

3. Пожилое родительство вызывает неоднозначные оценки в отдельных социальных группах и слоях. Отрицательно воспринимают пожилое родительство (особенно если оно наступило с помощью специальных медицинских технологий) представители церкви, сторонники традиционной общественной морали, бросающие упреки пожилым родителям в аморальности и безответственности их поведения и по отношению к ребенку, и по отношению к обществу. Вследствие этого в Румынии появился закон о запрете применять технологию ЭКО по отношению к женщинам старше 50 лет, а в Великобритании вопрос о возрастных ограничениях ЭКО активно обсуждается.

Профессиональной группой, достаточно спокойно (нельзя сказать, что абсолютно одобрительно) относящейся к пожилому родительству, являются медики. С одной стороны, для них пожилые родители – благодатный материал для экспериментов над природой человека (при том, что пациенты испытывают жгучее желание быть «подопытными объектами», лишь бы эта ситуация дала искомый эффект). С другой стороны, некоторые врачи сомневаются в успешности пожилого родительства с точки зрения сохранения здоровья и жизни этих людей и их детей.

4. Стратегия позднего деторождения, как показывают все без исключения случаи, – удовольствие весьма дорогое. Без серьезной финансовой базы успешно может реализоваться лишь небольшое количество поздних рождений. Следовательно, от отношения государства к феномену пожилого родительства зависит уровень финансовой, административной и нормативно-правовой поддержки пожилых родителей и их детей. На сегодняшний день обеспечение социальной и материальной защиты поздних детей – инициатива исключительно их родителей. И не без основания: выбор права на индивидуальную жизненную стратегию всегда должен быть сопряжен с социальной, материальной и моральной ответственностью и обязанностями.

5. Все проанализированные нами случаи пожилого родительства свидетельствуют о темпоральном характере анализируемой стратегии. Это определяется категориями возраста и возрастной общности, временны́м содержанием данной стратегии и временны́ми условиями ее реализации. Очевидно, что глубинной потребностью родителей «серебрянного возраста» является необходимость увеличения жизненного времени и синхронизации всех видов темпоральности – биологической, психологической и социальной. Всем родителям по тем или иным причинам не хватило биологического и социального времени для решения жизненно важной задачи, на которую природа и общество отпускают только определенный срок, – рождения и воспитания детей. При этом мотивацию выбора пожилого родительства можно в одних случаях трактовать как эгоистическую («я хочу хотя бы сейчас сделать для себя то, на что не хватило времени и ума в молодости»), в других случаях как ориентированную на общечеловеческие ценности («подарить еще одну жизнь умному, красивому человеку, сделать счастливым мужа/жену»).

Дети самим фактом своего рождения доказывают фертильность (пусть даже искусственную) и молодость родителей, их способность выполнять социальные роли, предписанные более молодым возрастным общностям. Биологическое время и психологическое время (отраженное в ощущениях молодости, силы, конкурентоспособности, ожидании долголетия) как бы растягиваются и приходят в соответствие с социальным временем человека. Качество последнего определяется особым характером социальных интеракций (с супругом, коллегами, поклонниками), позволяющих внешне и внутренне растягивать период молодости и зрелости.

В рамках данной статьи мы ограничились представлением результатов реализации одной из разработанных нами методических стратегий исследования «преодоления возраста». Эта методика доказала свою продуктивность в ситуации исследования случаев, недоступных для изучения в непосредственном контакте с исследуемыми родителями, и может быть использована в дальнейшем для частичной формализации результатов нарративного интервью с представителями «серебрянного возраста».

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00014 «Время социальной общности: методология и методы исследования стратегий разрешения темпоральных противоречий».

Список литературы

1. Печерская Н.В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 323–343.

2. Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб.: СПбГУ, 2001. 196 с.

3. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи как возрастной общности // Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 72–80.

4. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Теоретические основания концепции единства и противоречивости времени социальной общности // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 2. С. 164–171.

5. Светлов Я. Первые фото подросших детей Пугачевой и Галкина [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ural.kp.ru/daily/26401.3/3276534/ (дата обращения: 29.04.2016).

6. Чумаченко Г. Дети Галкина и Пугачевой [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fb.ru/article/178967/deti-galkina-i-pugachevoy-foto (дата обращения: 04.05.2016).

7. Федотова Т. У Валерия Леонтьева – дочь! [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mk.ru/social/highlife/article/2009/11/16/386237-u-valeriya-leonteva-doch.html (дата обращения: 09.05.2016).

8. Валерий Леонтьев: дочь Екатерина [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://letidor.ru/article/10-zvezd_-kotorye-vospolzovali_185433/page4/ (дата обращения: 09.05.2016).

9. Валерий Леонтьев. Измотанный и одинокий // Аргументы и Факты. № 51. 17 декабря 2003 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.aif.ru/archive/1630795 (дата обращения: 09.05.2016).

10. Велигжанина А. Галина Шубенина, родившая дочку в 60 лет: Теперь мы хотим сына! [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ural.kp.ru/daily/26387.3/3263760/ (дата обращения: 10.05.2016).

11. Воробьева Е. Женщина родила в 60 лет здорового ребенка. Москвичка родила в 60 лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fb.ru/article/178548/jenschina-rodila-v-let-zdorovogo-rebenka-moskvichka-rodila-v-let-foto (дата обращения: 11.05.2016).

12. Близнецы у 70-летней роженицы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.peoples.ru/champions/omkari_panwar/ (дата обращения: 10.03.2016).

13. Согомонова В. Самая пожилая мать в мире 72-летняя Адриана Илиеску планирует завести второго ребенка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://skuky.net/39445 (дата обращения: 15.04.2016).

14. Адриана Илиеску родила в 66 лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yandex.ru/video/search?text=%D0%90%D0%B4%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D0%B0+%D0%98%D0%BB%D0%B8%D0%B5%D1%81%D0%BA%D1%83&redircnt=1463129971.1 (дата обращения: 19.04.2016).

15. Румынский Патриархат осудил искусственное оплодотворение, в результате которого 66-летняя женщина смогла родить [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sedmitza.ru/text/319793.html (дата обращени: 20.04.2016).

16. Мужская фертильность в пожилом возрасте [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://medkarta.com/?cat=article&id=27351 (дата обращения: 03.05.2016).

17. Марк Курцер: «Беременным в возрасте 47–48 лет не удивляемся, их много» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.woman.ru/health/Pregnancy/article/96333/ (дата обращени 03.05.2016).

CHILDREN WILL BE BORN, AND LIFE WILL HAPPEN AGAIN ... MATURE PARENTHOOD AS A STRATEGY OF «OVERCOMING AGE»

P.A. Ambarova

Ural Federal University, Yekaterinburg

The purpose of the article is to reveal the social characteristics of parents in their «silver age» and to find a justification for their choice of late childbirth as a way to «overcome the age». Late childbearing and elderly parenthood are presented as one of the strategies to overcome the temporal contradictions of the age community – between biological, psychological and social time. We reveal the social background for the emergence and proliferation of this behavioral strategy among «silver age» people in modern society. We also identify the motives for the choice of elderly parenthood and such social characteristics of elderly parents as their family and marital status, occupation, level of activity in the public space, taking into account the social environment's opinion. The author's technique of sociological study of the phenomenon based on the case study strategy is presented.

Keywords: delayed childbearing, late childbearing, elderly parenting, strategies to overcome age, «social clock», temporal contradictions.

УДК 316

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН МАЛОГО ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2016 г. ***Н.Б. Гафизова, Е.В. Панкратова, И.Н. Смирнова***

Ивановский государственный университет

gafizovanb@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.05.2016
Статья принята к публикации 08.11.2016

Предлагается методика изучения социального самочувствия мужчин и женщин в малом городе. Приводятся данные социологического исследования, рассчитываются частные и сводный индексы социального самочувствия мужчин и женщин. Описываются долгосрочные тенденции социального самочувствия. Делается вывод о гендерных различиях в аффективном и поведенческом компонентах социального самочувствия.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальное настроение, малый город, женщины, мужчины, индексы социального самочувствия.

Гендерные аспекты социального самочувствия: специфика исследований в малом городе

В последнее десятилетие в социологической науке сложилась достаточно авторитетная научная традиция изучения и диагностики социального самочувствия различных групп населения [1–6]. Исследуются самые разнообразные социальные общности и группы – возрастные и территориальные группы, переселенцы, семьи и т.д. В качестве объекта также выступают и гендерные общности. В контексте данного исследования особое значение приобретают работы О.А. Хасбулатовой и Л.С. Егоровой [7]. С одной стороны, авторы на протяжении 1991–2000 гг. осуществляли мониторинг социального самочувствия женщин и мужчин в средних городах России и внесли весомый вклад в разработку инструментария социологического изучения процессов социально-экономической адаптации и измерения социального самочувствия. С другой стороны, собранный ими эмпирический материал, в том числе, включает данные по Ивановской области, что позволяет проследить динамику социального самочувствия на протяжении более чем двадцати лет современной истории.

Исследование социального самочувствия женщин и мужчин в малых городах Ивановской области является составной частью научного проекта по изучению малых городов региона, динамики социального самочувствия, образа и качества жизни их жителей [8], осуществляемого сотрудниками кафедры социологии и управления персоналом Ивановского госуниверситета в период с 2008 по 2016 г.

Под социальным самочувствием понимается целостное эмоционально-когнитивное отношение к жизни, объективирующееся в виде оценок обстоятельств своей жизни, процессов, протекающих в близком социальном окружении, городе, регионе, стране. Показателями социального самочувствия являются субъективные самооценки приватных сфер жизни (семейно-брачные, родственные, дружеские отношения), а также экономических, политических, культурных и социальных аспектов жизнедеятельности людей [9, с. 72–73].

Социологический анализ малых городов и социального самочувствия их населения позволяет выделить следующие характеристики: активная миграция трудоспособного населения в крупные промышленные центры, численное преобладание жителей предпенсионного и пенсионного возрастов, невысокий уровень доходов, наличие у многих семей личного подсобного хозяйства, высокая степень распространенности среди населения социальных болезней и др. [10]. Эти и другие тенденции особенно ярко выражены в малых городах депрессивного и дотационного типа, в которых социальное самочувствие жителей становится ключевым вопросом региональной политики. Измерение социального самочувствия позволяет понять последствия «социальной политики государства в том виде, как они воспринимаются «конечным» объектом социальной политики – населением» [11, с. 7].

Важным фактором социального самочувствия выступают гендерные различия. Практика свидетельствует о существовании гендерной асимметрии во многих сферах жизни, в частности в семейно-бытовой сфере, где могут не сов-

падать общесоциальные и семейные роли, где неоднородны и противоречивы гендерные нормы, стереотипы и правила поведения. Следовательно, исследование гендерных особенностей социального самочувствия населения позволит более глубоко изучить его основания, расширить научные знания о населении малых городов в целом.

Методика изучения социального самочувствия

Исследование социального самочувствия предполагает изучение эмоциональных, поведенческих и когнитивных компонентов с помощью субъективных оценок населением ряда сфер – городской среды, экономической, политической, социальной, семейно-брачной сфер, жизненных стратегий и общей оценки социального настроения.

Методика реализовывалась в несколько этапов.

Первый этап – проведение анкетирования среди жителей. Опрос проводился в пяти малых городах Ивановской области – г. Плес, г. Юрьевец, г. Кохма, г. Фурманов и пгт. Савино. В основу выборки легли следующие показатели: тип города, размер города, а также особенности его экономического развития. В опросе приняли участие 500 жителей, из них равное количество мужчин и женщин в возрасте от 18 лет. Тип выборки – стратифицированная непропорциональная. На основе полученных эмпирических данных выявлялись основные характеристики социального самочувствия мужчин и женщин.

Второй этап – расчет индексов социального самочувствия (*ИСС*), позволяющих охарактеризовать социальное самочувствие мужчин и женщин малого города как социальной общности; расчет сводного (интегрального) индекса по объекту исследования.

Расчет частных и интегрального индексов социального самочувствия мужчин и женщин в регионе проводился на основе адаптированной методики М. Красильниковой [12]. Методология построения индексов исходит из предпосылки, что частные мнения людей о различных сторонах собственной жизни, отношение к экономическим и социальным событиям формируют обобщенную оценку восприятия социально-экономической и политической действительности. Общий характер этих оценок и, что наиболее важно, тенденции их изменения определяют, насколько благоприятна текущая общественная ситуация для дальнейшего социально-экономического и политического развития страны.

При построении адаптированного к малым городам индекса социального самочувствия уделялось внимание следующим индикаторам:

1) оценке текущего положения своей семьи (оценка материальных возможностей, уровень материального удовлетворения и общее социальное настроение);

2) оценке текущего положения страны в целом, региона и конкретного города (в том числе и оценка положения дел в экономике, политике и культуре);

3) ожиданиям мужчин и женщин (ожидания личных изменений, а также ожидания изменений в стране, регионе и городе);

4) оценке власти (федеральной, региональной и муниципальной).

Частные индексы (индекс положения семьи, индекс положения страны, региона и города, индекс ожиданий и индекс оценки власти) строятся по данным ответов на определенные вопросы следующим образом: из числа (процента) позитивных ответов вычитается число негативных ответов, к полученному результату для удобства расчетов добавляется 100. Обобщенные индексы (например, оценок положения в стране, собственного положения респондента, ожиданий на будущее) вычисляются аналогичным образом по средним значениям ряда выделенных показателей.

Сводный индекс социального самочувствия мужчин и женщин малых городов Ивановской области был получен в результате суммирования показателей обобщенных индексов. Таким образом, индивидуальные индексы и сводный ИСС изменяются в интервале значений от 0 до 200, причем показатели менее 100 означают преобладание отрицательных оценок в обществе. Обратимся к анализу полученных данных.

Отношение к городской среде оценивалось через три компонента: эмоциональный компонент (испытываемые чувства по отношению к городу, желание в нем жить и растить детей, удовлетворенность различными параметрами социальной сферы города); поведенческий компонент (миграционные настроения и установки); когнитивный компонент (оценка благоустройства города, проблемы городской среды).

Взаимодействие жителей с социальной средой малого города представляет собой адаптационный процесс к изменяющимся условиям жизнедеятельности, а их социальное самочувствие – индикатор реакции на социальные преобразования. Исследование показало доминирование эмоциональных оценок городской среды у женщин и когнитивных оценок – у мужчин. Так, более 50% женщин отметили чувство привязанности к месту проживания, каждая пятая

Рис. 1. Желание мужчин и женщин остаться в малом городе, % (*n*=500)

жительница демонстрирует радость и удовлетворенность от проживания в малом городе. Мужчины при анализе своего отношения чаще отмечали, что не испытывают особых чувств к месту проживания (36%).

Среди основных проблем малых городов жители отмечают необходимость создания новых рабочих мест (68%), жилищно-коммунальные проблемы (51%), проблемы медицинского обслуживания (35%), качественного образования (17%) и организации отдыха в городе (16%). Женщины эмоциональнее оценивают проблемное поле малого города: трудности в сфере образования, здравоохранения, ЖКХ традиционно вызывают у них больший отклик, чем у мужчин.

Влияние объективных проблем малого города как среды жизнедеятельности на социальное самочувствие населения проявляется также в миграционных настроениях жителей (рис. 1). Так, треть опрошенных демонстрирует устойчивое желание покинуть город. Среди таковых прежде всего мужчины, которые испытывают проблемы с трудоустройством, связанные либо с отсутствием вакансии, либо с неудовлетворительной оплатой труда. Остаться в малом городе готовы 60% женщин. Среди обстоятельств, которые способствуют этому, — наличие достойной оплачиваемой работы (57%), проживание в данном малом городе семьи (20%), наличие жилья (18%), возможность получения образования не только для самих себя, но и для своих детей (11%).

Оценивая непосредственно среду своего проживания, мужчины малых городов критическим называют качество дорог (52%), а женщины – недостаточное количество детских садов и площадок (44%), освещение улиц (37%) и загрязнение города бытовыми отходами (36%). Положительные оценки обеих гендерных групп получили такие аспекты благоустройства, как наличие зеленых насаждений (33%) и естественных зон отдыха (парков и скверов – 34%). Однако эти положительные моменты не перекрывают общей неудовлетворенности населения всем городским благоустройством в целом. Похожую ситуацию мы наблюдаем и при анализе удовлетворенности мужчин и женщин различными аспектами социальной сферы жизни малого города.

Оценка социальной сферы малого города. Социальная сфера оценивалась также через эмоциональный компонент (удовлетворенность различными параметрами функционирования социальной сферы города); поведенческий компонент (характер культурно-досуговой активности, уровень патернализма); когнитивный компонент (оценка положения и перспектив развития культурной сферы города, области, страны; оценка жилищных условий и образовательных характеристик).

Оценивая социальную сферу малого города, и мужчины, и женщины демонстрируют преобладание негативных оценок. Среди наиболее проблемных – ЖКХ, культурно-досуговые учреждения, спортивные организации, здравоохранение. При оценках таких аспектов, как транспорт и связь, образовательные и торговые учреждения, респонденты демонстрируют удовлетворенность. Особенно высоки эти оценки в городе-спутнике Кохма, что позволяет сделать вывод о том, что городская среда малого города не является единственной средой жизнедеятельности для населения. Многие жители (чаще всего женщины) связывают удовлетворение своих потребностей с областным центром, высоко оценивая его транспортную доступность, наличие статуса образовательного и торгового центра.

Гендерные различия прослеживаются в ответах на вопросы о жизненных планах и при оценке своих сил в различных сферах. Так, малый город для его жителей – это место, где можно создать хорошую и крепкую семью и жить гармонично. В планах горожан не значится ни организация собственного дела, ни карьера, ни богатство, ни реализация творческого потенциала, ни общественное признание, ни служба на благо Родины (табл. 1).

Мужчины чаще, чем женщины, выражают уверенность в своих силах. Треть из них считает, что им по силам получить престижную работу, организовать собственное дело, стать богатыми. Для женщин малый город – место для гармоничной жизни и реализации творческого

Таблица 1

Сферы достижения собственного успеха: жизненные планы и оценка своих сил мужчинами и женщинами малых городов, % (*n*=500)

Сферы	Уже добились		«Мне это по силам»		Вряд ли получится		В планах не было	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Получить хорошее образование	48	49	20	18	15	19	17	14
Получить престижную работу	**38**	28	**33**	29	15	**31**	14	13
Создать крепкую семью	**70**	64	24	27	4	7	3	2
Организовать собственное дело	**13**	5	**26**	19	19	23	41	**53**
Стать богатым	5	1	**30**	21	34	**41**	31	**37**
Выразить себя через увлечение	14	**28**	20	16	17	16	**50**	39
Получать удовольствие от развлечений	**39**	31	15	14	8	13	38	42
Добиться признания и успеха	**37**	28	20	23	10	12	34	32
Жить гармонично	48	**50**	26	26	14	16	12	8
Служить на благо Родины	**36**	28	16	16	16	10	33	**45**

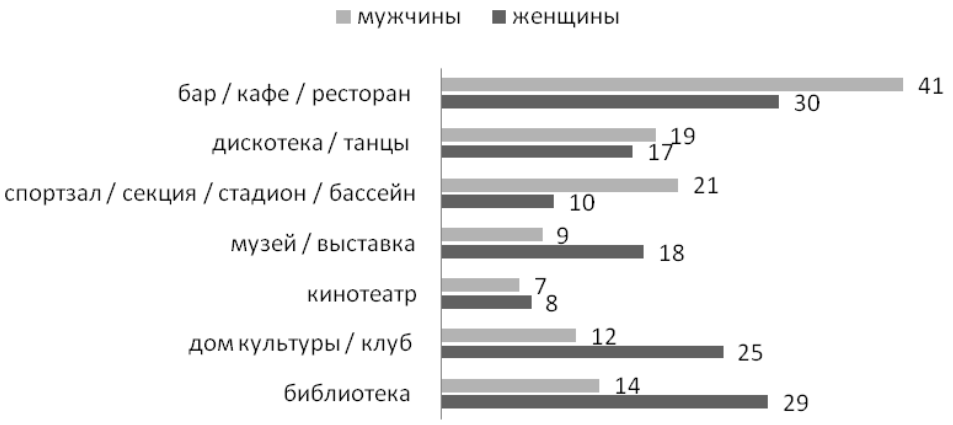


Рис. 2. Посещение культурно-досуговых учреждений в малом городе в зависимости от пола, % (*n*=500)

потенциала. В остальных сферах женщины чувствуют неуверенность. Опрос показал, что если мужчины не считают малый город ограничителем своих возможностей (на это указывает низкий процент тех, кто отмечает, что «добиться успеха хотелось бы, но вряд ли получится»), то для женщин это место проживания не способствует реализации их потенциала в полной мере.

Особенности культурно-досуговой активности обусловливаются спецификой конкретного малого города. Зачастую малый город не обеспечивает население необходимыми культурными учреждениями. В этом случае население потребляет эти услуги или в областном центре, или в более крупном городе. Гендерные особенности проведения досуга в малом городе прослеживаются очень явно. Такие учреждения культуры, как библиотека, дом культуры, музеи и выставки, пользуются большей популярностью среди женщин; такие досуговые учреждения, как спортивный зал (стадион, бассейн), бар (кафе, ресторан), – среди мужчин (рис. 2).

В областном центре жители малых городов посещают в первую очередь торгово-развлека-

Рис. 3. Оценка материального благосостояния мужчин и женщин в малом городе, % (*n*=500)

тельные центры (60%), кинотеатры (39%), цирк (32%), театры (21%), ночные клубы (17%). Женщины также активнее выбирают культурные заведения в отличие от мужчин, предпочитающих или спортивные, или развлекательные учреждения.

Уровень патерналистских настроений в малых городах Ивановского региона достаточно высок. Чем проблемнее социально-экономическое развитие территории, тем чаще встречается желание населения переложить ответственность за собственное благополучие на государство. Так, 14% жителей считают, что именно государство должно быть ответственным за благополучие человека. Вариант «прежде всего государство, потом сам человек» указали 39%. Личную ответственность за собственное благополучие взяли 41%. Пол не оказал значительного влияния на наличие патерналистских ориентаций, в отличие от возраста. Мы выявили наиболее высокий уровень патернализма в самой старшей возрастной группе, что не удивительно для людей, социализировавшихся в советский период истории (24% выбрали вариант «государство», 47% – «прежде всего государство, потом сам человек»). Личную ответственность за свою судьбу сильнее всего чувствуют молодые горожане до 30 лет (53% – «сам человек»).

Исследование когнитивного компонента социальной сферы предполагало анализ перспектив развития сферы культуры в городе проживания, области и стране в целом. Большинство горожан говорят о том, что ситуация в данной сфере в ближайшие годы останется неизменной. Более позитивный прогноз дают женщины. Например, о том, что состояние сферы культуры в стране улучшится, заявили 11% мужчин и 17% женщин; о том, что состояние в сфере культуры в городе ухудшится, – 12% женщин и 15% мужчин.

В целом, существенных гендерных различий при оценке когнитивного компонента социальной сферы выявлено не было. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что на уровне рациональных суждений, рефлексии переживаемых трудностей и проблем женщины и мужчины демонстрируют достаточно взвешенное и адекватное отношение.

Оценка экономической сферы малого города предполагала описание эмоционального компонента (удовлетворенность экономической ситуацией в городе, области, стране; удовлетворенность материальным благополучием); поведенческого компонента (источники формирования семейного бюджета, тип и отрасль занятости); когнитивного компонента (оценка экономической ситуации в городе, области, стране, оценка перспектив развития города, области, страны, оценка индивидуального материального благосостояния и материальных возможностей).

В результате исследования была обнаружена низкая степень удовлетворенности материальным положением, что связано с низкими доходами населения малого города. Половина женщин серьезно ограничивает себя в покупках. Так, у 6% респонденток «денег часто не хватает на продукты питания» (рис. 3). Копят на дорогостоящие покупки (предметы длительного пользования) более половины опрошенных (57%).

У каждого пятого жителя малых городов региона размер ежемесячного дохода на каждого члена семьи меньше суммы прожиточного минимума (9041 руб.). Почти половина населения имеет доход, варьирующийся в размере от одного до полутора прожиточных минимумов

Таблица 2

Сферы и места занятости мужчин и женщин, % (*n*=500)

Сферы занятости	Женщины	Мужчины
Строительство	4	**14**
Транспорт и связь	-	**10**
Сельское хозяйство	3	5
Органы управления	8	7
Образование и наука	7	1
Культура	11	4
Здравоохранение	**10**	2
Армия, полиция	-	6
Торговля, бытовое обслуживание	**39**	**11**
Финансы	1	6
Легкая промышленность	7	6
Другое	10	28
Место занятости		
Малый город (место проживания)	**78**	50
Областной центр	11	**25**
Столица	5	**11**
Соседние области	5	5
Другое	1	9

Таблица 3

Оценка экономических перспектив страны, региона и малого города мужчинами и женщинами, % (*n*=500)

Через 10 лет ситуация …	Ухудшится		Не изменится		Улучшится	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
в стране	22	25	65	58	14	17
в регионе	34	32	55	53	11	15
в вашем городе	39	35	52	56	10	9

(9041–13561.5 руб.). Четверть респондентов указали доход, достигающий двух прожиточных минимумов (13561.5–18082 руб.). Более высокие доходы у 5% опрошенных.

Сферы, в которых осуществляют трудовую деятельность мужчины и женщины, отличаются большим разнообразием. Доминирующей отраслью труда для женщин в малом городе выступает торговля и бытовое обслуживание (39%). Мужчины чаще работают в сфере строительства (14%), транспорта (10%), полиции (6%). Место работы жительниц малых городов в абсолютном большинстве случаев находится в городе проживания (78%). Каждый четвертый опрошенный мужчина на работу ездит в областной центр. Работающих в столице и в соседних областях – 16%. Таким образом, можно говорить о внутриобластном характере трудовой миграции мужчин малых городов (табл. 2).

Источники доходов, из которых формируется бюджет семей населения малых городов, характеризуются наличием нескольких доминант – заработной платы по основному месту работы (59%); пенсии (35%); работы по совместительству (16%); материальной помощи родственников (11%). Отметим также, что дополнительные источники доходов, как и обращение к материальной помощи родственников, чаще отмечают женщины, что объясняется необходимостью содержать и себя, и своих детей.

Мы попросили жителей малых городов оценить перспективы экономического развития в городе проживания, в регионе и стране в целом (табл. 3). Оценка места своего проживания всегда является более негативной по сравнению с более крупными в географическом плане объектами, такими как область или страна. По мнению трети мужчин, экономическая ситуация в малых городах является неудовлетворительной. Можно говорить о сопоставимости и небольшой разнице (в пределах 5%) оценок, выставленных области и стране, и большом разрыве (в несколько раз) оценок, данных городу проживания. Такая же картина наблюдается и с оценкой экономического развития.

В оценках экономической сферы малого города наблюдается противоречие: негативные оценки материального положения во многом определяют поведенческий компонент социального самочувствия. У мужчин он выражен более явно: попытка найти работу в другом городе / регионе, занятость в разнообразных отраслях, формирование бюджета преимущественно из собственной заработной платы – все это указывает на доминирование ориентации у мужчин на себя и собственные силы. Женщины демонстрируют более патерналистские настроения:

Таблица 4

Формы участия мужчин и женщин в политической жизни, % (*n*=500), вопрос допускал несколько вариантов ответа

Формы участия	Женщины	Мужчины	В целом по выборке
Обсуждаю политические проблемы с друзьями, родственниками, знакомыми	35	38	28
Состою в партии	2	4	2
Участвую в выборах	64	59	48
Участвую в политических митингах и собраниях	1	5	2
Ни в чем из перечисленного не участвовал	14	18	12
Затрудняюсь ответить	10	6	6

Таблица 5

Степень готовности принять участие в акциях протеста, в зависимости от пола, % (*n*=500)

Степень готовности	Женщины	Мужчины	Всего по выборке
Готов	19	**25**	22
Скорее готов	17	20	19
Скорее не готов	14	17	15
Не готов	31	25	28
Затрудняюсь ответить	19	13	16
Всего	100	100	100

низко оценивая свои материальные возможности, они не стремятся менять сферу и место занятости, обращаются к помощи родственников или находят дополнительный источник дохода. В оценках экономической сферы малого города у женщин преобладает эмоциональный и когнитивный компоненты, у мужчин – поведенческий.

Оценка политической сферы малого города. При анализе политической сферы малых городов учитывались эмоциональный компонент (прогноз политической ситуации в городе, области, стране); поведенческий компонент (участие в общественно-политических организациях и степень готовности принимать участие в различных акциях протеста, источники получения общественно-политической информации); когнитивный компонент (оценка эффективности работы органов управления различных уровней власти).

Мнения респондентов о будущей политической ситуации противоречивы. С одной стороны, в оценках перспектив политического развития страны, региона и города преобладают нейтральные оценки – более половины опрошенных считают, что существенных перемен в среднесрочной перспективе не ожидается. С другой стороны, в оценке перспектив развития политической ситуации в городе заметен рост негативных представлений у мужчин (каждый четвертый считает, что ситуация ухудшится).

Данное противоречие прослеживается и в оценках эффективности органов управления разных уровней. В целом, преобладают негативные оценки (от 45% федеральных до 68% муниципальных властей). Позитивное отношение имеет тенденцию роста при оценке федеральных структур. Это объясняется близостью и большей актуальностью местных проблем (городских и региональных) по сравнению с проблемами всей страны.

Политическое поведение жителей малых городов по-прежнему характеризуется доминированием пассивных форм политического участия. Жители в качестве основных форм отметили участие в выборах (48%) и обсуждение политических проблем в кругу близких (28%). При этом формы политического участия мужчин и женщин различаются незначительно (табл. 4).Такие активные формы, как членство в политических партиях и участие в политических мероприятиях (митингах и собраниях), чаще выбирали мужчины.

В целом политическая активность и у женщин, и у мужчин представляется достаточно противоречивой. Высокий уровень электоральной активности (64% женщин и 59% мужчин) сопрягается с достаточно высокими показателями, свидетельствующими о политической пассивности и даже безучастии. При этом 14% женщин и 18% мужчин отметили, что вообще не принимают никакого участия в политике.

Важным показателем политической активности является готовность принять участие в акциях протеста, выражая тем самым свою позицию в отношении тех или иных действий власти и политической элиты. Представленные в таблице 5 данные говорят о достаточно высокой степени готовности жителей малых городов к политическому протесту. При этом видно, что мужчины чаще выказывали свою готовность к участию в акциях протеста (45%).

Обратимся теперь к анализу взаимосвязи готовности к участию в акциях протеста и предпочитаемых форм политического участия.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, среди демонстрирующих высокую степень готовности к участию в акциях протеста преобладают те горожане, которые регулярно участвуют в выборах (82% женщин и 60% мужчин) и проявляют интерес к политике на уровне бытовых разговоров (46% женщин и 38% мужчин). Интересно, что среди не включенных ни в какие формы политической деятельности респондентов есть группа, демонстрирующая готовность к участию в протестных действиях, – 16% женщин и 21% мужчин, а также 7% мужчин, затруднившихся с ответом на вопрос о формах политического участия. На наш взгляд, данная категория жителей малых городов проявляет интерес к политике исключительно как к своего рода «шоу», участие в котором позволяет выйти за рамки обыденной повседневности и испытать новые эмоции.

В целом, анализ субъективных оценок политической сферы как компонента жизнедеятельности женщин и мужчин в малых городах Ивановской области позволяет нам сделать вывод о том, что гендерные различия в большей степени проявляются в рамках поведенческого аспекта. С одной стороны, мужчины и женщины отдают явное предпочтение пассивным формам политического участия. С другой стороны, на фоне достаточно высокого уровня неудовлетворенности работой органов власти, и прежде всего местных, население демонстрирует высокую степень готовности к политическому протесту. Это противоречие, с нашей точки зрения, обусловлено особенностями политической культуры горожан в провинции, характерной чертой которой выступает доминирование традиционных, сложившихся в условиях советской политической системы образцов политического участия на фоне эмоционального отношения к политическим событиям.

Оценка семейно-брачной сферы малого города раскрывалась через эмоциональный компонент (удовлетворенность внутрисемейными отношениями, атмосферой и социальным обменом между родственниками); поведенческий компонент (структура семьи, гендерный контракт семьи, характер связей с близкими родственниками, проблемы семьи, способы формирования семейного бюджета); когнитивный компонент (представления об оптимальном количестве детей в семье и причины того, почему люди не имеют столько детей, сколько им бы хотелось).

Анализ структуры семей жителей малых городов позволяет отнести их к типичной городской семье, состоящей преимущественно из представителей двух-трёх поколений. Среди респондентов, ответивших, что проживают не одни (таких 81%), имеют семью, состоящую из двух человек, – 1%, из трех – 30%, из четырех – 36%, из пяти – 22%. Семьи, состоящие из семи и более человек, составили чуть более 2%.

Важным аспектом социального самочувствия семьи является возможность иметь детей. Анализ фактического и желаемого количества детей показывает, что жители малых городов в основном ориентированы на двух- и трехдетную семью.

Полученные данные позволяют выявить как негативные, так и позитивные тенденции. С одной стороны, только ¼ семей, имеющих четверых и более детей, считают такое количество детей оптимальным, половина же считает, что нормально для поддержания оптимального уровня и качества жизни иметь двоих или троих детей. Можно предположить, что с увеличением числа детей в семье происходит рост рабочей нагрузки на работающих членов, зачастую снижается общий уровень материального благосостояния. Позитивным моментом является то, что у двухдетных и трехдетных семей представления об оптимальном и желаемом количестве детей практически совпадают.

Теперь обратимся к анализу причин, которые не позволяют мужчинам и женщинам иметь желаемое число детей в семье (рис. 4). Полученные данные показывают, что мужчины чаще называют материальные трудности, женщины – жилищные проблемы, сложности совмещения работы и семьи, а также сложности устройства в детские сады.

Переживаемые в семье трудности обусловливают стремление жителей малых городов поддерживать более тесное взаимодействие с родными и близкими. Это характерно для всех семей, независимо от их материального благополучия, характеристик детности. Подобная сплоченность и солидарность позволяет жителям малых городов справиться с многими трудностями и решать проблемы, осложняющие жизнь семьи.

Важны для повседневной жизни семьи в малом городе организация внутрисемейных отношений между супругами, распределение властных полномочий и домашних обязанностей, то есть гендерный контракт. Нами выделены пять типов гендерных контрактов. Наиболее распространенным является «эгалитарный» (36%), при котором супруги выступают полноправными партнерами, а семейный бюджет формируется за счет доходов каждого, важные решения принимаются совместно. Далее следует «совет-

Рис. 4. Причины, не позволяющие мужчинам и женщинам иметь желаемое количество детей, % (*n*=500), несколько вариантов ответа

Рис. 5. Жизненные стратегии мужчин и женщин в малом городе, % (*n*=500)

ский» (26%), при котором власть в семье принадлежит либо мужу, либо жене, а другой супруг также вносит ощутимый вклад в формирование семейного бюджета. «Патриархатный» тип, при котором власть в семье принадлежит мужу, обеспечивающему семью материально и принимающему самые важные решения, – 22%. «Матриархатный» тип с такими же функциями жены – 10%. «Несформировавшийся» тип, при котором в семье главенствуют представители старшего поколения (родители), их доходы являются основой формирования семейного бюджета, – 6%. Последний тип составляют преимущественно молодые семьи, члены которых еще не обрели материальной независимости от родителей.

Обнаружена зависимость преобладающего настроения от типа внутрисемейных отношений. Наибольшее количество пессимистических настроений (раздражение, состояние протеста, страх, неуверенность в будущем, подавленность) отметили 49% респондентов, принадлежащих к семьям с «советским» гендерным контрактом, «матриархатным» – 23%, «патриархатным» – 22%, «эгалитарным» – 14%. Можно утверждать, что характер внутрисемейных связей и отношений выступает существенным фактором, наряду с материальным благополучием, влияющим на формирование социального самочувствия мужчин и женщин.

Приватная сфера жизни малого города характеризуется высоким уровнем социальной солидарности, проявляющейся в тесном взаимодействии и взаимопомощи между членами семейных групп и кровными родственниками. Она позитивно влияет на общий уровень социального самочувствия жителей малого города.

Оценка жизненных стратегий мужчин и женщин предполагала выявление стратегий жизненного благополучия, жизненного успеха и самореализации личности.

Наиболее распространённой среди жителей малых городов является стратегия жизненного благополучия. Почти 69% респондентов согласились с высказыванием, что «главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии». Чаще других выбирают это утверждение женщины. Смысл своей жизни данная категория горожан видит в том, чтобы улучшать свою собственную жизнь и жизнь своих детей (85%). Для представителей этой группы важную роль играют хорошие отношения в семье и с друзьями (80%).

Стратегия жизненного успеха не является типичной для населения малых городов.

Рис. 6. Преобладающее настроение мужчин и женщин в малых городах Ивановской области, % (*n*=500)

Мнение о том, что «главное в жизни – найти и выразить себя, пусть даже в ущерб себе и другим», разделяют 13% (преимущественно мужчины). О своем стремлении к достижению общественного признания и успеха заявили 16% женщин. Чаще всего такого мнения придерживались молодые жительницы. Каждый пятый мужчина согласен с тем, что необходимо проявлять инициативу, предприимчивость, искать новое в работе и жизни, быть готовым к риску оказаться в меньшинстве. Среди таковых преобладают молодёжь (42%) и коренные жители (74%).

Положения стратегии самореализации разделяются незначительным числом респондентов. Согласны с тем, что «главное в жизни – найти и выразить себя, не нанося при этом вред другим», 8% женщин и 9% мужчин. Однако с утверждением, что «главное – реализовать свое предназначение», согласны 13%. Еще меньшее количество респондентов – 9% – считают, что необходимо творчество в жизни, независимо от того, одобряется оно большинством или нет. Видят смысл жизни в том, чтобы относиться к жизни как к искусству, 5% респондентов. Утвердительных ответов больше среди людей младших возрастных групп и коренных жителей городов.

Таким образом, основными критериями, влияющими на выбор жизненных стратегий, являются продолжительность жизни в малом городе, пол и возраст. В частности, в прямой зависимости от пола и возраста находится самоидентификация с традиционным образом жизни.

Общая характеристика социального настроения мужчин и женщин проводилась посредством самооценок текущего настроения горожан. Преобладающее настроение у жителей малых городов можно условно назвать «надежда на лучшее» (35%). Нейтральное настроение свойственно 27% горожан.

Можно говорить о доминировании позитивного настроения, так как сумма позитивных градаций в целом составила 50%, а негативных – 24%. Женщины несколько чаще выбирали крайние негативные, а мужчины – крайние позитивные градации. Это можно объяснить тем, что женщины, оценивая свое настроение, исходят не столько из личной ситуации, сколько из ощущения качества жизни семьи в целом, тогда как мужчины, имея более индивидуалистические стратегии жизни и большую оторванность от внутрисемейных процессов и взаимосвязей, оценивают свое настроение обособленно от других (рис. 6).

В целом позитивное настроение жителей малых городов и наличие уверенности в том, что в ближайшее время жизнь несколько улучшится, смягчает некоторые когнитивные и поведенческие аспекты и положительным образом сказывается на оценке эмоционального компонента социального самочувствия.

В оценках собственного будущего у респондентов преобладает эмоциональный, а не рациональный компонент. Четверть опрошенных считают, что в ближайшие пять лет их жизнь улучшится, не надеются на лучшее будущее – 14%. Нейтральные прогнозы относительно своей собственной жизни высказывают 24% респондентов. Многие из опрошенных вообще затруднились с подобными оценками (37%). Женщины реже выбирали крайние градации («значительно ухудшится» и «значительно улучшится»), чаще затруднялись с ответом, чем мужчины. Мужчины лидировали при выборе вариантов «останется без изменений» и «значительно улучшится». В связи с этим можно сделать осторожный вывод, что мужчины, проживающие в малых городах Ивановской области, более оптимистичны в оценке перспектив собственной жизни, чем женщины. Текущее настрое-

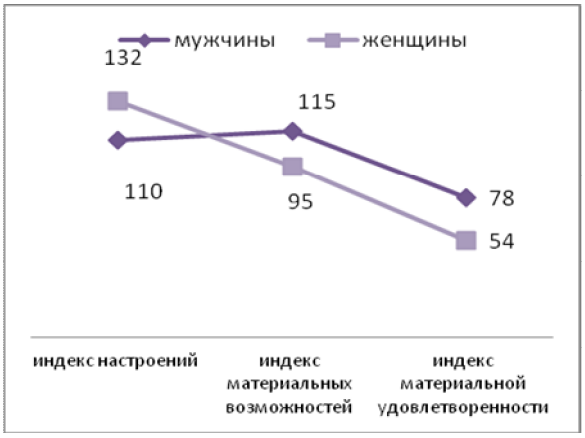


Рис. 7. Индексы текущего положения семьи (97.3)

Рис. 8. Индексы текущего положения страны, региона, города (78.5)

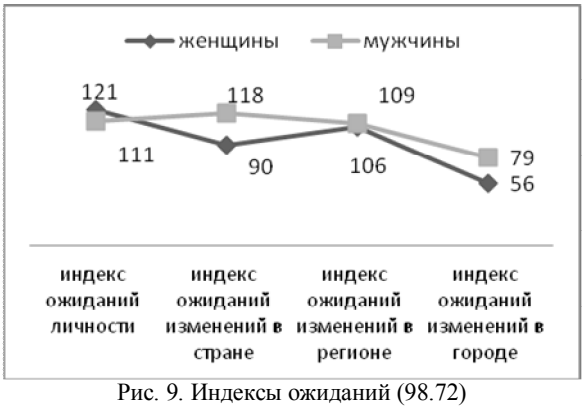


Рис. 9. Индексы ожиданий (98.72)

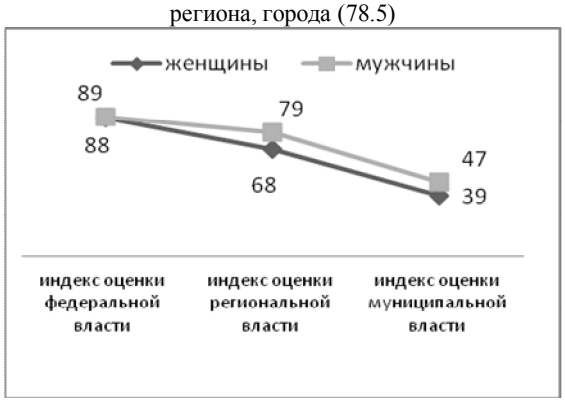


Рис. 10. Индексы оценки власти (68.3)

ние женщин более ситуативно: оно зависит в большей степени от субъективных, нежели от объективных факторов.

Расчет частных и интегрального индексов социального самочувствия мужчин и женщин малых городов Ивановской области позволяет провести диагностику социального самочувствия малого города как социальной общности. *Индекс текущего положения семьи* характеризуется противоречивыми тенденциями: с одной стороны, высоки показатели оптимистических настроений у женщин (132), а также показатели оценки собственных материальных возможностей у мужчин (115). С другой стороны, индекс материальной удовлетворенности и у мужчин, и у женщин низок и находится в зоне отрицательных оценок (78 и 54 пункта соответственно). Это говорит о том, что хотя мужчины малых городов и оптимистично оценивают свои материальные возможности, однако не считают их достаточными для обеспечения своей семьи.

Индексы текущего положения страны, региона и города также находятся в отрицательной зоне значений и опускаются от 100 до 51 пункта, что свидетельствует о наличии достаточно резкой критики в адрес муниципальной власти. При этом женщины критичнее оценивают различные уровни власти. Итоговый индекс –78.5 пункта.

Индексы ожидания мужчин малых городов Ивановского региона находятся в положительной зоне и составляют 104.2 пункта. Наибольшего значения достигает индекс ожиданий личности, максимальное значение которого зафиксировано у женщин (121). Наименьших значений достигает индекс ожиданий изменений в малом городе – 56. Однако, хотя он и находится в отрицательной зоне значений, но все же выше, чем оценки текущей ситуации в обследуемых малых городах, что свидетельствует о наличии у женщин и мужчин ожиданий изменений к лучшему. Тем самым индексы ожиданий фиксируют важную тенденцию: чем больше размер населенного пункта, чем ближе он располагается к областному центру, тем выше уровень притязаний и ожиданий личности.

Наименьшие показатели характерны *для индекса оценки власти различных уровней.* Сводный индекс оценки власти достигает 68.3 пункта, что свидетельствует о негативном отношении местного населения, в первую очередь к муниципальной власти (39 пунктов). Наиболее критичными оказались женщины. Оценки деятельности федеральной и региональной власти, хотя и находятся в отрицательном поле значений, фиксируют больший уровень поддержки у мужчин (до 89 пунктов).

Рис. 11. Сводный индекс социального самочувствия мужчин и женщин малых городов Ивановской обл.

Сводный индекс социального самочувствия мужчин и женщин малых городов Ивановской области составил 85.6. На его итоговые показатели в большей степени повлияли индексы оценки власти (в первую очередь муниципальной), а также индексы текущего положения дел (прежде всего в среде малого города). Особенно острая ситуация зафиксирована в оценках социального самочувствия женщин – 79.6 пункта.

Оптимальные показатели сводного индекса зафиксированы у мужчин в оценках текущего положения семьи (101) и индекса ожиданий (104). Общий индекс социального самочувствия мужчин составил 91.7 пункта.

Таким образом, расчет сводных индексов социального самочувствия мужчин и женщин малых городов позволил нам сделать вывод о том, что социальное самочувствие мужчин малых городов Ивановской области находится на стыке позитивных и негативных значений; социальное самочувствие женщин характеризуется преобладанием негативных оценок.

Заключение

Социальное самочувствие имеет отношение к области переживаний, восприятия, ощущений, оно нередко определяется как осознанная рефлексия относительно собственных чувств и ощущений (физических и душевных, психических). Однако, по мнению ряда учёных, самочувствие может включать в себя как явные, осознанные, так и латентные (неявные, неосознаваемые) элементы.

Оценивая социальное самочувствие населения малых городов, отметим, что оно различается у мужчин и женщин. У мужчин оно может быть определено как пограничное, характеризующееся низкой степенью удовлетворенности властью и положением страны в целом. В то же время мужчинам свойственны более высокие, по сравнению с женщинами, индексы ожиданий и оценки текущего положения семьи. Социальное самочувствие женщин характеризуется неустойчивостью эмоционального состояния, более высоким уровнем тревожности во всех сферах жизни. Похожие тенденции зафиксированы в ряде других исследований: юноши демонстрируют большую «устойчивость» по отношению к изменениям, сопутствующим трансформации общества, среди девушек – больше «несправляющихся» [13, с. 121].

Сопоставление с результатами исследования, осуществленного О.А. Хасбулатовой и Л.С. Егоровой, позволяет выявить долгосрочные тенденции социального самочувствия женщин и мужчин. Среди них: во-первых, наличие чуткой реакции на социально-экономическую ситуацию страны и региона, что проявляется в преобладании жизненной стратегии «главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии»; во-вторых, по-прежнему основными детерминантами социального самочувствия выступают социальная и экономическая практика, уровень доходов граждан, степень востребованности их жизненного потенциала, реальные политические и культурные процессы в обществе; в-третьих, общественная активность мужчин и женщин малых городов характеризуется в целом схожими формами проявления, но главная разница заключается в том, что более высокая степень протестной активности по-прежнему характерна для мужчин (45%, у женщин – 36%); в-четвертых, значительную роль в жизни населения малого города играет приватная сфера, характеризующаяся высоким уровнем социальной солидарности, тесным взаимодействием и взаимопомощью между членами семей.

Социологические исследования социального самочувствия позволяют выявить состояние социального самочувствия жителей малых городов, демонстрируют их ожидания и направленность действий, акцентируют внимание на аспектах социальной напряжённости и социального оптимизма, дают информацию к размышлению.

Список литературы

1. Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994–1996–1998 гг.) // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 59–66.

2. Дулина Н.В. Социальное самочувствие россиян в условиях кризиса: региональный аспект (по итогам «круглого стола») // Primo Aspectu. 2009. Т. 6. № 9 (57). С. 127–130.

3. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С.143–149.

4. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45–49.

5. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50–55.

6. Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996. 196 с.

7. Хасбулатова О.А., Егорова Л.С. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 48–54.

8. Панкратова Е.В. Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона: Дис. … канд. социол. наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2008. 203 с.

9. Аргунова В.Н., Гафизова Н.Б., Кодина И.Н., Панкратова Е.В. Социальное самочувствие жителей малых городов Ивановской области // Вестник Ивановского государственного университета. 2012. Вып. 1. С. 72–86.

10. Кодина И.Н. Образ жизни населения малого города: социальные практики и детерминанты (на материалах Ивановской области): Дис. … канд. социол. наук: 22.00.04. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2012. 248 с.

11. Аргунова В.Н., Кодина И.Н. Методика изучения социального самочувствия населения малого города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 1 (29). С. 7–11.

12. Красильникова М. Интегральные показатели социального самочувствия // Вестник общественного мнения. 2001. №1 (107). С. 109–117.

13. Бутаева М.А. Гендерный аспект самоопределения молодежи // Вестник Института ИАЭ. 2010. № 2. С. 121–125.

14. Скутнева С.В. Гендерные аспекты жизненного самоопределения молодежи. Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Тольятти, 2004. 181 с.

SOCIAL WELL-BEING OF MEN AND WOMEN IN A SMALL TOWN (BASED ON THE MATERIALS OF THE IVANOVO REGION)

N.B. Gafizova, E.V. Pankratova, I.N. Smirnova

Ivanovo State University

The authors propose a method for studying social well-being of men and women in a small town. Sociological research data are presented; partial and composite indices of social well-being of men and women are calculated. The long-term trends in social well-being are described. The authors come to the conclusion about certain gender differences in affective and behavioral components of social well-being.

Keywords: social well-being, social mood, small town, women, men, social well-being indices.

УДК 316.7

ЦИФРОВОЕ ПОДЗЕМЕЛЬЕ: ПОЛИТИКИ И ПРАКТИКИ ПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТОМ В МЕТРОПОЛИТЕНЕ

© 2016 г.

О.Н. Запорожец

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, Москва
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ozaporozhets@hse.ru

Статья поступила в редакцию 17.03.2016
Статья принята к публикации 08.11.2016

Проблематизируется концепция «подключенного города» (ubiquitous city) как способа описания изменений, происходящих в городской среде в ситуации увеличившегося Интернет-доступа и времени, проводимого онлайн. Автор предлагает термин «цифровая пористость» для обозначения неоднородности, ограничений и разрывов цифровой связанности (технологических, материальных, пространственных, социальных, телесных и др.) и обосновывает продуктивность его использования для описания изменяющейся городской среды. На примере изучения политик интернетизации и практик пользования Интернетом в метрополитенах Москвы и Санкт-Петербурга показано, что расширение зоны Интернета и включение в него новых городских пространств автоматически не увеличивают связанность города, поскольку последняя зависит не только от наличия или качества связи, но и от намерений и навыков пользователей, их представлений о комфортности и возможности пользования Интернетом, значения поездок в более широких горизонтах планирования.

Ключевые слова: подключенный город, цифровой город, цифровизация, Интернет, связанность, цифровая пористость, Wi-Fi, метрополитен, политики и практики пользования Интернетом.

По логике вещей, растущая популярность так трудно переводимого на русский термина ubiquitous city [1–3] могла стать началом конца дискуссий о взаимосвязи городской среды и цифровых технологий [4]. Однако, вместо безоговорочного признания факта, что вездесущие современные компьютерные технологии обеспечивают возможность постоянного нахождения онлайн людей, пространств, объектов и др. и тем самым создают особую городскую среду, термин[1] спровоцировал новую волну интереса к отношениям «города» и «цифры».

Возвращение к обсуждению было вызвано несколькими обстоятельствами. Во-первых, во второй половине 2000-х стало очевидно, что проникновение цифровых технологий в различные сферы жизни и превращение их в «цифровое бессознательное» [5] современного общества не только не отменило значимость пространственных, временны*ы*х, культурных контекстов, как это предсказывалось в 1990-х, но, напротив, многократно усилило их [6]. Городская среда с ее значительными технологическими возможностями, социальным и культурным многообразием, страхами и допущениями, интенсивной мобильностью и скоростными ритмами создавала и продолжает создавать особые условия для появления, функционирования и использования цифровых технологий. Во-вторых, сталкиваясь с постоянно изменяющимися городскими реалиями и технологиями, аналитики были вынуждены признать ограниченность существующего категориального аппарата для передачи их сложных и нюансированных отношений. Кроме того, использование сложных и многозначных категорий, таких как «цифровой город» или «цифровизация» и др., без их проблематизации и уточнения нередко делало непонятным сам предмет обсуждения.

Цифровизация – одно из базовых понятий, используемых для описания постепенно возникающей городской среды. Подходы к ее определению вполне комплементарны и все-таки обладают существенными отличиями. Прежде всего, цифровизация определяется как существование информации в виде кода [7]. Не менее часто она связывается с использованием основанного на коде программного обеспечения, приводящего в движение, ускоряющего или замедляющего, а порой и вовсе останавливающего объекты, пространства и процессы, образующие городскую жизнь. И, наконец, цифровизация все чаще ассоциируется с интернет-доступом и нахождением онлайн, хотя в данном случае точнее говорить о «связи» и «связанности» (connectivity) [8, 9], создающих новый тип отношений – практически постоянной (в идеале и планах) доступности людей и предметов.

Именно связанность в своих различных проявлениях и станет основным сюжетом данной статьи, проявляя не только недостаточность существующего категориального аппарата, но и неодно-

значность и сложность постоянно меняющихся отношений города и цифровых технологий.

Несмотря на оптимизм теоретиков, связь в современных городах не является величиной постоянной. Она не всегда доступна или обладает приемлемым качеством. Не все горожане и, особенно, приезжие могут ее себе позволить (достаточно вспомнить цены на роуминг). Кроме того, возможность оставаться на связи может быть не только благом, но и бременем для современного горожанина, от которого он не прочь время от времени избавляться. И, наконец, нахождение онлайн далеко не всегда поддерживается социальным окружением, считается приемлемым или просто физически возможно, достаточно вспомнить плотно прижатых друг к другу в час пик пассажиров общественного транспорта. Именно неоднородность, ограничения и разрывы цифровой связанности (технологические, пространственные, социальные), определяемые мной как цифровая пористость, заслуживают пристального рассмотрения.

В первом приближении «связь» и «связанность» кажутся сугубо техническими характеристиками. И действительно, они невозможны без технологической и связанной с ней социальной инфраструктуры – частично инновационной, частично унаследованной из недавнего прошлого. Как отмечает Стефен Грэхем, «возрастающее значение кода физически связано с материальной инфраструктурой – проводами, розетками и пр., без которых киберпространство вряд ли бы существовало» [10, p. 6]. И все же разговор о связанности не ограничивается технологиями или инфраструктурными возможностями. Нахождение «на связи» не в меньшей мере зависит от пользователей Интернета и мобильной связи – их навыков, конвенций и правил, разделяемых и создаваемых ими.

Городская подземка и интернет-соединение

При всех различиях в подходах и городские, и цифровые исследования указывают на невозможность разговора о городе и цифровых технологиях в «общем» и «целом». В частности, новая городская эпистемология исходит из принципа многообразия и изменчивости современных городов, отмечая: «Город нуждается в новом понимании. Город – это процесс… который постоянно выходит за границы, ставит под сомнение и перерабатывает сложившиеся принципы (социального взаимодействия, использования пространства и пр.)» [11, p. 166]. Чувствительность к постоянной изменчивости города ставит вопрос: какие элементы и способы их сборки, впрочем, довольно изменчивые, образуют городскую жизнь в тот или иной момент?

В качестве отправной точки рассмотрения интернет-связанности современного города в данной статье выступает метрополитен. Почему «записки из подземелья» являются важным способом понимания изменений современного города? При этом необходимо уточнить, что речь прежде всего идет о мегаполисах с масштабными системами метрополитена, во многом создающими эталоны городской жизни и образности.

Во-первых, обе технологии играют важнейшую роль в создании городской среды. Если метрополитен со второй половины XIX в. своими ритмами и логиками во многом формирует повседневность современного мегаполиса и его воображаемое [12], то с конца XX в. роль движущей силы переходит к Интернету. Во-вторых, в течение последних лет метрополитены мировых мегаполисов все активнее включаются в орбиту мобильной и интернет-связи за счет как развития беспроводного Интернета, так и улучшения мобильной связи. Относительно недавнее распространение «зоны доступа» на городскую подземку позволяет надеяться, что наличие Интернета еще не стало обязательным и поэтому незамечаемым сервисом, а значит, не ушли в прошлое и не стерлись из памяти горожан их реакции на произошедшие перемены. В-третьих, метрополитен – это пространство массового транзита с ежедневными многомиллионными потоками пассажиров, что делает его одним из наиболее важных городских пространств, в том числе и с точки зрения связанности. Сложно предположить, что статус метрополитена как основного транспортного средства в крупных городах сколько-нибудь изменится, ведь в мегаполисах с их затрудненным уличным движением и огромными расстояниями он остается фактически безальтернативным видом транспорта.

И наконец, последнее, но не менее значимое обстоятельство, призванное убедить в важности совместного рассмотрения метро и Интернета. Опыт пользования метро неотделим от опыта городской жизни и жизни современного человека в целом. Пользование подземкой включено в самые широкие пространственные, временные горизонты и опыты, такие как повседневное планирование и жизненные планы в целом, отношения с городом, с другими людьми, с технологиями. Идея сложности и многомерности метро, его несводимости только к опытам поездок, постоянно подчеркивалась моими собеседниками: «Даже когда я окончательно пересяду на машину, я буду время от времени пользоваться метро… Потому что здесь чувствуешь себя по-другому. Ну, такое ретро… городской

тематический парк» (житель Санкт-Петербурга, 22 года, студент).

Дальнейшие рассуждения о цифровой связанности и разрывах современного города основаны на результатах исследования «Метрополитен: стареющая технология и ее современный пользователь», проведенного в 2015–2016 гг. в Москве и Санкт-Петербурге. Призванное описать политики и практики связанности как важные составляющие функционирования и пользования городской подземкой исследование включало серию из 30 интервью, 4 совместных прогулок, анализ тематических публикаций, сайтов и групп в социальных сетях. Исследование балансировало между интересом к пользователям технологий и формирующейся цифровой инфраструктуре метрополитена и вполне может быть отнесено к постепенно складывающемуся направлению «антропология инфраструктуры» [13, 14], задача которого – понять, как благодаря опытам различных людей (пользователей, служащих, планировщиков и пр.) создается изначально гибкая, подвижная, ситуативная, но постепенно приобретающая стабильность инфраструктура. Пенни Харви и Ханна Нокс – исследовательницы, чьими усилиями сегодня во многом складывается поле антропологии инфраструктуры, отмечают, что приоритетными темами для изучения, направляющими и полевые исследования, и последующую теоретизацию, становятся намерения действующих агентов, их включенность в создание инфраструктуры, время и процесс ее формирования, сложности и сбои в ее функционировании [13].

Цифровая «мобилизация» и проблема связанности

«Хочешь мобильного Интернета – будь мобильным, ну, и конечно, знай город» – так в конце 1990-х могли бы выглядеть рекомендации интернет-пользователю. Непрерывность интернет-связи в те времена во многом создавалась искусно выстроенными маршрутами горожанина, переходящего от домашнего компьютера в интернет-кафе, от интернет-кафе – к компьютеру на работе и другим местам с доступным Интернетом. В 2000-х мобильность Интернета достигалась уже не столько умелым лавированием обывателя, сколько технологическими возможностями, такими как мобильность связи и портативность электронных устройств. Появление беспроводной интернет-связи в буквальном смысле спустило пользователя «с привязи» [15], позволяя оставить позади вечно путающиеся под ногами провода и периодически выпадающие из розетки зарядки, давая возможность забыть о популярных когда-то интернет-кафе или задержках на работе, позволяющих воспользоваться всеми благами скоростного Интернета.

2010-е стали переломным этапом в развитии мобильной интернет-связи во всем мире. С 2013 г. впервые количество продаваемых в мире планшетов превысило количество ноутбуков, а число смартфонов – телефонов без интернет-подключения [16]. Происходящие изменения убедительно свидетельствуют о «мобилизации» как общемировой тенденции, а именно об увеличении пользователей мобильного Интернета и количества времени, проводимого онлайн с мобильных устройств [17].

Создание и распространение портативных цифровых устройств – не единственное условие цифровой мобилизации, которая в не меньшей степени определяется наличием, качеством и доступностью интернет-связи. Уже упомянутая концепция «подключенного города» по умолчанию предполагает, что связь есть всегда, хотя реальность (даже в самых технологически «продвинутых» странах, в которых, как в волшебном шаре, можно увидеть будущее развития цифровых технологий [18]) убеждает нас в обратном.

Стремление сделать связь абстракцией, лишенной каких-либо характеристик, кроме обязательного присутствия, вполне соответствует идеологии связанности. Концепция «подключенного города», в котором и люди, и предметы постоянно находятся на связи, – идеальное воплощение идеологемы. По мнению теоретиков и управленцев, нахождение онлайн создает новое качество жизни в городе, обеспечивает эффективность управления городской средой и увеличивает комфортность городской жизни. Даже не будучи реализованным проектом, «подключенный город» уже образует свою среду. Чираг Рабари и Майкл Сторпер спешат назвать ее «цифровой кожей» [19], имея в виду распространение сенсоров, ежесекундно получающих и поставляющих онлайн информацию о мельчайших деталях городской жизни.

Пользователи Интернета далеки от оптимизма теоретиков, говорящих о постоянстве и тотальности интернет-связи, при том, что современные технологии накладываются и усиливают друг друга, ведь во многих случаях существует возможность выбора, каким Интернетом пользоваться: проводным, беспроводным или мобильным, пользователи не гарантированы от разрывов связи, ее низкого качества или временной недоступности.

Множественные измерения интернет-связи и цифровая пористость

Именно пользователи в первую очередь ощущают множественные пределы и разрывы

связанности: технологические, материальные, пространственные, социальные, телесные, дискурсивные. Оптимистическое видение вездесущности современных технологий: «Стены, двери, ворота и расстояния до сих пор создают границы и затрудняют встречи в «реальном» пространстве, но новые коммуникативные технологии преодолевают ограничения, накладываемые физическим пространством» [20] – не выдерживает испытания практикой.

«Ощущение» связи – не метафора. Связь во всех ее несовершенствах особенно остро ощущается телом, когда говорящий по телефону или ловец Интернета выстраивает сложную хореографию звонков или доступа к сети. Например, проглядывая форум недавно построенного дома, невольно цепляешься взглядом за сетования новоселов: «Говорить можно только на балконе или прижавшись к окну вместе с телефоном» [21]. Несовершенство связи или, напротив, совершенство строительных материалов распознается пользователями как непреодолимое препятствие: «Хороший бетон у застройщика – ничего не слышно» [21].

Несмотря на постоянное совершенствование связи, пользователям регулярно приходится оттачивать свое мастерство и обновлять знания, чтобы оставаться онлайн. Многие из них (особенно молодежь) – это более или менее опытные балансировщики, ищущие наиболее доступные и удобные условия связи [22]. Они переходят с тарифа на тариф, с мобильного на стационарный Интернет или Wi-Fi, из одного пространства в другое, пробуют различные устройства. Непрерывность связи во многих случаях достигается успешностью маневров пользователя и отточенностью навыков перехода, а вовсе не совершенством технологий. Более того, осуществляя подобные маневры, пользователи учатся управлять связанностью, уходя в офлайн уже по собственному желанию:

«У меня нет безлимитного Интернета [на смартфоне]. Я знаю все точки в городе, где ловит Wi-Fi. Я часто пользуюсь Wi-Fi, у меня дома стоит роутер. У меня в вузе тоже есть бесплатный Интернет. Мне хватает» (жительница Санкт-Петербурга, 19 лет, студентка).

Это отчасти напоминает ситуацию 1990-х, когда относительная непрерывность интернет-соединения обеспечивалась знаниями пользователей о местах интернет-доступа и умелым планированием маршрутов. Постоянство переходов подтверждается российскими и зарубежными статистическими данными, согласно которым в США 42% интернет-трафика смартфонов приходится на Wi-Fi-соединения, а не мобильный Интернет [23].

Помимо прочего, своими действиями и запросами пользователи обнаруживают «пробелы» связи. В частности, пользовательские недовольства делают очевидным «горизонтальное» развитие связи и слабую связанность «вертикали» – под- и надземных пространств: метрополитена или неба. Выпадение отдельных зон подчеркивает пространственность связи и в очередной раз развенчивает представления о ее вездесущности и постоянной доступности. Постепенно благодаря настойчивости пользователей происходит расширение цифрового пространства за счет включения «мертвых зон». Если приход мобильной связи, а потом и Интернета в метро достаточно быстро становится неотъемлемой частью поездок, то мобильная связь и Интернет, доступные на авиарейсах с 2008 г.[2], до сих пор остаются экзотикой: «Появление Wi-Fi в 2008 г. на борту самолета было гораздо большим чудом, чем превращение воды в вино» [24]. Относительно небольшая распространенность и невыгодное соотношение «цена–качество» не позволяют связи на борту войти в привычку: «Хуже еды в самолете может быть только самолетный Wi-Fi. Он постоянно прерывается и так медленно работает, что просто не может называться Wi-Fi, хотя назвать его бортовым dial-up означало бы оскорбить dial-up» [25]. Не меньше сложностей и споров вызывает и другое вертикальное освоение пространства – использование дронов в городской среде [26], порождающее массу вопросов – от технической возможности их полетов до социальной приемлемости новых технических средств и желания горожан технологизировать небесное пространство.

Подключение тех или иных пространств к мобильной связи и Интернету определяется не только технологическими возможностями, но и представлением об их значимости. Идея значимости пространственного измерения кажется достаточно очевидной, однако именно она недооценивается аналитиками, предпочитающими говорить о цифровом неравенстве или цифровом разломе (применительно к связи) преимущественно в социальных, но не пространственных категориях. Приоритетность социального измерения обращает внимание на недоступность связи для определенных социальных групп, вследствие финансовых ограничений, неготовности к использованию новых технологий или отсутствия технических возможностей. Я полагаю, что наряду с социальными стоит говорить и о пространственных разломах связанности или, точнее, – о цифровой пористости пространства – его способности поддерживать или препятствовать связанности за счет технологических возможностей, материальности, ха-

рактерных для него сценариев и практик и, наконец, дискурсивной оформленности, делающей очевидными доминирующие смыслы и назначение пространства.

«Пористость» передает перспективу пользователя и позволяет прочувствовать неоднородность связанности, когда пространства и обстоятельства «концентрированной связи» перемежаются столь же ощутимыми «цифровыми пустотами». Энтони Таунсенд в своей книге «Умные города – большие данные, обыватели-хакеры и поиск новой утопии» обращает внимание на зависимость состояния городской цифровой среды от загруженности сетей мобильной связи. Так, экстремальные события вызывают лавину звонков, обрушивающих сеть, как это было 11 сентября в Нью-Йорке, когда из 20 звонков по мобильному телефону до адресата доходил только один [27]. Таким образом, цифровые пустоты и точки связанности постоянно меняют конфигурацию.

Еще в начале 2000-х Эш Амин и Найджел Трифт предлагали использовать пористость в качестве одной из базовых метафор для описания современной городской жизни, отмечая: «транзитивность/пористость — это то, что позволяет городу постоянно формировать и изменять свой облик» [28]. Обращая внимание на пористость города, Амин и Трифт были вдохновлены городскими описаниями Вальтера Беньямина: «Пористость — это неистребимый закон городской жизни, проявляющийся во всем», — в том, «как здания и действия взаимопроникают во внутренних двориках, аркадах и лестничных маршах… чтобы стать театром новых, непредвиденных констелляций. Печать определенности отсутствует» [28]. При всей продуктивности метафоры, она пока не входит в словарь городских исследователей. Можно с уверенностью говорить, что она практически не используется для описания городских реалий. Она не становится стимулом для постановки исследовательских вопросов, хотя бы достаточно очевидных – что способствует увеличению или уменьшению пористости? Исследователи города пока не могут похвастаться аналитической проработанностью термина, сопоставимой с рядом научных (биология, химия, геология и пр.) и предметных (инженерия, строительство) областей. Для них «пористость» остается источником вдохновения, но не рабочим инструментом.

Мой дальнейший рассказ о цифровой пористости будет совмещать два сюжета – за счет чего уменьшается цифровая пористость и что способствует ее сохранению? В первом случае речь пойдет о развитии беспроводного Интернета в городе и повышении связанности городской среды, во втором – о неоднозначных реакциях горожан на цифровую экспансию, способствующих как сокращению, так и поддержанию цифровой пористости.

Политики wi-fi-изации

Цифровая связанность поддерживается мобильными и стационарными технологиями. Согласно экспертным оценкам, Wi-Fi – беспроводная интернет-связь, действующая в пределах определенного пространства, лидирует в качестве средства доставки мобильного Интернета. Популярность Wi-Fi основана на его вездесущности: он используется дома, в общественных и транзитных пространствах.

Можно говорить о различных политиках wi-fi-изации: Wi-Fi как общественное благо и ресурс демократизации, Wi-Fi как экономический ресурс, Wi-Fi как символическая ценность. Обладая принципиальными отличиями и воспринимаясь как конкурентные, эти политики, тем не менее, могут совмещаться в определенных пропорциях и обстоятельствах или со временем переходить друг в друга.

Wi-Fi всегда соотносится с конкретными пространствами – чаще статичными, реже мобильными. Сам факт его наличия указывает на значимость места, что делает его похожим на мемориальные таблички, не оставляющие сомнений в важности того или иного пространства. На первый взгляд кажется, что география беспроводного Интернета универсальна. Оснащение Wi-Fi-соединением кафе, библиотек, гостиниц, вокзалов вполне понятно и соответствует некоторым «интернациональным» представлениям об общественных пространствах. В то же время наличие Wi-Fi на спортивных площадках и пространствах для занятий спортом, столь характерное для североамериканских и австралийских городов [29] и непривычное для европейских, дает возможность почувствовать специфичность географии общественных пространств.

Появление и широкое распространение общедоступного Wi-Fi в европейских и американских городах во второй половине 2000-х усилило оптимизм медиааналитиков, видевших в нем важнейший инструмент развития городских публичных пространств, форм гражданского участия и демократических институтов в целом: «Интернет способен радикальным образом изменить публичную сферу города. Он может вдохнуть жизнь в городское пространство: привлечь посетителей, способствовать благоустройству, увеличить безопасность. Доступность Интернета уменьшает социальное неравенство и увеличивает популярность публичных пространств. Интернет обеспечивает соприсутствие

в одном пространстве достаточно разных людей и тем самым делает возможным усиление социальных связей, увеличение толерантности и открытости различным сообщениям. Доступность интернет-связи в городских пространствах развивает культуру участия и тем самым… может стимулировать развитие демократии» [30, p. 701–702]. Подобное видение было основано на восприятии Wi-Fi как общественного блага, обеспечиваемого муниципальными или государственными структурами.

Политика, рассматривающая wi-fi-изацию пространства как экономический ресурс, иногда реализовывалась параллельно, иногда замещала политику открытого интернет-доступа. В этом случае развитие беспроводного Интернета обеспечивалось усилиями частных лиц, структур, корпораций, а в ряде случаев и муниципалитетов. Предполагалось, что интернет-соединение должно быть либо оплачено пользователями, либо способствовать привлечению клиентов и увеличению потребления в конкретных пространствах. Подобная политика нередко расходилась с ранее заявленной или реализуемой политикой свободного доступа, что вызывало резкое недовольство пользователей и сторонников идеи Интернета как общественного блага. В частности, сворачивание программы доступного Интернета в общественном транспорте Берлина квалифицировалось как шаг назад для города и для страны в целом [31].

Идея Wi-Fi как общественного блага и экономического ресурса связана, прежде всего, с его прагматикой. Стоит признать, что наличие беспроводного Интернета может иметь не только утилитарное, но и символическое значение. Оснащенность пространства Wi-Fi создает его прибавочную стоимость в системе символического производства за счет перевода его в категорию современных и продвинутых или закрепления за ним этого статуса. Таким образом, наличие доступной интернет-связи постепенно превращается в must have современных городов и критерий их (само)оценки.

Политики интернетизации метрополитенов Москвы и Санкт-Петербурга

Одним из самых освещаемых и обсуждаемых событий последних лет в Москве была установка Wi-Fi в московском метро, завершившаяся к концу 2014 г. Подобное внимание не кажется чем-то особенным, ведь метро для Москвы – это основной вид транспорта с общим пассажиропотоком около 9 миллионов человек в день. В отличие от многих метрополитенов мира, делающих ставку на развитие стационарного Интернета, для московского метро была выбрана стратегия «Интернет в движении», когда нахождение онлайн возможно только в вагонах движущегося поезда, но не на платформах, в вестибюлях или переходах.

Появление Wi-Fi было частью комплексных мер по модернизации и развитию московского метрополитена (увеличение количества станций, обновление поездов и замена эскалаторов и др.). Оно было новшеством, прямо или косвенно затронувшим каждого пассажира метро. Теперь все совершающие поездки на метро могли негодовать или радоваться наличию связи, наблюдать за попутчиками, склонившимися над экранами смартфонов, или, наконец, укрепить свой скептицизм, играя в специально разработанную онлайн-игру «Поймай вай-фай», задача которой – успеть поймать Wi-Fi в вагоне нарисованного поезда метро до того, как двери захлопнутся и связь исчезнет [32].

Установка Wi-Fi в метрополитене была дорогостоящим, но все же приемлемым вариантом обновления метрополитена. Создание доступной среды для маломобильных пассажиров или повышение комфортности метрополитена обошлись бы на порядок дороже, а их реализация потребовала бы решения гораздо более сложных технических задач, чем прокладывание кабеля и установка роутеров. Таким образом, Wi-Fi был оптимальным вариантом модернизации, позволившим обеспечить максимальный PR-эффект и заметность новшества. Появление Wi-Fi в метро все-таки превзошло ожидания привыкших к доступной интернет-связи москвичей. Это было слишком хорошо, чтобы стать реальностью, ведь до этого времени горожане не сталкивались со столь масштабной зоной покрытия и не имели возможности оставаться на связи во время движения под землей.

Можно предположить, что появление доступной интернет-связи в метрополитене было во многом символическим жестом. Одному из важнейших брендов города требовался «знак качества» из другой эпохи. Появившееся в 1935 г., московское метро с самого начала стало символом городской модернизации и демонстрацией успешности молодого советского государства. С первых дней своего существования оно оценивалось если не как лучшее, то уж точно как самое красивое и человекоориентированное метро в мире. Новые времена грозили превратить московское метро в рядовой городской музей с открытым доступом и неограниченным числом посещений. Именно поэтому метрополитену требовались эффективные средства поддержания собственной исключительности, одним из которых стало появление беспроводного Интернета, вернувшего московскому метро бы-

лую славу продвинутой технологической системы. Исключительность события, а не удобство пользователей, постоянно подчеркивается городскими властями. Мэр Москвы Сергей Собянин не устает напоминать, что «бесплатный Wi-Fi в Московском метрополитене не имеет аналогов в мире» [33]. Преобладание символизма над прагматикой развития беспроводного Интернета периодически создает парадоксальные ситуации, иронично описываемые пассажирами московской подземки: «Вай-фай в вагоне был, а Интернета не было» [34].

При всей своей значимости для города метрополитен Санкт-Петербурга, в отличие от московского метро, никогда не был символом города или важной городской достопримечательностью. Решение об интернетизации петербургского метрополитена принималось в несколько этапов. Изначально основная ставка делалась на развитие мобильного Интернета, что объяснялось стремлением администрации метрополитена не допустить превращения подземки из способа перемещения в его цель: «Начальник ГУП «Петербургский метрополитен» Владимир Гарюгин высказывался на этот счет резко отрицательно: подобная инициатива превратит вагоны в настоящие интернет-кафе, из которых молодежь попросту не будет вылезать, мешая пассажирам и занимая сидячие места» [35]. Впоследствии стратегия неоднократно пересматривалась. В 2013–2014 гг. в тестовом режиме были запущены wi-fi-сети на 38 станциях [36], которые, впрочем, остались практически незамеченными, после чего было принято решение вернуться к мобильному Интернету.

Wi-fi-изация метро в Петербурге в какой-то момент стала частью общей политики интернетизации городского пространства. Так же как и в Москве, она рассматривалась как важный знак модернизации. В этом случае ненадлежащее качество интернет-связи становилось символом несоответствия города достаточно абстрактным стандартам современной городской жизни: «SPb Free Wi-Fi не работает! Ни в метро, ни на улицах. SPb Free Wi-Fi не улучшает имиджа Петербурга, а наоборот – позорит город. Что подумают туристы про «внедрение современных технологий» в Петербурге, если общедоступный Интернет в городе как бы есть, но на самом деле – его нет» [37].

Включение городской подземки в орбиту интернет-связи при всех своих несовершенствах способствовало уменьшению цифровой пористости города. Однако привела ли технологическая включенность к изменению практик пользования?

Практики пользования Интернетом в метрополитенах Москвы и Санкт-Петербурга

Спускаясь под землю, горожане не теряют своих привычек, в том числе и привычек (не) оставаться на связи:

– «Пользуетесь ли вы Интернетом в метро?

– В метро нет. Я в метро, говорю же, сплю» (жительница Москвы, 58 лет, врач).

Разнообразие способов, целей, средств подключения и пользования Интернетом можно легко увидеть, достаточно обвести взглядом вагон метро, пожалуй, в любое время, кроме часа пик. В дальнейшем я бы хотела сосредоточиться на трех из великого множества способах пользования Интернетом, о которых рассказывали и которые показывали мне мои многочисленные собеседники: «цифровое убежище», «цифровые задворки», «цифровое планирование». Эти практики интересны своей включенностью в жизнь за пределами метро и одновременно чувствительностью к ситуации поездки. Какие-то из них больше распространены в Петербурге, какие-то в Москве, но в любом случае они связаны с качеством интернет-соединения и множеством условий, складывающихся в опыт поездки в метро.

«Цифровое убежище». Именно эту роль выполняет поездка в метро в ситуации плохого качества мобильной связи/Wi-Fi или неблагоприятных условий. Привыкшие к быстроте и непрерывности связи на поверхности, пользователи в ряде случаев предпочтут отказаться от просмотра Интернета, чем сражаться с техническими ограничениями и реальными или мнимыми угрозами безопасности коллективного доступа к Wi-Fi. Временному интернет-воздержанию способствуют и обстоятельства поездки: тусклый свет в вагоне, затрудняющий чтение, отсутствие свободных мест, делающих просмотр возможным и приятным, нежелание превращать экран своего девайса в «разделенный объект» – предмет заинтересованного внимания соседей. «Цифровое убежище» является реакцией не только на неудобства или несовершенства подземки, но и на наступление цифровых технологий на поверхности, когда Интернет проникает и в рабочее, и в домашнее пространство. Сложность или невозможность пользования Интернетом оборачивается огромным плюсом для планирования времени: в метро можно заняться тем, на что в наземной жизни не хватает времени – поспать, отдохнуть, закрыв глаза, или, напротив, – посмотреть на других людей. Парадоксальным образом наполненное людьми пространство становится одним из мест уединения в городе в любое время, кроме часа пик. Обычно идея «цифрового убежища» возни-

кает на первых этапах интернетизации метро. В дальнейшем пассажирам подземки становится все сложнее объяснять себе необходимость перерыва.

«Цифровые задворки». Значительное улучшение связи в метрополитене увеличивает возможности и желание находиться онлайн. Однако совершенствование связи не в силах полностью изменить ситуацию: дать возможность сосредоточиться, отстоять границы своего места, избежать случайных толчков, задеваний, резких движений поезда. В этом случае в подземку переносятся неважные, с точки зрения пользователя метрополитена, и не требующие много времени и внимания действия, такие как просмотр писем, чтение новостей, пользование социальными сетями и многое другое. На «цифровые задворки» вытесняются занятия, которые дают право на ошибки и неточности, вроде случайного лайка в социальных сетях. Все важные дела «возносятся» на поверхность:

– «Вы сказали, что метро – это не пространство для почты. Что вы имели в виду?

– Ну, естественно. Тут все равно люди ходят. Экран... могу и мелочь какую-то упустить. Ну, бывало, что приходилось отвечать на почту. Там были ошибки. И адресат неправильно понял смысл, совсем неправильно. То есть показался совсем дурачком.

– После этого вы не рискуете?

– Если уж совсем надо» (житель Москвы, 28 лет, инженер-технолог).

И, наконец, третий способ пользования Интернетом, который можно назвать «цифровым планированием». Это планирование, также связанное с наличием и качеством связи, но оно охватывает преимущественно время пребывания в метро. В частности, наличие связи создает особую топографию метрополитена, выделяя «подключенные пространства». В случае петербургского метро ими становятся вестибюли, эскалаторы, станции, в случае московского – вагоны. Прерывистость связи создает особые навыки действий и быстроту реакции. Таким образом, поездка в метро превращается в тщательно спланированное предприятие, задача которого – успеть поймать связь:

«Я подгадываю так, что вот я написала письмо, сижу, жду остановку, чтобы это письмо отправить. Потому что я вижу, что все равно Интернета нет, не отправить, потому что вот это вот кругляшение отправляющегося письма меня нервирует, потому что я не понимаю, ушло оно все-таки или не ушло… Бесишься, что не сразу станция, вот сейчас трогаемся, а он только нашелся» (жительница Санкт-Петербурга, 36 лет, преподаватель).

Сегодня «цифровое планирование» гораздо больше распространено в петербургском метро с его отчетливыми разрывами связи по сравнению с московским, где есть возможность перейти от одного подключения к другому.

В целом, цифровая пористость метрополитена, создаваемая рядом условий и ситуаций, воспринимается и как благо – возможность на время выйти за пределы стремительно расширяющегося цифрового пространства, и как досадная помеха, требующая дополнительных усилий и внимания к повседневности там, где большинству людей хотелось бы их избежать.

Заключение

Расширение пространства сотовой и интернет-связи – неотъемлемая часть современной городской жизни. Цифровая экспансия во многом определяется политиками интернетизации, определяющими приоритетные пространства, формы и желаемые социальные эффекты распространения связи. Распространение Интернета не только приводит город в движение или решает практические задачи, но и является одним из наиболее действенных индикаторов его современности.

Несмотря на утверждения теоретиков и практиков о тотальной подключенности современного города, реалии указывают на его «цифровую пористость». Исследование метрополитена позволяет понять обстоятельства и логику связок и разрывов. Думается, что карта метро с недавнего времени дополняется тщательно масштабированной картой доступного Интернета, во всяком случае в воображении пользователей. Новая карта очевидным образом выходит за пределы пассажирского опыта и пространства подземки, давая возможность описывать сложные конфигурации связанности. «Цифровое убежище», «цифровые задворки», «цифровое планирование» – эти и другие проявления цифровой пористости дают возможность перейти от общих констатаций к описанию сложного и многомерного цифрового ландшафта современного города.

В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Метрополитен: стареющая технология и ее современные пользователи, изменение компетенций и сфер ответственности» № 15-01-0120, в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015–2016 гг.

Примечания

1. Термин ubiquitous computing был введен Марком Вайзером в конце 1980-х гг. для обозначения возможности доступа к компьютерной сети из любой точки пространства. В настоящее время термин, который я предлагаю переводить как «подключенный город», широко распространен в социальных науках и городском планировании и означает возможность постоянного нахождения на связи горожан, городских инфра-

структур, материальных объектов и пр. Предполагается, что возможность пребывания на связи создает новое качество городской жизни.

2. Впервые интернет-связь была предложена американской компанией Gogo в 2008 г. на рейсах авиакомпании American Airlines. См.: http://www.gogoair.com/history.

Список литературы

1. Crang M., Graham S. Sentient Cities: Ambient Intelligence and the Politics of Urban Space // Information, Communication, Society. 2007. V. 10. № 6. P. 789–817.

2. Anthopoulos L., Fitsilis P. From Digital to Ubiquitous Cities: Defining a Common Architecture for Urban Development // IEEE 6th International conference on Intelligent Environments, IEEE Xplore. P. 301–306.

3. Shepard M. (ed.) Sentient City. Ubiquitous Computing, Architecture, and the Future of Urban Space. Cambridge, MA: The MIT Press, 2011. 200 p.

4. Weiser M. Ubiquitous Computing // Hot Topics. IEEE Computer, 1993 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cc.gatech.edu/~keith/classes/ubicomplexity/pdfs/foundations/weiser-hot-topics.pdf

5. Thrift N., French S. The automatic production of space // Transactions of the Institute of British Geographers. 2002. V. 27. № 3. P. 309–335.

6. Van Dijk J. The Network Society. Social Aspects of New Media. London: Sage Publications, 2006. 336 p.

7. Kitchin R., Dodge M. Code/Space: Software and Everyday Life. Cambridge, London: The MIT Press, 2011. 304 p.

8. Wellman B. Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. V. 25. № 2. P. 227–252.

9. Malpas J. The Place of Mobility Technology, Connectivity, and Individualization // Wilken R., Goggin G. (eds.) Mobile Technology and Place. NY, London: Routledge, 2012. P. 26–38.

10. Graham S. Disrupted Cities. When infrastructure fails. NY, London: Routledge, 2012. 208 p.

11. Brenner N., Schmid C. Towards a new epistemology of the urban? // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2015. V. 19. № 2–3. P. 151–182.

12. Hård M., Misa T.J. Urban machinery: inside modern European cities. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. 351 p.

13. Harvey P., Knox H. Roads: An Anthropology of Infrastructure and Expertise. Ithaca: Cornell University Press, 2015. 264 p.

14. Запорожец О., Лапина-Кратасюк Е. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. 2015. № 4. С. 41–54.

15. Casey E.S. Going Wireless: Disengaging the Ethical Life // Wilken R., Goggin G. (eds.) Mobile Technology and Place. New York, London: Routledge, 2012. P. 175–180.

16. Internet Society Global Internet Report 2015. Mobile Evolution and Development of the Internet. 139 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.internetsociety.org/globalinternetreport/assets/download/IS_web.pdf

17. http://habrahabr.ru/company/mailru/blog/200358/ (дата обращения: 08.03.2016).

18. Ito M., Okabe D., Matsuda M. (eds.) Personal, Portable, Pedestrian. Mobile Phones in Japanese Life. Cambridge, London: The MIT Press, 2005. 368 p.

19. Rabari C., Storper M. The Digital Skin of Cities: Urban Theory and Research in the Age of the Sensored and Metered City, Ubiquitous Computing, and Big Data. UCLA. January 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lse.ac.uk/geographyAndEnvironment/whosWho/profiles/Michael%20Storper/pdf/ICTandCities.pdf

20. Willis K. Sensing Place: New Media Technologies and Urban Space // Frers L., Meier L. (eds.) Encountering Urban Places; Visual and Material Performances in the City. Aldershot: Ashgate Press, 2007. P. 155–170.

21. http://centr-2.com/index.php/topic/1361-megafon-sotovaia-sviaz/ (дата обращения: 08.03.2016).

22. Mascheroni G., Ólafsson K. The mobile internet: access, use, opportunities and divides among European children // New Media and Society. 2015. V. 17. № 1. P. 1–23.

23. http://www.economist.com/news/science-and-technology/21632739-Wi-Fi-hotspots-become-ubiquitous-who-needs-cellular-wireless-when-wireless-worlds (дата обращения: 08.03.2016).

24. Bilton N. The Sorry State of Inflight Wi-Fi // The New York Times. 2016. January 21.

25. http://blog.edreams.com/in-flight-wifi/ (дата обращения: 08.03.2016).

26. Bliss L. Ubiquitous As Pigeons': Imagining Life in the City of Drones // The Atlantic City Lab. 2014. August 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.citylab.com/tech/2014/08/ubiquitous-as-pigeons-imagining-life-in-the-city-of-drones/375568/.

27. Townsend A.M. Smart Cities: Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia. New York: WW Norton & Company, 2013. 400 p.

28. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3–4. С. 209–234.

29. Lambert A. McQuire S., Papastergiadis N. Public Wi-Fi. Space, sociality and the social good // Australian Journal of Telecommunications and the Digital Economy. 2014.V. 2. № 2.

30. Hampton K. N., Livio O., Goulet L.S. The Social Life of Wireless Urban Spaces: Internet Use, Social Networks, and the Public Realm // Journal of Communication. 2010. V. 60. № 4. P. 701–722.

31. http://www.grin.com/en/e-book/203175/the-implementation-of-free-wifi-service-in-the-german-public-transport» (дата обращения: 08.03.2016).

32. http://xn----7sbbai3bbdbwul8e.xn--80adxhks/ (дата обращения: 08.03.2016).

33. http://riamo.ru/happen_news_moscow/20160111/618729841.html (дата обращения: 08.03.2016).

34. WiFi в метро Москвы: техническое послевкусие // Ридус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ridus.ru/news/156457.

35. Wi-Fi наступает на метро // Фонтанка. Петербургская Интернет-газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fontanka.ru/2013/12/ 26/165/.

36. http://ria.ru/spb/20140113/988989761.html (дата обращения: 08.03.2016).

37. Бесплатный Интернет портит имидж Петербурга // Интернет-портал 812’ONLINE [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.online812.ru/2014/10/28/011/.

USING THE INTERNET IN THE SUBWAY: POLICIES AND PRACTICES OF THE DIGITAL UNDERGROUND

O.N. Zaporozhets

Poletaev Institute of Theoretical and Historical Humanities Studies, Moscow
National Research University Higher School of Economics, Moscow

The paper questions the concept of «ubiquitous city» as a way to describe changing urban environment in a situation of increased Internet access and time spent online. The author suggests the term «digital porosity» to grasp the non-uniformity, limitations and gaps of digital connectivity (technological, material, spatial, social, etc.). Based on the research of internet connectedness and practices of internet use in the subways of Moscow and St. Petersburg, the paper states that the extension of the internet zone and the inclusion of new urban spaces do not automatically increase the connectivity of the city, since the latter depends not only on the availability or the quality of internet communication, but also on the intentions and skills of the internet users and their ideas about the comfort and the possibility of internet connection, the role of subway ride in the broader planning horizons.

Keywords: ubiquitous city, digital city, digitalization, digital porosity, wi-fi, subway, policies and practices of internet use.

УДК 316.62

ОСОБЕННОСТИ ВХОЖДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В АЛКОГОЛЬНУЮ СРЕДУ

© 2016 г.

Д.В. Зернов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

zerdv@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.03.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Представлены результаты социологического исследования, посвященного изучению образа жизни и здоровья молодежи. Дается обзор поведения молодежи, связанного с употреблением алкогольных напитков. Определяются масштабы распространенности употребления алкоголя в различных половозрастных группах молодежи. Рассматриваются начало употребления (возраст, мотивация, связь с семейными алкогольными традициями) и особенности употребления алкогольных напитков на данном этапе жизненного пути (регулярность употребления различных алкогольных напитков, средние разовые дозы алкоголя). Дается характеристика степени алкоголизации ближайшего социального окружения молодежи.

Ключевые слова: гендер; возрастные особенности; молодежь; поведение, связанное с риском для здоровья; семья; употребление алкоголя.

Введение

Согласно официальной статистике и заявлениям представителей Минздрава и Роспотребнадзора, в России в последние годы наблюдается снижение злоупотребления алкогольной продукцией. С 2009 г. официальные продажи алкогольной продукции в абсолютном алкоголе на душу населения сократились почти на 9% (в 2009 г. данный показатель составлял 9.1 литра, в 2014 г. – 8.3 литра). Общая численность больных алкоголизмом, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях, за этот же период снизилась на 11%, и почти на 28% снизилось количество больных, взятых под диспансерное наблюдение впервые в жизни. Если в 2009 г. умерло от причин, связанных с употреблением алкоголя, 68.6 тыс. человек, то в 2014 г. данный показатель составил 52.8 тыс. человек, то есть произошло снижение на 24% [1].

По оценкам главного психиатра-нарколога Минздрава России Евгения Брюна, с 2010 по 2011 г. потребление алкоголя снизилось примерно с 18 до 13.5 литра на человека в год [2].

Директор Центра исследований федерального и региональных рынков алкоголя Вадим Дробиз в интервью «Коммерсантъ FM» также дает оптимистическое заключение о ситуации в России: «Средний россиянин пьет ровно столько же алкоголя в год, сколько и житель Евросоюза, – примерно 12.5 л чистого спирта на душу. Это, может быть, и много, но мы не спивающаяся страна. Есть точная статистика отравлений злоупотребляющих алкоголем – 10–11 тыс. человек в год. В России травится от алкоголя значительно меньше, чем в Соединенных Штатах. У нас на 147 млн человек погибает 11 тыс. в год, в Соединенных Штатах на 310 млн – более 30 тыс.» [3].

Одновременно с этим эксперты замечают, что ситуация остается довольно напряженной, особенно в молодежной среде. По данным Роспотребнадзора, ежедневно или через день пьют алкогольные напитки, включая пиво, 33% юношей и 20% девушек [1].

Целью работы является определение масштабов употребления алкогольной продукции в различных половозрастных группах молодежи, а также описание специфики вхождения молодежи в алкогольную среду.

Методология

Материалами статьи послужили результаты социологического исследования «Образ жизни и здоровье нижегородской молодежи», в ходе которого методом анкетирования опрашивались молодые нижегородцы в возрасте от 15 до 24 лет. Инструментарий для проведения анкетирования разработан на кафедре прикладной социологии ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Кроме вопросов, связанных с отношением молодежи к алкоголю, в анкету также вошел широкий круг вопросов, оценивающих отношение к табакокурению, характеристики сексуальной жизни, а также ценностные ориентации молодых людей. Полевой этап исследования осуществлен в ноябре 2015 г. в рамках студенческой практики. Анкетерами выступили студенты 1–2-го курса ФСН. Выборка квотная по полу и

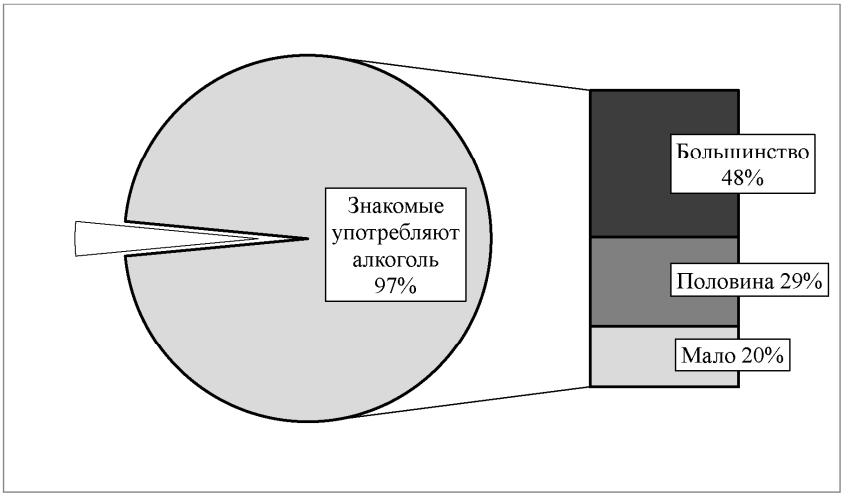


Рис. 1. Число знакомых, употребляющих алкоголь, в окружении молодых людей, %

возрасту. Всего было опрошено 860 молодых жителей Нижнего Новгорода и области. После проверки и ремонта выборки статистический анализ осуществлен на массиве из 836 анкет. Деление респондентов по полу выглядит следующим образом: юношей – 43%, девушек – 57%. Деление по возрастным группам следующее: 15–16 лет – 11%, 17–18 лет – 34%, 19–20 лет – 26%, 21–22 года – 15% и 23–24 года – 15%. Валидность полученных результатов подтверждается результатами других исследований разных групп молодежи, проведенных кафедрой прикладной социологии ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского [4–7]. Статистическая обработка данных осуществлена в программных пакетах FormProcessor и SPSS Statistics 17.0.

Результаты

Вхождение в алкогольную среду начинается с социального окружения. Степень алкоголизации ближайшего социального окружения молодого человека оказывает самое непосредственное влияние на приобретение алкогольного опыта. О высокой степени распространенности алкоголя в молодежной среде свидетельствуют оценки молодых людей алкоголизации своего окружения (рис. 1). Практически все молодые люди (97%) сказали, что у них есть знакомые, которые употребляют алкогольные напитки, а 77% указали на то, что употребляющих алкоголь среди их друзей и знакомых не менее половины. Причем здесь в оценках юношей и девушек различий никаких нет. Гендерная специфика алкоголизации ближайшего социального окружения наблюдается, когда молодые люди указывают, что большинство их знакомых – выпивающие или пьющие люди. Среди юношей такие оценки своим знакомым дают 54%, среди девушек – 43%. Однако гораздо важнее сам факт, что практически у половины молодых людей большинство их знакомых регулярно выпивают. И лишь пятая часть молодежи указывает, что среди их знакомых мало людей, которые употребляют те или иные виды спиртных напитков.

Одной из важнейших характеристик вхождения в алкогольную среду является начало употребления алкогольной продукции. Средний возраст первого алкогольного опыта молодых людей от 15 до 24 лет составляет 14.5 лет. До 16 лет уже пробовали те или иные алкогольные напитки 65% молодых людей, имеющих опыт его употребления, до 18 лет – свыше 90%. Знакомство с алкоголем у юношей происходит в более раннем возрасте, чем у девушек (рис. 2). До 12 лет попробовали алкоголь уже более десятой части юношей, до 14 лет – уже треть. Для большинства юношей первый опыт употребления алкоголя приходится на возраст 14–15 лет (42%). Причем на 14 лет юноши указывают даже немного чаще, чем на 15. В 16–17 лет с алкогольными напитками знакомится еще примерно пятая часть юношей, и 5% пробуют алкоголь в 18 лет или позднее.

Девушки впервые пробуют алкоголь примерно на год позже юношей. Средний возраст первого алкогольного опыта девушек равен 14.8 лет, тогда как юношей – 14.0 лет. При этом среди девушек также встречаются те, чей опыт приходится на 7–11 лет (3%). В 12–13 лет алкоголь впервые пробуют 16% девушек, а большинство, как и большинство юношей, знакомятся с алкоголем в 14–15 лет (40%). Примерно

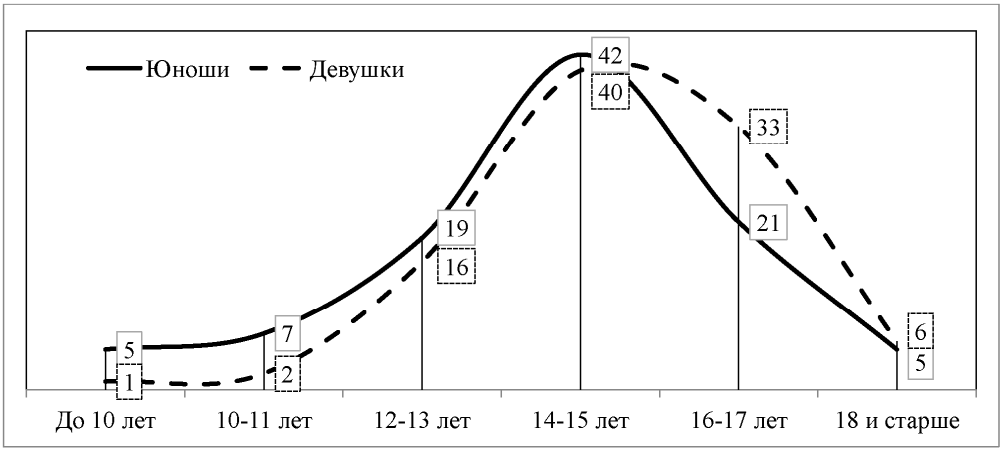


Рис. 2. Возраст первого знакомства с алкоголем, %

треть девушек сказали, что впервые попробовала алкоголь в 16–17 лет (на 16 лет указало вдвое больше, чем на 17). И лишь 6% отметили, что попробовали в 18 лет и позднее. Таким образом, среди молодежи встречается большой процент попробовавших алкоголь в очень раннем возрасте. Почти для десятой части молодых людей с момента знакомства с алкоголем до настоящего времени прошло уже 10 и более лет. И практически для такого же числа молодежи данный период равен примерно одному году. Примерно в равных пропорциях распределяются те, для кого длительность алкогольного опыта составляет 2–3 года (24%), 4–5 лет (25%) и 6–7 лет (21%). Естественно, здесь выраженная зависимость от возраста, но важно отметить, что и в группе 15–17-летних большинство указывают, что познакомились с алкоголем 2–3 года назад, а 4- или 5-летний стаж знакомства имеется почти у пятой части представителей данной возрастной группы. И, напротив, лишь единицы из группы 22–24-летних познакомились с алкоголем менее 4 лет назад. Следовательно, вхождение молодежи в алкогольную среду заканчивается уже к 18 годам, а затем просто нарабатывается их алкогольный стаж.

И юноши, и девушки впервые пробуют алкоголь чаще всего в компании своих знакомых. Однако наряду с этим не менее трети молодых людей указали, что впервые попробовали алкоголь в кругу семьи и в присутствии родителей (табл. 1). Особенно это характерно для первого опыта девушек (40%). Чуть более десятой части молодежи знакомится с алкоголем в компании со своим другом или подругой. Причем это в одинаковой степени характерно и для юношей, и для девушек. И небольшой процент молодых людей признается, что впервые попробовали алкоголь в случайной компании или в одиночку, когда этого никто не видел.

Важно отметить, что наблюдаются половозрастные особенности первого опыта употребления алкоголя в зависимости от того, где этот опыт произошел. Так, знакомство с алкоголем в компании знакомых у юношей и у девушек происходит примерно в одном возрасте. В среднем это 15 лет. В 12–13 лет в компании знакомых впервые попробовали алкоголь 17% юношей и 16% девушек, в 14–15 лет – 47% юношей и 38% девушек. Для девушек здесь характерен небольшой сдвиг в старшую возрастную группу: в 16–17 лет в компании своих знакомых попробовали алкоголь 35% девушек и 25% юношей. Гораздо больше различий в первом алкогольном опыте, который произошел в кругу семьи (рис. 3). Юноши, хотя и реже, чем девушки, говорят о подобном опыте, однако для многих из них это происходит гораздо раньше. Из тех юношей, кто попробовал алкоголь дома и в присутствии родителей, 16% сказали, что им было меньше 10 лет, 12% – 10–11 лет. На эти же возраста указали лишь 6% девушек, также попробовавших алкоголь в присутствии родителей. Напротив, более трети девушек, попробовавших алкоголь дома, говорят, что им было 16 и более лет. Что же до первого алкогольного опыта, произошедшего тайно, в одиночку, когда никого не было дома, то такой опыт характерен для юношей примерно 13 лет и уже совсем взрослых девушек, достигших совершеннолетия.

Таким образом, есть заметные отличия в формах контроля родителей алкогольного опыта своих сыновей и дочерей. Родители стараются регулировать алкогольное поведение своих дочерей, однако создается ощущение, что некоторые родители даже поощряют знакомство с алкоголем своих сыновей.

В настоящее время среди молодых нижегородцев от 15 до 24 лет опыт употребления алкогольных напитков имеют почти 90%. Причем

Таблица 1

Место первого опыта употребления алкоголя, %

Места	Молодежь	Юноши	Девушки
В компании знакомых	47	52	43
В кругу семьи, в присутствии родителей	34	27	40
Вдвоем со своим другом или подругой	14	15	14
Один, когда никто этого не видел	2	3	2
В случайной компании	2	3	1

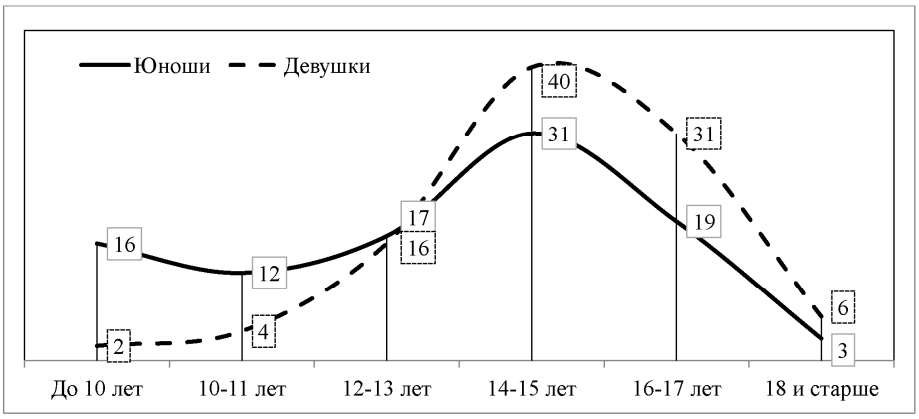


Рис. 3. Возраст знакомства с алкоголем молодых людей,
чей первый опыт употребления произошел в кругу семьи, %

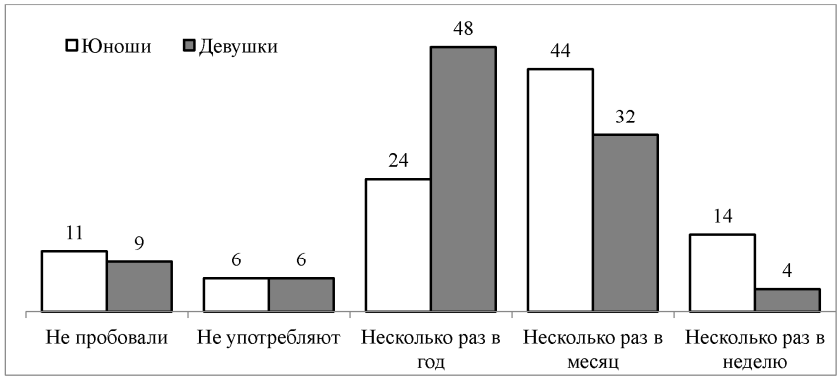


Рис. 4. Регулярность употребления алкоголя, %

между юношами и девушками в этом не наблюдается никакой разницы.

Не употребляют никаких алкогольных напитков лишь 6% молодых людей из тех, кто ответил, что имеет опыт их употребления. Отметили, что выпивают редко, несколько раз в год – 38%. Однако столько же выпивают с регулярностью несколько раз в месяц. Несколько раз в неделю алкоголь употребляют около десятой части молодежи.

Регулярность употребления алкоголя у девушек ниже, чем у юношей (рис. 4). Примерно половина девушек выпивают только несколько раз в год, а совсем не выпивают или даже не имеют подобного опыта 15%. Несколько раз в месяц выпивают 32% девушек, а 4% обращаются к алкоголю несколько раз в неделю. Среди юношей почти втрое больше тех, кто выпивает несколько раз в неделю (14%). Большинство же юношей пьет с регулярностью несколько раз в месяц. Не употребляют алкогольных напитков 17% молодых людей, а 24% не очень часто обращаются к алкоголю.

Самыми популярными напитками у юношей оказывается пиво и крепкий алкоголь (табл. 2). С разной степенью регулярности пиво пьют 68% юношей, а крепкие алкогольные напитки – 69%. Однако если большинство молодых людей крепкие алкогольные напитки употребляют несколько раз в год (41%), то пиво они пьют несколько раз в месяц (37%) или даже несколько раз в неделю (12%). Несколько раз в месяц крепкие алкогольные напитки употребляют четвертая часть юношей, а 3% – несколько раз в неделю и чаще.

Таблица 2

Регулярность употребления алкогольных напитков, %

Виды алкоголя	Не употребляют		Несколько раз в год		Несколько раз в месяц		Несколько раз в неделю		Нет опыта употребления	
	Юн.	Дев.	Юн.	Дев.	Юн.	Дев.	Юн.	Дев.	Юн.	Дев.
Пиво	21	45	19	26	37	16	12	2	11	9
Слабоалкогольные газированные напитки («отвертка», «вертолет»)	62	61	18	20	7	8	1	0		
Вино	33	17	36	52	17	20	2	1		
Крепкие алкогольные напитки	18	41	41	39	25	9	3	1		

Вино пьют 55% юношей, но большинство – несколько раз в год (36%). Слабоалкогольные газированные напитки сегодня пьют не очень большой процент юношей (26%), и большинство из них – также несколько раз в год (18%).

У девушек самым популярным напитком остается вино. Его употребляют 73% девушек, преимущественно несколько раз в год (52%). Несколько раз в месяц и чаще вино пьют не менее пятой части девушек. Также почти пятая часть девушек несколько раз в месяц и чаще пьют пиво. Всего, с той или иной степенью регулярности, пиво употребляют 44% девушек. Почти половина девушек время от времени употребляют крепкие спиртные напитки, и почти десятая часть – с регулярностью несколько раз в месяц. Процент девушек, употребляющих слабоалкогольные газированные напитки, примерно равен аналогичному проценту юношей. Несколько раз в месяц подобную алкогольную продукцию употребляют 8% девушек.

Оценивая алкогольное поведение своих знакомых, молодежь отмечает значение пива. Сказали, что среди их знакомых нет людей, не пьющих этот напиток, только 6%, еще 26% отметили, что среди их знакомых таких немного. Зато 31% молодежи говорит, что среди их знакомых примерно половина пьют пиво, столько же – что пьют большинство знакомых, а 7% указывают, что пиво пьют все их знакомые. Распространенность крепких алкогольных напитков в окружении молодых людей, хотя и меньше, также весьма показательна. Лишь у десятой части молодых людей среди знакомых нет пьющих крепкий алкоголь, и 39% молодежи вращается в среде, где мало пьющих крепкие алкогольные напитки. Почти треть молодых людей говорят, что половина их знакомых употребляют крепкий алкоголь, 18% – что его употребляют большинство их знакомых, и 4% – что пьют все знакомые. Число знакомых, пьющих слабоалкогольные напитки, не отличается от числа пьющих крепкий алкоголь. Важным индикатором алкоголизации является оценка числа знакомых, которые постоянно бывают в состоянии алкогольного опьянения. Отмечают, что среди их знакомых есть такие люди, свыше 40% молодых людей, и почти 10% из них говорят, что таких знакомых у них половина и больше. Здесь важно отметить, что число знакомых, регулярно бывающих в состоянии алкогольного опьянения, в разных возрастных группах молодых людей отличается не столь сильно, как можно было бы ожидать. Больше всего таких знакомых у молодежи из возрастной группы 19–20 лет (49%). Однако и в возрастной группе 15–16 лет почти треть признаются в наличии регулярно пьяных людей в своем ближайшем социальном окружении.

Наблюдаются существенные различия в специфике регулярности употребления алкогольных напитков юношами и девушками из разных возрастных групп.

Девушки 15–16-летнего возраста чаще, чем юноши аналогичного возраста, признаются, что имеют опыт употребления алкоголя. Сказали, что ни разу не пробовали алкоголь, 29%, и 6% имеют опыт употребления алкоголя, но в настоящее время его не употребляют. Однако для девушек характерно преимущественно редкое (несколько раз в год) употребление. Чаще раза в месяц алкоголь употребляют 12% девушек, и еще 2% употребляют его несколько раз в неделю. Здесь наибольшей популярностью пользуются слабоалкогольные газированные напитки. Их регулярно (несколько раз в месяц и чаще) употребляют не менее десятой части девушек. Пиво чаще раза в месяц пьют 4% 15–16-летних девушек и столь же регулярно пьют крепкие алкогольные напитки.

Из 15–16-летних юношей не имеют опыта употребления алкоголя 44% и еще 3% говорят, что сейчас его не употребляют. В отличие от девушек, только 19% юношей сказали, что употребляют алкоголь несколько раз в год. Большинство же (25%) употребляют различные алкогольные напитки с регулярностью несколько раз в месяц. Чаще (несколько раз в неделю)

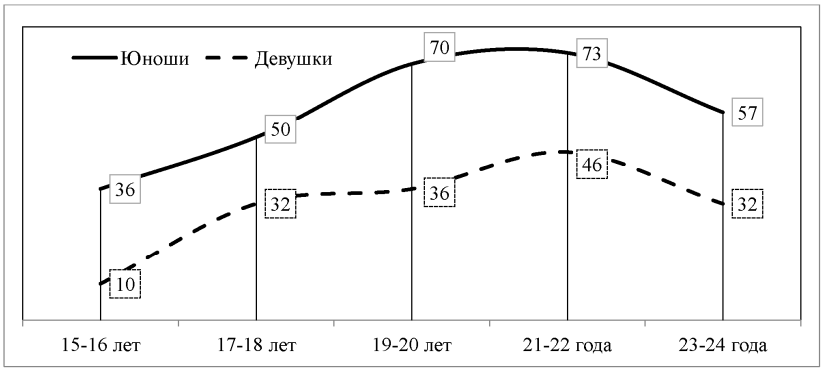


Рис. 5. Употребление пива и крепких алкогольных напитков в различных возрастных группах молодежи, %

алкоголь употребляет 8% юношей данной возрастной группы.

Возрастная граница 16–17 лет дает резкий прирост имеющих опыт употребления алкоголя. Так, например, среди 15-летних юношей не пробовали алкоголя 54%, среди 16-летних – 39%, а среди 17-летних – уже лишь 9%. Аналогично и у девушек: в 15 лет отсутствует алкогольный опыт у 35%, в 16 лет – у 23%, а в 17 лет – лишь у 4%.

Число девушек, употребляющих алкогольные напитки эпизодически, несколько раз в год, во всех возрастных группах остается примерно одинаковым (45–50%). А вот число тех, кто выпивают несколько раз в месяц, среди 17–18-летних девушек резко возрастает (до 41–45%), хотя в последующие годы и колеблется – 25–35%.

У юношей после 17 лет особенно интенсивно идет прирост употребляющих алкогольные напитки несколько раз в месяц: с 25% в группе 15–16-летних, до 43% в группе 17–18-летних, а затем и до 51–52% в группах 19–20- и 21–22-летних. Еще одна особенность, характерная только для юношей, – это резкий скачок употребляющих алкоголь чаще раза в неделю, который происходит после 18 лет. Так, среди 18-летних юношей число употребляющих алкоголь несколько раз в неделю и чаще составляет 9%, а среди 19-летних – уже 20%. Для последующих возрастов число часто пьющих остается примерно таким же. С возрастом последовательно растет число юношей, регулярно употребляющих пиво: среди 15-летних их 23%, среди 17-летних – 39%, среди 19-летних – 59%, среди тех, кому 21 год, – 65%. Резкий прирост часто пьющих крепкие спиртные напитки происходит в период 15–16 лет (с 8% до 26%) и в период 19–20 лет (с 29% до 43%). Важно отметить, что в группе 23–24-летних юношей число регулярно употребляющих те или иные алкогольные напитки даже снижается по сравнению с предыдущими возрастными группами. Сдерживающим фактором здесь, скорее всего, оказывается то, что многие юноши в этом возрасте уже начинают обзаводиться своими семьями. Если, например, среди 21–22-летних в зарегистрированном браке находилось лишь 5% молодых людей, то среди 23–24-летних таковых уже 25%.

Молодежь редко отдает предпочтение только одному виду алкогольной продукции. Некоторое исключение здесь составляет вино: 16% девушек ответили, что употребляют только вино и не пьют других алкогольных напитков. Однако 44% молодых людей с разной регулярностью употребляют пиво и крепкие спиртные напитки. Среди юношей, употребляющих оба этих алкогольных напитка, 58%, а среди девушек – 32%. Причем даже в самой младшей возрастной группе встречаются такие молодые люди: среди юношей 15–16 лет таких 36%, среди девушек – 10% (рис. 5). С увеличением возраста увеличивается и число употребляющих эти напитки. Среди 17–18-летних юношей таковых уже 50%, среди девушек – 32%. Максимальное число пьющих и водку, и пиво наблюдается в возрастной группе 21–22 года: это 73% юношей и 46% девушек.

Важно отметить, что процент молодежи, употребляющей оба эти напитка несколько раз в месяц и чаще, также достаточно высок: 13% (23% юношей и 6% девушек). И снова в это число входят юноши и девушки всех возрастных групп. Даже среди 15–16-летних есть и юноши (19%) и девушки (2%). Встречаются и те, кто употребляют эти напитки несколько раз в неделю (2%).

Примерно треть молодых людей добавляет к пиву и крепким алкогольным напиткам еще и вино. Число юношей здесь уменьшается, по сравнению с любителями только пива и крепкого алкоголя, до 41%, а вот число девушек остается практически прежним (29%). Выявляется зависимость от возраста. В группе 15–16-летних эти три напитка присутствуют в алкогольном ра-

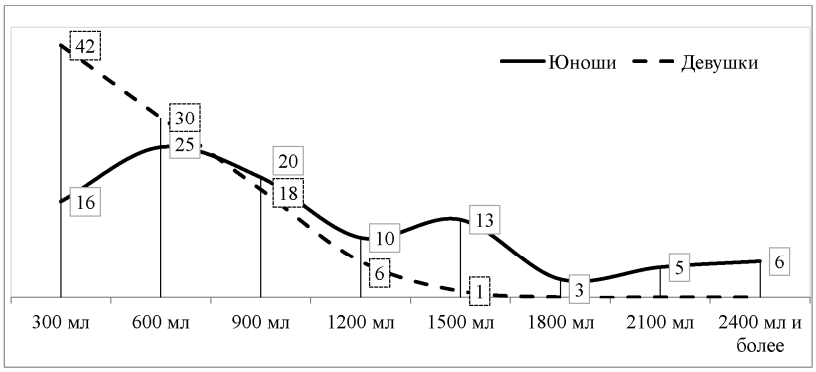


Рис. 6. Средняя разовая доза употребления пива, % ответивших

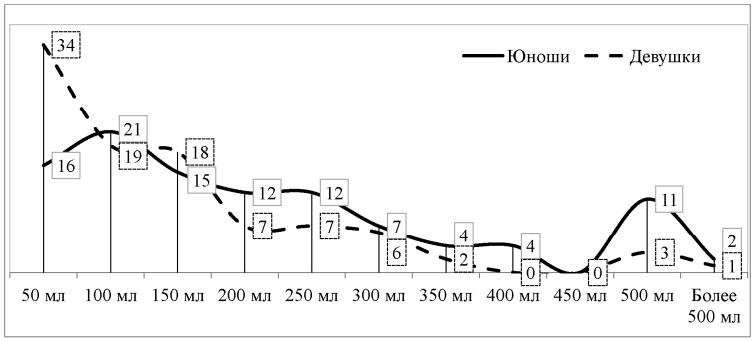


Рис. 7. Средняя разовая доза крепкого алкоголя, % ответивших

ционе у 19% юношей и 10% девушек, в группе 21–22-летних – у 50% юношей и 39% девушек.

Средняя разовая доза употребления пива у юношей чуть более одного литра (более двух бутылок), у девушек более пятисот миллилитров (примерно полторы бутылки). Чаще всего юноши за один прием выпивают или 600 мл (25%), или 900 мл (20%) пива (рис. 6). Однако среди юношей – любителей пива немало и тех, кто единовременно выпивает 1200 мл (10%) и 1500 мл (13%). И не менее десятой части за один прием может выпить более четырех 500-миллилитровых бутылок. Большинство девушек отмечает, что за один раз выпивают 300 мл пива (42%), примерно треть – 600 мл. Однако не менее четвертой части девушек единовременно выпивают 900 мл и более.

Различия между юношами и девушками в объемах потребления пива становятся еще более заметны в разных возрастных группах. Среднее значение дозы пива у девушек в разных возрастных группах примерно одинаковое (от 550 мл в 15–16 лет до 700 мл в 23–24 года). У юношей же в зависимости от возраста наблюдаются ощутимые скачки. Так, среднее значение разовой дозы пива в группе 15–16-летних составляет примерно 750 мл, а затем происходит резкий скачок до 1080 мл в группе 17–18-летних.

Размер средней разовой дозы крепкого алкоголя у выпивающих юношей превышает 200 мл, а у девушек приближается к 150 мл. В процессе распития крепких спиртных напитков одной-двумя стопками ограничиваются 53% девушек и только 37% юношей, три стопки являются нормой для 18% девушек и 15% юношей (рис. 7). От 200 до 300 мл крепкого алкоголя за один прием выпивают 31% юношей и 20% девушек. Свыше пятой части юношей отметили, что их разовая доза приема крепких спиртных напитков превышает 300 мл, причем 11% сказали, что они зараз выпивают целую бутылку. Девушек, употребляющих свыше 300 мл зараз, всего 6%, однако половина из них также говорят о целой бутылке.

Если говорить о разных возрастных группах молодежи, то для юношей здесь нет резких возрастных скачков в дозах употребления, как это, например, происходит с пивом. Примерно с 15 до 23 лет происходит плавное увеличение среднего значения единовременной дозы крепкого алкоголя с 180 мл (15–16 лет) до 250 мл (21–22 года), а затем, как и в случае с регулярностью употребления, наблюдается спад: среднее значение единовременной дозы уменьшается до 185 мл. Показательнее ситуация для возрастных групп юношей оказывается в отношении регулярности употребления крепких спиртных на-

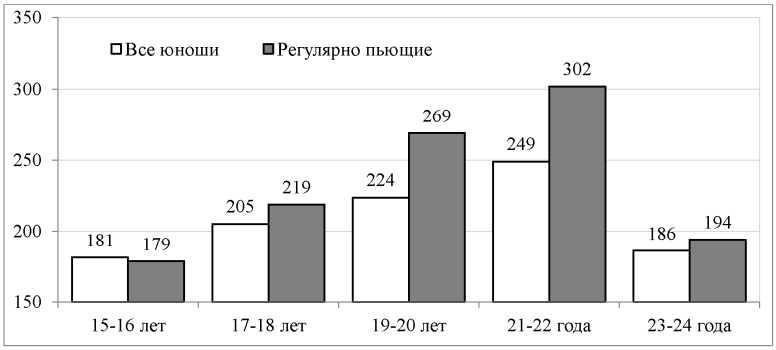


Рис. 8. Среднее значение единовременной дозы употребления крепких спиртных напитков в различных возрастных группах юношей, мл

питков. Так, среднее значение единовременной дозы крепкого алкоголя для 15–16- и 17–18-летних юношей, которые его употребляют несколько раз в месяц и чаще, практически не отличается от среднего значения для юношей этих возрастов в целом (рис. 8). Это примерно 180 мл в группе 15–16-летних и 220 мл в группе 17–18-летних. Однако затем происходит довольно резкое увеличение среднего значения единовременной дозы крепкого алкоголя. Среднее значение дозы у юношей, регулярно употребляющих крепкие спиртные напитки, в группе 19–20-летних составляет примерно 270 мл, а в группе 21–22-летних уже превышает 300 мл. А вот после 23 лет уменьшаются и число регулярно выпивающих юношей и их дозы единовременного потребления крепкого алкоголя.

Ситуация с дозами крепкого алкоголя в разных возрастных группах девушек также довольно любопытная. Так, среди девушек самой младшей возрастной группы немного употребляющих крепкие спиртные напитки, однако среднее значение единовременной дозы потребления самое высокое из всех возрастных групп. Как и у юношей аналогичного возраста, среднее значение единовременной дозы составляет 180 мл. В остальных возрастных группах девушек среднее значение единовременной дозы употребления крепких алкогольных напитков колеблется в диапазоне 130–150 мл.

Разница в объеме употребления вина у юношей и у девушек не столь различна, как в случае с пивом и крепкими спиртными напитками. Средняя доза разового приема вина у девушек составляет 320 мл, у юношей – 375 мл. Одним-двумя бокалами вина обычно ограничиваются 60% юношей и 72% девушек, употребляющих данный алкогольный напиток. Три-четыре бокала – норма для 29% юношей и 22% девушек. Однако 12% юношей и 7% девушек обычно не хватает и целой бутылки.

Если говорить о слабоалкогольных газированных напитках, то юноши в среднем за один прием выпивают 2.5 банки, девушки – чуть больше двух. Одной банкой ограничиваются 36% юношей и 41% девушек, двумя – соответственно 30% и 34%. Однако есть и явные любители данного вида напитка, для которых ничего не стоит выпить пять (а это уже полтора литра) или даже больше банок «отвертки» или «вертолета». Среди юношей, употребляющих слабоалкогольные газированные напитки, таких 15%, среди девушек – 8%.

Выводы

Распространенность лиц, употребляющих алкоголь, в ближайшем социальном окружении молодежи крайне высокая. Практически у всех молодых людей есть знакомые, употребляющие алкоголь. Юноши чаще девушек указывают, что большинство их знакомых выпивают.

Для большинства молодежи компания их сверстников является местом, где происходит процесс вхождения в алкогольную среду. Однако не менее трети молодых людей впервые попробовали алкоголь дома в кругу семьи и в присутствии родителей. Особенно это характерно для первого алкогольного опыта девушек. При этом родители стараются регулировать начало алкогольного опыта дочерей, но не сыновей. Те юноши, которые познакомились с алкоголем в присутствии родителей, указывают на более ранний возраст первого употребления алкоголя, чем девушки из аналогичной группы.

Первый опыт употребления алкоголя в среднем приходится на 14.5 лет. Юноши впервые пробуют алкоголь в среднем примерно на год раньше девушек. Среди молодежи наблюдается высокий процент лиц, попробовавших алкоголь в раннем возрасте. Свыше десятой части юношей до 12 лет уже имеют алкогольный опыт, до 16 лет алкоголь уже успевают попробовать свыше 70% молодых людей. Вхождение молодежи в алкогольную среду заканчивается уже к 18 годам, а затем просто нарабатывается алкогольный опыт.

В настоящее время среди молодежи опыт употребления алкогольных напитков имеют почти 90%. Регулярность употребления алкоголя у юношей выше, чем у девушек. Примерно половина девушек выпивают несколько раз в год, тогда как большинство юношей употребляют алкогольные напитки несколько раз в месяц.

Число употребляющих крепкие напитки в молодежной среде не ниже числа предпочитающих пиво. Однако регулярность потребления пива оказывается выше, чем регулярность потребления крепкого алкоголя. При этом 44% молодежи с разной степенью регулярности употребляет и пиво, и крепкие алкогольные напитки. Прежде всего это характерно для юношей (58%), однако и девушки здесь отстают совсем немного (32%). Причем и в самой младшей возрастной группе (15–16 лет) встречаются пьющие и пиво, и крепкий алкоголь юноши (36%) и девушки (10%).

Средняя разовая доза употребления пива у юношей – чуть более одного литра (более двух бутылок), у девушек – более пятисот миллилитров (примерно полторы бутылки). Размер средней разовой дозы крепкого алкоголя у выпивающих юношей превышает 200 мл, а у девушек приближается к 150 мл.

Список литературы

1. О снижении масштабов злоупотребления алкогольной продукцией / Сообщение Роспотребнадзора. 18.01.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http:// rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=5533&sphrase_id=569853 (дата обращения: 17.02.2016).

2. Пить стали меньше. Евгений Брюн в программе «Действующие лица» на «Ъ FM» // «Коммерсантъ FM» (24.09.2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2817239 (дата обращения: 17.02.2016).

3. Соркина О. Мы не спивающаяся страна // «Коммерсантъ FM» (20.01.2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2896482 (дата обращения: 17.02.2016).

4. Зернов Д.В., Шикунова И.В. Феминность, маскулинность и отклоняющееся поведение школьников // Социальные преобразования и социальные проблемы. Вып. 15. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2015. С. 38–57.

5. Зернов Д.В. К вопросу изучения семейных алкогольных традиций // Инновационная экономика XXI века: Материалы Девятой Международной научно-практической конференции. Т. 2. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. С. 782–784.

6. Зернов Д.В. Поведение студентов-медиков, представляющее опасность для здоровья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2012. №3 (27). С. 46–53.

7. Зернов Д.В., Перевезенцев Е.А. Образ жизни и здоровье студентов учреждений начального и среднего профессионального образования // Здоровье как ресурс. Н. Новгород: НИСОЦ, 2010. С. 492–497.

SOME PECULIARITIES OF YOUNG PEOPLE'S INTRODUCTION TO ALCOHOLIC ENVIRONMENT

D.V. Zernov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

We present the results of a sociological research focused on the study of lifestyle and health of young people, and their behavior associated with the consumption of alcoholic beverages. The scale of prevalence of alcohol consumption in different age groups of young people is determined. We consider the beginning of alcohol consumption (age, motivation, connection with family traditions), and some characteristics specific for different ages (regularity of alcohol consumption, average one-time doses, etc.). The degree of alcohol abuse in the immediate social environment of young people is also considered.

Keywords: gender, age features, young people, behavior associated with health risks, family, alcohol consumption.

УДК 316.346.32

(РАЗ)ОЧАРОВАНИЕ «УЧАСТВУЮЩЕЙ» ПЕРСПЕКТИВОЙ СОЦИОЛОГИИ ДЕТСТВА: УЧАСТВУЮЩИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ДЕТСТВА И ЕГО КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

© 2016 г.

С.Ю. Митрофанова

Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева,
Самарский государственный технический университет

mit_s@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.05.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Рассматриваются ключевые основания современной социологии детства на основе работ зарубежных и отечественных социологов детства. Показано, как участвующий подход включен в базовые принципы сегодняшней социологии детства. Доказывается, что участвующий подход им полностью соответствует. Особое внимание уделяется противоречиям данного подхода в исследовании детства. Эти противоречия рассматриваются на уровне теории, методологии, методики и техники исследования детей, а также в представлении результатов исследования. Сделан вывод, что участвующая методология не менее проблематична, чем традиционные методы исследования детства. Отмечается, что отечественные социологи детства идут «в ногу со временем», ставят во главу угла интересы самого ребенка. Подчеркивается, что как зарубежные, так и отечественные ученые движутся в одном направлении: поиска оптимальных способов реализации интересов детей в социологической практике исследования детства.

Ключевые слова: социология детства, участвующий подход в исследовании детства, противоречия участвующего подхода в исследовании детства, практика социологических исследований детства.

Участвующая перспектива в исследовании детей и теоретическая рамка современной социологии детства

Научная перспектива, в рамках которой исследователи определяют детство и его социальный статус (а в некоторых случаях говорят и вообще об отсутствии такового), влияет на то, какие методологические основания, методики и техники они применяют в исследовании детей. При этом в крайней, наиболее категоричной перспективе ставится вопрос о том, а надо ли вообще поднимать проблему методик исследования детства, поскольку под вопросом сама необходимость изучения данного феномена как «отсутствующего» в социально значимом плане явления. Отметим, что этой крайней позиции противопоставляются идеи, отвечающие сегодняшним условиям общественного развития и актуализирующиеся в рамках современной социологии детства. В этом плане мы считаем значимым обращение к концепциям и методологическим разработкам прежде всего зарубежных авторов. Зарубежная социология детства прошла путь от фиксации объектной позиции по отношению к детству до признания ребенка не только субъектом общественной жизни, но и участником или даже соисследователем, это и является условным критерием деления зарубежной социологии детства на «традиционную» и «новую». В отличие от зарубежной, становление отечественной социологии детства происходит в 90-е гг. XX в., и оно было изначально связано с признанием факта «субъектности» детства. Говоря языком западных социологов, отечественная социология детства всегда была «новой», здесь отсутствовал период, когда ребенок российскими социологами детства мыслился объектом как в плане явления общественной жизни, так и в плане исследовательской практики. В зарубежных исследованиях, как отмечают Хайнц Зюнкер и Дорис Бюлер-Нидербергер, новый подход к детству появился уже в социологических дискуссиях в 1970-х и 1980-х гг., когда происходит поворот от исследований социализации, игнорирующих компетентность детей в качестве участников социального действия, к признанию их таковыми [1]. В частности, этот подход в обозначенный период начинают развивать Leena Alanen [2], Chris Jenks [3] и другие. В 90-е гг. он получает широкое распространение и представлен в трудах W.A. Corsaro [4], J. Qvortrup [5], A. James и A. Prout [6; 7] и других. На современном этапе этих взглядов придерживается, в том числе, D. Cojocaru, утверждая, что современная социология детства обеспечивает альтернативу под-

ходу, акцентирующему внимание на детерминистской природе процесса социализации детей. Автор ссылается на идеи W.A. Corsaro [4] об интерпретативном подходе к социализации, обозначенном как интерпретативное воспроизводство, согласно которому социализация – это репродуктивный и интерпретативный процесс, где каждый ребенок не просто ассимилирует взрослую внешнюю культуру, но делает вклад в ее воспроизводство через обсуждения со взрослым и через креативную культуру производства с другими группами детей [8, с. 89]. Свое оформление этот подход получает в социологии детства в конце XX века. Его основу составляют три положения, которые сформулировали в конце 90-х гг. XX века Allison James и Alan Prout [6; 7]. В кратком виде они суммированы D. Cojocaru: 1) детство – это социальный конструкт, структурный и культурный компонент множества обществ, отличающийся от биологического состояния незрелости; 2) дети рассматриваются как активные социальные агенты в обществах, в которых они живут, поскольку они моделируют структуры и процессы, которые вокруг них, в их собственные жизни и в жизни людей, окружающих их; 3) детские социальные отношения и культуру необходимо изучать через самих детей и для них, несмотря на точку зрения и озабоченность взрослых [8, с. 89].

В отечественной социологии детства данный взгляд на детство наиболее отчетливо представлен в работах С.Н. Майоровой-Щегловой [9–11].

Вместе с тем в социологических исследованиях сам феномен детства конструируется поразному. Daniela Cojocaru приводит точку зрения Pia Christensen и Alan Prout на основные подходы к феномену детства, которые представлены в социологических исследованиях детства [8, с. 92–94]:

1. Ребенок – объект исследования. Этот подход основан на зависимости ребенка от взрослых, что находит отражение в соответствующих описаниях последними детей. Он основан на патерналистских идеях, на защите ребенка, на признании его как некомпетентного и уязвимого, здесь поддерживается и не ставится под сомнение авторитет позиции взрослых.

2. Ребенок – субъект исследования. В рамках данного подхода осознается значение возможностей ребенка, которые подкреплены его субъективностью. Хотя субъективность ребенка, выражаемая в разных контекстах и в различных видах действия и взаимодействий (интеракций), принимается в расчет, авторы говорят, что этот подход должен восприниматься с осторожностью в анализе данных, особенно когда касается вопросов зрелости и развития детей. Так, например, ученые признают, что трудно полагаться исключительно на суждения бездомных детей, которые мы получаем во время интервью, так как они могут менять свои суждения относительно личной истории в зависимости от различных интересов и социального контекста. Интервьюируя эту категорию детей, необходимо проверять информацию, используя объективные данные и триангуляцию источников информации.

3. Ребенок как социальный актор. Эволюция детства и подходов к детству в социальных исследованиях отражает изменения, происходящие в этике и идеологии, ценностях общества. В рамках этого подхода авторы интегрируют социальные действия, принимающие в расчет детский опыт, и способность понимания детей. Хотя различные исследовательские методы рассматриваются как зависящие от соответствующих особенностей детей и взрослых, подход к ребенку как к социальному актору фокусируется на значимости голоса самих детей.

4. Ребенок как участник или как соисследователь. Этот подход воодушевляет принципом утверждения участия ребенка в его/ее собственной жизни, в принятии решений, касающихся его/ее, свободного выражения им/ею мнения и идеей необходимости консультаций самих детей, когда принимаются решения, касающиеся его/ее жизни. Участвующий подход основан на правах детей, на понимании того, что дети исходят из своих интересов в своих отношениях со взрослыми, они способны понимать, где они живут, каковы их потребности и каковы возможные решения их проблем. Однако отметим, что в этом случае дети не выступают в роли контролеров исследования, они – его участники.

Анализируя динамику конструирования детства в социологических исследованиях, отметим, что современное понимание детства смещает акценты в сторону актуализации возможностей для проявления большей детской субъективности и компетентности. И как следствие, наибольшую популярность получают подходы, вырастающие из соответствующих этим положениям теоретических рамок в понимании детства. На наш взгляд, одно из влиятельных направлений в отношении исследования детства – это четвертый из выше обозначенных подходов, «участвующая» перспектива.

Цель данной работы состоит в том, чтобы показать специфику участвующего подхода в современной социологии детства, подвергнув его критическому осмыслению.

В рамках участвующей социологии утверждается субъектность, активность, социальная компетентность детства, признается в качестве

значимой способность участвовать, в т.ч. в социологических исследованиях детей. Дети в современной социологии детства – это активные, компетентные социальные акторы со своими собственными правами, а не те, кто находятся в процессе становления взрослыми или «не взрослые». Изучать их правомерно именно с этих позиций, рассматривая специфику индивидуального детства с учетом гендерного, сексуального, этнического, религиозного, классового, территориального и других измерений в контексте конкретной социальной и исторической ситуации. Современная социология детства – это область знания для детей и с детьми, а не для взрослых и о детях, иначе это превращается в ситуацию «ребятам о зверятах», что в крайних вариантах характерно для «традиционной» социологии детства. Детей необходимо исследовать для них самих и в их интересах, а не просто с целью понимания взрослыми детского сообщества. Для этого на уровне исследования предполагается использование так называемых «дружественных» по отношению к детям методов исследования, которые находят наибольшее развитие в участвующей перспективе исследования детства.

Методология участвующего исследования детства

Наше внимание, в первую очередь, привлекли работы зарубежных социологов, в которых представлен критический взгляд на вопросы методологии и методики участвующего подхода в исследовании детства.

В современной социологии детства признается, что недостаточно просто переопределить позицию детства не как объектную, а как субъектную, важно вовлекать детей как реальных участников в исследовательский процесс, и некоторые авторы утверждают, что вовлекать даже в качестве исследователей-аналитиков. В частности, этот вопрос освещается в статье четырех авторов, трем из которых по десять лет: Mary Kellett, Ruth Forrest (десять лет), Naomi Dent (десять лет) и Simon Ward (десять лет). В работе обсуждаются инициатива участия группы десятилетних детей как исследователей и барьеры, вытекающие из этой инициативы [12]. В отечественной литературе также представлены работы, авторы которых школьники, в частности по итогам конференций различных уровней, как правило, издаются сборники с результатами авторских исследований по разным темам, которые провели сами дети под научным руководством преподавателя, однако вопросам рефлексии участия детей в таких исследованиях внимания практически не уделяется.

Положения, которые развиваются в участвующей социологии детства, безусловно, воодушевляют исследователей. Но вместе с тем это направление исследований содержит ряд противоречий, которые нельзя игнорировать. Одно из них вытекает из признания того, что можно выделить разную степень «участия» детей в исследовании. Так, Lesley-Anne Gallacher и Michael Gallagher, рассматривая проблемы участвующего подхода в социологии детства, приводят в своей работе метафору (Roger Hart) об участии детей в исследовательском процессе как «лестнице», которая поднимается через несколько стадий от «говорения» и полуучастия до идеального положения «полного» участия. Авторы замечают, что такая метафора продуцирует методологическую иерархию. «Хорошее» или «лучшее» в иерархии – это те практические исследования, которые расположены на самой вершине «лестницы» (при полном участии), в отличие от тех проектов, которые можно считать «менее» участвующими [13, с. 500–501]. Вопрос в том, насколько правомерно, уместно такое противопоставление. Конечно, участие детей в исследовании само по себе – это не столько цель, но и, что более важно, инструмент наделения детей властью, полномочиями, способ обеспечить их «деятельностность», социальную активность и, в конечном счете, реализацию их прав. Использование «дружественных» детям подходов в исследовании оправданно, делает его наиболее подходящим и приносящим удовольствие самим детям. Однако выстраивание методологических иерархий, наверное, неправомерно.

«Дружественность» в изучении детей должна быть представлена на всех этапах исследовательского процесса в рамках участвующей социологии детства: начиная с определения методологии и определения дизайна, в разработке и обосновании методов и техник исследования, в ситуации выхода «в поле», в сборе данных, и заканчивая обработкой, анализом и представлением результатов. При этом на всех этапах исследовательского процесса «дружественности» в вопросах этики уделяется особое внимание, когда социологи детства исходят из принципа «не навреди». При всей понятности, правомерности, обоснованности такого подхода он содержит определенные противоречия, «затуманивает» некоторые краеугольные камни исследовательского процесса благодаря своей огромной привлекательности и заманчивости. Lesley-Anne Gallacher и Michael Gallagher отмечают ряд противоречий, существующих в участвующей социологии детства, которые мы обозначим ниже, дополняя их своими пояснениями и ком-

ментариями [13]. Отметим, что эти проблемы, на наш взгляд, являются отражением как проблем самого участвующего подхода, так и тех трудностей, которые связаны с особым объектом исследования социологии детства – самими детьми.

Можно выделить противоречия, касающиеся растущей популярности участвующей социологии детства. Широкое распространение участвующего подхода в «новой» социологии детства может быть связано с формированием негативного отношения к традиционной перспективе исследования детства как объекта социальной жизни. В результате те трудности, с которыми сталкивается исследователь в практике использования самого этого подхода, некритично им осмысливаются, или они игнорируются в силу своей незначительности, неважности. Так, например, если исследователь придерживается структурно-функциональных взглядов на детство, это зачастую определяет его положение как бы вне контекста современности, вне темы. Он со стороны изучает это явление, не погружен в него изнутри, а значит, не способен провести и получить данные, отражающие те тенденции, которые происходят в объекте его исследования. Таким образом, создается впечатление, что участвующий подход в исследовании детства, вырастающий из парадигмы социальных изменений, имеет более широкие познавательные возможности и преимущества над традиционными перспективами исследования детства, и в частности идеями структурного функционализма. Зачастую традиционный подход упрекают в том, что в нем доминирует идея субординации детей в отношении взрослых, идея некомпетентности детей и понимание ребенка как «становящегося взрослым». В то же время привлекательность участвующего подхода строится на противопоставлении идеям традиционного подхода, участвующая перспектива отвечает требованиям современной демократии, собственных прав ребенка, идее самоценности повседневных практик детей. Вместе с тем такая позиция выпячивает недостатки традиционного подхода в исследовании детства и затушевывает те проблемы, которые существуют внутри участвующего, если его рассматривать не в противовес традиционным идеям о детстве, а как самостоятельное направление в исследовании детства, продуцирующее аутентичное знание об особенностях, о субъективной реальности детства. И в связи с этим необходимо разобраться, действительно ли мы получаем в исследовательском процессе все то, что обещает нам участвующая перспектива, за что она ратует.

Следующие три противоречия связаны с особой огромной ролью взрослых исследователей, которые изучают пространство детства. Первое. Как известно, участвующая методология работает на обеспечение более тонких нюансов в понимании такого сложного социального явления, как детство, благодаря сокращению дистанции между исследователями и исследуемыми, признанию детей «экспертами» своей собственной жизни. Но вместе с тем означает ли это, что люди определенной идентичности или близкой друг к другу способны давать более точное, достоверное, глубокое знание о себе, нежели люди другой, непохожей идентичности? Исходя из этого тезиса лучше изучить свой объект исследования могут только те исследователи, кто в него включен или имеет схожие потребности и интересы с ним. Соответственно, это выводит нас к признанию того, что детям лучше знать о детстве, молодым – о молодости, взрослым – о взрослых и т.д. Или в еще более категоричном варианте – дети дошкольного возраста «дают» лучшее знание о детях этого возраста, чем взрослые, которые будут их изучать. Но так ли это? С одной стороны, схожий опыт, действительно, лучше помогает «понять» исследователю тех, кого он изучает. Но, с другой стороны, исследователь может стать «слепым»: есть угроза интерпретации исследователем определенного опыта информанта как само собой разумеющегося, не стоящего внимания. И в отношении детей необходимо принимать во внимание возможность подобного исследования, ведь те, кто будут изучать, должны владеть определенными исследовательскими навыками. В случае с детьми это представляет определенное затруднение. Второе. Говоря о глубине участия детей в участвующем подходе, нам необходимо помнить, что достижение «полного» участия в принципе невозможно, поскольку вовлечение детей в исследование зависит от тех техник, которые разработало для них взрослое сообщество исследователей, от той вариативности, которую взрослое сообщество «заложило» в применение этих техник на практике. В итоге приходим к парадоксальному заключению, касающемуся того, что без помощи взрослых дети не могут проявить свою активность, деятельностность, вовлеченность, свое участие. Но тем самым усиливаем значение «взрослых» в участвующей перспективе. Но ведь в оппозиции именно к этому тезису участвующая перспектива изначально формируется, выступая против той роли, которую играют взрослые в традиционной социологии детства. На укоренение роли взрослых работает и следующее положение, третье. Исследование детей связано с «моральными паниками» взрослых вокруг детского сообщества, например интернет-зависимости де-

тей или, более широко, любых проявлений их девиантного поведения. И взрослое сообщество вовлекает детей в исследования с целью дальнейшего регулирования их поведения и решения своих собственных проблем, своего беспокойства по поводу этих «моральных паник». Так можно ли говорить о том, что в рамках участвующей социологии детства роль «взрослого» сведена к минимуму, в отличие от методов традиционной социологии детства? В данном случае в отношении указанных примеров направлений исследований детства согласие с этим утверждением, на наш взгляд, будет сомнительным.

Важная проблема участвующей социологии детства – наличие/отсутствие волевой регуляции поведения детей. Участвующая методология исходит из принципа активности и деятельности самих детей, реализация этих принципов в практическом исследовании предполагает наличие у детей способности проявлять свою волю для достижения поставленных целей. Но вопрос в том, всегда ли реализуется воля детей в их активности, идет ли речь о волевом регулировании их поведения, всегда ли действуют они осознанно в своих исследовательских практиках или все же нужно признавать важное влияние каких-то других сопутствующих исследованию обстоятельств, например семьи, школы, друзей или каких-то спонтанных факторов. И в этом отношении участвующий подход в чем-то может противоречить идее социализации детей, предполагающей, что дети учатся быть конформными по отношению к нормам и ценностям взрослой жизни, принимать регламентацию и регуляцию поведения человека в обществе. Покажем, каким образом влияние опыта школьной жизни на детей вне рамок учебного процесса может противоречить идеям участвующего подхода. Так, благодаря школе дети получают понимание регламентации своей жизни, и в этом отношении принципы участвующей социологии могут противоречить уже имеющемуся у детей опыту излишней зарегулированности их практик в рамках школьной организации. Это, в частности, проявляется в ситуации рекрутирования детей-информантов для участия в исследовании. Когда пройден ряд барьеров и социолог получил доступ в поле, согласовал его с «гейткиперами» – теми, кто охраняют доступ к детям, – родителями, директорами учебных заведений, учителями и т.д., исследователь сталкивается с проблемой мотивации участия детей в исследовании. Ребенок, например, может принять решение об участии в исследовании в силу привычки подчиняться взрослым, учителям, а не в силу собственного сознательного выбора, особенно если исследование проводится в помещении школы. Или решение об участии в исследовании может зависеть от меркантильных соображений, если ребенку из социально неблагополучной среды обещают подарить или дать в пользование на какое-то время определенную технику, которая для него недоступна. Например, фотоаппарат, чтобы сделать снимки повседневной жизни, необходимые исследователю для научной работы (остановимся на проблеме техник участвующего исследования подробнее чуть ниже). Не мешают ли исследователи в этом случае «кровь с лимонадом», приправляя «кровь» информантов-детей «лимонадом» научных теорий, которые разработаны взрослыми? Но в любом случае решение ребенка участвовать в исследовании может быть продиктовано различными обстоятельствами и далеко не всегда его/ее собственным волеизъявлением, хотя «внешне» это может выглядеть именно так.

Методы и техники участвующего исследования детей

Одно из противоречий, вытекающее из признания детей компетентными участниками социальной жизни, на уровне проблемы выбора методов исследования выводит нас на понимание того, что мы можем применять те же методы, которые мы используем для исследования других социальных групп, считающихся компетентными участниками социальной жизни, и прежде всего взрослых. Это ведет к использованию техник, не учитывающих индивидуальные особенности тех, кого мы исследуем, в частности техник, игнорирующих возрастные особенности. Однако это наиболее категоричная позиция. Исследователи, конечно, признают, что нельзя применять одни и те же методы и техники для разных социальных групп информантов без учета их специфики. Компетентность понимается скорее через практическую активность детей, нежели просто их говорение или встраивание ответов в четкие рамки, обозначенные исследователем, не предполагающие гибкости и вариативности.

Понимание детей как «экспертов» своей жизни ведет к признанию необходимости исследования их мнения по поводу выбора методов их исследования. Этой теме посвящена статья [14]. M. Hill пишет, что отчасти это делается исследователями в рамках «пилотажа» или получения обратной связи. Однако опыт сравнительных исследований и точка зрения детей, не участвующих в исследованиях, отсутствует. Автор восполняет эти пробелы, изучая как мнение детей, которые не участвовали в исследова-

нии или консультации, так и тех, кто принимали участие. При этом ученый отмечает, что «неучастники» были более критично настроены в отношении форумов молодежи, школьных советов и каких-то разовых мероприятий. Исследование M. Hill включало фокус-группы и опросник, которые давали возможность проголосовать по предпочтениям способов выражения детьми своих точек зрения. Предпочтения детей, по мнению автора, выражены более явно, когда им даны варианты методов коммуникации, которые будут использоваться. M. Hill ссылается, в частности, на K. Stalker и C. Connors, которые дали детям возможность подготовить историю, записи (видео и т.д.) или рисунки к предстоящему интервью [14, с. 74]. Однако в литературе при этом, по замечанию M. Hill, как правило, авторы отмечают, что́ выбрали дети, но нет указания, почему они сделали выбор этих методов. Сам этот выбор, на наш взгляд, во многом зависит от особенностей самого ребенка и от социального контекста. Есть дети, которые «закрываются» в рамках групповой работы и достаточно активны в рамках индивидуальной, возможны и обратные ситуации. Противоречия социального контекста во многом связаны с разрывом между интересами детей и интересами исследователя [14, с. 75]. Так, дети указывали, что вопросы об индивидуальном опыте, особенно у них дома, могут расцениваться как вмешательство в личное пространство. Некоторые дети рассматривают домашнюю жизнь как частную, не для публичного освещения. Еще один пример, который приводит M. Hill, иллюстрирующий, на наш взгляд, разрыв интересов детей и исследователя, в следующем. С одной стороны, многие дети расположены к тому, чтобы их мнение было выявлено и услышано, но, с другой стороны, у них есть желание определить границы своего участия, ограничить исследователя, который вторгается в их собственную активность [14, с. 77–78]. Таким образом, при выборе методов в исследовании детей особенно важны место и контекст коммуникации, определяющие степень приватности и иерархию властных отношений.

Lesley-Anne Gallacher и Michael Gallagher приводят примеры техник исследования, отвечающих условиям участвующего подхода в новой социологии детства, которые бы отражали «сотни языков детства». Это картирование, экскурсии, организуемые и проводимые самими детьми, ролевые игры. Авторы отмечают, что многие исследователи используют такую популярную технику, как инициирование детей на фотографирование чего-либо, или более сложные, такие как создание коллажей, рассказывание историй, печатная журналистика и электронные публикации, радиопродукция, драма, кукольный театр, музыка и танцы. С детьми школьного возраста часто используются техники, основанные на их навыках письма, включая рабочие листы, дневники, письменный рассказ, «spider diagrams» [13]. Однако применение этих техник вызывает противоречия, связанные с тем, что многие из указанных выше видов деятельности хорошо знакомы детям и представлены, так или иначе, в учебном процессе. И тогда необходимо признать, что техники участвующей социологии не новы, они давно используются в педагогическом процессе и поэтому ничего принципиального нового, никаких новых знаний не продуцируют для социологии, они просто дублируют, являются отражением педагогических техник. Пафос социологии, заключающийся в признании ребенка субъектом, участником общественной жизни, кажется педагогам сегодня бессмысленным, поскольку они сделали это уже давно.

В контексте методов участвующей социологии детства особого внимания, на наш взгляд, заслуживают работы S. Punch [15, 16]. Рассматривая вопросы отличия исследования детей от исследования взрослых, автор поднимает, в том числе, проблему достоверности / лжи, проблему языка в исследованиях детства, и особое внимание уделяется описанию методик и техник, «дружественных» в отношении детей. Остановимся на трех из них: фотографическая техника – две методики «человек-паук» (spider diagrams) и таблица активности, которые адаптированы из методики PRA (participatory rural appraisal – оценка участия в сельской среде). Автор использовала эти методики при исследовании детей в достаточно закрытых в плане мобильности и технологий сообществах в государстве центральной части Южной Америки – Боливии. Методика «человек-паук» была названа «Места, которые я знаю». На листе дети рисовали «человека-паука» и на каждой ноге паука указывали место, где они бывали, и затем писали, как долго они там находились и сколько раз они посещали это место, и если они там находились более 10 минут, то указывали случаи, по которым они там были. Цель этого упражнения, с точки зрения S. Punch, – раскрыть степень детской мобильности и физические перемещения детей как внутри, так и за пределами своего сообщества. Идея таблицы активности состоит в выявлении рангов активности и работы детей. Дети заполняли лист, в котором указывали задания, которые они выполняли: связанные с сельским хозяйством, заботой о животных, домашней работой. При этом дети отмечали, дос-

тавлял ли этот вид деятельности им удовольствие или нет и сезонная это активность или круглогодичная. S. Punch говорит о том, что эта методика вполне продуктивна на начальной стадии исследования. Однако исследователь получает данные, которые требуют детализации и уточнения, и в дальнейшем необходимо использовать еще какие-то методы, чтобы обсудить поднятые вопросы более подробно [16]. На наш взгляд, данные методики пока еще не получили достаточного распространения в отечественной социологии детства, но вполне могут быть адаптированы при исследовании детской повседневности и в нашей стране.

Огромную популярность приобретает использование техники фотографии. Детям, как правило, доставляет огромное удовольствие делать фотографии. Это способ их самовыражения, они могут удалить те фотоснимки, которые им не понравятся. Зачастую это что-то новое для них и отличающееся от тех заданий, которые им обычно дают взрослые. Фотографическая техника не требует ряда навыков, необходимых при использовании традиционных техник, например рисования или написания сочинений, и имеющих ассоциацию со школьными оценками за эти виды деятельности. Но вместе с тем применение фотографической техники вызывает некоторые вопросы. Так, использование фотоаппарата означает, что ребенок должен уметь с ним обращаться и применять его в тех рамках, которые заданы исследователем, но это уже ограничивает активность и участие детей. Более того, ребенок может сломать технику, передать другому, фотографировать не то, что говорит, или не так, как задано исследователем. И тогда возникает вопрос – это формы участия или уже формы девиации детей? Один из недостатков этой техники, которые выделяет S. Punch применительно к своему исследованию, состоит в том, что на фотографии детей оказывали влияние климатические условия – сезон, когда проводилось исследование (дети в ее исследовании делали фотографии картофельного поля). Дети хотели фотографировать то, что они считают нужным, то, что они считают «хорошей» фотографией, это какие-то события (Samantha Punch приводит пример фотографии, на которой изображена схватка мальчиков на площади в деревне), хотя эти фото могут и не отражать и не характеризовать значимые стороны детской повседневности. В качестве особой этической проблемы S. Punch выделяет проблему использования фотографической техники теми детьми, которые не могут ее использовать в силу огромных для материального уровня их семей финансовых затрат на эту технику. Таким образом, идея «дружественных» методов заманчива, но их использование уместно далеко не во всех социальных контекстах.

Представление результатов исследования детей

В представлении результатов особое внимание в участвующей социологии детства уделяется голосам самих детей, а значит, важны цитаты из интервью, примеры фотографий, сделанных самими детьми, их рефлексия участия в исследовании и др. Отчеты социологических исследований детства в результате этого становятся эмоциональными, живыми, интересными по сравнению со «скучными», «сухими» цифрами, которые мы получаем в рамках традиционного подхода. Но означает ли это, что результаты исследования в участвующей социологии детства более значимы и продуктивны для дальнейшей работы с детьми, чем данные, которые мы получаем, например, в количественной социологии? Мы считаем выводы таких исследований особенно важными для просветительской, социальной работы, для психологического и профориентационного консультирования. Однако подчеркнем, что значимы любые социологические исследования детства, если они грамотно организованы и проведены.

Иллюстрация «разочарований»

Проиллюстрируем некоторые из рассмотренных «разочарований» на материалах нашего исследования [17]. Целью исследования являлось выявление роли информационных технологий (ИТ) и гаджетов в социализации детей начального школьного возраста на примере малого города Медногорска Оренбургской области. Исследование проведено в трех классах начальной школы МБОУ СОШ № 2: 1«а», 2 «б», 3 «а» во время классного часа (выборка целевая, N=52) в марте–апреле 2015 г. Мы старались мотивировать детей принять участие в исследовании, рассказать, насколько это было бы интересно для них. Однако решение об участии определялось не только их собственным желанием, но и спецификой классно-урочной системы школьной организации, когда дети «привыкли» выполнять задания взрослых, в итоге у нас не было таких ребят, кто отказался бы принять участие в исследовании. Детям предлагалось подготовить «домашнее задание»: сфотографировать конкретные ИТ и гаджеты, которыми они пользуются. Следуя принципам участвующей социологии, мы предложили ребятам, у которых в силу каких-то обстоятельств не ока-

жется под рукой ИТ и гаджетов, их нарисовать, тем самым мы считали важным предоставить возможность участвовать в исследовании всем детям. Однако этот выбор продуцировал иерархии внутри самого сообщества детей, когда некоторые из них стремились с более выгодных позиций показать, какие ИТ и гаджеты есть лично у них и каковы навыки владения ими. Также мы получили единственный рисунок со схематично изображенным на нем планшетом. В итоге предоставленный детям выбор способа передачи информации, по сути, работал на «разрыв» как интересов внутри сообщества детей, так и интересов детей и исследователей. В интересы последних не входило желание сделать явным информационное неравенство внутри самого детского сообщества. Некоторые дети сфотографировали свои странички «ВКонтакте», хотя в этой социальной сети присутствует ограничение по возрасту, которое гласит, что зарегистрироваться в ней может только человек в возрасте от 14 лет. Один второклассник фотографировал себя на веб-камеру, которая фиксировала также его изображение на компьютере, и все это вместе было представлено на фото. В итоге была составлена презентация, состоящая из фотографий и рисунка, сделанных детьми. В дальнейшем работая с этой презентацией, дети рассказывали каждый про свои слайды: давали интерпретацию, объясняли, что они хотели показать на той или иной фотографии и при каких условиях она была сделана. Мы получили яркие, живые, насыщенные эмоциями детей данные. Однако сказать, что они более значимы для социологии детства, чем результаты исследования, приводимые, например, А.Ю. Губановой [18, 19] и посвященные изучению интернет-сайтов для детей, которые выполнены преимущественно в количественной парадигме, мы не можем.

Традиционная и/или участвующая социология детства?

За скобками оставляя крайние позиции традиционной и так называемой «новой» социологии детства, отметим, что неправомерно говорить о иерархии методологий, методов и техник исследования. Качество проводимого исследования зависит от ряда факторов, а не определяется только «модой» на тот или иной исследовательский подход. Участвующая методология не менее проблематична, чем и традиционные методы исследования детей. Участвующие методы не лучше и не хуже, чем любые другие методы и техники. Их выбор определяется скорее конкретными целями и задачами исследования. Так, например, вполне оправданно использование метода анкетного опроса в ряде социологических исследований детей и подростков: это исследование «портрета» подростков 90-х гг. С.Б. Цымбаленко и С.Н. Щегловой [20] и Е.А. Колосовой при изучении читательских практик современных детей и подростков [21, 22], а также З.Х. Саралиевой и С.С. Балабанова при исследовании проблемы школьного буллинга [23]. Научный интерес представляют и работы, в которых использованы методики контент-анализа и опроса при исследовании электронного чтения подростков и электронного контента сайтов для детей в пространстве Интернета А.Ю. Губановой [18, 19]; интересно применение рисуночной методики «Человек и город» М.Ю. Сибиревой [24], метода социального картирования К.Н. Поливановой [25], кейс-стади фотографии при изучении детской телесности Е.А. Орех [26], метода участвующего анализа фотографий при изучении роли информационных технологий и гаджетов в социализации детей в начальной школе в малом городе С.Ю. Митрофановой и Е.А. Штифановой [17]. Разнообразие методов и техник, применяемых отечественными социологами детства, свидетельствует о вариативности методологий, находящихся в их арсенале, и их использовании в практике своих исследований.

Подводя итог, отметим, во-первых, что отечественные социологи детства идут «в ногу со временем», признавая приоритет и ставя во главу угла интересы самого ребенка, и, во-вторых, как зарубежные, так и отечественные ученые движутся в одном направлении поиска оптимальных способов реализации этих интересов в социологической практике исследования детей.

«Разочарования» и перспективы участвующей социологии детства

Подводя итог, выделим основные «разочарования» участвующей социологии детства:

- оценка глубины участия детей в исследованиях служит основой выстраивания методологических иерархий, где на вершине – «более» участвующие исследования, а внизу – «менее» участвующие, что неправомерно;
- привлекательность участвующего подхода в исследовании детства во многом построена на противопоставлении идеям, развиваемым в рамках традиционной социологии детства;
- участвующая методология стремится нивелировать субъект-объектную оппозицию, характерную для традиционной социологии детства, однако глубина участия детей в исследовании зависит от той вариативности, которую

заложил сам исследователь, задавая границы участия детей, тем самым роль взрослых в участвующей перспективе только усиливается;

- участвующая методология предполагает, что дети сознательно могут принять решение об участии в исследовании или отказаться от него, однако это решение во многом может диктоваться социальным контекстом, например меркантильными соображениями или привычкой подчиняться взрослым, и далеко не всегда связано с осознанным выбором ребенка;
- участвующая методология может продуцировать разрыв между интересами детей и интересами исследователя: признание детей компетентными участниками дает им право выбрать наиболее подходящие для них методы исследования, установить границы их собственного участия и т.д., что может затруднять доступ исследователя к важной для исследования информации;
- результаты исследований участвующей социологии более эмоциональны, чем данные количественной социологии, однако это не значит, что они более продуктивны для социологической практики исследования детства.

Однако, несмотря на все «разочарования», мы считаем значимым дальнейшее развитие участвующего подхода в современной социологической практике исследования феномена детства. Его перспективы могут быть связаны с исследованием границ контролируемого / неконтролируемого пространства детства, институционального / неинституционального секторов детства, легитимированных / нелегитимированных практик современных детей, процесса их взросления и т.д. Интересным представляется использование этого подхода на уровне конкретных исследований в изучении, например, потребительских практик современных детей, в частности питания и выбора одежды, а также специфики домашнего труда детей, освоения детьми физического и информационного пространства, практик, связанных с детской телесностью, их самовыражением, и других.

РГНФ: 16-06-00792 а - Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус 2016–2018.

Список литературы

1. Зюнкер Х., Бюлер-Нидербергер Д. От исследований социализации к социологии детства (Перевод с английского Ивана Шолохова и Виталия Безрогова) // Развитие личности. 2003. № 4. С. 69–94.

2. Alanen L. Rethinking childhood //Acta Sociologica. 1988. № 31(1). P. 5–67.

3. Jenks C. Constituting the child // Chris Jenks (ed.). The Sociology of Childhood. Essential Readings. L., 1982. P. 9–24.

4. Corsaro W.A. Interpretive reproduction in children's role play // Childhood. 1993. № 1. P. 64–74.

5. Qvortrup J. Childhood in Europe: a new field of social research // Growing Up in Europe: Contemporary Horizons on Childhood and Youth Studies / Ed. by Lynne Chisholm. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1995.

6. Prout A., James A. A new paradigm for the sociology of chidhood? Provenance, promise and problems // Constructing and Reconstructing Childhood. Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood / James A., Prout A. (coord.). London: Falmer Press, 1997. P. 7–33.

7. James A., Prout A. Strategies and structures: towards a new perspective on children' s experiences of family life // Children in Families: Research and Policy / Brannen J., O'Brien (coord.). London: Falmer Press, 1996.

8. Cojocaru D. Challenges of childhood social research// Revista de Cercetare si Intervenstie Sociala. 2009. V. 26. P. 87–98.

9. Щеглова С.Н. Детство как социальный феномен: Концепция социального конструирования детства: Дис. ... доктора социологических наук: 22.00.04. М., 1999. 326 с.

10. Майорова-Щеглова С.Н. Диалог культур: поиск универсальных подходов к детству // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2008. № 2. С. 212–217.

11. Майорова-Щеглова С.Н. Трансформация детства в начале XXI в.: к уточнению концепции социального конструирования детства // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4. С. 173–183.

12. Kellett M., Forrest R., Dent N., Ward S. «Just Teach us the Skills Please, We'll Do the Rest»: Empowering ten-year-olds as researchers // Children and Society. 2004. № 18(5). P. 329–343.

13. Gallacher L.-A., Gallagher M. Methodological immaturity in childhood research?: Thinking through participatory methods' // Childhood. 2008. V. 15. P. 499–516.

14. Hill M. Children's voices on ways of having a voice: Children's and young people's perspectives on methods used in research and consultation // Childhood. 2006. V. 13. P. 69–89.

15. Punch S. Multiple methods and research relations with children in rural Bolivia // Qualitative Methodologies for Geographers / M. Limb and C. Dwyer (eds). London: Arnold Publishers, 2001.

16. Punch S. Research with children: the same or different from research with adults? // Childhood. 2002. № 9. P. 321–341.

17. Митрофанова С.Ю., Штифанова Е.А. Роль информационных технологий и гаджетов в социализации детей // Экономика и социология. 2015. № 1. С. 18–24.

18. Губанова А.Ю. Электронное чтение подростков и ресурсы библиотеки в интернете // Дети и общество: социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансу-

ров – отв. редактор, А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. М.: РОС, 2014. С. 720–726.

19. Губанова А.Ю. Критерии отбора сайтов для детей: социологический анализ // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4. С. 199–203.

20. Цымбаленко С., Щеглова С. Какие они, подростки девяностых? // Воспитание школьников. 1996. №1. С. 2–4.

21. Колосова Е.А. Чтение детей и подростков в России: сравнительное социологическое исследование // Мир психологии. 2015. № 1. С. 163–170.

22. Колосова Е.А. Чтение российских детей и подростков в трансформирующемся обществе // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. № 7. С. 123–130.

23. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Насилие в подростковой среде // Социокультурные корни насилия в современном обществе / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2013. С. 40–45.

24. Сибирева М.Ю. Категория «детство» в истории социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Том 13. № 1. С. 167–177.

25. Поливанова К.Н. Социальное картирование как инструмент анализа повседневности современного детства // Дети и общество: социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров – отв. редактор, А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. М.: РОС, 2014. С. 177–183.

26. Орех Е.А. Детская телесность как предмет визуального анализа: кейс-стади фотографии // Дети и общество: социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров – отв. редактор, А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. М.: РОС, 2014. С. 1206–1214.

THE CHARM AND DISAPPOINTMENT OF THE «PARTICIPATORY» PROSPECTIVE SOCIOLOGY OF CHILDHOOD: THE PARTICIPATORY APPROACH IN THE STUDIES OF CHILDHOOD AND ITS CRITICAL EVALUATION

S.Yu. Mitrofanova

Samara National Research University named after S.P. Korolev,
Samara State Technical University

Based on the works of foreign and domestic sociologists of childhood, we consider the key foundations of the modern sociology of childhood. We show how the participatory approach is included in the main principles of today's sociology of childhood and prove that it is fully in line with the main theses of the modern sociology of childhood. Particular attention is given to the contradictions of this approach in the study of childhood. These contradictions are considered at the levels of theory, methodology, methods and techniques of children's research, as well as in the presentation of the research results. It is concluded that the participatory approach is no less problematic than traditional approaches to childhood research. It is noted that Russian sociology of childhood keeps pace with the times and prioritizes the children's interests. It is emphasized that both foreign and domestic scientists are moving in the same direction: they try to find optimal ways for promoting and protecting the interests of children in the practice of sociological studies of childhood.

Keywords: sociology of childhood, participatory approach to childhood studies, contradictions of participatory approach in childhood studies, practice of sociological childhood research.

УДК 316.74

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ АБИТУРИЕНТОВ ПРИ ВЫБОРЕ ВУЗА

© 2016 г.

М.В. Рябоконь

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

mvr@unn.ru

Статья поступила в редакцию 28.03.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

В условиях сформировавшегося в Российской Федерации рынка высшего образования одним из важнейших направлений деятельности классического университета становится привлечение качественного контингента студентов и абитуриентов. Реализация этой задачи невозможна без анализа мотивов и поведения потенциальных студентов университета в момент принятия решения о поступлении в конкретную образовательную организацию высшего образования. В статье представлены результаты социологического исследования поведения абитуриентов в ситуации выбора вуза. На основании данных анкетного опроса студентов первого курса проанализированы стратегии выбора вуза абитуриентами трех ведущих нижегородских университетов: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, НГТУ им. Р.Е. Алексеева, Нижегородского филиала ГУ ВШЭ. Выявлены сходства и различия мотивов выбора вуза абитуриентами разных университетов. Дана характеристика профессиональных и ценностных ориентаций нижегородских абитуриентов.

Ключевые слова: абитуриент, мотивы, выбор вуза, классический университет, рынок высшего образования.

Принятие Федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» формально закрепило результаты целенаправленной политики государства по формированию иерархической системы образовательных организаций высшего образования. Выделение в качестве отдельных категорий МГУ им. М.В. Ломоносова и СПбГУ, федеральных университетов, национальных исследовательских университетов и организаций высшего образования, не обладающих особым статусом, способствует формированию рынка высшего образования, где абитуриенты как основные потребители образовательных услуг осуществляют выбор, а университеты заинтересованы в привлечении наиболее талантливых и мотивированных к обучению студентов. Государственная поддержка и признание высокого качества образовательной и исследовательской деятельности университетов осуществляется на конкурсной основе, а одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере высшего образования является улучшение показателей российских университетов в международных рейтингах.

В этих условиях одной из наиболее важных задач университета становится анализ контингента абитуриентов и формирование эффективной системы профориентационных мероприятий, направленных на расширение рынка абитуриентов, выявление и привлечение в университет наиболее одаренных студентов, заинтересованных в получении образования по конкретному направлению подготовки. Подвергаются анализу источники информации и основные предпочтения абитуриентов [1], факторы, оказывающие влияние на выбор вуза на разных этапах поступления [2]. Особое значение приобретают исследования системы профориентационной работы вуза [3] и формирование коммуникативной политики вуза на основе исследований предпочтений абитуриентов при выборе вуза [4]. В этом контексте необходимым становится осмысление мотивов поведения абитуриентов в ситуации выбора конкретной образовательной организации высшего образования.

Весной 2014 г. нами был проведен анкетный опрос студентов первого курса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижегородского филиала Высшей школы экономики и Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. В опросе приняли участие 758 первокурсников указанных вузов: 489 студентов ННГУ, 115 студентов ВШЭ и 154 студента НГТУ. По данным приёмной комиссии ННГУ, численность абитуриентов, зачисленных в 2013 г. на первый курс очной формы обучения, составляла 2589 человек, таким образом, в выборке представлено 20% студентов первого курса очной формы обучения ННГУ. В двух других вузах были опрошены студенты факультетов и институтов, составляющих наиболее существенную конкуренцию ННГУ: в ВШЭ это факультет экономики и факультет менеджмента, в НГТУ – институт радиоэлектроники и ин-

Таблица 1

Когда было принято решение о выборе вуза, %

	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
В 8–9-м классах	11.0	12.2	9.7
В 10–11-м классах	54.5	58.3	49.4
Всегда знал(а), что буду поступать именно в этот вуз	6.2	6.1	3.2
В последний момент, перед подачей заявления	23.7	23.5	34.4
Другое	4.6	0.0	3.2

Таблица 2

Был ли вуз первым в списке приоритетов, %

	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Да	70.0	74.8	61.0
Нет	19.6	13.9	26.6
Затруднились ответить	10.4	11.3	12.4

формационных технологий (ИРИТ), образовательно-научный институт электроэнергетики (ИНЭЛ), институт физико-химических технологий и материаловедения (ИФХТиМ), институт экономики и управления (ИНЭУ).

Основной целью исследования был анализ поведения абитуриентов нижегородских вузов в ситуации принятия решения о поступлении в конкретную образовательную организацию высшего образования, мотивов принятия этого решения.

Исследование показало, что основную долю абитуриентов составляют выпускники школ (99%), что иллюстрирует их ориентацию на получение высшего образования. Интересно, что возраст студентов первого курса, а значит, и абитуриентов, начал смещаться к 18–19 годам. 19-летних среди первокурсников трех ведущих нижегородских вузов 20.1%, а значит, каждый пятый абитуриент поступает в вуз в возрасте полных 18 лет. Эту тенденцию можно связать с увеличением продолжительности обучения по программам среднего общего образования. Таким образом, основной группой нижегородских абитуриентов являются юноши и девушки – выпускники школ Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Как правило, их родители имеют высшее или среднее профессиональное образование, причем доля матерей с высшим образованием несколько больше, чем доля отцов (68% и 61.3% соответственно).

Поведение абитуриентов ННГУ, НФ ВШЭ и НГТУ при наличии множества схожих черт имеет и существенные различия. Нижегородские абитуриенты все чаще определяются с выбором вуза в старших классах школы (табл. 1). Очень немногие абитуриенты задумываются о выборе вуза в 8–9-м классах, а группа студентов, которые считают, что вопрос о выборе вуза даже не возникал и определенность в этом вопросе существовала всегда, вообще очень мала. Интересно, что самая малочисленная группа таких студентов в Техническом университете (3.2%), в то время как группа абитуриентов, в последний момент принимавших решение о выборе вуза, в НГТУ наиболее представлена по сравнению с ННГУ и ВШЭ – 34.4%, то есть практически каждый третий студент оказался в этом вузе в значительной степени случайно. Но эта группа абитуриентов заметна и в двух других вузах, где подобным образом можно охарактеризовать поведение почти каждого пятого (табл. 1).

Интересной характеристикой выбора вуза нижегородскими абитуриентами является положение выбранного вуза в списке приоритетных вузов. Большинство абитуриентов поступили в вуз, занимавший первую позицию в списке наиболее привлекательных вузов. Но заметной является группа абитуриентов, для которых выбранный вуз не был первым и наиболее предпочтительным. Так, наименьшее количество таких студентов наблюдается в НФ ВШЭ (13.9%), а наибольшее – в НГТУ (26.6%), то есть более четверти студентов НГТУ планировали поступить в другой вуз. Достаточно заметна эта группа абитуриентов и в ННГУ, где ситуация обстоит чуть лучше, чем в НГТУ (19.6%) (табл. 2).

Важной характеристикой при выборе вуза является его положение в международных рейтингах университетов. Более половины абитуриентов ННГУ и НФ ВШЭ интересовались позициями этих вузов в международных рейтингах (51.9 и 54.4% соответственно), тогда как только 35.8% студентов первого курса НГТУ проявляли интерес к этому вопросу до поступления, а почти 60% не предпринимали никаких действий в этом направлении (табл. 3).

Качественной характеристикой абитуриентов любого вуза является активность и результативность их участия в олимпиадах школьников, дающих значительные преимущества при поступлении в вузы: от получения наивысшей оценки (100 баллов) по общеобразовательному

Таблица 3

Узнавали ли абитуриенты о положении выбранного вуза в международных рейтингах, %

	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Да	51.9	54.4	35.8
Нет	39.8	39.5	58.9
Затруднились ответить	8.3	6.1	5.3

Таблица 4

Участие в олимпиадах школьников, дающих преимущества при поступлении в вуз, %

	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Да, являюсь победителем / призером	9.6	3.5	2.0
Да, но не являюсь победителем / призером	32.2	40.4	29.6
Нет	58.2	56.1	68.4

Таблица 5

Оценка собственной успеваемости в школе, %

	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Отличник	18.1	30.1	8.4
Уверенный хорошист (оценки 4 и 5)	45.8	50.4	46.1
Хорошист (основная оценка 4, но случались и 3)	27.5	17.7	33.1
Троечник	3.7	0.9	7.1
Затруднились ответить	3.5	0.9	2.6
Другое	1.3	0.0	2.6

Таблица 6

Ориентация на участие в конкурсе, %

	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Поступали только на бюджетные места	85.5	92.1	96.1
Поступали только на внебюджетные места	14.1	7.9	3.9
Поступали и на бюджетные, и на внебюджетные места	0.4	0.0	0.0

предмету, учитываемому при поступлении в вуз, до зачисления без результатов вступительных испытаний. Наиболее представлена группа победителей и призеров таких олимпиад в ННГУ (9.6%). Наименее активны в этом вопросе абитуриенты НГТУ – только 29.6% первокурсников участвовали в таких олимпиадах и всего 2% являются призерами (табл. 4).

Еще одним показателем, качественно характеризующим абитуриентов нижегородских вузов, является их собственная оценка своей успеваемости в школе. Выяснилось, что среди абитуриентов НГТУ наименьшая доля отличников по самоопределению (8.4%), в то время как в ННГУ к отличникам себя отнесли 18.1% абитуриентов, а в ВШЭ – 30.1% (табл. 5). Примерно половина нижегородских абитуриентов относит себя к уверенным хорошистам. Интересно, что абитуриентов, чья успеваемость была в основном хорошей, но иногда случались удовлетворительные оценки, в ВШЭ меньше, чем в ННГУ и НГТУ: 17.7% по сравнению с 27.5 и 33.1% соответственно. Аналогично обстоит ситуация с абитуриентами, причислившими себя к троечникам: в ННГУ и НГТУ нашлось 3.7 и 7.1% соответственно, а в ВШЭ – только 0.9% абитуриентов, зачисленных на первый курс.

Подавляющее большинство абитуриентов нижегородских вузов ориентировано на поступление на бюджетные места. Так, изначально на места с оплатой стоимости обучения планировали поступать только 3.9% первокурсников НГТУ, 7.9% студентов ВШЭ и 14.1% студентов ННГУ (табл. 6).

В подавляющем большинстве случаев абитуриенты теперь не идут по стопам родителей при выборе вуза. Наиболее заметна группа первокурсников, чей выбор был определен преемственностью, в НГТУ – почти 20% (табл. 7). Наименее представлены абитуриенты, повторяющие выбор родителей, в ВШЭ, что может быть объяснено относительно недавним появлением этого вуза на рынке образовательных услуг.

Наиболее распространенным подходом к подаче заявлений для поступления в вуз среди нижегородских абитуриентов является участие в конкурсе в нескольких вузах и на нескольких факультетах или направлениях подготовки. При этом данная группа абитуриентов наиболее яр-

Таблица 7

Повторение абитуриентами выбора вуза родителями, %

	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Да	12.0	7.8	19.1
Нет	78.4	82.6	66.4
Затруднились ответить	9.6	9.6	14.5

Таблица 8

Куда были поданы документы, %

	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Только в один вуз и только на один факультет	29.0	8.7	25.0
Только в один вуз, но на несколько факультетов одновременно	8.7	13.0	9.9
В несколько вузов города	62.3	78.3	65.1

Таблица 9

Выбор, который был бы сделан, если бы абитуриент не поступил сюда, %

	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Этот же вуз, этот же факультет, другое направление подготовки	31.5	17.5	29.5
Этот же вуз, другой факультет	18.0	24.6	17.1
Другой вуз, то же направление подготовки	30.1	27.2	26.0
Другой вуз, другое направление подготовки	20.4	30.7	27.4

ко представлена среди поступающих в ВШЭ (почти 80%). Следующая по численности группа абитуриентов – те, кто подавали документы только в один вуз и только на один факультет. В ННГУ эта группа составляет практически треть всех поступающих (29%), что позволяет говорить о наличии достаточно крупной категории абитуриентов, сознательно ориентированных на получение образования в университете. Наименее представлена эта группа среди абитуриентов ВШЭ (8.7%), что в совокупности с наиболее высокой долей абитуриентов, подававших документы в несколько вузов города, позволяет говорить о том, что абитуриенты ВШЭ склонны сомневаться в успехе при поступлении в этот вуз и искать запасные варианты (табл. 8).

Примерно треть абитуриентов всех трех вузов в качестве альтернативного варианта в случае неудачи при поступлении в этот вуз выбрали бы другой, но то же направление подготовки, то есть значительная группа выпускников ориентирована при поступлении на конкретную специальность (табл. 9). Абитуриенты ННГУ в меньшей степени ориентированы на резкую смену направления подготовки и вуза – 20.4% по сравнению с 30.7 и 27.4 в ВШЭ и НГТУ соответственно. Наименее склонны остаться в этом же вузе в случае неудачи абитуриенты ВШЭ.

Для нижегородских абитуриентов наиболее важными при выборе вуза являются советы родителей, это характерно для всех трех вузов. Наиболее выражено это влияние среди абитуриентов ВШЭ (60.2%), а наименее – среди абитуриентов ННГУ (44.7%) (табл. 10). Следующим по важности обстоятельством, оказывающим влияние на выбор вуза, для абитуриентов ННГУ и ВШЭ являются рейтинги вузов в СМИ и Интернете, а для абитуриентов НГТУ – мнение друзей и одноклассников (31.4%). Рейтинги вузов для абитуриентов НГТУ находятся на шестой позиции среди обстоятельств, влияющих на выбор вуза, уступая дням открытых дверей, успешной карьере выпускников и разговорам с выпускниками вуза. Для абитуриентов ННГУ после советов родителей и рейтингов вузов наиболее значимым является влияние дней открытых дверей, разговоров со студентами, влияние друзей и товарищей по учебе. Абитуриенты ВШЭ отмечают влияние указанных обстоятельств в немного другой последовательности: успешная карьера выпускников, дни открытых дверей, разговоры со студентами, влияние друзей и товарищей по учебе. Следует также отметить, что в ВШЭ наиболее выражено по сравнению с ННГУ и НГТУ влияние следующих факторов: занятия с преподавателями и выступления и встречи с преподавателями. Опираясь на эти данные, мы можем рекомендовать вузам обратить внимание на этот способ привлечения абитуриентов и работать над повышением его эффективности.

Наиболее важными характеристиками вуза для абитуриентов ННГУ и НГТУ являются наличие интересующего направления подготовки, престижность, государственный статус вуза, надежность и хорошие отзывы о вузе. Для абитуриентов ВШЭ последовательность наиболее важных характеристик вуза выглядит иначе: на первом месте находится престижность вуза, затем идут возможность стажировок за границей, хорошие отзывы, наличие интересующей специальности, государственный статус вуза. Такое расположение пяти наиболее важных характеристик позволяет сделать вывод, что аби-

Таблица 10

Что повлияло на выбор вуза, %

	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Советы родителей	44.7	60.2	53.3
Советы учителей	16.0	23.0	14.6
Печатная реклама вуза	7.0	9.7	2.2
Теле-, радиореклама	2.9	0.0	0.7
День открытых дверей в вузе	31.3	36.3	23.4
Встречи, разговоры со студентами вуза	19.0	28.3	26.3
Выступления, встречи, беседы преподавателей вуза	7.0	15.9	5.8
Занятия с преподавателями вуза	7.7	14.2	6.6
Друзья, товарищи по учебе	18.5	23.0	31.4
Ярмарка вакансий	1.0	1.8	4.4
Успешная карьера выпускников вуза	16.3	39.8	21.2
Рейтинги вузов в СМИ и Интернете	38.9	66.4	16.8
Разговоры, встречи с выпускниками вуза	8.2	6.2	8.0

Таблица 11

Наиболее важные характеристики вуза, %

	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Надежность	37.0	39.5	37.5
Престижность	50.8	79.8	53.9
Популярность	7.8	14.0	12.5
Доступность	15.6	7.9	19.7
Крупный вуз	13.4	14.0	12.5
Государственный вуз	49.2	43.9	45.4
Хорошие отзывы о вузе	29.6	50.0	36.2
В вузе учились родители, родственники	6.9	1.8	5.9
Возможность обучения и стажировок за границей	23.6	54.4	20.4
Национальный исследовательский университет	23.8	27.2	5.3
Классический университет	10.0	1.8	4.6
Лучший вуз в городе	27.8	36.8	11.2
Хорошая реклама вуза	2.0	3.5	2.0
В этом вузе есть интересующая специальность	62.8	45.6	70.4
Приемлемая стоимость обучения	13.4	7.0	7.9

туриентов ВШЭ в значительно большей степени привлекает престижность вуза и возможность обучаться именно в этом учебном заведении, нежели конкретное направление подготовки. Показательно также, что среди абитуриентов ННГУ наиболее выражена группа тех, для кого важным обстоятельством является приемлемая стоимость обучения (13.4% по сравнению с 7% в ВШЭ). Первокурсники ВШЭ в большей степени ориентированы на поступление в лучший вуз в городе (36.8% по сравнению с 11.2% в НГТУ), а для абитуриентов ННГУ в наибольшей степени важна возможность обучаться в классическом университете (10% по сравнению с 1.8% в ВШЭ) (табл. 11).

Основным источником информации о вузах города и направлениях подготовки для нижегородских абитуриентов является Интернет. Вторым и третьим по популярности каналами получения информации о вузах города для абитуриентов всех трех вузов были друзья и знакомые и студенты вузов. Четвертым по популярности источником для абитуриентов ННГУ стали преподаватели университета (15.1%), для поступающих в ВШЭ – презентации вуза (26.1%), а для поступивших в НГТУ – родственники (19.6%) (табл. 12). В целом стоит отметить, что получение абитуриентами информации через источники, напрямую зависящие от работы вузов, несколько интенсивнее в ВШЭ по сравнению с ННГУ и НГТУ: разговоры со студентами вуза запомнились 45.2% абитуриентов ВШЭ, в то время как в ННГУ и НГТУ этим источником удалось воспользоваться только 25.3 и 26.1% абитуриентов соответственно. Беседы с преподавателями вуза помогли 21.7% абитуриентов ВШЭ, и только 15.1% поступавших в ННГУ и 12.4% абитуриентов НГТУ упомянули об этом источнике информации о вузах. Еще одним влиятельным источником информации для абитуриентов ВШЭ являются презентации вуза, о которых хорошо помнит каждый четвертый абитуриент ВШЭ, а для абитуриентов ННГУ и НГТУ эта форма взаимодействия с вузом не является важным каналом получения информации (9.3 и 8.5% соответственно) (табл. 12).

Таблица 12

Источники информации о вузах города и направлениях подготовки, %

	О вузах			О направлениях		
	ННГУ	ВШЭ	НГТУ	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
От родственников	10.7	21.7	19.6	14.4	18.4	20.3
От друзей, знакомых	32.7	50.4	36.6	17.8	21.1	17.6
От родителей учеников	4.9	5.2	5.2	7.3	7.9	6.5
От учителей	14.4	20.0	15.7	12.5	8.8	9.2
От студентов вузов	25.3	45.2	26.1	15.5	20.2	15.7
На выставках	1.1	4.3	0.0	0.5	0.9	0.0
От преподавателей	15.1	21.7	12.4	9.8	9.6	12.4
Из радиорекламы	1.8	1.7	0.7	0.9	0.0	0.0
Из телерекламы	6.4	7.8	5.9	2.1	1.8	0.7
Из теле-, радиопередач	3.6	2.6	2.6	1.6	1.8	0.7
Из Интернета	83.6	82.6	82.4	59.7	61.4	63.4
На презентациях вузов	9.3	26.1	8.5	4.1	12.3	2.6
Из рекламы на улицах	2.9	3.5	1.3	0.5	0.0	0.0
Из печатной рекламы вузов	13.3	24.3	13.1	10.9	16.7	9.2
Из специальных справочников	6.4	11.3	6.5	5.2	7.9	3.3
От одноклассников, школьных товарищей	10.9	21.7	17.0	3.9	5.3	6.5
Из газет	0.7	0.9	0.7	0.7	0.0	0.7
На дне открытых дверей	-	-	-	19.4	34.2	19.0

Информацию о направлениях подготовки и специальностях абитуриенты также узнают преимущественно в Интернете. Следующим важным источником являются дни открытых дверей, которые запомнились каждому пятому абитуриенту ННГУ и НГТУ и каждому третьему абитуриенту ВШЭ. Интересно, что среди абитуриентов НГТУ практически одинакова доля тех, кто получал информацию на днях открытых дверей, и тех, кому о направлениях подготовки рассказали родственники, друзья и знакомые.

Таким образом, можно сделать вывод, что для абитуриентов нижегородских вузов основными источниками информации являются Интернет и рассказы друзей и знакомых.

Отдельного внимания заслуживает поведение абитуриентов в ходе приемной кампании. В целом можно отметить, что подавляющее большинство абитуриентов ННГУ, НГТУ и ВШЭ поступили именно на то направление подготовки, на которое планировали, и довольны тем, что поступили именно сюда (в совокупности полностью согласных и скорее согласных около 80% в каждом вузе). Меньше доля тех, кто повторил бы сделанный выбор еще раз, если бы нужно было снова поступать в вуз: около 50% в ННГУ и ВШЭ и 35.1% в НГТУ.

Заметно отличается от поведения абитуриентов ННГУ и НГТУ поведение поступающих в ВШЭ. Здесь вдвое больше доля абитуриентов, предоставивших в вуз оригинал документа об образовании после того, как им позвонили сотрудники приемной комиссии вуза, причем так поступила половина абитуриентов ВШЭ (47.4% согласились и еще 4.4% скорее согласны). Также среди абитуриентов ВШЭ заметно больше доля тех, кому важно было поступить хотя бы куда-нибудь (37.4% по сравнению с 20.6 и 26.8% в ННГУ и НГТУ соответственно), а также тех, кто подавал документы в максимально возможное количество вузов и факультетов, где подходили имеющиеся у них результаты ЕГЭ. Больше в ВШЭ и группа абитуриентов, которым не удалось поступить туда, где бы им больше хотелось учиться (31.6% по сравнению с 10.4 и 19.1% в ННГУ и НГТУ соответственно).

Что касается особенностей поведения абитуриентов ННГУ, то стоит отметить, что среди поступающих наименьшей по сравнению с ВШЭ и НГТУ является группа тех, кому не удалось поступить на более престижный факультет. При этом в большей степени, чем в НГТУ и ВШЭ, представлена группа абитуриентов, поступивших именно на то направление подготовки, на которые они и планировали.

Характерно, что среди абитуриентов НГТУ наиболее велика группа тех, кому в последний момент пришлось решать, в какой вуз и на какой факультет предоставить оригинал документа об образовании.

Основные причины выбора вуза абитуриентами ННГУ:

1) надежда получить широкое образование, которое всегда пригодится (48.6%);

2) возможность обучаться именно по интересующему направлению подготовки (45%);

3) сильный преподавательский состав (42.9%);

4) желание получить престижную специальность (41.2%);

5) университет дает высокопрофессиональную подготовку (40.5%);

6) надежда, что здесь будет интересно учиться (40%);

7) наличие в университете развитой научно-исследовательской базы (39.9%).

Несколько иначе выглядит перечень основных причин выбора вуза абитуриентами ВШЭ:

1) надежда получить широкое образование, которое всегда пригодится (56.5%);

2) престижность вуза (54.4%);

3) желание получить престижную специальность (53.9%);

4) вуз выдает дипломы международного образца (53.5%);

5) вуз приглашает преподавателей из других крупных городов России и зарубежья (50.4%);

6) диплом этого вуза ценится на рынке труда (50.4%);

7) вуз предоставляет возможность обучения за границей (49.6%);

8) надежда, что здесь будет интересно учиться (48.7%);

9) сильный преподавательский состав (47.8%);

10) полученный в этом вузе диплом будет иметь вес именно там, где абитуриент хотел бы работать (46.1%);

11) вуз дает высокопрофессиональную подготовку (46.1%);

12) вуз имеет современное компьютерное и техническое обеспечение (41.7%);

13) полученное здесь образование даст широкие возможности выбора места работы (41.2%);

14) возможность обучаться именно по интересующему направлению подготовки (40.9%);

15) элитарность вуза (39.5%);

16) наличие в университете развитой научно-исследовательской базы (39.5%).

Значительные отличия от ННГУ и ВШЭ имеет перечень основных причин выбора вуза абитуриентами НГТУ:

1) желание получить престижную специальность (51.3%);

2) возможность получить здесь такую специальность, которая пользуется спросом (48.7%);

3) надежда получить широкое образование, которое всегда пригодится (44.4%);

4) возможность обучаться именно по интересующему направлению подготовки (40.3%);

5) вуз предоставляет отсрочку от армии (36.4%).

Более широкий спектр причин выбора вуза у абитуриентов ВШЭ можно объяснить лучшей их информированностью по сравнению с ННГУ и НГТУ. Абитуриенты ВШЭ в большей степени ориентированы на поступление в этот конкретный вуз, нежели на интересующее направление подготовки, а также на престижность полученного образования. Для абитуриентов ННГУ более характерна ориентация на высокопрофессиональную подготовку по конкретному направлению, нежели престижность и элитарность образования. Более всего ориентированы на получение образования по конкретной специальности и возможность дальнейшего практического применения полученных навыков абитуриенты НГТУ.

Наиболее предпочтительными сферами профессиональной деятельности для нижегородских абитуриентов является собственный бизнес. При этом в отличие от абитуриентов ВШЭ и НГТУ почти треть абитуриентов ННГУ в будущем хотели бы заниматься научной деятельностью. Наиболее велика доля абитуриентов, которые хотели бы в будущем работать в сфере производства, в НГТУ: 35.9% по сравнению с 17 и 14% в ННГУ и ВШЭ соответственно (табл. 13). Среди абитуриентов ВШЭ, в отличие от абитуриентов ННГУ и НГТУ, отсутствуют те, кто вообще пока не думает о работе, и значительно меньше абитуриентов, которые пока не могут сказать, в какой сфере они хотели бы работать.

Важной характеристикой абитуриента является социальное положение семьи. Среди абитуриентов ВШЭ заметно выше доля тех, чьи родители относятся к профессиональным группам предпринимателей и руководителей на предприятии или в учреждении (табл. 14). Также среди абитуриентов ВШЭ наиболее высока доля тех, чьи родители имеют высшее образование. При этом в НГТУ выше доля абитуриентов – детей рабочих по сравнению с абитуриентами ННГУ и ВШЭ и меньше представлена группа абитуриентов, имеющих отцов с высшим образованием (табл. 14). Дети рабочих в меньшей степени представлены среди абитуриентов ВШЭ.

Таким образом, можно сделать вывод, что мотивация и поведение абитуриентов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижегородского филиала Высшей школы экономики и Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева имеют заметные различия, важные для разработки системы профориентационной работы, направленной на привлечение в вуз талантливых студентов.

Таблица 13

Предпочтительные сферы профессиональной деятельности, %

	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Заниматься педагогической деятельностью	13.0	7.9	7.8
Работать в сфере производства	17.0	14.0	35.9
Заниматься политической деятельностью	15.9	10.5	6.5
Работать в сфере государственного управления	24.0	22.8	11.1
Заниматься управленческой деятельностью в экономике	11.2	77.2	11.8
Заниматься коммерческой деятельностью	16.8	54.4	20.3
Заниматься конструкторской, инженерной деятельностью	18.2	0.0	46.4
Заниматься юридической деятельностью	12.1	5.3	2.0
Заниматься научной деятельностью	28.5	7.9	19.0
Иметь свой бизнес	39.2	69.3	52.3
Заниматься художественным творчеством	19.5	22.8	15.7
Остаться в университете	6.3	1.8	2.6
Остаться в сфере высшего образования	5.4	5.3	4.6
Пока Вы не можете сказать, в какой сфере хотели бы работать	20.4	10.5	19.0
Вы вообще пока не думаете о работе	7.6	0.0	5.2

Таблица 14

Образование и сфера профессиональной деятельности родителей, %

		ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Сфера профессиональной деятельности отца	Рабочие	34.5	15.6	35.2
	Служащие	12.5	7.3	12.7
	Непроизводственная интеллигенция, не руководители	6.5	6.4	9.2
	Производственная интеллигенция (ИТР), не руководители	6.8	10.1	7.0
	Руководители на предприятии, в учреждении	15.6	28.4	20.4
	Пенсионеры	3.9	4.6	3.5
	Предприниматели	17.4	27.5	10.6
	Не работают (временно или постоянно)	2.9	0,0	1.4
Сфера профессиональной деятельности матери	Рабочие	29.3	7.1	32.2
	Служащие	17.3	11.5	14.8
	Непроизводственная интеллигенция, не руководители	14.4	19.5	18.8
	Производственная интеллигенция (ИТР), не руководители	8.2	11.5	8.1
	Руководители на предприятии, в учреждении	11.0	20.4	10.1
	Пенсионеры	2.4	3.5	0.7
	Предприниматели	8.9	15.0	5.4
	Не работают (временно или постоянно)	8.6	11.5	10.1
Образование отца	Неполное среднее	1.3	0.9	1.4
	Среднее общее	7.0	4.7	6.5
	Среднее специальное	26.6	11.2	32.6
	Неполное высшее	3.9	7.5	8.7
	Высшее	61.1	75.7	50.7
Образование матери	Неполное среднее	1.7	0.0	0.7
	Среднее общее	3.1	0.9	6.4
	Среднее специальное	23.6	20.5	19.9
	Неполное высшее	5.5	1.8	6.4
	Высшее	66.1	76.8	66.7

Так, абитуриенты ННГУ в большей степени ориентированы получить фундаментальное образование и высокопрофессиональную подготовку в классическом университете. При этом высока доля абитуриентов, перестраховавшихся при выборе вуза и упустивших возможность поступить в более предпочтительный вуз, а также абитуриентов, для которых важно было поступить куда-нибудь. Это свидетельствует о необходимости повышения эффективности профориентационной работы с талантливыми школьниками с целью привлечения в университет не только отличников учебы, но и абитуриентов, заинтересованных и ориентированных на поступление именно в классический университет и на осознанный выбор профессии.

Абитуриенты НФ ВШЭ скорее склонны выбирать престижный диплом о высшем образовании для перспективы быстрого карьерного роста. При этом абитуриенты ВШЭ несколько менее ориентированы на получение образования именно в той сфере, к изучению которой у абитуриента есть способности и склонность.

Абитуриенты НГТУ более других ориентированы на конкретное направление подготовки и получение практических навыков, которые будут востребованы на рынке труда. Среди абитуриентов НГТУ наиболее высока доля тех, для которых этот вуз не был первым в списке приоритетов, и наименее представлены абитуриенты, уверенные, что повторили бы выбор вуза в случае, если бы нужно было поступать снова.

Список литературы

1. Птицына Е.В. Анализ предпочтений абитуриентов при выборе высшего учебного заведения // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2015. № 1–1 (3). С.167–175.

2. Рыченков М.В., Рыченкова И.В., Киреев В.С. Исследование факторов, оказывающих влияние на выбор вуза абитуриентами, на различных этапах процесса поступления // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 527.

3. Ивашкин Е.Г., Бушуева М.Е., Лухманова Т.В. Предпрофессиональная подготовка будущих инженеров // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С.1061.

4. Суханко Н.В. Изучение критериев выбора вуза абитуриентами как инструмент формирования коммуникативной политики университета // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 1. С. 47–55.

BEHAVIOR MODELS OF ENTRANTS WHEN CHOOSING THE UNIVERSITY

M.V. Ryabokon

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In the established market of higher education in the Russian Federation, one of the most important activities of a classical university is to form a high-quality body of students and entrants. It is impossible to achieve this goal without the analysis of the motives and behaviour of potential university students at the time when they decide in which university to study. The article presents the results of sociological research of students' behaviour in the situation of choosing the university. Based on the data of a questionnaire survey of first-year students, we have analyzed the choice strategy of the students of three leading universities of Nizhni Novgorod: Lobachevsky State University, Nizhni Novgorod State Technical University named after Alekseev, and Nizhni Novgorod branch of Higher School of Economics. Similarities and differences of the motives for the choice of the university are identified for entrants from different universities. Professional and value orientations of entrants to Nizhni Novgorod universities are characterized.

Keywords: entrant, motives, choice of a university, classical university, higher education market.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.046.4

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ КАФЕДРЫ МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ)

© 2016 г.

Н.К. Гусева, А.Ю. Никонов

Нижегородская государственная медицинская академия

medexpert52@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.05.2015
Статья принята к публикации 07.11.2016

Обобщен опыт преподавания отдельных видов медицинской экспертизы на кафедре факультета усовершенствования врачей Нижегородской государственной медицинской академии с 2010 по 2015 гг. с использованием кейс-технологий. Особое значение в подготовке и развитии этой формы обучения специалистов имеет качественная разработка информационного продукта, то есть содержания диска. В структуре информационного продукта рекомендуется предусмотреть набор видеолекций, практические задания, видеоролики, материалы для самоконтроля и аттестации специалистов, системный интеллектуальный подсказчик. Структура информационного продукта может меняться с учетом изменения учебных программ, внедрения новых компьютерных технологий, новых форм организации учебного процесса и видов обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, кейс-технологии, повышение квалификации специалистов с высшим медицинским образованием.

Введение

Проблема дистанционного обучения специалистов, особенно врачей, средних медицинских работников, специалистов по социальной работе в настоящее время становится все более актуальной. Экономический кризис и экономические санкции в отношении Российской Федерации привели к серьезным проблемам последипломной подготовки специалистов, в том числе:

1) сокращается количество преподавателей по конкретным специальностям, что ограничивает возможности организации выездных циклов усовершенствования, особенно в отдаленные регионы страны;

2) сокращение финансирования бюджетных и казенных медицинских организаций и дефекты оплаты труда врачей и социальных работников делает затруднительным финансирование как организации выездных циклов усовершенствования и переподготовки преподавателями медицинских вузов, так и оплаты командировок врачам для обучения непосредственно в медицинских институтах;

3) появление многочисленных частных медицинских компаний и сокращение числа врачей, особенно в сельских районах, способствует увеличению количества специалистов, нуждающихся в индивидуальном обучении без отрыва от работы.

Одновременно осуществляется и реорганизация последипломного образования врачей, что приводит к сокращению ставок преподавателей и объединению кафедр. Возникают проблемы и с выездными циклами, которые врачи посещают, как правило, без отрыва от производства, что не способствует хорошему усвоению учебного материала. Возникают проблемы и с клинико-экспертными разборами пациентов, поскольку больных следует готовить на своих клинических базах с учетом информации из первичных медицинских документов.

В этих условиях дистанционное обучение с использованием кейс-технологий является хотя и не оптимальным, но хорошим выходом из положения. Вместе с тем встает серьезная проблема подготовки на дисках информационных продуктов, которые бы были доступны для понимания слушателей, способствовали бы получению ими необходимых знаний, а также развитию навыков и умений. Информационный продукт – это совокупность унифицированных сведений и услуг, предоставляемых в некотором стандартизованном виде. Информационный

продукт должен быть четко структурирован и иметь содержание в соответствии с целями и задачами обучения. Для подготовки такого продукта необходимо знать методику его формирования, четко представлять особенности и специфику учебного материала, иметь адекватную систему организации данной работы среди преподавателей кафедры [1].

Цель исследования

Цель данного исследования – разработать систему организации подготовки информационных продуктов на основе результатов внедрения дистанционного обучения специалистов с использованием кейс-технологий на кафедре медицинской экспертизы факультета повышения квалификации врачей.

Методология

В основу исследования было положено основное направление развития современного образования на формирование профессиональной компетентности, умений и навыков мыслительной деятельности, умений перерабатывать огромные массивы информации. Информационный продукт должен способствовать развитию у слушателей как общих компетенций (анализировать, синтезировать, сравнивать, обобщать и т.д. полученную информацию), так и профессиональных компетенций (применять полученные знания на практике, в рамках своей специальности). Основой исследования послужили материалы работы кафедры за 2010–2014 гг., в течение которых было обучено 4998 слушателей на циклах общего и тематического усовершенствования, из них 2000 – с использованием кейс-технологий. Учебный материал для информационных продуктов на кафедре был сформирован специалистами с опытом преподавательской и практической (организационной и клинической) деятельности в соответствии с учебно-методическими пособиями, разработанными на кафедре [2; 3].

Обсуждение результатов

Изучение результатов пятилетнего опыта работы кафедры показало, что процесс подготовки информационного продукта для индивидуального обучения специалистов включает несколько этапов.

Первый этап – подбор преподавателей для подготовки отдельных разделов информационного продукта. Подготовку материала осуществляли 4 преподавателя, из которых 3 – кандидата наук, 1 – доктор наук, все имели сертификаты по организации здравоохранения и общественному здоровью, в том числе двое имели дополнительно сертификаты по клиническим специальностям (терапии и неврологии) и медико-социальной экспертизе. Такая подготовка специалистов требовала времени и финансовых затрат, а также наличия апробированных методов обучения вопросам медицинской экспертизы [4]. Далее преподаватели были ознакомлены с особенностями создания отдельных разделов информационного продукта: лекций, вопросов к лекциям для самоконтроля, практических заданий, тестов, сценариев для видеороликов, разделов системного интеллектуального подсказчика. Для наиболее эффективной совместной работы преподавателей при отборе кадров использовали методы соционики [5].

Второй этап – работа с учебной программой. На данном этапе использовался метод декомпозиции учебного материала в рамках каждой дополнительной профессиональной программы. Учебный материал распределялся по блокам, исходя из теоретических основ излагаемого вопроса, особенностей конкретного материала и методики его изложения. Например, в соответствии с имеющимися в настоящее время теоретическими установками в трактовке медицинской экспертизы (медицинская экспертиза рассматривается как форма социальной защиты населения, а экспертный процесс является непрерывным, последовательным и преемственным) программа цикла тематического усовершенствования для организаторов здравоохранения «Экспертиза временной нетрудоспособности. Медико-социальная экспертиза» рассчитана на 72 часа и разделена на 4 блока: основы социальной защиты больных и инвалидов, организация экспертизы временной нетрудоспособности, организация медико-социальной экспертизы, организация реабилитации больных и инвалидов. Программа такого же цикла для врачей-клиницистов рассчитана на 144 часа и кроме перечисленных блоков включает блок частных вопросов экспертизы по терапии, хирургии, неврологии и др. Программа цикла тематического усовершенствования «Экспертиза качества медицинской помощи» рассчитана на 72 часа и разделена на 4 блока: теоретические основы качества медицинской помощи, управление качеством медицинской помощи на основе принципов доказательной медицины, система обеспечения качества и безопасности медицинской помощи в РФ, основные факторы, влияющие на качество медицинской помощи.

Третий этап – распределение преподавателей кафедры как ответственных за формирова-

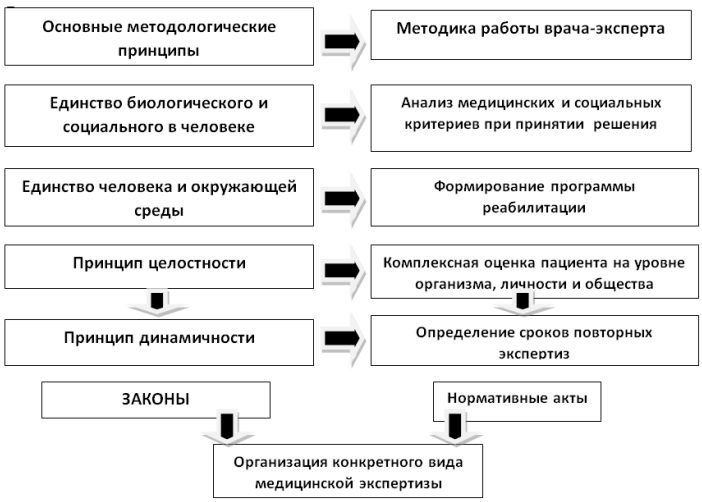


Рис. 1. Модель взаимосвязи методологических принципов и практики организации и методики экспертной работы

ние определенных блоков соответствующих программ. На данном этапе, как правило, использовался метод экспертной оценки способности преподавателя сформировать определенный компонент информационного продукта. Критериями оценки были достаточный опыт преподавания по конкретной тематике, наличие значительного объема материала для разработки лекций, практических занятий и семинаров, постоянная работа преподавателя по изучению нормативно-правовых документов по мере их внедрения в практику медицинской экспертизы, освоение результатов научных исследований по конкретной тематике, способность анализировать имеющейся материал.

Четвертый этап – контроль и коррекция работы преподавателей. На данном этапе использовался личный контроль со стороны руководителя за качеством подготовленных материалов методом проверки в форме систематического слежения за выполнением заданий (оперативный контроль). Контроль позволяет выявить такие дефекты работы преподавателей, как подготовка материала лекций путем изложения только содержания нормативных актов, без должного аналитического осмысления материала; отсутствие соответствия практических заданий и тестов содержанию лекций, несоответствие содержания видеоролика целям и задачам практического задания и др. Самая частая ошибка преподавателей при разработке занятий по различным разделам медицинской экспертизы – это приоритетное внимание к непосредственно действующим нормативно-правовым документам в изложении учебного материала по конкретному виду медицинской экспертизы. Однако нормативные и законодательные акты, как правило, отражают, в первую очередь, потребности и возможности государства и уже затем нуждаемость конкретного контингента населения в социальной защите. Следовательно, необходимы анализ того, насколько действующие нормативно-правовые акты отражают нуждаемость населения в медицинской экспертизе, а также рассмотрение основных методологических подходов к решению данной проблемы. Это следует учитывать при подготовке лекций, являющихся логическим звеном теоретического обобщения. В лекциях необходимо связать экспертные функции врача (выдача, продление, закрытие листков нетрудоспособности, направление на врачебную комиссию, на медико-социальную экспертизу и др.) с получением больными пособий по временной нетрудоспособности, пенсий по инвалидности, других льгот и компенсаций в соответствии со своим статусом. В лекциях следует правильно оценивать действующее законодательство, которое должно базироваться не на имеющейся, иногда, порочной практике, в том числе зарубежной, а на закономерностях развития конкретного явления. Такие взаимосвязи должны правильно отражаться в слайдах, иллюстрирующих материалы лекции, которые являются необходимым компонентом информационного продукта для дистанционного обучения. Например, в лекциях по организации экспертизы временной нетрудоспособности и медико-социальной экспертизы следует сначала представить взаимосвязь методологических принципов и организации этих видов экспертиз, отражение этих принципов в работе врачей-экспертов (рис. 1).

При этом в лекции должно быть четко объяснено, почему не всегда организация конкретного процесса соответствует теории его формирования и какую роль в этом играют экономические факторы. Для формирования информационного продукта лекции и слайды записыва-

ют на видео. Для самоконтроля восприятия лекционного материала слушателем, к каждой лекции следует разработать вопросы, отражающие ее основные моменты.

Далее встает проблема формирования у слушателей умений и практических навыков в процессе работы с информационным продуктом. Раньше эту проблему решали с помощью автоматизированных программ обучения. Такая программа была создана на кафедре по разделу выдачи и оформления листков нетрудоспособности. Программа включала информационный материал по данному разделу, набор ситуационных задач по выдаче и оформлению листков нетрудоспособности и тесты. Слушатель должен был освоить нормативно-правовые акты по данному разделу программы, решить ситуационные задачи и ответить на вопросы тестов. Если практическая часть сделана неверно (по результатам автоматизированного контроля), слушатель должен повторно освоить информационный материал и выполнить практическую часть – и так до полного освоения материала. На практике возникали существенные трудности при разработке таких программ. Во-первых, это сложная работа, требующая больших затрат времени и высокой компетенции преподавателей. Во-вторых, нормативные акты по вопросам медицинской экспертизы в настоящее время часто меняются и в программу постоянно необходимо вносить изменения. Для создания и коррекции программ при кафедре на постоянной основе должен работать программист с соответствующей оплатой труда. Поскольку в данный момент кафедра работает на договорной (платной) основе в условиях жесткой и часто недобросовестной конкуренции, достойный заработок преподавателям и программисту гарантировать невозможно. Поэтому в последнее время для формирования у слушателей умений и практических навыков эффективно использовались следующие технологии.

1. Включение в информационный продукт практических заданий для самостоятельной работы слушателей (после каждого раздела программы). Задания включают ситуационные задачи, материалы для анализа, вопросы, требующие осмысленного, обоснованного ответа с учетом действующих методов организации и проведения экспертной работы и нормативно-правовых актов.

2. Использование видеороликов по определенной тематике в целях разбора и анализа как сложных, так и стандартных случаев медицинской экспертизы. Содержание видеороликов включает, как правило, клинико-экспертный разбор больного, по результатам которого слушатель должен принять то или иное экспертное решение. Такие видеоролики были апробированы на ежеквартальных областных конференциях заместителей главных врачей города и области по экспертизе временной нетрудоспособности и получили одобрение со стороны специалистов.

Необходимым разделом информационного продукта являются материалы для проведения текущей и итоговой аттестации, методика которой зависит от особенностей цикла. Для цикла тематического усовершенствования аттестация проходит в форме тестирования. Текущее тестирование осуществляется после каждого раздела программы, итоговое тестирование – после реализации всей программы и содержит тесты по всем ее разделам. Для циклов общего усовершенствования и последипломной подготовки специалистов аттестация осуществляется поэтапно. Сначала после каждого раздела программы выполняются тест и практическое задание по материалу раздела. Затем по итогам освоения всей программы проводится трехэтапная аттестация:

– первый этап включает выполнение практической работы по специально разработанным заданиям, отбор которых идет в автоматическом режиме;

– второй этап – тестирование, при этом отбор тестов для аттестации происходит тоже автоматически, из имеющейся в информационном продукте базы тестов;

– третий этап – ответы на вопросы и задания билетов (выбор билета идет по методу случайного отбора, заложенного в программе).

Материалы итоговой аттестации передаются по электронной почте на кафедру, а результаты тестирования – уже с готовым результатом.

Чтобы хорошо освоить материал видеолекций, видеороликов и правильно выполнить практические задания и тесты, необходима дополнительная информация, которая представлена в информационном продукте в форме системного интеллектуального подсказчика (СИП). В процессе совершенствования преподавания на кафедре были апробированы несколько вариантов структуры СИП. Сначала СИП был представлен систематизированным и расширенным материалом лекций, на основе которого преподаватели в дальнейшем разрабатывали учебно-методические пособия. Затем к систематизированным материалам лекций были добавлены журнальные статьи, монографии и некоторые нормативные акты по каждому разделу программы. Первая структура СИП привела к тому, что слушатели предпочитали пользоваться систематизированным материалом лекций, без прослушивания самих лекций. Вторая форма СИП оказалась очень громоздкой, слушателям трудно было подбирать нужный ма-

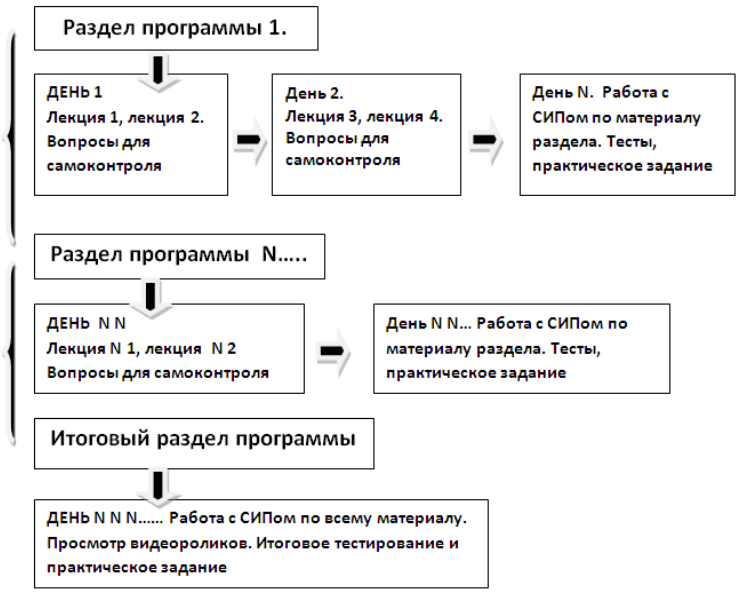


Рис. 2. Иммитационная модель информационного продукта, используемого в кейс-технологиях дистанционного обучения

териал, и они эту форму почти не использовали. Настоящий вариант СИП представляет собой подборку основных нормативно-правовых и методических материалов по каждому разделу программы, а внутри раздела – по отдельным темам. Этот вариант наиболее удовлетворет потребностям слушателей, поскольку не все подобные материалы есть у них в наличии. При этом каждому слушателю предлагается перечень учебно-методических пособий по освоению дополнительных программ обучения.

Наибольший эффект в освоении учебного материала дают телеконференции по тематике наиболее сложных разделов программ, на которых преподаватели обобщают материалы раздела, объясняют наиболее сложные темы, демонстрируют наиболее рациональные решения практических заданий и отвечают на вопросы слушателей.

В целом структура информационного продукта может быть представлена в форме имитационной модели (рис. 2).

Преимущество данной модели информационного продукта заключается в том, что:

– учебный материал четко структурирован по разделам программы;

– реализуется принцип последовательности и преемственности в изложении учебного материала, и вместе с тем возможно на каждом этапе обучения возвращаться к предыдущему материалу, если возникают вопросы;

– в конце каждого раздела есть возможность дополнительно просмотреть нормативно-правовые акты и закрепить пройденный материал с помощью практических заданий и тестов;

– в конце цикла есть возможность еще раз просмотреть нормативно-правовые документы, видеоролики, пройти итоговое тестирование и выполнить практические задания.

С использованием кейс-технологий на кафедре медицинской экспертизы с 2010 по 2014 гг. было обучено около 2000 слушателей из разных регионов Российской Федерации по вопросам экспертизы временной нетрудоспособности, экспертизы качества медицинской помощи, медико-социальной экспертизы, реабилитации. Слушатели, в основном, были довольны содержанием информационного продукта и использовали его в своей дальнейшей работе. Но контроль качества информационного продукта был необходим постоянно, поскольку дефекты и недостатки подбора и расстановки содержания учебного материала, связанные с появлением новых нормативных актов, результатов научных исследований, изменений в сфере здравоохранения и социальной защиты населения, выявляются постоянно.

Выводы

1. Внедрение поэтапной системы организации создания информационного продукта позволило упорядочить работу преподавателей, способных и готовых осуществлять эту работу.

2. Каждый этап работы над информационным продуктом требует специальных методик, освоить которые должны сотрудники кафедры, особенно руководитель, управляющий всем процессом создания информационного продукта.

3. В процессе работы над информационным продуктом особое внимание следует уделять

повышению квалификации преподавателей, особенно при выявлении дефектов в ходе осуществления оперативного контроля.

4. При формировании информационного продукта следует обращать внимание на необходимость постоянного усовершенствования структуры и содержания СИП при издании новых нормативных актов, появлении в печати новых интересных методик, результатов научных исследований, данных медицинской статистики.

5. Телеконференции – необходимый компонент дистанционного обучения при использовании кейс-технологий, который способствуют лучшему усвоению материала информационного продукта и дает дополнительную мотивацию к изучению отдельных разделов программы.

В целях оптимизации дальнейшей работы по созданию информационных продуктов необходимо внедрять единые унифицированные методики их подготовки, оценки качества и эффективности с учетом особенностей обучающихся контингентов и дополнительных образовательных программ.

Список литературы

1. Гусева Н.К., Соколов В.А., Соколова И.А., Никонов А.Ю. Методические подходы к формированию информационного продукта для обучения специалистов вопросам медицинской экспертизы с использованием интерактивных технологий // Новые технологии в образовании: Сб. статей по итогам Международной научно-практической конференции (апрель 2012 г.) / Науч. ред. Я.А. Максимов. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. С. 256–258.

2. Контроль и обеспечение качества и безопасности медицинской деятельности в медицинских организациях: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. Н.К. Гусевой. Н. Новгород, 2015. 183 с.

3. Гусева Н.К., Соколов В.А., Доютова М.В., Соколова И.А. Организация экспертной работы в медицинских организациях: Учебно-методическое пособие. Изд. 4-е, перераб. и доп. Н. Новгород, 2014. 115 с.

4. Гусева Н.К., Соколов В.А., Доютова М.В., Соколова И.А. Некоторые вопросы методики обучения специалистов на циклах тематического усовершенствования по экспертизе временной нетрудоспособности и реабилитации больных и инвалидов // Сб. науч. трудов Sword: Материалы Международной научно-практической конференции «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании, 2011». Вып. 4. Т. 12. Одесса: Черноморье, 2011. С. 37–42.

5. Бердутина Э.В. Соционический подход к управлению персоналом медицинской организации: Учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородский региональный институт экономики и управления агропромышленного комплекса, 2016. 73 с.

SOME PECULIARITIES OF ORGANIZING DISTANCE LEARNING WITH THE USE OF CASE-BASED TECHNOLOGIES (ON THE EXAMPLE OF THE DEPARTMENT OF MEDICAL EXAMINATION OF THE NIZHNI NOVGOROD STATE MEDICAL ACADEMY)

N.K. Guseva, A.Yu. Nikonova

Nizhni Novgorod State Medical Academy

The article summarizes the experience of teaching of certain types of medical examination at the Department of the Faculty for Advanced Medical Training of the Nizhni Novgorod State Medical Academy from 2010 to 2015 with the use of case-based technologies. The quality of the information product (the content of the disc) is of particular importance in the preparation and development of this form of training. Based on our experience, the information product should include a set of video lectures, practical assignments, video clips, materials for self-monitoring and certification, and an intelligent system prompter. The structure of the information product may vary depending on changes in the curriculum, introduction of new computer technologies, new forms of organization of the learning process and types of education.

Keywords: distance learning, case-based technologies, advanced training of specialists with higher medical education.

УДК 378

ОБ ОПТИМИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ЛИНЕЙНАЯ АЛГЕБРА» ДЛЯ БАКАЛАВРОВ-ЭКОНОМИСТОВ НА ОСНОВАНИИ АНАЛИЗА УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

© 2016 г.

М.В. Котельникова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

mariykotelnikova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.09.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Представлен результат анализа значимости элементов содержания трех учебных программ дисциплины «Линейная алгебра» ведущих вузов, реализующих образовательную программу по направлению подготовки 080100 Экономика (квалификация (степень) «бакалавр»); обсуждены и предложены варианты оптимизации содержания дисциплины. Анализ значимости элементов содержания обучения базируется на результатах использования метода матриц логических связей, дополненного методом парных сравнений учебных программ.

Ключевые слова: содержание учебных программ, матрица логических связей (МЛС), количественные экспертные оценки значимости элементов содержания обучения.

Предназначение данной статьи – обсудить результаты анализа содержания учебной дисциплины «Линейная алгебра» в подготовке экономистов-бакалавров по направлению «Экономика», представленного в учебных программах дисциплины «Линейная алгебра» [1–4]. Актуальность такого исследования определяется возрастающей ролью профессиональных основных образовательных программ (ПООП), разрабатываемых вузами, при тенденции к сокращению содержания базовых учебных дисциплин в быстро сменяемых поколениях ФГОС (во ФГОС поколения 3 плюс отсутствуют и перечни дисциплин). Это, безусловно, увеличивает автономность вузов, позволяя им в большей степени ориентироваться на специфику работодателей будущих выпускников и их собственные интересы, но в то же время следует помнить многогодовую практику следования типовым программам учебных дисциплин, которые трудно признать оптимальными, особенно для общенаучных дисциплин при подготовке бакалавров. По-видимому, именно этот недостаток современных программ учебных дисциплин, имеют в виду авторы Концепции развития математического образования в РФ (от 24.12.2013). Они пишут, что невысокий уровень усвоения математики связан с «перегруженностью образовательных программ общего образования, профессионального образования, а также оценочных и методических материалов техническими элементами и устаревшим содержанием, с отсутствием учебных программ, отвечающих потребностям обучающихся и действительному уровню их подготовки» [5].

I. Предыдущие исследования. В нашей статье [6] приведены результаты анализа использования разделов и тем содержания учебной дисциплины «Линейная алгебра» в некоторых учебных дисциплинах математического цикла ПООП бакалавратуры направления подготовки «Экономика». Мы анализировали, используя метод матриц логических связей (МЛС), содержание учебной дисциплины «Линейная алгебра» с содержанием учебных дисциплин «Математический анализ», «Эконометрика», «Теория вероятностей и математической статистики», определяя таким образом значимость разделов и тем «Линейной алгебры» в профессиональной подготовке экономистов-бакалавров. Такой подход к оценке значимости составляющих содержания дисциплины не противоречит признанию высокой ценности формирования общекультурных, универсальных компетенций выпускника, поскольку есть все основания считать, что их формирование, включая развитие успешности познавательной деятельности, не имеет однозначно выявленной зависимости от объема элементов содержания. Следовательно, эти компетенции можно формировать на менее широком спектре содержания учебной дисциплины. Более того, в результате проведенного анализа установлено, что лишь весьма немногие темы дисциплины «Линейная алгебра» исполь-

зуются в содержании дисциплин математического цикла ПООП и, следовательно, основное предназначение линейной алгебры должно быть ориентировано на приобретение студентами универсальных компетенций. Определенная ограниченность выводов статьи [6] связана с тем, что в ней в качестве базовых программ учебных курсов использовались программы конкретных учебных заведений. Такие программы, при всей авторитетности вузов, их принявших, по самой своей сути несут экспертные предпочтения конкретных разработчиков.

II. Выделение общей части программ учебной дисциплины «Линейная алгебра», разработанных в ведущих вузах для подготовки экономистов.

Необходимость такого шага определяется потребностью выйти за пределы мнения одного из составителей программы курса «Линейная алгебра» для экономистов. Нами были проанализированы следующие программы:

1) Рабочая программа дисциплины «Линейная алгебра», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Московская школа экономики, направление 080100 Экономика для подготовки студентов-бакалавров очного обучения [1];

2) Рабочая программа дисциплины «Линейная алгебра», ГУ ВШЭ, Пермский филиал, специальность 080100.62 «Экономика» подготовки бакалавра, 2007 г. [3];

3) Примерная программа дисциплины «Математика» федерального компонента естественнонаучного цикла ГОС ВПО по направлению 521600 Экономика (для экономических специальностей); рекомендована УМО по экономике и социологии труда [2].

В основу выделения общей части содержания программ учебных дисциплин положено их попарное сравнение. При этом нужно заметить, что процедура сравнения содержания учебных программ не столь проста и однозначна, как это можно было предположить для традиционной математической дисциплины, поскольку не только распределение по временному порядку изучения общих элементов содержания, но и их представление по разделам и темам дисциплины значительно различается в разных программах.

В результате сравнения содержания получаем для каждой пары массив совпадающих тем, которые не всегда полностью идентичны по названию, в связи с чем приходится допускать некоторую нечеткость экспертного выбора. В разных программах наполнение разделов даже с одинаковыми названиями может не совпадать, а некоторые темы включаются в содержание разделов с названиями, нестереотипными для таких тем. Это необходимо учитывать при выделении общей части содержания программ. Например, тема «Арифметическое Rn» из программы МГУ вошла в таблицу, как некоторое обобщение, включающее в себя темы из разделов других программ, в частности «Аффинные пространства» из программы ВШЭ.

Можно считать, что выделение общих элементов при попарном сравнении – это экспертное выделение пересечения множеств тем. Степень однородности этих элементов содержания не всегда однозначна.

В таблице 1 представлено краткое содержание результатов парного сравнения разделов программ дисциплины «Линейная алгебра».

Выделим общую часть программ, представленных в табл. 1 и получим 5 разделов с темами, которые поместим в таблицу 2.

Таблица 1

Краткое содержание разделов программ, выделенных в результате попарного сравнения содержания учебной дисциплины «Линейная алгебра»

МГУ и ГУ ВШЭ (Пермский филиал)	ГУ ВШЭ (Пермский филиал) и примерные программы дисциплины «Математика» федерального компонента цикла ЕН ГОС ВПО второго поколения по направлению 521600 «Экономика» (для экономических специальностей)	МГУ и примерные программы дисциплины «Математика» федерального компонента цикла ЕН ГОС ВПО второго поколения по направлению 521600 «Экономика» (для экономических специальностей)
1. Матрицы. Определители. Действия над матрицами. Свойства. Определители второго и третьего порядка, свойства. Обратная матрица. Применение матричного исчисления к решению прикладных задач	**1. Матрицы.** Понятие матрицы. Примеры «экономических» матриц. Матрица прямых затрат. Понятие неразложимой матрицы и её свойства. Действия над матрицами и их свойства. Ранг матрицы. Обратная матрица	**1. Системы линейных уравнений.** Системы линейных уравнений. Равносильные системы. Матрицы. Элементарные преобразования матриц. Ранг матрицы

Продолжение таблицы 1

Краткое содержание разделов программ, выделенных в результате попарного сравнения содержания учебной дисциплины «Линейная алгебра»

МГУ и ГУ ВШЭ (Пермский филиал)	ГУ ВШЭ (Пермский филиал) и примерные программы дисциплины «Математика» федерального компонента цикла ЕН ГОС ВПО второго поколения по направлению 521600 «Экономика» (для экономических специальностей)	МГУ и примерные программы дисциплины «Математика» федерального компонента цикла ЕН ГОС ВПО второго поколения по направлению 521600 «Экономика» (для экономических специальностей)
2. Системы линейных уравнений. Методы Гаусса и Крамера. Базовые, свободные переменные. Теорема Кронекера–Капелли. Общее решение неоднородных систем. Фундаментальное решение. **3. Элементы аналитической геометрии плоскости и пространства.** Аналитическая геометрия плоскости. Координатные оси, координаты точек, расстояние между точками. Задание фигур уравнениями и неравенствами, прямая, полуплоскость, окружность, круг, угол, отрезок. Прямые, уравнение прямой $y=kx+b$, $ax+by+c=0$. Уравнение прямой, проходящей через две заданные точки. Перпендикулярные прямые. Взаимное расположение двух прямых, соответствующая система линейных уравнений. Взаимное расположение прямой и окружности, касание. Векторы на плоскости, операции над векторами, коллинеарные векторы, разложение вектора по двум неколлинеарным векторам. Понятие о линейной зависимости, линейной комбинации. Системы двух уравнений с двумя неизвестными. Скалярное произведение векторов, его свойства, вычисление длин и углов. Проекции вектора на ось (другой вектор). Перпендикуляр. Площадь параллелограмма и треугольника, определитель второго порядка. Нормальный и направляющий векторы прямой. Различные виды уравнения прямой на плоскости. Угол между двумя прямыми. Расстояние от точки до прямой. Середина отрезка, деление отрезка в данном отношении. **4. Линейные пространства и линейные операторы в них.** Векторные пространства. Арифметическое Rn. Операции с векторами, их свойства. Линейно зависимые/независимые системы векторов. Базис и размерность пространства. Подпространства векторного пространства. Линейная оболочка системы векторов. Понятие о линейном операторе. Примеры (оператор проектирования и т.п.). Матрица линейного оператора. Преобразование матрицы оператора при замене базисов	**2. Определители.** Понятие определителя и способы его вычисления. Свойства определителей. Миноры и алгебраические дополнения. Разложение определителя. **3. Системы линейных уравнений.** Линейные уравнения и системы линейных уравнений. Разрешенные системы линейных уравнений. Преобразования систем линейных уравнений. **4. Методы решения систем линейных уравнений.** Теорема Кронекера–Капелли. Формулы Крамера. Однородные системы уравнений. Фундаментальная система решений. Общее решение систем линейных уравнений в векторной форме. Метод Жордана–Гаусса решения систем линейных уравнений. **5. Системы *n*-мерных векторов.** *N*-мерные векторы. Линейная комбинация векторов. Линейная зависимость и независимость векторов и свойства этих понятий. Базис и ранг системы векторов. Базис и размерность пространства. Ортогональные системы векторов. **6. Поверхности и линии в пространстве.** Уравнение плоскости в пространстве. Различные формы уравнения плоскости. Полупространства. Область решений системы неравенств с тремя переменными. Понятие о выпуклых многогранниках. Прямая в пространстве. Различные формы уравнений прямой в пространстве. **7. Собственные значения и собственные векторы.** Собственное значение матрицы. Собственные векторы матрицы и их свойства. Теорема Фробениуса–Перрона для неразложимых матриц	Метод Гаусса решения систем линейных уравнений. Теорема Кронекера–Капелли. Нетривиальная совместность однородной системы уравнений. Общее решение неоднородной системы. Фундаментальное решение. **2. Матрицы, операции над ними. Определители.** Матрицы. Действия над ними: транспонирование, сложение, умножение на число, произведение. Нулевая и единичная матрицы. Диагональные, симметрические матрицы. Свойства операций. Определители и их свойства. Методы вычисления определителей. Связь определителя с рангом. Миноры. Обратная матрица. Вычисление обратной матрицы через алгебраические дополнения и с помощью присоединенной матрицы. Двухотраслевая модель Леонтьева. **3. Векторные пространства.** Векторные пространства. Арифметическое Rn. Операции с векторами, их свойства. Линейно зависимые/независимые системы векторов. Базис и размерность пространства. Подпространства векторного пространства. Линейная оболочка системы векторов. Ранг системы векторов, вычисление ранга методом элементарных преобразований и с помощью миноров. Подпространство, размерность, пересечение и сумма подпространств. **4. Собственные векторы и собственные значения.** Собственные числа, собственные векторы. **5. Квадратичные формы.** Квадратичная форма, матрица квадратичной формы. Приведение квадратичной формы к каноническому виду (произвольным невырожденным преобразованием, ортогональным преобразованием). Положительно (отрицательно) определенные формы. Критерий Сильвестра

Окончание таблицы 1

Краткое содержание разделов программ, выделенных в результате попарного сравнения содержания учебной дисциплины «Линейная алгебра»

МГУ и ГУ ВШЭ (Пермский филиал)	ГУ ВШЭ (Пермский филиал) и примерные программы дисциплины «Математика» федерального компонента цикла ЕН ГОС ВПО второго поколения по направлению 521600 «Экономика» (для экономических специальностей)	МГУ и примерные программы дисциплины «Математика» федерального компонента цикла ЕН ГОС ВПО второго поколения по направлению 521600 «Экономика» (для экономических специальностей)
Собственные числа, собственные векторы. Характеристический многочлен. Ортогональность собственных векторов. **5. Линейные, билинейные и квадратичные формы.** Квадратичная форма, матрица квадратичной формы. Приведение квадратичной формы к каноническому виду. Положительно (отрицательно) определенные формы. Критерий Сильвестра. **6. Евклидовы пространства и операторы в них.** Скалярное произведение в *n*-мерном пространстве. Неравенство Коши–Буняковского, Ортонормированный базис. Ортогональный базис. Понятие о скалярном произведении в Rn. Ортогональные матрицы. Ортогональность собственных векторов	**8. Квадратичные формы.** Понятие квадратичной формы. Канонический базис квадратичной формы. Положительно и отрицательно определенные квадратичные формы. Критерий Сильвестра	

Таблица 2

Общая часть всех рассматриваемых программ дисциплины «Линейная алгебра»

I. Матрицы.
Действия над матрицами. Свойства. Определители второго и третьего порядка, свойства. Обратная матрица. Применение матричного исчисления к решению прикладных задач.

II. Системы линейных уравнений.
Методы Гаусса и Крамера. Базовые, свободные переменные. Теорема Кронекера–Капелли. Общее решение неоднородных систем. Фундаментальное решение.

III. Векторные пространства.
Векторные пространства. Арифметическое Rn. Операции с векторами, их свойства. Линейно зависимые/независимые системы векторов. Базис и размерность пространства. Подпространства векторного пространства. Линейная оболочка системы векторов.
Ранг системы векторов, вычисление ранга методом элементарных преобразований и с помощью миноров.

IV. Собственные векторы и собственные значения.
Собственные числа, собственные векторы.

V. Квадратичные формы.
Квадратичная форма, матрица квадратичной формы. Приведение квадратичной формы к каноническому виду (произвольным невырожденным преобразованием, ортогональным преобразованием). Положительно (отрицательно) определенные формы. Критерий Сильвестра

III. Построение МЛС полученного инварианта с дисциплинами математического цикла. Построим матрицы логических связей (МЛС) – прямоугольные таблицы, строчки которых – разделы «Линейной алгебры» из табл. 2, а столбцы, соответственно, разделы дисциплин «Математический анализ» и «Эконометрика» [4; 7]. Далее, на пересечении строки и столбца ставим 1, если для понимания, адекватного восприятия данного раздела столбца необходимо владение соответствующим разделом алгебры строки; в противном случае ставим 0 (более подробное описание построения и анализа МЛС см. в [8; 6]) (табл. 3).

Последний столбец матрицы (М) содержит значения частотностей, т.е. относительной частоты востребованности раздела «Линейной алгебры» для адекватного восприятия соответствующего раздела (столбец МЛС) «Математического анализа». Нижняя выделенная строка показывает степень использования соответствующих разделов «Линейной алгебры» при изучении конкретного раздела «Математического анализа» (табл. 4).

Таблица 3

МЛС

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
1	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0,18
2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0,09
	0	0	0	0	0	0	0,2	0,2	0,2	0	0	

Строки матрицы – «Линейная алгебра» общая часть (табл.2), столбцы – «Математический анализ»: 1) Введение. Элементы теории множеств и функций; 2) Предел и непрерывность функции одной переменной; 3) Производная и дифференциал функции одной переменной; 4) Исследование дифференцируемых функций одной переменной; 5) Множества точек и последовательности в *n*-мерном пространстве; 6) Функции нескольких переменных (ФНП); 7) Дифференцируемые ФНП; 8) Теория неявных функций; 9) Классические методы оптимизации; 10) Интегрирование; 11) Числовые, функциональные и степенные ряды [7].

Таблица 4

МЛС

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	
1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,06
2	1	0	1	0	0	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0,29
3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	0,2	0	0,2	0,2	0	0,2	0	0,2	0,2	0	0	0	0	0	0	0	0	

МЛС дисциплины «Линейная алгебра» – общая часть попарных сравнений трех программ (строки) (табл.2) – и «Эконометрика» [7] (столбцы): 1) Предмет эконометрики; 2) Повторение теории вероятностей и математической статистики; 3) Линейная регрессия с одной объясняющей переменной; 4) Степень соответствия линии регрессии имеющимся данным; 5) Классическая линейная регрессия для случая одной объясняющей переменной; 6) Множественная линейная регрессия; 7) Коэффициент множественной детерминации; 8) Проверка линейных гипотез для коэффициентов множественной регрессии; 9) Фиктивные переменные. Исследование структурной устойчивости коэффициентов регрессии с помощью теста Чоу; 10) Выбор функциональной формы модели; 11) Ошибки спецификации модели; 12) Мультиколлинеарность; 13) Гетероскедастичность; 14) Автокорреляция; 15) Модели бинарного выбора; 16) Введение в теорию временных рядов; 17) Моделирование по данным временных рядов.

Таблица 5

Частотность использования общих разделов «Линейной алгебры» в дисциплинах «Математический анализ» и «Эконометрика»

Раздел	Частотность в МЛС «Алгебра – Математический анализ» (табл. 3)	Частотность в МЛС «Алгебра-Эконометрика» (табл. 4)
1. Матрицы	0.18	0.06
2. Системы линейных уравнений	0	0.29
3. Векторные пространства	0	0
4. Собственные векторы и собственные значения	0	0
5. Квадратичные формы	0.09	0

Последний столбец матрицы (S) содержит значения частотностей, т.е. относительной частоты востребованности раздела «Линейной алгебры» для адекватного восприятия соответствующего раздела (столбец МЛС) «Эконометрики». Нижняя выделенная строка показывает степень использования соответствующих разделов «Линейной алгебры» при изучении конкретного раздела «Эконометрики».

МЛС, составленная по разделам дисциплины «Теория вероятности и математическая статистика» (ТВ и МС) и общая часть алгебры получилась полностью нулевой, т.е. содержание дисциплины «Линейная алгебра» в «ТВ и МС» не используется (табл. 5).

IV. Анализ полученных результатов и предложение вариантов для оптимизации курса «Линейная алгебра». В приведенной таблице видим, что востребованы разделы «Матрицы»,

«Системы линейных уравнений» и незначительно «Квадратичные формы», а разделы «Векторные пространства» и «Собственные векторы и собственные значения» имеют нулевую частотность.

Обсуждение разделов дисциплины «Линейная алгебра», которые не вошли в общую часть результатов попарного анализа трех рассматриваемых программ, выходит за ограниченный объем данной статьи. Отметим только, что значимость, востребованность этих разделов «Линейной алгебры», не вошедших в их общее (по всем программам) число (табл. 2), требует анализа частотности их использования в последующих дисциплинах ПООП бакалавра-экономиста. Это представлено в статье [6] только для одной программы [1], где раздел «Приложение методов линейной алгебры» является весьма востребованным и «работает» на дисциплину «Эконометрика». Не приводя данных и детального обсуждения востребованности разделов, общих для двух из трех рассматриваемых программ алгебры; разделов, входящих только в одну программу, отметим, что разделы «Линейные операторы», «Евклидовы пространства и операторы в них», «Системы *n*-мерных векторов», принадлежащие двум программам, и разделы «*N*-мерное точечное пространство», «Аффинные пространства», принадлежащие только одной из трех программ, в дисциплинах «Математический анализ» и «Эконометрика» не используются. Использование разделов «Введение в аналитическую геометрию», «Поверхности и линии в пространстве», «Замена координат и преобразование уравнений» требует дополнительного обсуждения, но их востребованность в последующих дисциплинах ПООП бакалавра-экономиста не будет высокой, при том что их значимость в собственной дисциплине «Линейная алгебра», определяемая результатами анализа собственной МЛС «Линейная алгебра – Линейная алгебра», весьма высока.

Анализ использования разделов содержания «Линейной алгебры», представленный фактически в трех рассмотренных программах этой учебной дисциплины, подтверждает и делает более убедительной тенденцию, обнаруженную в аналогичном анализе в статье [6]. Суть этой тенденции в том, что большая часть разделов «Линейной алгебры» не используется в дисциплинах математического цикла ПООП экономиста-бакалавра. Время затрачивается на темы, значимость которых сомнительна, что подтверждает мнение об избыточности учебных программ, выраженное в Концепции развития математического образования в РФ [5]. Однозначное обоснование для оптимизации содержания, может дать только продолжение исследования более детальных связей тем «Линейной алгебры» с профессионально ориентированными дисциплинами ПООП бакалавра-экономиста, включая анализ цепочек содержания «Линейная алгебра» → дисциплины математического цикла → профессионально ориентированные дисциплины. При этом уместно отметить еще раз, что формирование универсальных компетенций выпускника можно отработать на меньшем количестве тем учебной дисциплины, увеличивая объем и разнообразие практических занятий, заданий для самостоятельной работы студентов, т.е. перераспределить время, отводимое на освоение дисциплины таким образом, что основная его часть будет посвящена усвоению выделенных, востребованных тем. Остальные же темы будут предлагаться для самостоятельного изучения, с последующим контролем уровня усвоения, допускающим дифференциацию этого уровня по выбору студента.

Это будет работать на профессиональную компетенцию – целостную системную совокупность свойств (компетенций) человека, специалиста, профессионала, выпускника вуза (в пределах образовательной программы) позволяющую ему:

– целенаправленно, успешно и достаточно эффективно выполнять типовую профессиональную деятельность;

– адаптироваться к меняющимся условиям;

– разрешать проблемные ситуации, возникающие в реальной профессиональной деятельности;

– успешно заниматься саморазвитием, самосовершенствованием.

Список литературы

1. Рабочая программа дисциплины «Линейная алгебра». Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московская школа экономики. Направление 080100 Экономика для подготовки студентов-бакалавров очного отделения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mse-msu.ru/edu_pr/linear_algebra_bak.pdf (дата обращения: 13.03.2016).

2. Примерные программы дисциплины «МАТЕМАТИКА» федерального компонента цикла ЕН ГОС ВПО второго поколения по направлению 521600 «Экономика» (для экономических специальностей). Рекомендовано УМО по экономике и социологии труда. Председатель УМО В.И. Видяпин. Москва, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db/portal/spe/progs/521600_mf.01.htm (дата обращения: 15.04.2016).

3. Рабочая программа дисциплины «Линейная алгебра». ГУ ВШЭ Пермский филиал. Специальность 080100.62 «Экономика» подготовки бакалавра. 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rudocs.

exdat.com/docs/index-16117.html (дата обращения: 13.03.2016).

4. Примерная программа «Математический анализ», ВШЭ. Направление 080100.62 – Экономика для подготовки студентов-бакалавров очного отделения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fs.nashaucheba.ru/docs/60/index-325649.html#14 0879 (дата обращения: 15.04.2016).

5. Концепция развития математического образования в РФ. Утверждена правительством РФ 24.12.2013. №2506-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/70552506/ (дата обращения: 15.04.2016).

6. Котельникова М.В., Соколов В.М «Линейная алгебра» в математическом цикле подготовки бакалавров-экономистов: анализ содержания // Нижегородское образование. 2014. № 4. С. 125–131.

7. Программа дисциплины «Эконометрика». Государственный университет – «Высшая школа экономики». Специальность 080500.62 «Менеджмент» подготовки бакалавра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fs.nashaucheba.ru/docs/60/index-995569.html (дата обращения: 13.03.2016).

8. Акофф Р. Акофф о менеджменте / Пер. с англ. под ред. Л.А. Волковой. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

ABOUT OPTIMIZING THE CONTENT OF THE DISCIPLINE «LINEAR ALGEBRA» FOR BACHELORS PROGRAM STUDENTS OF ECONOMICS BASED ON THE ANALYSIS OF CURRICULA OF LEADING RUSSIAN UNIVERSITIES

M.V. Kotelnikova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

We present and discuss the results of the expert analysis of some leading Russian universities' curricula for the course in Linear Algebra. The aim of the analysis was to determine the importance of curriculum elements for successful learning of such curriculum sections as «Mathematical analysis», «Econometrics», «Theory of probability and mathematical statistics». Quantitative expert assessment was made with the use of the logical links matrix and pairwise comparison of the curricula. Based on the obtained results, we propose some ways for streamlining the content of the curriculum.

Keywords: curriculum content, logical links matrix (LLM), quantitative expert assessment of the significance of curriculum content elements.

УДК 378.147

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ СТАРШИХ КУРСОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

© 2016 г.

В.В. Михайлова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

mihaylova.v.v@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.07.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Представлены результаты исследования эффективности применения интерактивных методов в обучении студентов. Интерактивные методы относятся к инновационным технологиям, рекомендованным для применения в рамках компетентностного подхода к организации процесса обучения в высших учебных заведениях. Эмпирическое исследование проводилось методом структурированного интервью студентов (N = 75, 2015), принявших участие в серии из шести открытых тренингов с применением интерактивных методов в учебном процессе. Установлено, что включение интерактивных методов в образовательный процесс позволяет усилить взаимосвязь учебного материала с его практическим применением в дальнейшей профессиональной деятельности студентов, способствует активации исследовательской активности и формированию социальной адаптивности будущих специалистов, что соответствует запросу современного российского рынка труда.

Ключевые слова: компетентностный подход в образовании, интерактивные методы обучения, рынок труда, тренинг, ролевая игра, групповая дискуссия, case-study, социальная адаптивность.

Повышение качества образования является одной из актуальных задач современной России. В сфере высшего профессионального образования продекларирован и реализуется новый компетентностный подход в организации процесса обучения. По мнению И.Д. Столбовой, компетентностная модель выпускника является инновационной совокупной мерой оценки качества специалиста в заданной профессиональной области, выражающей не только сумму его определенных знаний и умений, но и способность применять их на практике, создавать новую конкурентоспособную продукцию, осознавать перспективы технического, экономического и социального развития [1]. Реализация компетентностного подхода – это один из способов привести в соответствие профессиональное образование и потребности современного российского рынка труда.

Характеристики современного российского рынка труда

Несмотря на качественное изменение рынка труда в последнее десятилетие, неверно говорить о том, что требования к выпускникам вузов со стороны работодателей кардинально отличаются от требований работодателей в предыдущие десятилетия. На рынке труда всегда существовал активный спрос на высококвалифицированных специалистов. В рамках прежней, советской системы лучшие студенты получали распределение на наиболее престижные рабочие места. Ситуация на рынке труда отличалась тем, что предприятия обладали бо́льшими ресурсами для обучения и профессиональной адаптации даже «средне-подготовленных» студентов, поскольку финансовое бремя ложилось на государственные плечи. Современные предприятия, как правило, не располагают финансовыми и временными ресурсами для реализации долгосрочного процесса адаптации вчерашнего выпускника в профессиональный социум. В связи с этим рынок труда более открыт для тех, кто вместе с дипломом о высшем профессиональном образовании обладает практическим опытом работы.

В то же время на рынке труда не для каждой специальности существуют варианты занятости, позволяющие совмещать работу и обучение в вузе. В 2014 году 54% студентов совмещали очную форму обучения с работой. И только около трети опрошенных работающих студентов отметили, что их работа связана с их будущей специальностью [2]. В подавляющем большинстве студенты занимаются деятельностью, которая может обеспечить доход, но не даёт возможности профессионального развития: подработка в сети Интернет, работа в торговых компаниях (продавцы-консультанты, менедже-

ры по продажам, промоутеры), сфера услуг (официанты, няни, репетиторы).

В свою очередь, исследования показывают, что только 10–15% работодателей в действительности предъявляют к выпускникам вузов ограничительные требования наличия специального опыта работы [3]. Представители современных компаний признаются, что более охотно рассматривают соискателей только через год после окончания вуза, поскольку за это время формируются скорее социальные, а не профессиональные качества работника: адекватность самооценки, умение работать в коллективе и в иерархической структуре компании, ориентация на результат, способность брать ответственность за свои решения и действия и т.д. Работодатели готовы обучать, но не готовы «воспитывать» молодых специалистов.

Таким образом, реализация компетентностного подхода в образовательном процессе связана с выполнением особого запроса на подготовку специалистов со стороны работодателей и позволяет активировать первый этап профессиональной социализации студента.

Теме эффективности и необходимости развития компетентностного подхода и задаче управления качеством образовательных программ посвящено много теоретических и практических исследований. Среди них хотелось бы отметить труды И.Д. Столбовой [1], И.А. Зимней [4], В.И. Байденко [5], Н.А. Селезневой [6], И.Н. Пашковской, Н.И. Королёвой [7] и др.

Эффективность компетентностного подхода в современных условиях определяется рядом факторов.

1. Рынок труда характеризуется высокой динамикой: средняя продолжительность работы на одном предприятий – 2–3 года [8].

2. Высокий процент смены профессии наблюдается после окончании вуза при первичном выходе на рынок труда. Так, по данным министерства образования, 77% выпускников успешно трудоустраивается после окончания вуза, но при этом 45% молодых людей до 24 лет меняют профессию [9; 10].

3. На рынке труда начинает развиваться «кроссплатформенность»: наиболее востребованные сотрудники – это профессионалы, владеющие несколькими специальностями и способные качественно компилировать данные разных наук для производства продукта (например, совмещать знания по биологии и информационным технологиям, информатике и статистике и т.д.). Соответственно, выпускник должен уметь впоследствии оперативно и эффективно «добирать» знания самостоятельно.

4. Работодатели активно включают интерактивные методы (решение кейса, участие в ролевой игре) в процесс оценки будущего сотрудника при приёме на работу.

Итак, определяющими факторами будущего успешного трудоустройства выпускника вуза являются не только качество специальных знаний в профессиональной области, но и определенные универсальные инструменты, с помощью которых молодой специалист может всегда найти свою нишу на рынке труда, быть востребованным, развиваться и совершенствоваться на протяжении всей трудовой деятельности.

Перспективы применения интерактивных методов в образовательном процессе

Развивать социальную адаптивность к условиям современного рынка труда помогают инновационные технологии в построении учебного процесса высшего профессионального образования. Одним из видов инноваций является активное применение интерактивных методов в обучении студентов старших курсов: студентов 4 курса и студентов магистратуры. Некоторые исследователи выделяют три этапа в учебной деятельности студентов: учебно-познавательную (1–2 курс), учебно-исследовательскую (3−4 курс), учебно-профессиональную (4 курс и магистратура) [11]. На наш взгляд, применение интерактивных технологий обучения актуально на третьей стадии, когда должна происходить активная подготовка к переходу в профессиональный социум.

Цель данной статьи – проанализировать эффективность применения интерактивных методов в обучении студентов.

К интерактивным относятся те обучающие и развивающие личность игровые технологии, которые построены на целенаправленной специально-организованной групповой и межгрупповой деятельности, «обратной связи» между всеми ее участниками для достижения взаимопонимания и коррекции учебного и развивающего процесса, индивидуального стиля общения на основе рефлексивного анализа («здесь» и «сейчас») [12, с. 14]. Интерактивные методы позволяют разворачивать процесс обучения в трех пространственно-временных измерениях: на основании использования теории, полученной в прошлом, решаются учебные задачи в настоящем, формируя навыки и жизненные модели для будущего.

Существуют три критерия, которым должны отвечать технологии, применяемые в учебном процессе:

– концептуальность;

– интерактивность;

– проблемно-ориентированность.

Концептуальность означает наличие руководящей идеи используемого метода, цели, логической структуры, обоснованности его применения в процессе освоения конкретного теоретического материала и технологичности работы.

Интерактивность подразумевает не только воздействие преподавателя на группу студентов, но и существенное влияние членов группы друг на друга. В рамках применения интерактивных методов моделируются ситуации предметного и социального взаимодействия в профессиональном коллективе, а также происходит усиление эффекта обучения за счет механизмов психологического влияния группы. Молодые люди получают навыки управления собственным поведением в соответствии с социальными нормами не только студенческой, но и профессиональной среды. В рамках интерактивных заданий студенческая группа является прообразом рабочего коллектива с внутренней структурой социальных ролей.

Проблемно-ориентированность предполагает активацию теоретических знаний студентов для решения конкретных профессиональных задач. При этом определение проблемного поля задания должно предполагать возможность поиска и создания новых моделей и концепций, т.е. переход в развитии студента на одну ступень вверх с опорой на существующие знания. Модель и структуру практического занятия определяет развиваемая в нем компетенция.

По мнению И.Н. Пашковской и Н.И. Королёвой, целью использования интерактивных технологий в образовательном процессе высшей школы является создание компетенции как интегрированной характеристики личности, выражающейся в готовности и способности самостоятельно применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области в изменяющихся условиях профессиональной деятельности [7, с. 13].

Интерактивные технологии в обучении должны включать в себя следующие компоненты:

– когнитивный – получение нового знания путем преодоления противоречия между существующим уровнем знания и его недостаточностью для решения поставленной практической задачи;

– деятельностный – формирование опыта практического применения конкретных техник;

– личностный – формирование личностных качеств, необходимых для социального и профессионального развития и личностного отношения к предлагаемым техникам;

– метапрограммный – формирование собственной поведенческой стратегии, позволяющей быть эффективным в различных социальных контекстах.

Применение конкретных интерактивных технологий зависит от формируемых в образовательном процессе знаний, навыков и компетенций. В данной статье будет представлена информация об исследовании результатов применения в работе со студентами старших курсов следующих видов интерактивных технологий:

– анализ конкретных ситуаций (case-study);

– ролевая игра (имитационно-моделирующая);

– групповая дискуссия.

Мы считаем, что представленные выше интерактивные технологии способствуют формированию, закреплению и развитию знаний в рамках образовательного процесса в трёх аспектах.

1. Технология case-study – это актуализация и применение собственных знаний учащегося для решения учебной задачи в определенном «социальном вакууме», с минимальным влиянием социальных факторов, использование «чистых» алгоритмов, схем и формул, имеющихся в арсенале студента, поскольку в процессе работы над кейсом деятельность всех членов группы имеет один вектор и направлена на его решение.

2. Технология ролевой игры – это использование собственных знаний учащегося в социальной среде, в столкновении с целями и знаниями окружения или при их поддержке. Решение задачи ролевой игры происходит в динамике изменения социальной среды, где каждый следующий этап изменяет исходные данные и исходные состояния участников. В образовательном процессе социальную среду формируют студенческая группа и преподаватель, представляя собой модель профессионального коллектива.

3. Технология дискуссии – это использование «банка данных» знаний окружения, группы, интегрирование накопленной информации, а следовательно, возможность совершенствования собственных знаний за счет компиляции с другими.

Интерактивные технологии интенсивно и успешно применяются в проведении тренингов. Тренинг – обучение технологиям действия на основе определенной концепции реальности в интерактивной форме [13, с. 11]. Сама технология тренинга давно вышла за пределы исключительно психологического поля и широко используется в образовательных процессах в самых различных сферах. В настоящее время тренинги в большей степени применяются в системе повышения квалификации и переподготовки кадров. В данной системе предполагается наличие практического опыта и запланированного результата обучения у слушателей, что в немалой степени повышает эффективность использования интерактивных методов. Сту-

Таблица 1

Распределение интерактивных методов по тематическим блокам

	Методы подачи учебного материала					
	Тестовая группа № 1	Тестовая группа № 2	Тестовая группа № 3	Тестовая группа № 4	Тестовая группа № 5	Тестовая группа № 6
Тематический блок 1	Груп. дискус.	–	Ролевая игра	–	Case-study	–
Тематический блок 2	–	Груп. дискус.	–	Case-study	–	Ролевая игра
Тематический блок 3	Case- study	–	Груп. дискус.	–	Ролевая игра	–
Тематический блок 4	–	Ролевая игра	–	Груп. дискус.	–	Case-study
Тематический блок 5	Ролевая игра	–	Case-study	–	Груп. дискус.	–
Тематический блок 6	–	Case-study	–	Ролевая игра	–	Груп. дискус.

денты, в свою очередь, не имеют практического опыта и довольно часто не могут сформулировать цели и задачи процесса своего обучения. Несмотря на это, мы предполагаем, что опыт проведения тренингов в студенческой среде может быть качественной исследовательской платформой для изучения эффективности применения интерактивных методов в образовательном процессе высших учебных заведений.

Мы считаем, что использование интерактивных технологий в обучении студентов старших курсов способствует формированию ключевых качеств самоактуализирующейся личности, востребованной в перспективе на современном российском рынке труда:

– высокого уровня мотивации к обучению и последующей исследовательской деятельности;

– способности закрепления, эффективной переработки информации и применения её на практике.

Проверка гипотезы осуществлялась в процессе проведения серии из шести открытых бесплатных тренингов для студентов. Группы – смешанные, состоящие из представителей различных вузов Нижнего Новгорода. Участники тренингов – студенты 3–4 курсов, а также магистранты. Численность каждой группы составляла от 10 до 15 человек. Общая численность участников всех групп – 75 человек. Тема тренинга – «Планирование карьеры и профессиональное развитие». Продолжительность тренингов – 8 академических часов. Информация тренингов была структурирована и разделена на 6 тематических блоков. На каждом из тренингов три тематических блока состояли только из теоретического материала, в трёх других в дополнение к теоретическому материалу использовались методы case-study, ролевая игра и групповая дискуссия соответственно. При этом тематические блоки, подкрепленные интерактивными методами, в разных студенческих группах были различны. Таким образом, каждый из шести тематических блоков проводился в двух вариантах: только теоретический материал, а также теоретический материал с дополнением каждого из исследуемых интерактивных методов (табл. 1).

Структура и логика тренинга предполагала обратную связь от участников через две недели и через месяц после его проведения. Обратная связь формировалась из ответов студентов на 4 вопроса, которые были выбраны в качестве индикаторов тех результатов, которые, как мы гипотетически предполагаем, даёт использование интерактивных методов в усвоении и закреплении учебного материала.

Индикатор эффективности закрепления информации:

1) Тема какого блока запомнилась Вам в наибольшей степени?

2) В каких областях после тренинга наблюдаются наиболее существенные сдвиги (например, намечен план действий, совершены какие-либо действия или получены определенные желаемые результаты)?

Индикатор мотивации к обучению и дальнейшему развитию:

1) По каким темам продолжается Ваше развитие после посещения тренинга (чтение литературы на данную тему, запланировано посещение других обучающих мероприятий)?

2) По теме какого блока для дальнейшего развития Вы готовы пойти на платный тренинг?

В таблице 2 представлена структура выбора тематических блоков участниками тренинга в процессе интервьюирования. В таблице видно распределение выбора по группам и по тематическим блокам. Данные представлены в совокупности ответов на все четыре контрольных вопроса.

Результаты анализа обратной связи от участников тренинга, показывают, что по эффек-

Таблица 2

Структура выбора тематических блоков студентами в обратной связи, %

	Методы подачи учебного материала					
	Тестовая группа № 1	Тестовая группа № 2	Тестовая группа № 3	Тестовая группа № 4	Тестовая группа № 5	Тестовая группа № 6
	10 человек	15 человек	12 человек	12 человек	11 человек	15 человек
Тематический блок 1	ГД* 18	Теория 5	РИ 25	Теория 4	CS 23	Теория 5
Тематический блок 2	Теория 5	ГД 17	Теория 2	CS 25	Теория 4.5	РИ 22
Тематический блок 3	CS** 38	Теория 12	ГД 19	Теория 6	РИ 32	Теория 10
Тематический блок 4	Теория 5	РИ 28	Теория 4	ГД 21	Теория 7	CS 34
Тематический блок 5	РИ*** 25	Теория 4	CS 35	Теория 2	ГД 20	Теория 4
Тематический блок 6	Теория 10	CS 35	Теория 15	РИ 42	Теория 14	ГД 27

* ГД – Групповая дискуссия,
**CS – Case-study,
***РИ – Ролевая игра

Таблица 3

Оценка студентами эффективности тематических блоков

Ключевой метод, используемый в тематическом блоке	Частота применения метода	Выбор студентами блоков с применением метода
Метод «Case-study»	6	31%
Метод «Ролевая игра»	6	29%
Метод «Групповая дискуссия»	6	21%
Теория	18	7%

тивности закрепления информации, качеству ее использования в последующей практической деятельности участников и формированию мотивации к дальнейшему развитию лидируют тематические блоки с применением интерактивных методов в обучении (табл. 3). Наибольший процент эффективности показал метод «Case-study» (31%), вторым по значению стал метод «Ролевая игра» (29%), а третьим – «Групповая дискуссия» (21%). В процессе участия в ролевой игре, групповой дискуссии или при решении кейса происходит освоение полученного в теории знания через продуцирование нового и «своего» знания, что является главным преимуществом данных методов обучения, поскольку снижается градус психологического сопротивления информации, поступающей «извне». Данный фактор является, на наш взгляд, основополагающим.

Тематические блоки, в которых использовались методы «Ролевая игра», «Case-study» и «Групповая дискуссия», лучше закрепились в памяти участников. Они преобладают в ответах на вопрос «Тема какого блока запомнилась Вам в наибольшей степени?» (см. табл. 4). При этом наибольшее число студентов выбирает блоки с использованием метода «Ролевая игра» (36%). Это связано с тем, что в ролевых играх различного вида участники не только «проговаривают», «продумывают», но и «проживают» ситуации, находясь при этом под влиянием многих социальных факторов, существующих в реальном мире (конкуренция, успех/неудача в решении задачи, необходимость принимать сложные решения и т.д.), и испытывают связанные с этим эмоции.

После тренинга студентами более успешно и эффективно применялись знания, полученные в рамках тематических блоков с методами «Ролевая игра», «Case-study». Использование данных методов в преподавании позволяет сформировать у обучаемых социальный и профессиональный опыт, который образуется не только на основании «правильных» образцов (предлагаемых в теоретических моделях), но и на основе опыта с отрицательным значением, т.е. ошибочных действий, не ведущих к нужным результатам. В рамках ролевой игры или решения кейса у участников есть возможность наблюдать, использовать и оценивать различные стратегии достижения желаемой цели и выбирать наиболее эффективные из них. Также с точки зрения психофизиологии процесс усвоения информации имеет сходные черты с процессом исследовательской работы в рамках решения задачи [14, с. 143]. Именно эти процессы запускаются в ролевой игре или при решении кейса.

Таблица 4

Распределение выбора тематических блоков по вопросам обратной связи, %

Вопросы	ГД	CS	РИ	Теория
Тема какого блока запомнилась Вам в наибольшей степени?	21	33	36	4
В каких областях после тренинга наблюдаются наиболее существенные сдвиги (например, намечен план действий, совершены какие-либо действия или получены определенные желаемые результаты)?	9	41	40	3
По каким темам продолжается Ваше развитие после посещения тренинга (чтение литературы на данную тему, запланировано посещение других обучающих мероприятий)?	29	37	21	8
По теме какого блока для дальнейшего развития Вы готовы пойти на платный тренинг?	13	29	25	10

В процессе групповой дискуссии даже при анализе практических ситуаций не формируется строгого алгоритма последующих действий. Групповая дискуссия – это, скорее, метод коллективной исследовательской работы, который, в свою очередь, является стимулом для продолжения самостоятельных исследований. Это подтверждают результаты ответов на вопрос «По каким темам продолжается Ваше развитие после посещения тренинга?». В этом вопросе количество выборов тематических блоков с методом «Групповая дискуссия» и «Case-study» преобладает (см. табл. 4). Групповая дискуссия стимулирует участников впоследствии глубже погрузиться в обсуждаемую проблему, поскольку, во-первых, она вызывает у студента желание лучше изучить данный вопрос, чтобы быть более подготовленным и убедительным в подобной дискуссии; во-вторых, спектр мнений, проявляющийся в процессе дискуссии, дает «объемное» представление о теоретической базе предмета, что позволяет студенту проводить осознанное дальнейшее его исследование.

Метод «Case-study» является стимулирующим для дальнейшего развития, поскольку неподготовленность студента, в том числе и некачественное знание теории, не даёт возможности полноценного участия в решении кейсов, возможности быть эффективным и занять лидирующие позиции в группе. Кроме того, кейсы являются прообразами профессиональных задач, и усилия студента по повышению результативности их решений свидетельствуют о понимании важности конкретного учебного материала для дальнейшего успеха в профессиональной деятельности.

Студенты демонстрируют готовность пойти на платный тренинг по темам, которые были представлены с использованием методов «Case-study» и «Ролевая игра», поскольку именно эти методы сильнее, чем другие, дают первоначальный эффект «горящих глаз», эмоционального подъёма, желания внедрить и использовать на практике полученные инструменты, более глубоко и основательно их изучать, в том числе, и на платной основе. Впоследствии сила проявления этого эффекта, как правило, уменьшается, но некоторая часть инструментов и информации остается в арсенале обучающихся.

Можно сделать вывод, что интерактивные методы обеспечивают более высокий уровень эффективности в обучении по трём основным направлениям:

– закрепление изученного материала;

– использование материала в практической (в том числе и профессиональной) деятельности;

– продолжение дальнейшей исследовательской деятельности.

Выводы

Интерактивные методы выполняют важнейшие функции:

– дают эмоциональную наполненность восприятия учебного материала;

– формируют связь с будущей профессиональной деятельностью;

– способствуют формированию социальной адаптивности будущих специалистов.

Выполнение обозначенных выше функций обеспечивает высокий уровень качества образовательного процесса. При этом результативность применения интерактивных методов тесно связана с качеством теоретической базы. Таким образом, использование интерактивных технологий можно считать одним из условий успеха реализации компетентностного подхода в образовательном процессе, поскольку обозначенные технологии стимулируют высокую активность учащихся и развивают самоорганизацию системы их познавательной деятельности.

Интерактивные технологии способствуют формированию социальной адаптивности будущих специалистов, что крайне важно для успеха на современном рынке труда, который, в свою очередь, характеризует высокая скорость

изменений, сокращение бюджетов компаний на реализацию программ адаптации новых сотрудников, высокий уровень конкуренции среди специалистов, возрастание спроса со стороны работодателей на уникальных специалистов (готовых постоянно совершенствоваться в выбранной профессии) и универсальных специалистов (владеющих несколькими смежными профессиями).

Проведенное исследование дает основания для дальнейшей методической работы по изучению интерактивных методов, а также технологий, специфики и целесообразности их применения в рамках конкретных учебных дисциплин высшего профессионального образования. Очевидно, что системное использование интерактивных методов способствует созданию целостного образа конкретного учебного курса и ценности его для дальнейшей профессиональной деятельности студента.

Список литературы

1. Столбова И.Д., Дударь Е.С. Компетентностный формат обучения как инновационное качество образовательного процесса [Электронный ресурс]. – URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/26064/1/unup-2012-01-12.pdf (дата обращения: 17.12.2015).

2. Материалы исследования Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. – URL: http://issek.hse.ru/press/154579444.html (дата обращения: 17.12.2015).

3. Работодатели не понимают поколение Y: Материалы исследования [Электронный ресурс]. – URL: http://www.superjob.ru/research/articles/111816/rabotodateli-ne-ponimayut-pokolenie-y/ (дата обращения: 20.12.2015).

4. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 42 с.

5. Байденко В.И. Концептуальная модель государственных образовательных стандартов в компетентностном формате (дискуссионный вариант): Материалы ко второму заседанию методологического семинара. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 22 с.

6. Селезнева Н.А., Азарова Р.Н. Системное проектирование и обоснование компетентностно-ориентированнных ООП ВПО, реализующих требования ФГОС ВПО. Установочные организационно-методические материалы тематического семинарского цикла. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. 54 с.

7. Пашковская И.Н., Королёва Н.И. Разработка и внедрение инновационных образовательных технологий в образовательный процесс при введении в действие новых ФГОС ВПО. Методические рекомендации для профессорско-преподавательского состава. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2011. 103 с.

8. Дольше всего на одном месте работают медсестры и учителя, квалифицированные рабочие и микробиологи: Материалы исследования [Электронный ресурс]. – URL: http://www.superjob.ru/research/articles/111767/dolshe-vsego-na-odnom-meste-rabotayut-medsestry-i-uchitelya-kvalificirovannye-rabochie-i-mikrobiologi/ (дата обращения: 20.12.2015).

9. Мониторинг трудоустройства выпускников Министерства образования и науки РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://graduate.edu.ru/ (дата обращения: 20.12.2015).

10. Выбираем первую профессию по призванию, советам родителей и воле случая, переквалифицируемся из-за обстоятельств и стремления заработать: Материалы исследования [Электронный ресурс]. – URL: http://www.superjob.ru/research/articles/111850/vybiraem-pervuyu-professiyu-po-prizvaniyu-sovetam-roditelej-i-vole-sluchaya-perekvalificiruemsya-iz-za-obstoyatelstv-i-stremleniya-zarabotat/ (дата обращения: 21.12.2015).

11. Пакулина С.А., Кетько С.М. Методика диагностики мотивации учения студентов педагогического вуза // Психологическая наука и образование. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. – URL: http://psyedu.ru/files/articles/1657/pdf_ version.pdf (дата обращения: 21.12.2015).

12. Панфилова А.П. Игротехнический менеджмент. Интерактивные технологии для обучения и организационного развития персонала: Учебное пособие. СПб.: Знание, 2003. 536 с.

13. Сидоренко Е.В. Технология создания тренинга. От замысла к результату. СПб.: Речь; Сидоренко и Ко, 2007. 336 с.

14. Нагоров П.С. Диалектика изменения формы и содержания понятия «педагогическая технология» и современные принципиальные основы ее формирования // Российский научный журнал. 2008. № 1(2). С. 140–147.

USING INTERACTIVE TECHNOLOGIES FOR TEACHING SENIOR-YEAR STUDENTS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

V.V. Mikhaylova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

We present the results of our research on the effectiveness of using interactive methods in teaching. Interactive methods are associated with innovative technologies recommended for use as part of the competency approach in the organization of the learning process in higher education institutions. Our empirical study included a structured interview of the students

(*N*=75, 2015) who took part in a series of six open trainings with the use of interactive methods in the learning process. We have found that by including interactive methods in the learning process it is possible to strengthen the relationship of educational material with its practical application in students' future professional activity and to enhance students' research activity, which answers the needs of modern Russian labor market.

Keywords: competency-based approach in education, interactive teaching methods, labor market, training, role play, group discussion, case study.

УДК 372.851

РАЗВИТИЕ КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ОПОРНЫХ ГРАФ-СХЕМ

© 2016 г.

Л.Ю. Нестерова, С.В. Напалков

Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

nsv-52@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.05.2016
Статья принята к публикации 08.11.2016

Рассматривается один из феноменов современности – клиповое мышление, указываются его особенности и характеристики. С учетом этого проводится анализ различных моделей представления информации; рассматривается пример технологии составления опорных граф-схем при изучении вузовского курса геометрии. Обосновывается актуальность создания опорных граф-схем студентами младших курсов при изучении математических дисциплин в системе высшего образования. Доказывается эффективность развития клипового мышления посредством опорных граф-схем.

Ключевые слова: клиповое мышление, информационный поток, сигналы, фрейм, конспекты, опорные граф-схемы.

Введение

Усиление роли информации, информационных технологий привело к тому, что современное общество существует на новом этапе развития – информационном. Возникает принципиально новый способ коммуникации и трансляции информации, получивший название «экранной культуры». По сути дела, формируется новая среда обитания человека – информационное общество, спецификой которого является передача информации посредством движущего изображения, сопровождаемого звуком. *Влияние информационного общества затрагивает сферу общества людей, их обучение и процессы управления.* Под его воздействием происходит изменение мышления, в связи с чем все чаще в научной литературе появляются такие понятия, как «человек-экран», «клиповое мышление» и «клиповое сознание». Проблема изменения сознания под воздействием информационных технических средств широко изучается современными учеными [1–4]. Последствия клипового мышления наиболее ярко проявились в сочинениях учащихся. Приведем выдержки из сочинений школьников:

– «Люди в СССР всегда работали и отказывались отдыхать. Придя домой сразу ложились спать, потому что сильно уставали за 18 часов. Сны люди не смотрели»;

– «Продукты в СССР были некачественными. За колбасой были 20 километровые очереди, а колбаса одной фабрики иногда была даже зелёной. Телевизоров у людей не было»;

– «Самое значимое событие в истории России – Куликовская битва. После нее были важные перевороты и разделение земель»;

– «В данном тексте автор затрагивает ту ситуацию, где ребёнок выживает как может»;

– «В романе «Отцы и дети» одно поколение отменяет другое»;

– «Андрей Болконский вновь увидел дуб, но узнал его, хотя тот сменил облик»;

– «Если будут всегда пропадать конюхи, то лошади всегда будут ночевать на улице»;

– «Если, подумав чуть-чуть, мой пример не раскрывает эту проблему»;

– «Кубик за кубиком появляется опыт»;

– «Учитель совершил подвиг помог спуститься учительнице математики с лестницы» [5].

Как видим из фрагментов сочинений, учащиеся вроде бы владеют информацией, которую описали, но представленные ими факты разрозненны, не систематизированы и недостаточно осмыслены, и, что самое главное, усвоение получаемой информации также носит поверхностный характер. Учащиеся не владеют причинно-следственным аппаратом как в письменной речи, так и в устной.

Неутешительны и результаты Единого Государственного экзамена (ЕГЭ) по математике. Выполнение заданий по стереометрии, математическому анализу вызывает трудности у учащихся. При этом следует отметить, что справились с заданиями повышенного уровня в основном выпускники лицеев или школ с углубленным изучением математики. Таким образом, в среднем, знания по основным разделам матема-

тики усвоены, но прослеживается динамика ухудшения качества знаний, о чем свидетельствуют результаты выполнения заданий повышенной сложности.

Все это оказывает отрицательное воздействие на процесс обучения как в средней школе, так и в вузе. Без умения анализировать, вычленять суть из получаемой информации, структурировать и систематизировать невозможно понимание современных тенденций развития политики, науки, общества в целом.

С учетом особенностей развития современного мышления эффективным средством обучения студентов можно считать опорные граф-схемы, поскольку они опираются на положительные стороны клипового мышления: динамизм, познавательную деятельность, возможность освоения большого объема информации, схематичное и краткое оформление мысли, определений и свойств понятий.

Основные характеристики клипового мышления современного студента

Каждый час, каждую минуту человек подвергается лавинообразной «атаке» информации, источники которой различны: Интернет, телевизор, радио, газеты, звонки и т.п. Особенностью такого информационного потока является мгновенное действие со стороны получателя, не требующее ни развития индивидуального впечатления от информации, ни формирования отношения к ней. Таким образом, индивид находится в перегруженном информационном пространстве. В условиях постоянного перенасыщения информацией, взаимодействия с отчужденными и бессмысленными текстами у человека формируется адаптивный способ обращения с информационным пространством, который и был назван клиповым мышлением [6].

Отличительной особенностью клипового мышления является то, что мозг обучаемого не может осознавать, постигать связи между событиями. Человек, находясь в постоянном информационном потоке, тешит себя иллюзией того, что он имеет представление о всех процессах, происходящих в мире в данный момент времени, может узнать ответ на любой вопрос, любую формулу, теорему, рассмотреть любой текст и т.д. (об этом свидетельствуют результаты ЕГЭ, в частности по математике). Ввиду иллюзорности объектов познания у обучающегося пропадает необходимость запоминать информацию, конспектировать и осмыслять. Такая специфика «электронной личности» влечет за собой изменения мышления: сокращается количество желаемых, искомых, значимых, неизвестных объектов мышления и мысль, растерявшая свои проблемные объекты, прекращает порождать мыслеобразы, символы и идеи [7].

Изучению феномена клипового мышления и поиску концепции развития положительных аспектов рассматриваемой проблемы посвящены исследования [7–9], в которых указываются различные грани клипового мышления. В связи с этим есть основания утверждать, что у современного обучающегося преобладает клиповое мышление, которое характеризуется следующими особенностями:

– фрагментарностью и мозаичностью картины мира;

– пониженной способностью к анализу и поиску смысла;

– некритичностью восприятия, неспособностью к логическим построениям, длительным и интенсивным учебным нагрузкам, репродукции;

– неразвитостью чувственной сферы, неуважительным отношением к соблюдению этических и эстетических норм;

– склонностью к простым решениям, устроению проблем «кнопочным стилем».

Эти особенности необходимо учитывать в учебном процессе как в средней, так и в высшей школе. Так, Т.В. Семеновских предлагает кардинально трансформировать образовательную систему, принимая во внимание тенденции развития современного мышления обучаемого: «Необходимо пересмотреть содержательную составляющую учебного материала. С учетом индивидуально-психологических особенностей студентов требуется структурировать информацию в виде клипов, изменить формат изложения – приоритетом станут яркие, четкие и наглядные презентации, с понятными и образными, запоминающимися формулировками» [4].

Однако необходимо изменить не только содержательную составляющую учебного материала, но и методы и формы обучения в соответствии с новыми тенденциями. Активные формы обучения призваны изменить сложившуюся ситуацию, в частности, основную проблему клипового мышления – отсутствие контекста. Под контекстом понимают обладающую смысловой завершенностью устную или письменную речь, позволяющую выяснить смысл и значение отдельных, входящих в ее состав фрагментов [10].

Математическая теория складывается из частей, из отдельных фактов, доказательств теорем, следствий, поэтому важно, чтобы каждый раздел обладал смысловой завершенностью, контекстностью.

Решению указанной проблемы способствуют опорные граф-схемы, которые:

Рис. 1. Знаково-символьные модели представления знаний

Рис. 2. Лаконичные и понятные всем знаки

– повышают наглядность сложного математического материала;

– преобразовывают устную и письменную речь в визуальную форму;

– используют личный опыт студента и создают предпосылки для формирования индивидуального отношения к изучаемому материалу;

– придают абстрактным понятиям конкретный, доступный и наглядный вид;

– создают комфортную обстановку при оформлении математического материала.

Использование опорных граф-схем в развитии мышления студента

Информация во все времена была разнообразна: картина, символ, текст, кино. Существуют различные знаково-символьные модели представления знаний (рис 1).

Остановимся на сигналах, которыми пользуется человечество.

Например, рассмотрим дорожные знаки, представленные в виде стандартизированных графических рисунков. Структура дорожных знаков четко систематизирована и имеет восемь групп, в зависимости от их функций и смысловой общности (предупреждающие; приоритетные; запрещающие; предписывающие; особо предписывающие; информационно-указательные; сервисные; дополнительно-информативные). Наиболее известный из запрещающих знаков – «Въезд запрещен». Каждый человек независимо от возраста понимает, что требует этот знак. Дорожные знаки любой группы запоминаются достаточно легко, отличительными особенностями является форма, цвет, рисунок, которые лаконично, емко выполняют функции целого предложения (см. рис. 2). Происходит как бы расшифровка объектов, видов деятельности, которые необходимо осуществлять на дороге, чтобы не совершить дорожно-транспортное происшествие.

Следующим примером могут служить специальные сигналы, которые предупреждают человека об опасности. К ним относят знаки «Радиация», «Высокое напряжение», «Ядерные могильники», «Ядерные полигоны» и другие (рис. 3).

Если данные сигналы можно успешно использовать в повседневной жизни, то возможен перенос их и в другие области деятельности человечества, в частности в образовательную среду.

Вопрос компактности, целостности подачи учебного материала рассматривается и в средней, и в высшей школе. Так, известный педагог-новатор В.Ф. Шаталов [11] предложил решение проблемы посредством опорных конспектов. Приведем пример по теме «Физические объекты и явления» (рис. 4).

Рис. 3. Специальные сигналы:
1 – Радиация; 2 – Высокое напряжение; 3 – Шахты разработки радиоактивных веществ;
4 – Ядерные могильники; 5 – Ядерные полигоны

Рис. 4. Физические объекты и явления

Данная таблица содержит материал нескольких параграфов, кратко и лаконично раскрывает их содержание. На первом уроке педагог предлагает учащимся сразу весь материал по теме, схематизируя его и не раскрывая всего содержания. Тем самым он представляет общую картину, дает возможность создать обобщенную схему, выделить главные связи, что способствует детальному изучению темы, раздела, а это особенно актуально для современного обучающегося.

Интерес к созданию опорных конспектов не снижается. Исследователи предлагают различные виды структурирования материала: фреймы, блоки-схемы, матрично-табличные опоры.

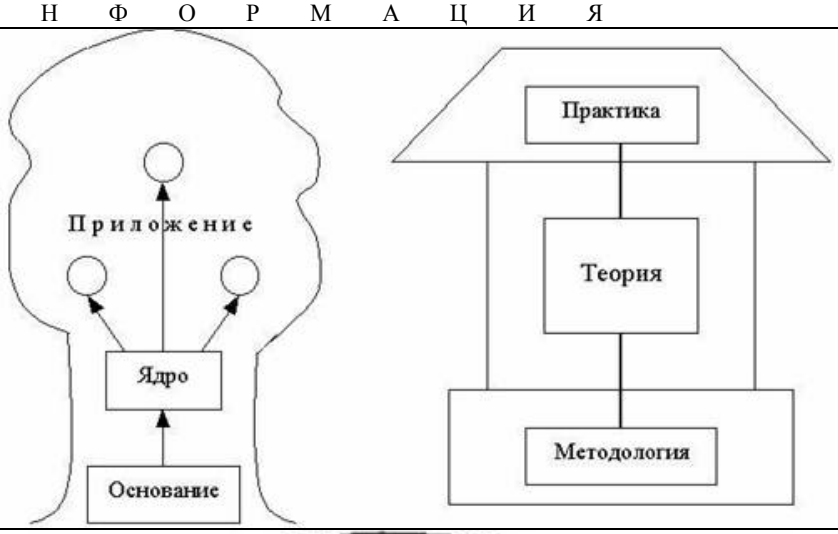
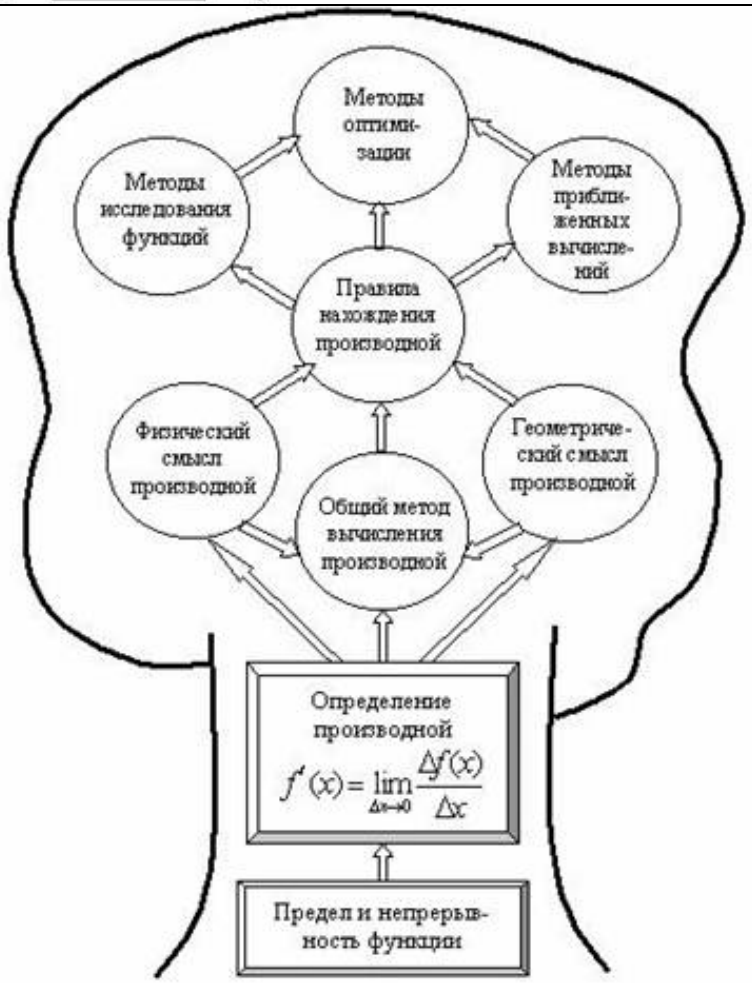
В таблице 1 приведены примеры на каждый из указанных видов представления информации.

Под опорной граф-схемой (ОГС) будем понимать лаконичную, краткую, обобщенную, доступную схему представления изучаемого материала с использованием графиков, символов, законов логики, иллюстраций.

В основу создания опорных граф-схем положено знаково-контекстное обучение, которое позволяет «совершить восхождение от

Таблица 1

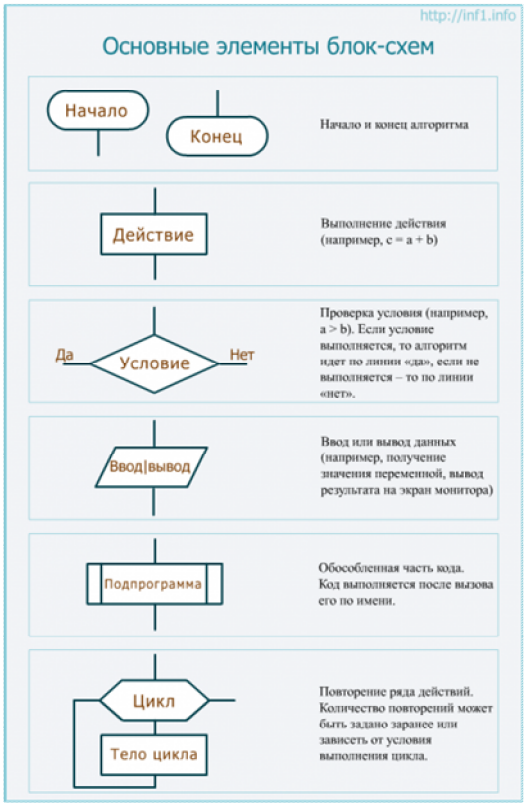
Различные виды представления информации

И Н Ф О Р М А Ц И Я	
Древо и Здание	
Древо методов дифференцирования	

Продолжение таблицы 1

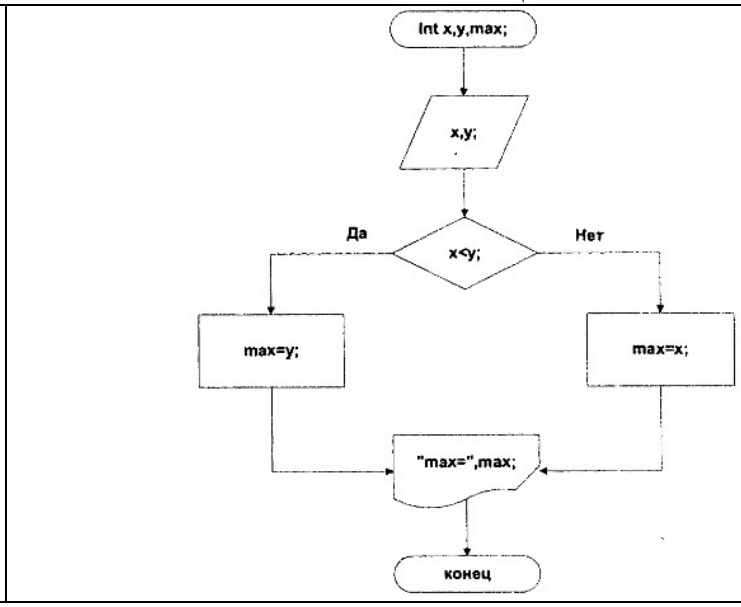
Различные виды представления информации

<table>
<tr><th colspan="2">И Н Ф О Р М А Ц И Я</th></tr>
<tr><td>Фрейм</td><td>
<table>
<tr><th></th><th>Входные данные</th><th>Наименование фрейма</th></tr>
<tr><td>Слот 1</td><td>➔</td><td>Дидактическая цель</td></tr>
<tr><td>Слот 2</td><td>?</td><td>Задача (проблема)</td></tr>
<tr><td>Слот 3</td><td>!</td><td>Обоснование гипотезы, вывод закономерности</td></tr>
<tr><td>Слот 4</td><td>●</td><td>Решение задачи (проблемы)</td></tr>
<tr><td>Слот 5</td><td>▲</td><td>Тестовое задание</td></tr>
</table>
</td></tr>
<tr><td>Фрейм по химии</td><td>

Рис. 2.2. Пример опорной схемы по химии (И. И. Супоницкая и Н. И. Гоголевская)</td></tr>
<tr><td>Блок-схема</td><td> 
</td></tr>
</table>

Окончание таблицы 1

Различные виды представления информации

И Н Ф О Р М А Ц И Я	
Блок-схема «Нахождение максимального элемента»	

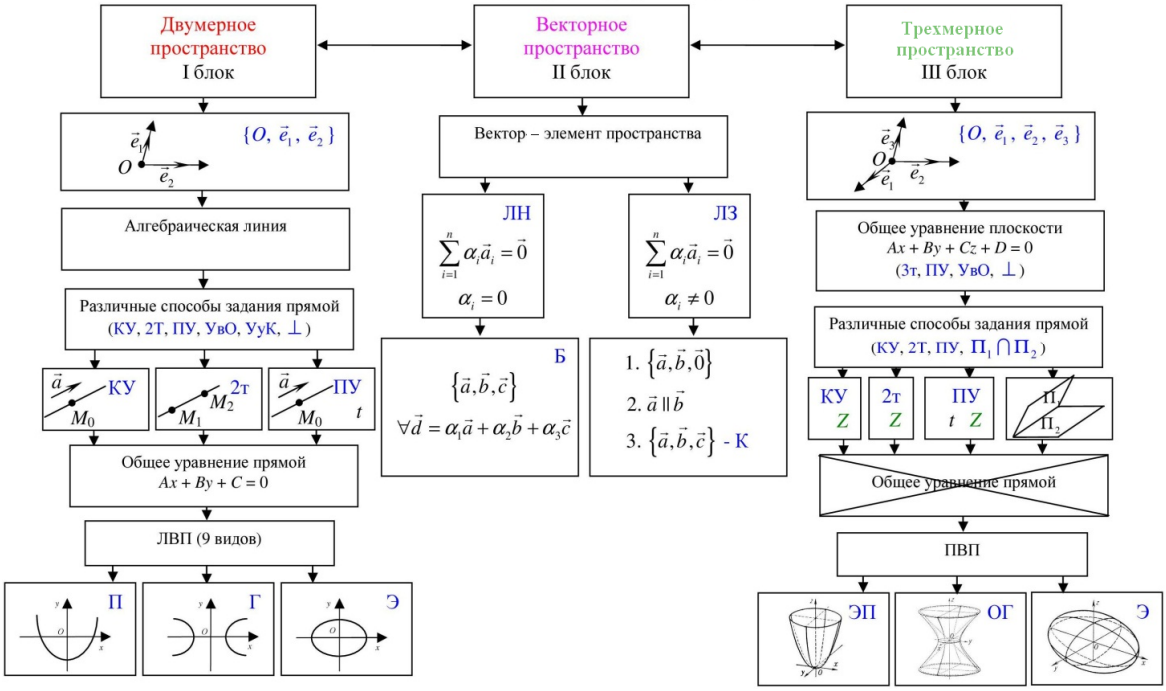


Рис. 5. Основная опорная граф-схема № 1

абстрактного к конкретному, не отрывая их друг от друга и не растворяя одно в другом» [1, с. 32]. Укажем технологию построения граф-схемы «Основная опорная граф-схема №1» на примере раздела вузовского курса геометрии «Аналитическая геометрия на плоскости и в пространстве» (рис. 5).

Эта схема состоит из трех блоков: I – двумерное пространство; II – векторное пространство; III – трехмерное пространство.

В середине граф-схемы расположен центральный (второй) блок, который состоит из базовых понятий как для первого блока, так и для второго блока (векторное пространство, линейно зависимые, линейно независимые системы векторов, базис системы векторов). Без усвоения этих понятий невозможно полноценное изучение материала I и III блоков. Такое расположение создает целостность в усвоении всего раздела геометрии, устраняет мозаичность, разрозненный вид.

Обращаем внимание, что в схеме не формулируются определения, а указаны только существенные свойства. В частности, запись «вектор – элемент векторного пространства» подразумевает знание свойств векторов, рассматриваемых в школьном курсе, на основании этого появляется возможность сформулировать определение векторного пространства.

Таким образом, в создании схемы использован динамизм клипового мышления по усвоению данного раздела геометрии. Специальные символы (кванторы, системы, необходимое и достаточное условие (эквиваленция)) используются для облегчения написания и запоминая материала.

В I и III блоках происходит дальнейшая детализация понятий и свойств выделенных объектов, при этом скорость обработки информации увеличивается. Студенты должны расположить объекты в этих блоках так, чтобы наглядно указать на общее и различия. Такие понятия, как репер, задание прямой, проходящей через две точки, параметрическое уравнение прямой, имеют много общего как на плоскости, так и в пространстве. Также имеются и существенные различия, в частности зачеркнутый прямоугольник с общим уравнением прямой в пространстве указывает, что такого уравнения в пространстве нет, в то время как на плоскости такое уравнение прямой является основным. В связи с этим становится понятным, почему в трехмерном пространстве перед изучением прямой разбирается понятие плоскости.

Эффективность применения опорных граф-схем

Технология создания опорной граф-схемы любого вида имеет определенные, четкие правила:

– ОГС состоит из взаимосвязанных блоков;

– в любой ОГС имеется центральный блок, в котором указаны основные понятия, теоремы, следствия;

– указанные блоки в ОГС не имеют четкого местоположения, а располагаются автором в соответствии с логикой материала;

– вся закодированная информация должна быть записана емко и понятно, если требуются пояснения, то они должны быть краткими;

– ОГС должны быть разнообразны по форме, структуре, графическому исполнению;

– ОГС должны быть просты в оформлении.

Рассматриваемые опорные граф-схемы строятся с учетом главной особенности клипового мышления – большой скорости обработки информации. Образная информация позволяет внести смысловую завершенность в изучаемый теоретический и практический материал целого раздела. Опорные граф-схемы строятся с учетом положительных сторон клипового мышления:

– факты математики связываются между собой и не представляют осколки информации;

– устанавливаются связи между темами раздела, тем самым объясняется выбранный способ расположения материала;

– проводятся анализ и обобщение длинных логических цепочек;

– студент защищается от информационной перегрузки; для сравнения: в учебнике геометрии для высшей школы рассматриваемый раздел авторы размещают на 420 страницах (современному обучаемому чаще всего будет проблемно прочитать такой объем материала);

– минимизируется содержание материала (на одном листе формата А4 хранится большой объем информации);

– познавательная деятельность по усвоению данного раздела становится более динамичной;

– кратко и четко формулируются основные свойства понятий и определений.

Заключение

Следует отметить, что клиповое мышление не присуще человеку с рождения, оно вырабатывается в зависимости от способа потребления и анализа поступающей информации, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Необходимо признать такое мышление как объективный факт и учитывать при построении модели обучения и в средней, и в высшей школе, внедрять новые методы и формы обучения, соответствующие особенностям развития обучающегося, в частности такие, как опорные граф-схемы.

Список литературы

1. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контексный подход: Метод. пособие. М.: Высш. шк., 1991. 207 с.

2. Гребенев И.В., Арюткина С.В., Напалков С.В. Возможности Web-технологий в совершенствовании образовательного пространства школьников // Web-технологии в образовательном пространстве: проблемы, подходы, перспективы: Сборник статей участников Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.В. Арюткиной, С.В. Напалкова. Арзамас: ННГУ, 2015. С. 41–46.

3. Нестерова Л.Ю. Преимущества лекции-визуализации в условиях распространения среди студентов клипового мышления // Высшее образование сегодня. 2015. № 7. С. 28–31.

4. Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательный вузовской среде // Науковедение: интернет-журнал. 2014. Вып. 5 [Электрон-

ный ресурс]. – Режим доступа: http://naukovedenie/ru. (дата обращения: 20.04.2016).

5. Региональный центр обработки информации Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: рцоирб.рф (дата обращения: 15.03.2016).

6. Аксенов Л.Б. Влияние клипового мышления на образовательный процесс в вузе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 10. С. 320–323.

7. Исаева А.Н. «Клиповое мышление»: психологические дефициты и альтернативы (пространственный фокус) // Мир психологии. 2015. №4 (84). С. 177–191.

8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.

9. Кутырев В.А. Философский образ нашего времени. Смоленск: Изд-во СГПУ, 2006. 301 с.

10. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Мн.: Харвест, 1998. 201 с.

11. Шаталов В.Ф., Шейман В.М. Опорные конспекты по кинематике и динамике. М.: Просвещение, 1989. 143 с.

DEVELOPMENT OF CLIP THINKING IN STUDENTS IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION BY MEANS OF SUPPORTIVE GRAPH SCHEMES

L.Yu. Nesterova, S.V. Napalkov

Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The current phenomenon of clip thinking is considered, its peculiarities and characteristics are specified. An analysis of various models for presenting information is carried out, the example of the technology for drawing supportive graph schemes when studying a university course of geometry is given. The relevance and the need for junior-year university students to draw supportive graph schemes when studying mathematical disciplines is substantiated. The efficiency of clip thinking development by means of supportive graph schemes is proved.

Keywords: clip thinking, information flow, signals, frame, lecture notes, supportive graph schemes.

УДК 378, 373

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ: ОТ МЕЖПРЕДМЕТНОСТИ К ИНКУЛЬТУРАЦИИ

© 2016 г.

И.М. Швец, А.А. Мальцева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

irina.shvets@hotmail.com

Статья поступила в редакцию 28.06.2016
Статья принята к публикации 07.11.2016

Проанализированы толкование и специфика понятия «междисциплинарность» и смежных с ним терминов в различных научных областях; описаны этапы развития междисциплинарности от организации межпредметных связей до создания трансдисциплинарных учебных курсов. Рассматривается актуальная проблема внедрения идей междисциплинарности и интеграции знания в учебный процесс с позиций системного подхода; дан обзор некоторых школьных учебных курсов, программы которых имеют междисциплинарный характер.

Ключевые слова: междисциплинарность, трансдисциплинарность, интеграция, инкультурация, общеобразовательная школа, высшая школа, междисциплинарные учебные курсы, системный подход, биоэтика.

Полагают, что в настоящее время традиция узкопрофильности в подготовке специалистов уже не отвечает требованиям реализации конкурентноспособности этих специалистов на рынке труда и, как следствие, не отвечает требованиям успешности функционирования вузов, готовящих таких узконаправленных специалистов. Всё большее внимание специалистов в области образования обращается на междисциплинарность как на залог будущего развития и науки, и образования. К толкованию междисциплинарности обращаются исследователи разных областей, что приводит к разнообразию определений этого явления и следующих из них возможностей использования.

Термин «междисциплинарность», востребованный в последнее время, скорее, отражает результат определённого процесса, который активно развивался на всём протяжении развития педагогической мысли. Этим процессом является процесс интеграции, который к настоящему времени можно рассматривать как общемировую тенденцию в образовании. Идея о том, что учащиеся не должны воспринимать окружающий мир только сквозь призму отдельных учебных предметов, а должны видеть и понимать его целостно, обусловившая развитие интеграции, особенно выпукло проявилась при необходимости появления таких учебных курсов, как, например, «Экология».

Раскрывая междисциплинарное содержание экологического образования, исследователи и разработчики новых учебных курсов рассмотрели многоаспектность и многоуровневость проявлений интеграции [1]. Было показано, что интеграцию необходимо рассматривать как важнейшее средство достижения единства знаний во всех формах и типах его выражения: содержательном, структурном, логико-гносеологическом, организационном, методологическом и методическом. Все эти типы выражения интеграции необходимо учитывать при рассмотрении становления, выделения этапов в развитии междисциплинарности в образовании.

Полагают, что структурно-морфологическое объединение знаний можно считать начальным этапом в развитии междисциплинарности. Его также называют традиционным. На данном этапе интеграция проявлялась через организацию межпредметных связей. При этом логика учебного предмета ни в коем случае не нарушалась, – межпредметность, можно сказать, возникала эпизодически на периферии предметного знания при включении в него знаний из других учебных предметов. Организация межпредметных связей во многом зависела от эрудиции педагогов, ведущих основные предметы.

Кроме междисциплинарности на данном этапе была востребована так называемая полидисциплинарноность (мультидисциплинарность), реализация которой осуществлялась не просто через межпредметные связи, а через кооперацию с сохранением каждой дисциплиной «собственной методологии и теоретических допущений» [2].

Несколько позже пришло понимание так называемых функциональных форм интеграции, что можно считать вторым этапом в развитии междисциплинарности. Было показано, что функциональная интеграция может осуществ-

ляться по методам и проблемам [1]. В науке функциональная интеграция была предвидена ещё В.И. Вернадским, который отмечал, что учёные вскоре будут объединяться не по наукам, а по проблемам, используя общенаучный аппарат. На данном этапе в системе образования начинают разрабатываться интегрированные курсы. Они оказались особенно востребованы в экологическом образовании. Это не случайно. Каждая историческая эпоха характеризуется своими, специфическими тенденциями в развитии знания и его единства. «К современным интегративным тенденциям учёные относят: экологические императивы общественного бытия, необходимость связи науки с технологией, глобализм» [1, с. 7]. Некоторые экологические курсы так и назывались – «Глобальные проблемы экологии».

На данном этапе приходит осознание, что интеграция научного знания предполагает и формирование нового стиля мышления. Понятие «стиль мышления» приходит из методологических и философских работ, обозначая как устойчивые, так и динамические черты мышления. Но, главное, в этом понятии находит место такая черта, как стилевая установка, которая предполагает ориентированность познающего на определённый результат. На данном этапе начинает приобретать всё большее значение проблемная стилевая установка.

Глобальные экологические проблемы, которые представляют угрозу существования цивилизации, определяют и ещё одну динамическую черту стиля мышления – глобальность. Некоторые учёные называют его также эколого-ноосферным [3, цит. по: 1, с. 12]. К основным параметрам глобального мышления относят: целостное восприятие мира, осознание роли и места человека в нём, установку на гуманистические ценности при выборе решений, открытость как традициям, так и инновациям, осмысление собственного опыта в общечеловеческом контексте и др. «Человек впервые понял, что он житель планеты и может – должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи, рода, государства или их союзов, но и в планетарном аспекте» [4, с. 24]. Эти слова В.И. Вернадского как нельзя лучше характеризуют необходимость учета нового стиля мышления на данном этапе развития интеграционных процессов в образовании.

На данном этапе «междисциплинарность включает рассмотрение предмета с разных сторон и разными методами, пронизывая дисциплины и образуя новый способ понимания предмета. Общая цель понимания объединяет различные методы и подтверждает общую проблему или предмет, даже если они не распространяются на другие дисциплины» [5, с. 152]. При этом каждая из используемых в интеграции дисциплин обогащается за счёт новых подходов и методов из других дисциплин. Существуя в начале совокупности нескольких, но при доминировании какой-то одной дисциплины, которая предопределила появление проблемы, междисциплинарность постепенно преобразуется в такую совокупность дисциплин, в которой наблюдается одинаковое значение дисциплин, привлекающихся для решения той или иной проблемы. Поэтому появляются такие понятия, как «мультидисциплинарный», «плюрадисциплинарный», «трансдисциплинарный», «интердисциплинарный». Анализ и определения всех этих понятий можно найти в работе [5]. Так проявляется третий этап развития междисциплинарности. Он организуется, скорее, не в образовательной системе, а в науке для решения ряда проблем. Л.П. Киященко в качестве примера междисциплинарных дисциплин приводит науки биохимию и биофизику и называет междисциплинарными такие «познавательные ситуации, в которых теоретические представления или исследования практики одной дисциплинарной области проникают в другие, используясь там для решения дисциплинарных вопросов в новой области исследования» [6, с. 19].

Перечисленные выше термины стали характеризовать новые области изучения, которые имеют некоторую связь, но которые не могут быть осмыслены в достаточной мере в ракурсе единичной дисциплины (например, при изучении какого-то вполне определённого периода истории, при изучении биологической информатики или физики музыки и др.). В конечном итоге на данном этапе возникает понятие «трансдисциплинарность», которое предполагает, что знания могут быть интегрированы на более высоком уровне абстракции, чем это происходит в междисциплинарности. В совместной работе Л.П. Киященко и В.И. Моисеева, посвящённой феномену трансдисциплинарности, междисциплинарность рассматривается как «ситуация переноса знания одной дисциплинарной области в другую при сохранении дисциплинарных делений. Иными словами, междисциплинарность методологически обогащает то, что определено внутри дисциплинарных делений. «Пространство» между дисциплинами прозрачно, оно не оказывает сопротивления и не влияет на качество междисциплинарного взаимодействия» [7, с. 33].

Более высокий уровень абстракции в международных научных школах проявляется поразному. В работах бельгийского исследователя

Э. Джаджа выделяются четыре типа трансдисциплинарности.

В первом типе, характерном для Американской и Швейцарской школ, трансдисциплинарность используется в большей степени в организационном плане при работе различных экспертных систем или групп. Группы специалистов разных профессий и дисциплин вовлекаются в совместную работу, решая общую задачу. Чаще всего это происходит в проектной деятельности.

Второй тип трансдисциплинарности предполагает более тесную внутреннюю связь с личным опытом исследователя. Такому типу отдаёт предпочтение Французская школа трансдисциплинарности. В этой школе трансдисциплинарность трактуется как высокий уровень образованности, разносторонности, универсальности знаний конкретного человека.

Если удаётся выявить некоторые фундаментальные подходы, которые присущи нескольким дисциплинам при их интеграции, возникает третий тип трансдисциплинарности, основанный на фундаментальности познавательного значения. Этот тип распространён в меньшей степени, поскольку такой тип абстракции предполагает деятельность профессионалов, имеющих степени по двум или более академическим дисциплинам. Уже организованная система использования специалистов в науке не предусматривает стремления к увеличению числа таких профессионалов.

Четвёртый тип трансдисциплинарности возникает при выработке единых правил исследования окружающего мира, когда вырабатываются самостоятельный подход, язык, единицы измерения, модели действительности. Как правило, такой тип вырабатывается при исследовании проблемы на нескольких уровнях. При этом, подчёркивая выход на более высокий уровень (метауровень), заводят речь о появлении метаязыка, который создаёт «новое интеллектуальное пространство» и независим от отдельных дисциплин [8].

На наш взгляд, последний тип трансдисциплинарности характерен для Российской научной школы. В последние годы во многих философских и теоретических исследованиях достаточно большое внимание уделялось анализу проявлений интегрирующих факторов, конкретных форм и видов интеграции на основе системного подхода [9–11]. Основными элементами концептуального аппарата многих исследований интегративных процессов становятся такие понятия, как система и системность, целостность знания, синергия и синергия междисциплинарности, саморазвитие и самоорганизация. Методология системного подхода становится тем общим основанием, общим правилом исследования окружающего мира, которое можно использовать при организации и изучении любой дисциплины. Правда, нередки случаи, когда понятие синергии междисциплинарности сводится к оптимизации процессов и инноваций в области администрирования [12]. В данном случае можно говорить о трансдисциплинарности первого, а не четвёртого типа по классификации Э. Джаджа.

В этом же ряду следует рассматривать и определение интеграции и трансдисциплинарности через деятельностный аспект. При этом деятельность в совокупности всех её взаимодействующих элементов можно определить как систему, т.е. в деятельности проявляется или конкретизируется системный подход. Деятельность возникает при изучении человекоразмерных систем [13]. Стратегия деятельности с саморазвивающимися системами порождает перекличку между разными культурами, что приводит к возникновению такого понятия, как инкультурация.

Под «инкультурацией» понимают приобщение молодого человека, которое трактуется как «встраивание в культуру новых поколений» [14, с. 107]. Такое приобщение не может происходить в рамках одного, пусть даже трансдисциплинарного курса. Разработчики подходов на основе «инкультурации» полагают, что необходимо по-иному взглянуть на всё содержание образования. На наш взгляд, первые шаги по реализации таких подходов возможны через трансдисциплинарные курсы, которые сближали бы предметное поле деятельности (т.е. то направление в образовании, которое выбрано обучающимся: физическое, математическое, биологическое и т.п.) с востребованностью её культурой и особенностями её влияния на культуру. На первых порах желательно объединить в одном курсе разбросанные по разным учебным дисциплинам позиции взаимодействия определённого учебного направления и культуры. Такое объединение в один курс важно, поскольку разбросанность этих позиций по разным дисциплинам не позволяет целостно увидеть и обосновать смысловые жизненные ориентации обучающихся в соответствии со смыслами и ценностями национальной и мировой культуры.

При рассмотрении «инкультурации» мы вынужденно вышли из поля трансдисциплинарности в области получения знания, т.е. из области науки, и вошли в поле сохранения и передачи знания, т.е. в область образования и педагогики. В настоящее время можно отметить активизацию методологического поиска в педагогике по претворению в реальный учебный процесс идей

междисциплинарности, трансдисциплинарности и интеграции в науке. Разработка онтологических, методологических, аксиологических и методических оснований междисциплинарного синтеза является наиболее актуальной и нерешённой проблемой в области педагогики [15].

Предложенное выше деление развития интеграционных процессов в науке должно способствовать пониманию реализации междисциплинарности и трансдисциплинарности в педагогике. Через разработку методологических и теоретических оснований внедрения междисциплинарности и трансдисциплинарности в педагогике по сути реализуется единство естественнонаучного и гуманитарного знания. Действие законов в рамках объективной реальности (в науке) необходимо отразить в реальности субъективной (в педагогике) [16]. Осуществляя научное обоснование актуальности решения проблемы междисциплинарности в педагогике, исследователи выделяют в ней несколько аспектов:

– методологический: формирование объекта исследования в разных предметных проекциях;

– организационный: создание сети коммуникаций представителей разных научных дисциплин;

– информационный: передача прикладных результатов междисциплинарного исследования в практику принятия решения и технологического воплощения, передача собственно научных педагогических результатов в системы дисциплинарного знания [17].

Выделенные выше этапы интеграции в науке нашли отражение и в педагогических исследованиях. Особенно наглядно развитие выделенных аспектов этих исследований можно обнаружить при становлении экологического знания в образовательном процессе. На первом этапе экологическое знание было представлено отдельными фрагментами в разных дисциплинах естественнонаучного и гуманитарного блоков: шёл поиск объекта исследования в разных научных дисциплинах. Действительно создавалась «сеть» коммуникаций педагогов различных дисциплин, заинтересованных в обучении экологии. Становление такой сети наблюдалось на разных уровнях системы образования. Особенно успешно взаимодействие педагогов осуществлялось на школьном уровне, например – в виде педагогических мастерских, на которых обсуждались и новое межпредметное содержание экологического характера, и новые методы, способствующие его пониманию и усвоению. Организующаяся «сеть» коммуникаций педагогов расширялась как за счёт имевшихся уровней организации в отечественной системе образования, так и за счёт возникавших неформальных объединений педагогов в сети Интернет, апробировавших на тех порах учебные пособия по экологии, написанные зарубежными авторами [18]. Третий аспект – в виде передачи педагогических результатов в системы дисциплинарного знания – на данном этапе пока не нашел отражения. Необходимо отметить, что в педагогических результатах данного этапа было пока больше реакции на новизну. Причём на первых порах было даже трудно разделить, на что сильнее реагировали учащиеся – на новизну содержания или на новизну методов, помогающих раскрыть это содержание.

На втором этапе развития междисциплинарности – при становлении функциональных форм интеграции – объект исследования чаще всего представлялся в виде исследования отдельных экологических проблем. Причём эти проблемы или концентрировались в отдельных учебниках [19], или распределялись по разным дисциплинам в зависимости от доминирования определённого предметного аспекта, позволяющего данную проблему охарактеризовать. К примеру, проблема кислотных дождей рассматривалась в курсе химии, а проблема сохранения биоразнообразия – в курсах биологии и географии.

Сеть коммуникаций педагогов на данном этапе развития междисциплинарности начала становиться более устойчивой на всех уровнях её организации. Этому способствовали не только усвоенное педагогами новое межпредметное содержание, но и появившиеся устойчивые результаты от внедрения новых педагогических методов и технологий, способствующих освоению межпредметного содержания. К сожалению, данный этап по времени совпал с реализацией административного распоряжения, которое вывело внедрение междисциплинарного экологического знания с федерального уровня и сосредоточило его в основном на школьном уровне и частично на региональном. С этого времени за развитием междисциплинарности стало возможно следить только по результатам обучения учащихся отдельными педагогами-новаторами. Но по этим результатам нельзя судить об общих тенденциях становления междисциплинарности в образовании.

Третий этап развития междисциплинарности в образовании проявился в разработке новых факультативных курсов для разных профилей общеобразовательных учреждений [20]. В сборнике «Элективные курсы в профильном обучении: Образовательная область «Естествознание», выпущенном Министерством образования РФ и Национальным фондом подготовки кадров, представлены программы, условно объединённые в три группы. Первая группа разработанных программ элективных курсов ориен-

тирована на выполнение работ исследовательского характера. Авторы второй группы программ в качестве основной цели определяют решение проблемы организации обобщающего повторения по основным естественнонаучным учебным курсам. Программы третьей группы условно назвали ориентирующими. Они предусматривают знакомство с определённым аспектом базовой науки или направлением исследования, которые возникли на стыке двух-трёх естественных наук, т.е. именно в этой группе программ предполагается предусмотреть развитие междисциплинарности.

Более подробное знакомство с разработанными программами показало, что из четырёх программ последней «междисциплинарной» группы две вряд ли имеют междисциплинарный характер. Программа «Клетки и ткани», разработанная д.б.н. Д.К. Обуховым и В.Н. Кириленковой, поддерживает и углубляет базовые знания по биологии. Другая программа «Плазма – четвёртое состояние вещества» (авторы – к.п.н. В.А. Орлов и С.В. Дорожкин) направлена на развитие представлений учащихся о физической картине мира, расширение, углубление и обобщение знаний о строении вещества.

Третья программа из этой группы – «Биофизика: история, открытия, современность» (авторы – д.б.н. А.В. Брильков, З.Г. Холостова и В.В. Фишов) действительно имеет междисциплинарный характер и предусматривает обобщение знаний, полученных учащимися при освоении всех естественнонаучных предметов образовательной области. Курс оснащён лабораторным биофизическим практикумом, на базе которого не только проводятся лабораторные работы, но и выполняется исследовательская работа учащихся. К сожалению, в таком виде данный учебный курс нельзя рекомендовать к внедрению в школах из-за отсутствия в них необходимого лабораторного оборудования (а каким образом можно приспособить оборудование физического, химического и биологического кабинетов для проведения практикума, в методических рекомендациях не указано). В связи с этим можно сделать вывод, что организовать подобный курс можно только в тех образовательных учреждениях, которые имеют необходимые договоры с кафедрами биофизики университетов. Более приближенным к условиям общеобразовательных учреждений можно считать курс «Биофизика», разработанный в Челябинском педагогическом университете [21].

Интегрированный характер имеет и последняя программа, принадлежащая междисциплинарной группе – «Химия, история, искусство: перекрёстки взаимодействия» (автор – д.п.н. И.М. Титова). Основной целью соответствующего курса является «развитие общекультурной компетенции учащихся, расширение их методологических знаний в области диалектического понимания единой картины мира» [20, с. 81]. Курс направлен также на расширение и углубление предметных знаний по химии, развитие общих приёмов интеллектуальной деятельности и познавательной активности учащихся в ходе выполнения экспериментально-практических работ на базе материального оснащения кабинета химии, а также в ходе организации и проведения оригинальных форм занятий. К примеру, курсом предусмотрены организация модели всемирного музея «Мрамор, известняк и гипс в скульптуре и архитектуре», дидактическая игра «Стекло в музее и моём доме», мини-исследование «Объекты моего города, нуждающиеся в реставрации» и др.

Интегративные позиции экологии были представлены в обсуждаемом сборнике программой «Экологического практикума» (авторы – д.п.н. С.В. Алексеев, к.п.н. Н.В. Груздева и к.п.н. Э.В. Гущина) и программой «Экология в экспериментах» (авторы – Е.И. Федорос, Г.А. Нечаева). Обе программы предусматривают практико-ориентированную деятельность учащихся по оценке состояния окружающей среды, изучению влияния отдельных факторов на здоровье человека, а также выполнение социально значимых проектов, которые способствуют как улучшению экологического состояния своего региона, так и экономии природных ресурсов.

Как видно из краткого описания приведённых программ междисциплинарных элективных курсов, в качестве объекта исследования в них представлены не только позиции экологии, которые широко рассматривались на предыдущих этапах становления междисциплинарности. Здесь появляются биофизические объекты исследования, объект исследования химии – вещество – рассматривается не только с позиций данной науки, но и с позиций искусства, истории. Сеть коммуникаций педагогов на данном этапе развития междисциплинарности также обретает новые черты за счёт расширения и вовлечения в неё преподавателей вузов, а также более тесного сотрудничества школьных педагогов естественнонаучного и гуманитарного циклов, предусматривающего не только интеграцию соответствующих знаний, но и выполнения совместных лабораторных работ исследовательского характера. Передача научно-педагогических результатов обучения в междисциплинарных курсах в системы дисциплинарного знания пока не происходит на данном этапе развития междисциплинарности. Это связано с тем, что подобных результатов немного и

они пока не сильно выражены. Такое слабое накопление результатов обусловлено тем, что не выработаны критерии, по которым можно судить об успешности обучения в междисциплинарных курсах.

Данный этап развития междисциплинарности актуализировал первые два типа междисциплинарности по Джаджу: привлечение экспертов из других направлений (на практике это вылилось в привлечение педагогов других школьных дисциплин, а также привлечение преподавателей вузов) и использование высокого уровня образованности, индивидуальности педагогов, организующих соответствующий междисциплинарный курс. Не случайно на первых порах авторами подобных междисциплинарных курсов становились доктора педагогических и естественных наук, работающие в вузах.

Тип междисциплинарности на основе использования единых правил исследования окружающего мира находит отражение в педагогике в виде разработки учебных курсов на основе методологии системного подхода. Использование системного подхода происходит в трёх вариантах. Первый вариант обеспечивается разработкой программ и новых курсов, в которых учащиеся знакомятся с основными теоретическими понятиями системного анализа. К таким курсам относятся, к примеру, «Синергетика: новое мировидение» в саратовском лицее при Саратовском госуниверситете; «Синергетика в картинках» и «Порядок и хаос» в МОУ «Гимназия № 5» г. Юбилейный Московской области.

Второй вариант использования системного подхода предусматривает формирование системного мышления в обучении через возможность построения учебного предметного содержания в логике системного анализа, выделяя в нём поэлементный состав изучаемой системы, её структуру через выявление взаимодействий всех составляющих элементов, единство строения и функций, выявление системного качества (свойства), характеризующего изучаемую систему, и закономерностей, которым она подчиняется. На основе выявленных свойств и закономерностей необходимо рассмотреть условия использования системы с возможностью их коррекции с целью сохранения и свойств, и закономерностей функционирования рассматриваемой системы. Примеры организации обучения с целью формирования системного стиля мышления у учащихся в ходе изучения основных общеобразовательных курсов были представлены в ряде исследований [22; 23].

Примером использования системного подхода в организации трансдисциплинарного учебного содержания может являться учебное пособие «Биосфера и человечество» [24]. Данное пособие входит в комплект пособий, организующих экологическую составляющую курса биологии в основной школе. Параллельно учебному курсу «Ботаника» предусмотрены программа и учебное пособие «Экология растений»; параллельно учебному курсу «Зоология» – «Экология животных»; одновременно с разделом биологии, посвящённом изучению анатомии и физиологии человека, изучается курс «Экология человека»; при изучении раздела «Основы общей биологии (общие закономерности)» изучается курс «Биосфера и человечество».

В содержании учебного курса «Биосфера и человечество» отражены и классифицированы основные связи человечества на популяционном уровне с биосферой, обусловленные проявлением потребностей человека в питании, размножении, во взаимодействии друг с другом, а также во взаимодействии с информацией об окружающем мире. Выделены основные сферы влияния человечества на окружающий мир: через обмен веществом и энергией просматриваются взаимосвязи человечества с биосферой напрямую; опосредованные взаимодействия наблюдаются через взаимосвязи человечества в социосфере, способствующие реализации социальных потребностей человека, а также через взаимосвязи человечества в ноосфере, способствующие развитию разума и развитию взаимоотношений человека с окружающим миром через информацию. Каждая из этих сфер влияния человечества имеет свою специфику как в развитии, так и в проявлении экологических кризисов человечества.

Третий вариант использования системного подхода в развитии междисциплинарности реализуется через формирование образовательной среды в образовательном учреждении. Такой эксперимент по формированию образовательной среды на основании синергетического подхода в настоящее время организован в МОУ «Гимназия № 5» г. Юбилейный Московской области. Основной целью проводимого эксперимента является совершенствование всего учебно-воспитательного процесса в ОУ в условиях функционирования образовательной среды, основанной на единстве управления и самоорганизации всех участников образовательного процесса. Эта цель достигается через разнообразие задач, отражающих инициативы участников, среди которых – формирование экологического, духовно-нравственного мировоззрения, патриотизма, информационной и коммуникативной культуры, направленных на интеллектуальное и нравственное развитие и социализацию личности. Предусмотрена разработка учебно-

методического комплекса для внедрения принципов самоорганизации в обучение и воспитание.

Все три варианта в развитии междисциплинарности на основе системного подхода отрабатывают только методологический аспект по разработке новых объектов исследования, а организационный и информационный аспекты, способствующие организации коммуникативной сети участников для внедрения новых междисциплинарных курсов на основе полученных результатов по их апробации, соответственно, не отрабатываются.

К сожалению, эта тенденция отработки не всех аспектов в развитии междисциплинарности прослеживается и на последующем этапе, когда происходит столкновение с таким понятием, как «инкультурация». Инкультурация предполагает и введение культурного контекста во все основные учебные курсы, и разработку отдельных междисциплинарных курсов. К таким курсам можно отнести курс «Образование для устойчивого развития» [25]. Он является удачным примером, в котором реализуются и методологический, и организационный аспекты, предусматривающие развитие междисциплинарности, а также даётся материал по отслеживанию результатов внедрения курса.

Необходимо отметить, что приведённые выше примеры развития междисциплинарности относятся к общеобразовательной школе. В высшей профессиональной школе междисциплинарность представлена гораздо разнообразнее, но отследить поэтапность в её развитии гораздо труднее в связи с тем, что далеко не все преподаватели высшей школы считают необходимым опубликовать не только саму идею организации междисциплинарного курса, но и результаты его внедрения. Методологический аспект междисциплинарности, который предусматривает разработку объекта исследования, как правило, более интересен для преподавателя высшей школы, т.к связан непосредственно с его исследовательской деятельностью, а организационный и информационный аспекты ближе к его методической деятельности, а они не всегда представляют для него интерес. Тем более что в последнее время интерес к методической деятельности преподавателя высшей школы, мягко сказать, нивелируется обилием новых, не всегда ему понятных шаблонов, которые необходимо заполнять и перезаполнять.

Несмотря на все трудности, междисциплинарность продолжает развиваться и в высшей школе. В области биологического образования развитие междисциплинарности наблюдается во внедрении идей биоэтики, самим названием предусматривающей интеграцию позиций естественнонаучного и гуманитарного образования. В настоящее время в Институте биологии и биомедицины Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского организован педагогический эксперимент по реализации идей междисциплинарности через внедрение позиций биоэтики как в основные биологические курсы, так и в специальные интегрированные курсы.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-06-00651.

Список литературы

1. Винокурова Н.Ф. Интеграция экологических знаний. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 1996. 76 с.

2. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 10 (112). С. 193–201.

3. Интеграция современного научного знания: Методологический анализ / Костюк Н.Т. [и др.]. Киев: Вища школа, 1984. 184 с.

4. Вернадский В.И. Размышление натуралиста: Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1977. 192 с.

5. Бушковская Е.А. Феномен междисциплинарности в зарубежных исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 152–155.

6. Киященко Л.П. Феномен трансдисциплинарности – опыт философского анализа // Santalka. Filosofija. 2006. Т. 14. № 1. С. 17–38.

7. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2009. 205 с.

8. Курдюмов С.П. Новые тенденции в научном мировоззрении // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века. 2004. Т. 1. № 1. С. 82–91.

9. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974. 280 с.

10. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 63–68.

11. Стёпин В.С. Философия природы и постнеклассическая рациональность // Философия природы сегодня / Ред. И.К. Лисеев, В. Луговский; Пер. с польск. яз. В.Л. Васюкова, Е.Н. Шульги. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С.13–28.

12. Ветров Ю.П., Калинин И.В. Синергия междисциплинарности // Высшее образование в России. 2012. № 8–9. С. 155–158.

13. Урсул А.Д. Философия и интегративно-научные процессы. М.: Наука, 1981. 367 с.

14. Филиппов Я.О. Инкультурация: междисциплинарность содержания, многомерность структуры и многообразие образовательно-воспитательной функции в современном обществе // Вестник РМАТ. 2014. № 1(10). С. 106–111.

15. Снопкова Е.И. Актуальность междисциплинарного подхода в педагогических исследованиях: научное обоснование // Integration of Education. 2015. Vol. 19. № 1. P. 111–117.

16. Барболин М.П. Единство естественнонаучного и гуманитарного знания: взаимосвязь законов, закономерностей, принципов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 2. Т. 2. С. 150–157.

17. Mirskiy E.M. Mezhdisciplinarnye issledovanija v sovremennoj nauke [Interdisciplinary research in modern science]. Moscow: INION Publ., 1978. 57 p.

18. Ткачёв К. Интернет – источник ресурсов по экологическому образованию // Экологическое образование детей: каталог ресурсов / Сост. Л.Г. Богдан, Е.А. Козерчук, Е.В. Пащенко; ред. С.М. Пиняев. М.: ИСАР: СоЭС, 2000. 200 с.

19. Винокурова Н.Ф., Трушин В.В. Глобальная экология, 10–11 класс: Учеб. для проф. школ. М.: Просвещение, 1998. 270 с.

20. Элективные курсы в профильном обучении. Образовательная область «Естествознание» / Министерство образования РФ – Национальный фонд подготовки кадров. М.: Вита-Пресс, 2004. 96 с.

21. Уткина Т.В. Лабораторный практикум в классах химико-биологического профиля // Биология в школе. 2010. № 5. С. 26–32.

22. Швец И.М. Системность как способ экологизации школьного естественнонаучного образования: Монография. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. 212 с.

23. Формирование системного мышления в обучении: Учебное пособие для вузов / Под ред. З.А. Решетовой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 344 с.

24. Швец И.М., Добротина Н.А. Биосфера и человечество: Учебное пособие для учащихся 9 класса общеобразовательных учреждений. М.: Вентана-Граф, 2014. 144 с.

25. Корякина Н.И., Жевлакова М.А., Кириллов П.Н. Образование для устойчивого развития: поиск стратегии, подходов, технологий (методическое пособие для учителя) / Под ред. С.В. Алексеева. СПб.: Союз художников, 2000. 130 с.

INTERDISCIPLINARITY: FROM INTERRELATION BETWEEN SUBJECTS TO INCULTURATION

I.M. Shvets, A.A. Maltseva

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article presents an analysis of the interpretation and specifics of the concept «interdisciplinarity» and related terms in various areas of science. Development stages of interdisciplinarity are described from the organization of relations between subjects to the creation of transdisciplinary courses. We consider the problem of implementing the ideas of interdisciplinarity and integration of knowledge into the learning process from the perspective of the systems approach. We also give an overview of some school courses with interdisciplinary programs.

Keywords: interdisciplinarity, transdisciplinarity, integration, inculturation, secondary school, higher education, interdisciplinary courses, systems approach, bioethics.

УДК 378.02:37.016, 316:37.016

РЕАЛИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ В НЕБОЛЬШИХ ГРУППАХ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ

© 2016 г.

Ю.С. Шкурко

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

yushkurko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2016
Статья принята к публикации 08.11.2016

Проанализированы возможности (свобода выбора темы исследования, использование образцов чужих работ, сбор информации при непосредственном контакте с «живой» реальностью, диалоговый характер взаимодействия с преподавателем и др.) и эффекты (усиление мотивации, интереса к предмету изучения, самостоятельности, создание благоприятного психологического климата и др.) обучения социологии студентов несоциологических направлений путем их вовлечения в исследовательскую деятельность. Создание условий для самостоятельной реализации студентами исследовательских проектов рассматривается как способ центрировать образовательный процесс вокруг обучаемого и приблизить его содержание к реальной жизни. Отмечаются недостатки обсуждаемой технологии обучения; указываются пути их преодоления.

Ключевые слова: исследовательская работа, эмпирический подход к обучению, опытное знание, преподавание социологии, научное исследование.

Вопросам обучения социологии путем вовлечения студентов-социологов в исследовательскую работу посвящен целый ряд статей, опубликованных в последние годы в специализированном журнале «Teaching Sociology» («Обучение социологии») (в частности, [1–3]). Данный способ обучения находится в русле эмпирически ориентированных образовательных стратегий, базирующихся на идее опытного знания Д. Колба и активно развиваемых в настоящее время. В публикациях указанного направления анализируются вопросы, связанные с обучением студентов этике научной работы [1; 3; 4], исследовательским методам [2], вопросы, касающиеся формирования личной ответственности за научные результаты [3].

Особенностью подобных публикаций является их ориентированность на практику обучения научно-исследовательской работе, соответствующей профессиональному профилю образования студентов. Такой способ обучения является вполне органичным для социологии, поскольку студенты, слушающие общий курс по дисциплине, обязательно знакомятся с основными методами, а значит, владеют базовой информацией о том, как проводить социологические исследования. В ходе неформального обмена опытом с преподавателями социологии вузов г. Нижнего Новгорода было выявлено, что часть из них практикует данный способ обучения. Несмотря на это, организационные и прочие возможности, а также результаты использования исследовательской работы в образовательных целях сегодня не изучены.

На наш взгляд, обсуждаемый способ работы может быть реализован и в рамках курса по социологии для несоциологических направлений.

Цель настоящей статьи – исследовать возможности и эффекты обучения социологии студентов несоциологических направлений посредством организации исследовательской работы в небольших группах.

Нами был проанализирован собственный опыт использования рассматриваемой технологии обучения, а именно:

– описаны основные этапы реализации исследовательских проектов студентами при изучении социологии;

– проанализированы образовательные и педагогические эффекты конкретных методик работы со студентами при реализации ими исследовательских проектов;

– выделены преимущества и недостатки исследовательских проектов как технологии предметного обучения и способа формирования представлений о структуре и содержании научной деятельности.

Основные этапы реализации исследовательских проектов

Реализация исследовательских проектов в рамках учебного курса по социологии, читаемого для студентов несоциологических направле-

Рис. 1. Этапы реализации исследовательских проектов в рамках учебного курса по социологии

ний (экономических, юридических, естественнонаучных и т.п.), предполагает проведение студентами самостоятельного исследования с использованием одного из методов социологии. Такую работу следует инициировать после того, как дана информация о методологии и методах социологического исследования. Кроме того, к моменту организации исследовательской работы необходимо сформировать у студентов общие представления об основных понятиях и проблемах социологической науки.

Этапы реализации исследовательских проектов (которые, по причинам указанным ниже, не являются научными в строгом смысле этого слова) с использованием опросного метода представлены на рис. 1.

Сначала происходит объединение учащихся в небольшие исследовательские группы, как правило, по 3–5 человек. При этом возможны два способа создания таких коллективов: либо студенты самостоятельно объединяются в группы, либо команды формируются преподавателем. В последнем случае преподаватель может «разбить» существующие дружеские связи, объединив в одну группу студентов, которые изо дня в день мало общаются друг с другом. Это решает задачу усиления сплоченности студенческого коллектива, способствует решению проблем межличностного общения.

Затем студенты определяются с темами исследовательских проектов. Поскольку к моменту проведения своих исследований студенты в целом знакомы с основными проблемами и понятиями социологии, то они могут самостоятельно сформулировать направление дальнейшего исследования, тематически вписанного в учебный курс. Студенты обычно формулируют тему исследования в форме вопросов, на которые они хотели бы получить ответы. Задача преподавателя – помочь учащимся конкретизировать их исследовательский интерес, сформулировать тему исследования в социологическом ключе, вписать ее в тематическое поле учебного курса. В 2015/16 учебном году студентами, обучающимися по направлению подготовки «Туризм» в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского, были, в частности, реализованы исследовательские проекты по следующим темам:

– Отношение молодежи к движению «жизни для себя»;

– Поиск любовного партнера при вхождении в новый коллектив;

– «Кино – это маленькая жизнь!» (предпочтения молодежи в области кино).

Сбор и обобщение информации по теме исследования, составление анкеты осуществляются студентами самостоятельно. При этом анкета, как правило, проходит через несколько итераций, в ходе которых она корректируется учащимися в соответствии с замечаниями преподавателя.

Студенты используют рекомендованные интернет-сервисы для проведения онлайн-опросов либо проводят опрос в традиционной форме путем раздачи печатного экземпляра анкеты респондентам или их интервьюирования. Для составления онлайн-опросника и проведения

опроса, в частности, используются такие ресурсы, как https://www.surveymonkey.ru, http://docs.google.ru, http://www.survio.com/ru/.

В зависимости от направления обучения, а также предшествующих социологии учебных дисциплин (речь идет о знании или незнании статистических методов обработки данных) строится работа по кодификации и анализу полученных данных. При знании статистических пакетов, как правило, происходит обработка данных с их использованием. При наличии времени и технических возможностей (доступ к программному обеспечению и компьютерной технике на занятиях) возможна реализация сценария по обучению студентов базовым функциям по обработке данных с использованием статистических пакетов (SPSS, STATISTICA и др.). При упрощенном варианте реализации технологии обучения студенты анализируют частотные данные, которые автоматически подсчитываются интернет-сервисами после заполнения опрашиваемыми онлайн-опросников.

Обсуждение и интерпретация полученных данных должны быть проведены с использованием социологического подхода, который подразумевает анализ полученных результатов исходя из особенностей детерминирующих рассматриваемое явление социальных условий и факторов. При этом студенты должны сформулировать ответы (используя терминологию Э. Гидденса [5, p. 40]) на теоретический (объяснительный) и сравнительный вопросы. Иными словами, им нужно сопоставить результаты с имеющимися данными аналогичных социологических исследований и высказать свое мнение о причинах наблюдаемых явлений.

Подготовка текста по итогам проведенного исследования происходит с ориентацией на образцы текстов, которые были написаны студентами в предшествующие годы обучения и которые преподаватель дает обучающимся. При написании итоговых текстов студенты должны соблюдать основные правила описания результатов эмпирических исследований: сформулировать проблему исследования, цель, задачи, гипотезы, описать процедуру и методы, выборку, проанализировать и обсудить полученные данные.

Представление результатов исследования происходит с использованием презентации на одном из специально отведенных для этих целей занятий. Студенты демонстрируют свои умения публично представлять основные исследовательские результаты, аргументировать свою точку зрения перед аудиторией, отвечать на вопросы. Лучшие исследовательские проекты рекомендуются к представлению на конференциях, а результаты исследования – к опубликованию.

Необходимо отметить, что на всех этапах реализации исследовательских проектов, студенты находятся в постоянном контакте с преподавателем. Они получают консультации (как делать анкету? как подсчитывать данные? как писать текст по итогам исследования?) и помощь (проверка анкеты, совместная статистическая обработка данных, создание презентаций, правка итогового текста) со стороны преподавателя – как при очных встречах, так и с использованием современных средств коммуникации.

Образовательные и педагогические эффекты

В табл. 1 описаны основные образовательные и педагогические эффекты, которые можно наблюдать в процессе и по итогам применения исследовательской работы в качестве технологии обучения социологии.

Мы видим, что основные эффекты вовлечения студентов в исследовательскую работу связаны с повышением их заинтересованности в самостоятельном получении новых знаний с использованием научных методов исследования.

Важным моментом также является взаимодействие студентов с «живой» реальностью в процессе сбора первичной информации. Автор популярной сегодня модели опытного знания Д. Колб отмечал, что необходимость обеспечения взаимодействия учащегося с окружающей средой в процессе обучения кажется очевидной, однако она игнорируется как при изучении процесса обучения, так и в самой практике преподавания. Случайный наблюдатель, несомненно, пришел бы к выводу, что традиционный процесс обучения – это личностный, внутренний процесс, требующий для своего осуществления ограниченный набор ресурсов внешней среды, таких как книги, преподаватель, аудитория. В самом деле, более широкий реальный мир подчас активно отвергается образовательной системой на всех уровнях [6, p. 34]. Колб указал на данную проблему почти четверть века назад, и тем более удивительно, что сегодня, с развитием новых информационных и коммуникационных технологий, в этом отношении мало что изменилось.

Анализируемая образовательная технология лишена такого недостатка. Она предполагает, что студенты собирают первичную информацию в ходе непосредственного или опосредованного анкетой общения с респондентами (в случае использования опросного метода). Студенты проверяют свои гипотезы, основанные на личном опыте, здравом смысле и имеющихся у них социологических знаниях, используя социо-

Таблица 1

Образовательные и педагогические эффекты вовлечения студентов в исследовательскую работу

Особенности реализации технологии обучения	Образовательные и педагогические эффекты
Свобода выбора темы исследования	Усиление интереса к дисциплине; появление мотивации к самостоятельной работе, заинтересованности в проведении исследования
Ознакомление с опросниками и опубликованными статьями по итогам ранее проведенных студентами исследований	Мотивация на проведение исследования; вера в собственные силы; ориентация на имеющиеся образцы
«Контакт» с реальной жизнью	Изучение проблемы, которая действительно интересна и фиксируется студентами в качестве проблемы; получение первичной информации посредством собственных наблюдений, опроса и др.
Работа в небольших исследовательских коллективах	Внутригрупповая и межгрупповая конкуренция; развитие умений находить общий язык, работать в команде
Диалоговый и проблемный характер взаимодействия преподавателя и студента	Установление контакта с преподавателем; снятие напряжения, создание благоприятной психологической атмосферы для обучения
Публикация как поощрение за выполненную работу	Мотивация на проведение хорошего исследования; желание быть лидером

логические методы исследования. Эта технология также в полной мере реализует принцип интерактивности в процессе обучения, который сегодня в российской системе образования декларируется в качестве одного из основных.

Обучение студентов социологии посредством реализации исследовательских проектов обладает высокой степенью адаптивности к образовательному процессу, уровню знаний и потребностям студентов. Исследовательские проекты легко подстраиваются под тематическую направленность дисциплины, в рамках которой они применяются, приспосабливаются к текущему уровню знаний студентов, опираются на образовательные, практические и профессиональные потребности студентов. Так, студенты проводят исследования в организациях, в которых они работают, реализуют исследовательские проекты, которые встраиваются в их дальнейшие выпускные квалификационные работы (в случае, когда социология преподается студентам гуманитарных направлений).

Формирование представлений о содержании научной работы

Обсуждаемая образовательная технология, как и любая другая, имеет слабые стороны. Прежде всего, существует опасность формирования у студентов упрощенного представления о «кухне» социологического исследования, искаженного образа социологии как науки.

Реализуя исследовательские проекты, студенты проходят через основные этапы научной работы в неполной мере, что вызвано как ограниченным количеством времени, так и недостаточным уровнем знаний студентов в этой области. Этап формирования и расчета репрезентативной выборки оказывается пропущенным. Как следствие, участники опроса не являются репрезентативной выборочной совокупностью. Студенты, как правило, опрашивают своих знакомых. Помимо этого, в отдельных случаях оказывается пропущенным этап кодификации данных и их полноценной статистической обработки. Это происходит из-за того, что студенты обычно достаточно плохо владеют (или же вообще не владеют) статистическими методами обработки данных, а в рамках небольшого учебного курса по социологии оказывается объективно трудным познакомить их со статистикой. В итоге обработка данных сводится к подсчету частотных распределений и простейших статистических связей между переменными. С точки зрения достижения образовательных целей наиболее неблагоприятным является случай простого использования студентами готовых подсчетов, автоматически генерируемых по итогам онлайн-опросов.

Перечисленные объективные слабые стороны рассматриваемой технологии обучения следует использовать для дополнительного акцентирования внимания студентов на обязательных составляющих научного исследования. Преподаватель должен четко проговорить, что в социологии существует проблема формирования репрезентативной выборки для получения валидных результатов, и указать на отсутствие такой выборочной совокупности в реализуемых студентами исследовательских проектах.

Преподаватель также должен однозначно сформулировать позицию по поводу анализа полученных данных с использованием простейших статистик, рассказать о том, какие другие статистики обычно применяются в аналогичных социологических исследованиях. Несмотря на то что допускается использование готовых подсчетов, это должно быть скорее исключением из правил, чем правилом, и приводить к снижению итоговой оценки (о чем студенты должны быть уведомлены). Преподаватель должен ориентировать студентов на обработку полученных данных с использованием современных статистических пакетов хотя бы на базовом уровне. Опыт показывает, что такое знакомство оказывается очень полезным. Студенты, как правило, испытывают естественные трудности, что уменьшает вероятность формирования упрощенных представлений о социологических исследованиях.

Для минимизации вероятности формирования искаженных представлений о социологических исследованиях также желательно, чтобы преподаватель инициировал процесс рефлексии со стороны студентов относительно проделанной работы. На примере проведенных исследований необходимо обсудить вопросы об ограничениях различных методов исследования в социологии, важности выбора подходящего метода исследования, необходимости правильно формулировать проблему исследования, искать альтернативные объяснения результатам исследования. Преподаватель должен показать, к каким ошибкам и ошибочным выводам могут приводить отклонения от соблюдения правил проведения научных исследований.

Заключение

Исследовательскую деятельность необходимо рассматривать в качестве одной из базовых технологий обучения при преподавании социологии и других учебных дисциплин, в которых в качестве метода исследования могут быть использованы социологические методы (например, в социологии массовых коммуникаций, коммуникационном менеджменте, менеджменте, деловых коммуникациях и др.). Она позволяет максимально раскрыть потенциал учебной дисциплины, познакомить с исследовательской работой, продемонстрировать практическую пользу от обладания научными знаниями.

При использовании исследовательской работы в качестве технологии обучения социологии студентов несоциологических направлений, процесс образования центрируется вокруг их познавательных и/или жизненных интересов. В ходе реализации проектов студенты самостоятельно добирают тот теоретический и практический материал по дисциплине, который им необходим для полноценного проведения исследования. В итоге происходит не только обучение социологии, но и формирование навыков сбора информации, навыков самостоятельной работы. Обучение становится активным, направляемым самими студентами процессом. Рассматриваемая технология обучения позволяет познакомить студентов с содержанием основных этапов научного исследования, сформировать представления о проблемах, которые необходимо решать при проведении социологических исследований.

Список литературы

1. Lowney K.S. Ask Teaching Sociology: What Should Faculty Consider Before Having Students Conduct Research in a Class? // Teaching Sociology. 2014. Vol. 42(3). P. 240–244.

2. Pfeffer C.A., Rogalin C.L. Three Strategies for Teaching Research Methods: A Case Study // Teaching Sociology. 2012. Vol. 40(4). P. 368–376.

3. Teixeira-Poit S.M., Cameron A.E., Schulman M.D. Experiential Learning and Research Ethics: Enhancing Knowledge through Action // Teaching Sociology. 2011. Vol. 39(3). P. 244–258.

4. von Unger H. Reflexivity Beyond Regulations: Teaching Research Ethics and Qualitative Methods in German // Qualitative Inquiry. 2016. Vol. 22(2). P. 87–98.

5. Giddens A. Sociology. 6th ed. Cambridge: Polity Press, 2009. 1194 p.

6. Kolb D.A. Experiential learning: Experience as the source of learning and development. New Jersey: Prentice-Hall, 1984. 288 p.

RESEARCH PROJECT IMPLEMENTATION IN SMALL GROUPS AS A METHOD OF TEACHING SOCIOLOGY TO NON-SOCIOLOGISTS

Yu.S. Shkurko

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

This article examines the opportunities and effects of teaching sociology to non-sociologists through creating conditions for team-based research projects implemented during the course. Such a teaching method is a part of the experience-based approach to training that is actively developing now in accordance with D. Kolb's learning model. The method allows to center the teaching and learning process on students' interests and to bring education closer to real life. We analyze the

stages (from choosing research topic to research findings presentation) and educational techniques (freedom to choose research topic, use of other research projects as a model, collecting data from participants, and some others) of research project implementation in small groups during a sociology course. Main advantages of this teaching method include: enhancement of motivation, development of self-learning skills, creation of favorable psychological climate, and others. The risk of a simplified view of sociological research work originating from this type of student's projects is also discussed. To minimize the risk, the teacher must expressly point out the weaknesses in students' works in terms of social science standards for research and initiate reflection on the research outcomes.

Keywords: research work, experiential learning, teaching of sociology, social science research.

АВТОРЫ

Амбарова Полина Анатольевна – доц. каф. социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; к.соц.н.; доц.; 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; сл. тел. (343) 375-48-22; e-mail: borges75@mail.ru

Балабанова Евгения Сергеевна – зам. директора Центра исследований социальной организации бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; д.соц.н.; 105187, Москва, ул. Кирпичная, 33; сл. тел. (495) 772-95-84; e-mail: balabanova@hse.ru

Гаврилов Александр Иванович – проф. каф. менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 245-11-64; e-mail: gai53@list.ru

Гафизова Наталья Борисовна – доц. каф. социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета; к.и.н.; 153025, Иваново, ул. Ермака, 7а; сл. тел. (4932) 32-74-58; e-mail: gafizovanb@mail.ru

Головин Виктор Александрович – ст. преп. каф. экономики и менеджмента Межрегионального открытого социального института; 424007, Йошкар-Ола, ул. Прохорова, 28; сл. тел. (8362) 30-44-28; e-mail: vicgolovin@gmail.com

Гусева Наталия Константиновна – проф. каф. экстремальной хирургии и медико-социальной экспертизы Нижегородской государственной медицинской академии; д.м.н.; 603950, Н. Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1; сл. тел. (831) 433-71-87; e-mail: medexpert52@mail.ru

Зайцева Елена Анатольевна – зав. каф. связей с общественностью, маркетинга и коммуникации Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева; к.э.н.; доц.; 603950, Н. Новгород, ул. Минина, 24; сл. тел. (831) 257-86-63; e-mail: zayceva-e@mail.ru

Запорожец Оксана Николаевна – доц. каф. анализа социальных институтов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в.н.с. Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева; к.соц.н.; доц.; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; сл. тел. (495) 621-37-02; e-mail: ozaporozhets@hse.ru

Захарова Юлия Владимировна – доц. каф. менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 245-11-64; e-mail: zayv@yandex.ru

Зборовский Гарольд Ефимович – проф. каф. социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; д.филос.н.; проф.; 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; сл. тел. (343) 375-48-22; e-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Зернов Дмитрий Васильевич – доц. каф. прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.полит.н.; 603135, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-82-60; e-mail: zerdv@mail.ru

Иванова Роза Петровна – асп., асс. каф. логистики и управления Казанского национального исследовательского технологического университета; 420100, Казань, ул. Толстого, 8; сл. тел. (843) 231-43-13, e-mail: sveta516@yandex.ru

Ильина Лариса Айдаровна – декан инженерно-экономического факультета Самарского государственного технического университета; д.э.н.; доц.; 443100, Самара, ул. Молодогвардейская, 244; сл. тел. (846) 278-43-80; e-mail: smirnova_sb@bk.ru

Коробова Юлия Сергеевна – асс. каф. менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 245-11-64; e-mail: julia2511@bk.ru

Котельникова Мария Владимировна – асп. каф. педагогики и управления образовательными системами Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603600, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 220-25-23; e-mail: mariykotelnikova@yandex.ru

Мальцев Константин Геннадьевич – проф. каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.филос.н.; к.полит.н.; проф.; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-83-30; e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Мальцева Анастасия Александровна – асп. каф. биофизики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-32-15; e-mail: uippy@yandex.ru

Митрофанова Светлана Юрьевна – доц. каф. социологии и политологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева, доц. каф. социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета; к.соц.н.; 443100, Самара, ул. Циолковского, 1; сл. тел. (846) 279-03-36; e-mail: mit_s@mail.ru

Михайлова Вероника Валерьевна – преп. каф. экономической социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.социол.н.; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-84-13; e-mail: mihaylova.v.v@yandex.ru

Напалков Сергей Васильевич – доц. каф. прикладной информатики Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.пед.н.; 607220, Арзамас, ул. К. Маркса, 36; сл. тел. (83147) 9-40-36; e-mail: nsv-52@mail.ru

Незнакомцева Ольга Юрьевна – магистрант каф. математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603600, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-09-06; e-mail: vahalina2010@yandex.ru

Нестерова Лариса Юрьевна – доц. каф. физико-математического образования Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.пед.н.; доц.; 607220, Арзамас, ул. К. Маркса, 36; сл. тел. (83147) 9-40-36; e-mail: lar.nesterowa2011@yandex.ru

Никонов Алексей Юрьевич – рук. пресс-службы Нижегородской государственной медицинской академии; 603950, Н. Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1; сл. тел. (831) 439-02-95; e-mail: nikonov@nizhgma.ru

Осадчая Галина Ивановна – зам. директора Института социально-политических исследований РАН по научной работе; д.соц.н.; проф.; 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1; сл.тел. (499) 530-28-84; e-mail: osadchaya111@gmail.com

Панкратова Екатерина Владимировна – доц. каф. социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета; к.соц.н.; 153025, Иваново, ул. Ермака, 7а; сл. тел. (4932) 32-74-58; e-mail: e_v_pakratova@mail.ru

Перова Валентина Ивановна – доц. каф. математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.ф.-м.н.; доц.; 603600, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-09-06; e-mail: perova_vi@mail.ru

Пономарев Алексей Александрович – соиск. каф. экономической теории Поволжского государственного технологического университета; 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3; сл. тел. (8362) 68-60-40; e-mail: a.a.ponomarev@inbox.ru

Попов Максим Евгеньевич – проф. каф. социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета; д.филос.н.; доц.; 355000, Ставрополь, ул. Пушкина, 1; сл. тел. (8652) 33-02-21; e-mail: maximus.popov@gmail.com

Попова Светлана Владимировна – доц. каф. социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета; к.филос.н.; доц.; 355000, Ставрополь, ул. Пушкина, 1; сл. тел. (8652) 33-02-21; e-mail: s_popova80@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – проф. каф. социологии и религиоведения Российского государственного университета им. А.И. Герцена; д.филос.н.; 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корп. 20; сл. тел. (812) 312-99-25; e-mail: alpril@mail.ru

Рябоконь Мария Владимировна – асп. каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7; сл. тел. (831) 433-83-30; e-mail: mvr@unn.ru

Сироткина Надежда Геннадьевна – доц. каф. государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал; к.э.н.; доц.; 603155, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12; сл. тел. (831) 416-95-34; e-mail: nsirotkina@hse.ru

Смирнова Инна Николаевна – доц. каф. социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета; к.соц.н.; 153025, Иваново, ул. Ермака, 7а; сл. тел. (4932) 32-74-58; e-mail: kodina_inna@mail.ru

Смирнова Светлана Борисовна – нач. отд. работы с обучающимися и содействия трудоустройству выпускников Самарского государственного технического университета; 443100, Самара, ул. Молодогвардейская, 244; сл. тел. (846) 332-42-29; e-mail: smirnova_sb@bk.ru

Швец Ирина Михайловна – проф. каф. биофизики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.пед.н.; проф.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-32-15; e-mail: irina.shvets@hotmail.com

Щепара Антон Владимирович – нач. организационно-правового управления Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М.И. Глинки; 603950, Н. Новгород, ул. Пискунова, 40; сл. тел. (831) 419-83-83; e-mail: shepara@yandex.ru

Шкурко Юлия Святославовна – доц. каф. культуры и психологии предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.соц.н.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-09-30; e-mail: yushkurko@yandex.ru

Яшин Сергей Николаевич – зав. каф. менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; проф.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 245-11-64; e-mail: jashinsn@yandex.ru

Яшина Надежда Игоревна – зав. каф. финансов и кредита Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; проф.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 430-28-54; e-mail: sitnicof@mail.ru

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (44)

2016

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 31,2. Усл. печ. л. 27,1. Тираж 100 экз. Заказ № 1301.
Дата выхода в свет: 30.12.2016
Свободная цена

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г